

ЖЕНЩИНА
В
АНТИЧНОМ
МИРЕ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ
Российская ассоциация антиковедов

ЖЕНЩИНА В АНТИЧНОМ МИРЕ

Сборник статей

МОСКВА "НАУКА"
1995

ББК 63.3(0)3
Ж 56

Ответственные редакторы:

доктор исторических наук *Л.П. Маринович*,
доктор исторических наук *С.Ю. Сапрыкин*

Рецензенты:

доктор исторических наук *Е.С. Голубцова*,
доктор исторических наук *Н.А. Фролова*

Женщина в античном мире: Сб. статей. – М.: Наука, 1995. –
Ж56 275 с. Ил.
ISBN 5–02–009791–8

В сборнике впервые в отечественной науке поднимается вопрос о роли женщины в эпоху античности. Всесторонне освещается положение женщин в Спарте, Риме времен Ранней республики и начала Империи, в государствах Малой Азии и Северного Причерноморья. Выявляются различные аспекты активной роли женщин в период раннего христианства, в неожиданном ракурсе представлен образ Марии Магдалины.

Для историков, археологов и всех, интересующихся античностью.

Ж 0503010000–345 41–94, I полугодие
042(02)95

ББК 63.3(0)3

ISBN 5–02–009791–8

© Коллектив авторов, 1995
© Российская академия наук, 1995

ВВЕДЕНИЕ

Предлагаемая вниманию читателей работа посвящена женщинам в античном мире. Это первая специальная работа такого рода в отечественной античной науке. Написана она в форме сборника статей в рамках научной программы "Человек и общество в античности", что обусловило ее цели, задачи и характер. Авторский коллектив стремился доходчиво и убедительно раскрыть различные аспекты из жизни женщин в древности, показать их роль в государственном управлении, политической истории, осветить их социальный и общечеловеческий ракурс.

Тема роли женщин в античном мире не нова для антиковедения. В современной западной историографии она достаточно популярна, существует немало исследований различных сторон жизни и деятельности наиболее известных представительниц аристократической элиты, а также простых жительниц античных государств. Особо надо выделить интерес к женщине в связи с демографическими процессами в Древней Греции и Риме, их влиянием на политику царей, династов, императоров и других "сильных мира сего" в древневосточных, эллинистических царствах и Римской империи. Немало внимания уделялось культурологическим и общечеловеческим сторонам женского вопроса в античности, в том числе сексуально-этическим нормам жизни и поведения прекрасной половины человечества. Каждая из этих проблем в отдельности многообразна и сложна, а потому не может быть решена в единственном исследовании, так как требует фундаментального и многостороннего подхода. Многие из этого уже сделано и, надо признать, весьма успешно нашими зарубежными коллегами.

Наибольшее количество работ в западном антиковедении посвящено повседневной жизни женщин Древней Греции и Рима, их месту в организации семьи и воспитании детей. Исследователи стараются, как правило, связать эти вопросы с общей полисной структурой греческого общества, взаимоотношениями между различными слоями населения и государственной властью. Многие аспекты проблемы о месте женщины в политической структуре античного общества исследователи стараются рассматривать с точки зрения социально-экономических и общественно-политических отношений, а также сословной и имущественной дифференциации. В этой связи надо упомянуть работы Ч. Зелтмана,

К. Моссе, В. Цинзерлинга, С. Померой, С. Хамфрейз¹. Большое значение имеют исследования о месте и роли женщин в древнеримском праве и законодательстве², а также в социально-экономической и общественной жизни классического греческого полиса (Р. Фласельер, Дж. Гарднер)³. Важно отметить появление специального исследования Ф. Сартори о роли гетерий в политической жизни греков VI–V вв. до н.э., т.е. в период острой политической борьбы между олигархией, демократией и тиранией, и об их влиянии на победу тех или иных сил и партий⁴. Не остались без внимания и вопросы об участии женщин в политической и социальной борьбе в Римской республике в период гражданских войн (Б. Крек)⁵.

Не менее важное значение получили работы о месте и роли женщины в античном обществе в плане отражения их в общественно-философском сознании самих древних греков и римлян⁶. С этим аспектом перекликаются исследования, относящиеся к конкретным объектам, которые помогают всесторонне раскрыть суть женской природы и характера в том виде, в каком они запечатлены памятниками эпиграфики⁷, вазовой живописью, монументальной скульптурой и рельефами⁸, а также произведениями античной литературы⁹. Это, в свою очередь, стимулировало интерес к развитию эротики в античности, что напрямую связано с традиционным вниманием исследователей к проблемам семьи и брака в древности¹⁰. Данная сторона большой проблемы вплотную

¹ *Seltman Ch. Women in Antiquity*. L.; N.Y., 1956; *Mossé Cl. La femme dans la Grèce antique*. P., 1983; *Zinserling V. Die Frauen in Hellas und Rom*. Leipzig, 1972; *Pomeroy S. Goddesses, Whores, Wives and Slaves*. N.Y., 1975; *Humphreys S. The Family, Women and Death*. L., 1983.

² *Gardner J. Women in Roman Law and Society*. Bloomington, 1986.

³ *Flacelier R. Le féminisme dans l'ancienne Athènes*. P., 1971.

⁴ *Sartori F. Le eterie nella vita politica ateniese del VI e V secolo A.C.* Roma, 1967.

⁵ *Kreck B. Untersuchungen zur politischen und sozialen Rolle der Frauen in der späten Römischen Republik*. Marburg, 1975. Ср.: *Thompson J. Woman and War // Women's Studies International Forum*. N.Y., 1991. Vol. 14. N 1/2. P. 63–75.

⁶ *Ancient Women Philosophers*. 600 B.C. – 500 A.D. / Ed. M.E. Waither. Nijhoff, 1987.

⁷ *MacClees H. A Study of Women in Attic Inscriptions*. N.Y., 1920; *Lefkowitz M., Fant M.B. Women's Life in Greece and Rome: A Source Book in Translation*. Baltimore, 1982.

⁸ *Reflections of Women in Antiquity* / Ed. H. Foley. N.Y., 1981; *Images of Women in Antiquity* / Ed. A. Cameron, A. Kuhrt. Detroit, 1983; *Walters E. Attic Grave-Reliefs that Represent Women in the Dress of Isis*. Princeton, 1988; *Keuls E. History without Women: Necessity or Illusion // DHA*. 1986. N 12. P. 125–145; *du Bois P. Sowing the Body*. Chicago, 1988.

⁹ *John R. Dido und Charikleia: Zur Gestaltung der Frauen bei Vergil und in griechischen Liebesroman // Eirene*. 1987. С. 24. S. 21–33; *Helzle M. Mr and Mrs. Ovid // Greece and Rome*. 1989. Vol. 36, N 2. P. 183–193; *Seaford R. The Tragic Wedding // JHS*. 1987. Vol. 107. P. 106–130.

¹⁰ *Keuls E. The Reign of the Phallus: Sexual Politics in Ancient Athens*. Cambridge, 1985; *Sourvinou-Inwood Ch. A Series of Erotic Pursuits Images and Meanings // JHS*. 1987. Vol. 107. P. 131–153.

подвела ученых к анализу сексуально-этических аспектов религии и культовых обрядов у греков и римлян, их влияния на семейные отношения, морально-этические нормы поведения и сознание древних¹¹.

Традиционный для зарубежной историографии сюжет – брачная политика правителей и правительниц в эпоху эллинизма и Римской империи¹², а также политические портреты наиболее известных представительниц правящих династий и жен известных государственных деятелей¹³ – разрабатывался в последнее время, пожалуй, наиболее интенсивно. Именно в этом русле написано больше всего популярных и научно-популярных работ. Нельзя не отметить появление исследований по женским аспектам религиозных воззрений ранних христиан¹⁴. Таким образом, из этого очень беглого и далеко не полного обзора современной западной литературы (а мы не касались литературы, вышедшей в конце XIX – первой половине XX в.) о женщинах в античности следует, что многие вопросы уже достаточно хорошо изучены. Хотя не все из названных работ равноценны по своему вкладу в данную проблему, поскольку многие имеют описательный и даже справочный характер.

К сожалению, успехи отечественных исследователей в разработке этой тематики значительно уступают западным. Не случайно, что как до революции, так и в наши дни предпочтение в ее освещении отдавалось переводным работам зарубежных авторов¹⁵. И все же интерес к образу женщины в античности в начале XX в. у русских ученых был явно выше, чем в последнее время. Женщина в древности интересовала многих прежде всего как ключевая фигура семьи и брака. При этом в семейных отношениях античной эпохи пытались найти ответ на насущные вопросы равноправия женщин в дореволюционной России в ходе демократических преобразований¹⁶. Впоследствии женский вопрос

¹¹ *Brulé P.* La fille d'Athènes. P., 1987.

¹² *Seibert J.* Historische Beiträge zu den dynastischen Verbindungen in hellenistischer Zeit. Wiesbaden, 1967; *Vatin Cl.* Recherches sur le mariage et la condition de la femme mariée à l'époque hellénistique. P. 1970.

¹³ *Cost S.J.* Galla Placidia Augusta: A Biographical Essay. Chicago; L., 1968; *Schlüter R.* Die Bildnisse der Kaiserin Julia Domna. Münster, 1971; *Krawczuk A.* Kleopatra. Wrocław, 1969; *Turton G.* The Syrian Princesses: The Women who Ruled Rome A.D. 193–235. L., 1974; *Vinson M.P.* Domitia Longina, Julia Titi and the Linary Tradition // *Historia*. 1989. Bd. 38, N. 4. P. 431–450. Ср.: *Пуо О.* Из жизни римских императриц. М., 1991. Т. 1–2.

¹⁴ *Donaldson J.* Woman, Her Position and Influence in Ancien Greece and Rome and among the Early Christians. L.; N.Y., 1907; *Aspegren K.* The Male Woman: A Feminine Ideal in Early Church. Stockholm, 1990.

¹⁵ *Гуссе Г.* Знаменитые куртизанки древних веков: Азпασία, Клеопатра и Феодора. СПб., 1901; *Кравчук А.* Перикл и Аспασία. М., 1991; *Вардиман Е.* Женщина в древнем мире. М., 1990.

¹⁶ *Бузескул В.* Женский вопрос в Древней Греции. Харьков, 1905; *Варнеке Б.* Женский вопрос на афинской сцене. Казань, 1905; *Божемянов И.Н.* Женщины в Древней Греции. СПб., 1908.

поднимался антиковедами в таком же традиционном ключе: брак, семья, воспитание детей, семейные отношения и гражданство, семья и государственная власть¹⁷. Лишь изредка и в самой общей форме затрагивались проблемы повседневной жизни женщины в античности – мода, развлечения, обыденные занятия по дому и т.д.¹⁸ Однако эти стороны жизни не стали предметом специальных исследований, поскольку рассматривались как часть общих проблем социально-политических и социально-экономических отношений, либо в исключительно справочной форме изложения.

Другой аспект, привлекавший внимание наших античников в связи с проблемой "женщина в античности", касается изучения рабства и рабовладельческих отношений: социальный статус женщин-служанок, кормилиц, воспитательниц детей, а также женщин-вольноотпущенниц и женщин, которых отдавали в услужение богиням в качестве иеродул, т.е. прислуги или "жриц любви" в храмы. При этом многие были склонны считать их рабынями или полурабынями¹⁹.

Гораздо больше "повезло" античным женщинам со вниманием к ним современных ученых, когда речь заходит об античной лирике, поэзии и драматургии. Исследователи творчества Сапфо, Катулла, Аристофана, Плавта, Теренция, Менандра и других греческих и римских писателей и драматургов неоднократно поднимали вопросы любви, семьи, эмансипации женщин, женской красоты, характера, поступков, политической и социальной активности в зависимости от их постановки в античной литературе. Подходы к этим вопросам намечались самые разные: здесь и чисто филологический анализ произведений, и раскрытие образов героев и героинь и социальные мотивы поведения персонажей, и морально-психологические аспекты их поступков и привычек. Отмечалось, что посредством этих понятий античные писатели и поэты пытались отразить современные им устои жизни, политику и мораль. При этом женщина в их произведениях служила лишь фоном или аллегорическим мотивом для выражения более глубоких внутренних процессов и событий, происходивших в обществе²⁰.

Авторы сборника решили избежать этих традиционных для нашего антиковедения подходов и сконцентрировать основное внимание на малоизученных или совсем неизученных аспектах проблемы. Это, в

¹⁷ Сергеевко М.Е. Жизнь Древнего Рима. М.; Л., 1964. С. 192 и след.

¹⁸ Кнабе Г.С. Древний Рим – история и повседневность. М., 1986.

¹⁹ Ленцман Я.А. Рабство в Микенской и Гомеровской Греции. М., 1963. С. 270 и след.; Доватур А.И. Рабство в Аттике VI–V века до н.э. Л., 1980. С. 110 и след.; Периханян А.Г. Храмовые объединения Малой Азии и Армении. М., 1959. С. 120 и след.

²⁰ Деревицкий А.Н. Женщина в изображении греческого сатирика VII в. до Р.Х. // Сб. ст. по классической филологии. СПб., 1901. С. 34–47; Соболевский С.И. Аристофан и его время. М., 1957. С. 261 и след.; Шталь И.В. Поэзия Гая Валерия Катулла. М., 1977. С. 82 и след.

первую очередь, демографические и психологические моменты (статья Кривошты Н.А.), женский вопрос в Спарте (Андреев Ю.В.), положение женщин в римских провинциях (Колосовская Ю.К.), образ женщины в представлениях раннего христианства (Трофимова М.К., Свенцицкая И.С.), женщина в античных государствах Северного Причерноморья и др. На первый план была выдвинута задача дать исторический анализ роли женщины в различных сторонах общественной и государственной жизни, сконцентрировать внимание на общечеловеческом факторе как движущей силе прогресса и мотивации поступков и поведения реальных исторических фигур. Большое место в общей концепции сборника заняла также проблема "женщина и власть", которая недавно уже стала разрабатываться в нашем антиковедении²¹. Насколько удалось выполнить задуманное – судить нашему читателю.

²¹ Лубченков Ю.Н., Романов В.И. Женщина и власть: О Клеопатре, Мессалине, Агриппине Младшей, Поппее Сабине. Норд. Б.г., 1990.

В.А. Головина

"ЖЕНА ЦАРЕВА ВЕЛИКАЯ НЕФЕРТАРИ МЕРИТЕНМУТ"*

Весной 1992 г. был завершен один из самых блестящих по замыслу, организации и результатам международных реставрационных проектов: в ходе шестилетних работ были спасены практически обреченные на гибель – временем, природой и человеком – росписи знаменитой гробницы № 66 из Долины цариц (зап. Фивы), которые по общему признанию являют в своем роде лучший образец древнеегипетской настенной живописи. Проект, которому его авторы¹ дали по имени владелицы гробницы название "Нефертари", было бы только справедливо оценить словом "шедевр", имея в виду уровень профессионализма разработчиков и исполнителей, в полной мере соответствующий художественным достоинствам объекта его приложения. Став событием в египтологии и мировой практике реставрации, проект привлек к себе очень большое внимание специалистов и просто любителей древности; так или иначе на него откликнулись все крупные зарубежные периодические научные и научно-популярные иллюстрированные издания. Одним из прямых и предсказуемых следствий проекта стал подъем интереса к соответствующей эпохе древнеегипетской истории и, конечно же, к самой царице XIX династии Нефертари Меритенмут. Настоящая работа также в известной степени инициирована этим событием.

Гробница № 66 из Долины цариц явление в той же мере замечательное, что и сама личность ее владелицы: большинством египтологов обе почитаются за образец совершенства. Нефертари была главной и

* © В.А. Головина, 1995.

¹ У "Проекта Нефертари" было два основных разработчика: его инициатор, Египетская служба древностей (АРЕ), руководимая тогда д-ром А. Кадри, и Институт консервации Гетти (США), директором которого состоял в то время д-р Л. Монреал; в работе участвовали также сотрудники нескольких университетов АРЕ, США, Японии, Испании. Реставрационные работы осуществлялись под руководством четы специалистов-реставраторов П. и Л. Мора (П. Мора – прежде главный консерватор Института реставрации в Риме). Генеральным директором-координатором проекта был назначен д-р М. Корцо, нынешний директор Института консервации П. Гетти.

любимой супругой самого значительного фараона Нового царства – Рамсеса II, в длительной – шестидесятилетней² – правление которого Египет достиг одной из вершин своего расцвета. Его эпоха относится к одной из самых хорошо документированных в древнеегипетской истории; с именем самой его супруги Нефертари также так или иначе связано несколько сотен надписей, а монументальные изображения ее превосходят по размерам известные памятники всех существовавших когда-либо древнеегипетских цариц. Тем не менее оказывается, что известно о самой царице как будто бы не слишком много.

Позволим здесь себе маленькое отступление. В египтологической литературе последнего столетия время от времени высказывается в разных вариантах тезис (неизменно приводящий в изумление его авторов – например, Г. Масперо³, К. Бликера⁴, Л. Трой⁵ и др.) о том, что древнеегипетские царицы совершенно недостаточно привлекают к себе внимание исследователей, в силу чего самая их история остается ненаписанной. Ныне его можно только подтвердить: история древнеегипетского, так сказать, "царитствования" продолжает быть ненаписанной, и подавляющее большинство древнеегипетских цариц все еще остается "почти невидимым", если позаимствовать удачное определение из известного сборника о положении женщин в европейской истории⁶.

Объясняется этот феномен, однако, не отсутствием интереса к самому предмету и не "самодовольством" египтологов-мужчин (в чем был сильно склонен подозревать последних К. Бликер⁷), но самой спецификой этого института в древнем Египте, которая делает эту задачу в принципе едва ли выполнимой, особенно в ее "европейском" понимании – как самостоятельную (или хотя бы индивидуализированную) и последовательную историю супругов монархов или женщин,

² См.: *Petrie W.M.F. A History of Egypt. L., 1918. Vol. III: From the XIX to the XXX Dynasties. P. 39.*

³ *Buttles J. The Queens of Egypt. L., 1908 (Preface).*

⁴ *Bleeker Cl.J. The Position of the Queen in Ancient Egypt // The Sacral Kingship: Studies in the History of Religion. Leiden, 1959. Vol. IV. P. 262 f.*

⁵ *Troy L. Patterns of Queenship in Ancient Egyptian Myth and History // Acta Universitatis Uppsaliensis. Boreas: Uppsala Studies in Ancient Mediterranean and Near Eastern Civilizations. Uppsala, 1986. Vol. 14. P. 1.*

⁶ См.: *Becoming Visible: Women in European History / Ed. B. Bridenthal, C. Koonz. Boston et al., 1977. P. 1* (2-е изд., куда вошла статья Б. Леско о древнеегипетских женщинах, осталась автору недоступной).

⁷ *Bleeker Cl.J. Op. cit. P. 262.* В своих подозрениях он не одинок: так, издание гробницы Мерерука (см.: *Duell P. The Mastaba of Mereruka. Chicago, 1938. Vol. I-II*, в которой автором опущены все описания погребальных помещений супруги вельможи) Б. Леско характеризует как "biases of male researches in the 1930s" (*Lesko B. Women's Monumental Mark on Ancient Egypt // BA. 1991. 3. P. 10*).

облеченных титулом монарха. Проблема неминуемо возникает уже на терминологическом уровне: в древнеегипетском языке титул "царица" (*hm. t pjswt* – "жена царева") по содержанию своему, с одной стороны, – уже (исключает последний аспект), с другой – шире (обнимая собой большее число женщин-членов царской семьи); в каком-то смысле – он качественно иной, поскольку вмещает особые мифологические аспекты его проявления. Не углубляясь в эту проблему в рамках данной статьи, отметим лишь, как важные для нее, некоторые обстоятельства.

Парадоксальность ситуации заключается в том, что в общем о древнеегипетских женщинах, входивших в круг "царских", нам известно достаточно много. Соответствующие сведения, будь они связаны воедино, действительно составили бы корпус, "невероятный"⁸ по своим размерам. "Регистр А" упомянутой выше работы Л. Трой учитывает более трех с половиной сотен древнеегипетских женщин, титулы которых включают их в круг царских. Нам известно также, что женщины эти в общем занимали высокое и почитаемое положение, что, с одной стороны, объясняется самой их близостью к обожаемой личности фараона, с другой – отчасти влиянием мифологических представлений, в которых женские божества выступали (в разных версиях) как прародительницы фараона, отчасти представлений о наследовании власти (а может быть, и самой божественной природы ее) по женской линии⁹. Мы знаем, что царицы владели собственным имуществом, в том числе – отдельными дворцами, могли занимать храмовые должности, включая важнейшие, и получать за их отправление натуральную плату, порой огромную. Знаем, что некоторым из них посвящались храмы, культ других, посмертно обоженных, поддерживался столетиями. Знаем также, что в отдельные эпохи древнеегипетские царицы могли занимать исключительно высокое положение при своих супругах-фараонах, заставляющее нас подозревать и соответствующую меру их личного влияния. Говоря о положении древнеегипетских цариц, Л. Коттрелл¹⁰ в свое время заметил, что те могли разделять жизнь своих супругов до пределов, "немыслимых" для классических греков или, добавим, в большинстве древнеближневосточных обществ. Это, несомненно, справедливо и в отношении не-царских женщин, принадлежащих к верхним слоям общества (судя, например, по сюжетам "бытовых сцен" – там, где они допускались современной им "концепцией" гробницы) и, возможно, древнеегипетских женщин в целом (т.е. в том числе и для тех, для кого привилегия обладания частной гробницей

⁸ См.: Lesko B. Op. cit. P. 4; LÄ. II. 280–285.

⁹ См., однако: Griffith G. Origin of Osiris // MÄS. 1966. Vol. 9. P. 8 ff; 136; Robins G. A Critical Examination of the Theory That the Right to the Throne of Ancient Egypt Passed through the Female Line in the 18th Dynasty // GM. 1983. 62. P. 67–77.

¹⁰ Cottrell L. Queens of Pharaohs. L., 1956. P. 187.

всегда оставалась недостижимой): судя по источникам, их общий высокий статус, равенство их с мужчинами (прежде всего, в имущественных правах) перед законом¹¹ всегда составляло характерную черту древнеегипетской общественной организации¹². Вместе с тем, как справедливо отмечают исследователи¹³, несмотря на это равенство в правах, сфера социального проявления женщин в целом в обществе была иной; что же касается цариц, то их социальные функции, как и сами формы, в которых они реализовывались, всегда были специфическими.

Для той роли, в которой в источниках выступают царицы, всегда характерны несколько особенностей, которые можно обозначить как ее мифологизированность, комплементарность и коллективность. Образы, в которых они себя являют (эпиграфически и иконографически), отражают, как правило, не столько их индивидуальные свойства или индивидуальную норму поведения, сколько их особые функции в пределах того, что можно бы обозначить как концепция божественной власти. Эти функции, как показала в своей упоминаемой выше любобпытной работе Л. Трой, были многоуровневыми – связанными с идентификацией царицы с ее мифологическим "женским прототипом" (в частности, с богиней Хатхор), с ее особо понимаемой ролью продолжательницы рода – внутри семьи, вмещающей несколько поколений при допустимости их комбинаций, наконец, с тем, что она являла собой воплощение женского начала в дуалистической модели божественной власти и царства вообще. В пределах каждого уровня роль царицы оказывалась включенной в формулу особых отношений: например, оппозицию мужское/женское, которая, пронизывая всю древнеегипетскую мифологию, оказала сильнейшее влияние на формирование мировосприятия египтян вообще, в том числе и на их представления, связанные с царской властью. Осмысливаемая в этих категориях роль царицы всегда выступала как дополнительная к роли доминирующего мужского элемента, а ее социальные и индивидуальные проявления реализовывались, как правило, через эту доминанту – самую личность царя, причастность к его культу, соответствие его иконографическому облику, титулатуре и др. Показательно, что в иные исторические эпохи даже самое царицыно имя – в глазах египтян неотъемлемая и важнейшая часть сущности человека – как бы вообще перестает существовать вне этой связи: например, в конце Старого царства (VI–VII дин.) оно могло быть выражено названием пирамиды соответствующего монарха, позже (XII дин.) – титулами, в том числе – обозначающими

¹¹ См. об этом: *Ward W. Essays on Feminine Titles of the Middle Kingdom and Related Subjects*. Beirut, 1986. P. 39 ff; P. 137. Not. 20.

¹² См.: *Pestmann P.W. Marriage and Matrimonial Property in Ancient Egypt*. Leiden, 1961. Passim; *Legacy of Egypt / Ed. J. Harris*. Vol. II. Oxford, 1971. P. 301 ff; *Allam S. // Bior*. 1969. Vol. 26. P. 155 ff; *Idem. // JEA*. 67. P. 115 ff; *Idem. // JESHO*. 1990. Vol. 33. Pt. 1.

¹³ См., например: *Ward W. Op. cit.* P. 60.

степень близости к последнему¹⁴. И впоследствии (после XII дин.), когда право на имя собственное было как будто бы обретоно, отдельные царитские имена все еще заставляют подозревать их "титудатурное" происхождение (см. ниже). О.Д. Берлев как всегда очень пронидательен в своем предположении, что и появление при имени царицы особых возвеличивающих титулов, и даже заключение его в картуш (с концом II Переходного периода) в конечном счете служило способом возвеличивания не столько царицы, сколько ее царственного супруга¹⁵. Даже оказываясь в силу исключительных обстоятельств во главе государства и получая божественную филиацию, т.е. титул "дочери Ра", царица являла собой не что иное, как женскую ипостась Хора (= царя), облакалась титулом "царя Верхнего и Нижнего Египта", который подтверждался и соответствующими ему внешними атрибутами. Несмотря, далее, на существование мифологической моногамной модели и, может быть, моногамии как наиболее распространенной формы брачных отношений в древнеегипетском обществе в целом¹⁶, в царских семьях практиковалась полигамия¹⁷. При этом термин "царица", который наше его понимание суживает в общем до применения к одной индивидуальной личности, стоящей в определенных отношениях к монарху, в древнеегипетском включал в себя целый слой женщин из царской семьи и мог покрывать собой целый спектр семейных отношений, в том числе – кровнородственных в своей основе. Сопровождаемый набором дополнительных титулов, он мог быть включен в сложную систему соподчинения внутри царской семьи, которая вместе с тем сама по себе не исключала возможности сосуществования нескольких лиц с одинаково высокими титулами и теоретически равными правами (например, на роль матери наследника). С этой точки зрения роль цариц как бы включалась в другую формулу отношений – индивидуальное/коллективное: в сущности, в своем индивидуальном проявлении она всегда предполагала за собой некий коллективный фон (проступающий или скрытый от нас) и в какой-то мере роль ее была коллективной и репрезентативной.

¹⁴ См. об этом: Берлев О.Д. Общественные отношения в Египте эпохи Среднего царства. М., 1978. С. 57 и след.

¹⁵ Там же. С. 58.

¹⁶ См.: Schulman A.R. // JNES. 38. P. 177 ff. Ward W. Op. cit. P. 57–58.

¹⁷ Как полагает Уорд (Ward W. Op. cit. P. 58), полигамия была введена в практику царских семей лишь начиная с XVIII династии и только как средство международной дипломатии. Не обсуждая здесь этой проблемы в целом, сошлемся лишь на пример соответствующих отношений в самой семье Рамсеса II: кроме двух хеттских царевен, брак с которыми можно действительно отнести к категории дипломатических, его женами были также его младшая сестра, а также три дочери от двух жен (см. ниже): последние были браками реальными, поскольку по крайней мере в одном из них был рожден ребенок (см.: РМ. I. 2. 767: II, 13). Так что в данном случае можно скорее подозревать стремление монарха "замыкать на себя" династическую линию.

Эти особенности социальной роли древнеегипетских цариц имеют своим следствием то, что даже при наличии обилия источников соответствующего характера, сама личность подавляющего их большинства остается практически невидимой: она либо выступает в качестве манифестации мифологических первооснов, либо растворена в личности правящего монарха, либо с трудом вычленима из многочисленного слоя царских женщин. Лишь немногим из них, единицам, удастся "проступить" яснее – в силу необычных обстоятельств внешней или внутренней истории, особой отмеченности персональной судьбы или исключительности самой личности. Среди этих немногих – царица Нефертари, индивидуальность и редкостное обаяние которой сумели отразить современные ей источники и под влияние которых неминуемо попадают все, кто так или иначе вторгается в эпоху правления третьего фараона из династии Ремессидов.

Мы мало что знаем о жизни Нефертари за пределами того времени, когда она была главной царицей Рамсеса II. О ее происхождении почти ничего не известно. Отсутствие при ее имени титулов *s' pjswt* "дочь царева" или *sn.t pjswt* "сестра царева" обычно толкуется как безусловное свидетельство того, что царской крови она не была. С этим скорее всего следует согласиться, хотя и небезынтересно вспомнить носящее характер парадокса замечание Ю.Я. Перепелкина, касающееся происхождения Нефертити: добавление к имени той титула "дочь царева" он полагал не только не обязательным, но и "быть может, неуместным"¹⁸, имея в виду необыкновенно высокое положение царицы при Эхнатоне (вполне, как мы увидим ниже, сравнимое с положением самой Нефертари при Рамсесе II). С другой стороны, принадлежащий Нефертари титул *ij.t-p't* (точнее: *ij.t-p't n t' nb*) обычно используется как аргумент в пользу благородного статуса и семьи. Действительно, титул этот (коррелят мужского высокого придворного титула) свидетельствует очень высокое социальное положение носительницы: начиная с VI династии он входит в титулатуру (обычно открывая ее) многих царских женщин (последней его носительницей была, кстати, царица Клеопатра VII). Дословно смысл его можно передать как "относящаяся к знати" (если следовать О.Д. Берлеву в его понимании термина *p't*¹⁹); общепринятый перевод термина "знатный" иногда с уточнением "(наследственно) знатный". Двойственность перевода отражает суть проблемы интерпретации титула. Как показал в свое время А. Гардинер, из нескольких значений мужского титула (см.: Wb. II. 415;

¹⁸ Перепелкин Ю.Я. *Кэфе и Семнех-ке-рэ: К исходу солнцепоклоннического периода в Египте.* М., 1979. С. 17.

¹⁹ Берлев О.Д. *Трудовое население Египта в эпоху Среднего царства.* М., 1972. С. 97–98.

Нефертари и богиня Исида. Роспись гробницы Нефертари

CD. 148) к рамессидскому времени несомненно уцелевает только одно – "царевич-наследник"²⁰. В каких-то случаях можно утверждать, что и женский коррелят содержит в себе аналогичный специфический оттенок (например, у Хатшепсут в предшествующей династии; Urk. IV. 224. 10), однако в большинстве случаев остается не вполне очевидным, унаследован ли титул *ij.t-p't* его владелицей или же получен ею в качестве почетного (например, в замужестве – как обозначение ее сакральных или иных функций²¹). Так, у первой его староцарской держательницы жрицы Небет, носившей высокий титул "украшения царева", и бывшей матерью цариц, он был скорее всего почетным. Из исследования У. Уорда становится совершенно очевидно, что, например, в эпоху Среднего царства титул использовался весьма широко, в том числе – многими "нецарскими" носительницами и несомненно носил характер почетного, отражавшего скорее их положение "по мужу"²². По той же причине присутствие титула *ij.t-p't* в составе титулатуры Нефертари само по себе вряд ли способно подтвердить высокое социального положение ее родителей. О последних, кстати, в источниках нет никаких сведений. Хотя гипотезы на этот счет существуют. Одна из последних

²⁰ АЕО. I. 72. 14*.

²¹ См. обсуждение проблемы: Troy L. Op. cit. P. 133 ff.

²² Ward W. Op. cit. P. 46; см. также: Murnane W. Ancient Egyptian Coherencies. Chicago, 1977. P. 50. Note 105.

делает ее дочерью Эйе, мужа кормилицы Нефертити Тийи, будущего фараона (который в свою очередь оказывается родственником Иуйа, деда Эхнатона по материнской линии) и к тому же – младшей сестрой цариц Нефертити и Мутнеджемт (супруги Хоремхеба)²³. Эта версия основывается на двух фактах: прежде всего, находке в почти полностью разграбленной гробнице Нефертари фаянсовой пломбы, надписанной тронным именем фараона Эйе (найденная в ходе раскопок Э. Скиапарелли, она ныне хранится в Египетском музее Турина); во-вторых, использовании в одной из гробничных надписей Нефертари формы "Атон", а не "Амон" в обозначении имени солнечного божества, что должно как будто бы указывать на связь с традицией Амарны. Свидетельства эти очень интересны, однако оба могут носить случайный характер (например, единожды встречаемая форма *in* вполне может быть опiskeй, хоть и весьма симптоматичной). Самая гипотеза кроме того вызывает сложности хронологического порядка.

Неизвестно также, откуда Нефертари была родом. Полная форма ее "царитского" имени Нефертари Меритенмут" – "Нефертари-любимая-Мут" как будто бы содержит намек на связь носительницы с Фивами, центром почитания этой коршуноголовой богини. Однако и здесь возможно иное объяснение, связывающее эту часть имени с принадлежностью ей уже как царице важнейшего женского жреческого титула "супруга бога (Амона)" (см. ниже), каковой, как известно, была входившая в фиванскую триаду Мут.

Вполне возможно, что и самого имени собственного царицы мы также не знаем. В зависимости от толкования нисбы-*irj* перевод самой формы *Nfr.t.-irj* допускает несколько вариантов: "Die Schönste davon" или "Die Schönste von ihnen"²⁴; "The Most Beautiful (Woman)"²⁵; (никак, однако, не "The Beautiful Companion"²⁶) или, возможно, "The Very Best"²⁷, если иметь в виду (как это делает Г. Гедике), что *nfr* может содержать в себе обозначение не только физической красоты, но и неких высоких духовных качеств. Имя Нефертари супруга Рамсеса II носила не единственной и не первой: изначальной его царственной обладательницей была Яхмос-Нефертари, супруга фараона Яхмоса и прародительница XVIII фиванской династии, в этом качестве обожествленная и ставшая покровительницей всего фиванского некрополя²⁸. Как

²³ *Hari R. Mout-Nefertari, épouse de Ramses II: Une descendante de l'héroïque Ai? // Aegyptus. 1979. Vol. 59. P. 3–7; Bianchi R.S. // In the Tomb of Nefertari: Conservations of the Wall Paintings. Santa Monica, 1992. P. 43.*

²⁴ *Ranke H. Ägyptischen Personennamen. Bd. I. S. 201 (16); Bd. II. S. 176.*

²⁵ *Albrigh G. // JNES. 1946. Vol. 5. P. 17.*

²⁶ *Cottrell L. Op. cit. P. 186.*

²⁷ *Nofretari: Eine Dokumentation der Wandgemälde ihres Grabes / Einleit. G. Thausing, Kommentar. H. Goedicke. Graz, 1971. P. 32. (Далее: [Goedicke] Nofretari.)*

²⁸ *Cernj J. // BIFAO. 1927. Vol. 27. P. 159 ff.*

полагают многие, это не случайное совпадение имен, но обозначенная преемственность: супруга Рамсеса II могла быть названа *в честь* своей знаменитой предшественницы. Эта гипотеза связывается с особенностями династической истории Рамессидов. Как известно, основатель династии не состоял в родстве с предшествующим фиванским династическим домом и вообще в известном смысле был "чужаком". Его преемники предпочитали север страны в качестве места своего обитания (сначала – старинный Мемфис, потом – построенный практически на месте гиксосского Авариса блестящий Пер-Рамсес) и не переставали чтить Сета в качестве своего родового бога, но вместе с тем за Фивами сохраняли значение столицы государства, а за их верховным божеством Амоном – статус общегосударственного. Рамессиды всячески старались подчеркнуть свою связь с фиванской традицией и, возможно тем самым – законность преемственности власти. Они стремились подчинить максимально фиванское жречество, прежде всего – богатейшего и влиятельнейшего храма Амона Фиванского. Отношение с ним складывалось непросто: например, в самом начале правления Рамсеса II в среде последнего существовала оппозиция: как следует из текста Абидосской надписи (к которой мы будем ниже неоднократно обращаться) одним из первых государственных актов молодой фараон сместил ранее назначенного, но, видимо, неугодного ему, верховного жреца Амона и – как бы по воле бога – заменил его своим ставленником. Вполне возможно, что подчеркнутое имя супруги фараона, вызывавшую стойкую ассоциацию с фиванской традицией, могло способствовать целям фараона²⁹. В таком случае мы должны предполагать, что самое свое имя Нефертари могла получить уже *в браке*. Заметим, что у его первой носительницы оно скорее всего не было собственно именем, но скорее родом *почетного титула*³⁰.

Не знаем мы точно и того, когда и при каких обстоятельствах Нефертари стала супругой фараона. Два памятника – скальная часовня Рамсеса II в Джебель Сильсиле³¹ и гробница упоминаемого выше ставленника Рамсеса II – верховного жреца Амона Фиванского Небуненефа II в Дра эль-Нага³² как будто бы надежно датируют ее существование в качестве великой царицы уже в I-ом году правления ее супруга как фараона. Вместе с тем рельефы из храма Сети в Бейт Эль-Вали в Нубии, изображающие военные кампании египтян в правление последнего, среди прочих запечатлевают не только самого Рамсеса в

²⁹ Напомним, что "открыватель" рамессидской эры, Рамсес I, также принял тронное имя Менпехтира ("Устойчивость мощи – Ра"), структурно повторяющее имя основателя XVIII фиванской династии Яхмоса – Небпехтира ("Владыка мощи – Ра").

³⁰ [Goedicke] Nofretari. P. 33.

³¹ LD. III. 175 c; PV. V. 217.

³² PM. I. 1. 267(8); Borchard W. // ZÄS. 1931. LXVII. Taf. I, II. S. 29–31.

бытность его царевичем, но и старшего сына (или сыновей – см. ниже) этой пары³³, из чего следует, что самое замужество Нефертари должно было *предшествовать* воцарению Рамсеса II³⁴. Из надписи Рамсеса II, помещенной им в Абидосский храм своего отца Сети I (так называемой Большой посвяtitельной) известно, что Сети I официально ввел его в ранг своего соправителя. При этом, как сообщает Рамсес II, среди прочих знаков своего нового статуса он был наделен собственными апартаментами с "женской царской челядью, подобной красавицам царского дворца; выбрал для меня он (= царь, Сети I) женщин по (всей стране?), наложниц (или: музыкантш³⁵) для... женщин гарема, спутниц³⁶"³⁷. Вполне возможно, что в числе этих женщин могла быть и Нефертари.

К сожалению, абсолютная и относительная датировка этого события, а, следовательно, и возраст ее участников точно не известны: в длительном правлении Рамсеса II этот период вообще наименее ясен. О самом соправлении и своем возрасте Рамсес II сообщает впоследствии в двух надписях. В Абидосской посвяtitельной (от первого года его правления) он говорит следующее: "Это Менмаатра (= Сети I), кто вскормил меня, возвеличил меня сам Владыка Всего, (когда) я был ребенком (*hrd.w*), (еще до того, как) утвердился я в правлении. (Еще когда) был я в яйце, дал он мне землю (= страну). Вельможи целовали передо мной землю, (когда) был назначен я сыном старшим (*s' smsw*) и наследным царевичем (*irj-p't*) на троне Геба. Докладывали (о делах) Обоих Земель (= Египта) мне как командиру пешими и колесничими войсками. (Когда) воссиял (*h'jj*) отец мой перед народом, был я ребенком (*sfj*) в руках его. Сказал он в отношении меня: "Воссияйте его (*šh'jsw*) в качестве царя, (чтобы) увидел я красоту (его, пока) я жив". ...Придворные укрепили двойной венец на моем лбу. "Укрепите Великую (= урей)³⁸ на его голове", – сказал он, (когда) был он на земле (= когда был он жив)..."³⁹. Кубанская стела (от 3-го года правления Рамсеса) устами его царедворцев подтверждает эти факты его биографии: "... (еще) будучи в яйце, (был ты) на месте твоём в качестве ребенка-наследника (*hrdw irj-p't*)...". О делах Обоих Земель сообщалось тебе, когда был ты ребенком с локоном (юности)... (когда) был ты ребенком 10 лет, действовал ты в качестве командующего вой-

³³ Roeder G. Der Felsentempel von Bet et-Wali. (Le Caire), 1938. Taf. 22, 23, 25, 31.

³⁴ Borchart W. // Op. cit. P. 29–30; Seele K. Coherency of Ramses II and Sety I and the Date of the Great Hypostyle Hall at Karnak. Chicago, 1940. P. 38–40; Murnane W. Op. cit. P. 69.

³⁵ f'j-hnrjw. См. DLE. II. 184. Cp.: Wb. III. 298, 2–3.

³⁶ О термине *hnmst*, см.: DLE. II. 182.

³⁷ KRI. II. 1. 328. 4–6; PM. VI. P. 3(34).

³⁸ DLE. I. 120.

³⁹ KRI. II. 1. 327. 12–328. 4.

ском..."⁴⁰. Само событие подтверждает, как обычно полагают, один из рельефов заупокойного храма Сети I в Курне, на котором Рамсес запечатлен в короне *атеф*, колена преклоненным перед Амоном; к верховному божееству его подводит Мут; за тронем Амона изображены Хонсу и Сети I⁴¹: сюжет обычно толкуется как изображение акта введения в соправление царевича-наследника Рамсеса фиванской триады в присутствии его отца-фараона⁴².

Комментирование Абидосской и Кубанской надписей (и некоторых других, связанных с ними источников) с точки зрения хронологии соправления Сети I и Рамсеса II породило огромную литературу и дискуссию, которая длится уже столетие. Проблема заключается прежде всего в том, что неизвестно, когда родился Рамсес, и существует несколько гипотез относительно того, как долго правил Сети I⁴³: уже при этих изначальных условиях данные Кубанской стелы (и параллельные им по смыслу сведения Абидосской) о 10-летнем возрасте царевича, способны сами по себе дать несколько вариантов решения вопроса о начале и длительности периода их совместного правления. Дело, однако, осложняется тем, что событие, применительно к которому возраст Рамсеса обозначен, в свою очередь понимается по-разному: если К. Силя⁴⁴ и К. Китчен⁴⁵ видят в нем действительно введение в соправление, У. Марнейн⁴⁶ склонен толковать его как введение царевича лишь в статус наследника, а Дж. Шмидт⁴⁷ вообще относит его к восшествию на престол самого Сети I. Сложность составляет также и сама хронология основных источников, освещающих начальный период жизни Рамсеса-царевича: все они (включая Абидосскую и Кубанскую надписи, датированы "задним числом" – соответственно 1-м и 3-м годом его правления – кстати, понимаемого также по-разному: в качестве фараона или же соправителя⁴⁸) не современны изображаемому событию. За редким исключением, они (храмовые рельефы и надписи) происходят из храмов (в Бейт эль-Вали, Сети I в

⁴⁰ Ibid. II. 2. 236. 4-6.

⁴¹ LD. III. 150 c; PM. II², 417(102).

⁴² См. иначе: *Murnane W.* Op. cit. P. 62.

⁴³ См., например: *Petrie W.M.F.I.* A History... P. 10 (9 лет, возможно, 20 или 26 лет); *Reisner G.A., Reisner M.B.* // ZÄS. 1933. Bd. 69 (11 лет); *Bierbirier M.* // JEA. 1972. Vol. 58. P. 303 (более 15 лет). Обсуждение общих проблем хронологии этого периода см.: *Hornung E.* Untersuchungen Zur Chronologie und Geschichte des Neuen Reiches. B., 1944; *Kitchen K.* // CdÉ. 1965. 40. P. 310 ff.

⁴⁴ *Seele K.* Op. cit. P. 27 ff.

⁴⁵ *Kitchen K.* Pharaohs Triumphant: Life and Times of Ramesses II. Warminster, 1982. P. 27 ff.

⁴⁶ *Murnane W.* Op. cit. P. 59.

⁴⁷ *Schmidt J.* Ramesses II: A Chronological Structure of His Reign. Baltimore, 1970. P. 165.

⁴⁸ *Schmidt J.* Op. cit.; *Murnane W.* Op. cit. P. 85. См., однако: *Kitchen K.* // JEA. 1965. 65. P. 254.

Абидосе, Курне, Большого гипостильного зала в Карнаке), строительство и декорирование которых было начато в правление Сети I, а завершено при Рамсесе II: при этом часть событий, имевших место в правление первого (и в бытность его сына, стало быть, просто царевичем-наследником или соправителем) излагает *post factum* уже второй, но уже в качестве фараона. Это заставляет подозревать некоторую искусственность их композиции вообще, а в частности – смещение временных акцентов⁴⁹. Однако проблема еще сложнее: в каждом отдельном случае степень причастности "авторов" к тому или иному источнику может быть не очевидна: формулы dj ḥn/m' ḥrhw при имени Сети I (как и некоторых других действующих лиц этих событий), которые – если их понимать буквально – должны обозначать живо было или нет данное лицо в момент изображаемых событий, могут быть здесь подчинены их "историческому" употреблению⁵⁰.

К сожалению, попытки решить проблему иными путями – например, искусствоведческим анализом, построены на различии типов рельефов (предпочтительно "высоком" по преимуществу при Сети I и "врезанном" исключительно при Рамсесе II), а также текстологическим, основанном на временной привязке "короткого" и "длинного" имен Рамсеса, не дают однозначных решений.

В свое время эта крайняя противоречивость основных источников (наложенная, к тому же, на ошибочно истолкованную деталь одного из карнакских рельефов⁵¹) привела Дж. Брэстеда к заключению, что вообще все сведения о начальном периоде жизни Рамсеса-царевича (в том числе – и касающиеся соправления) являются позднейшей фальсификацией последнего, предпринятой для того, чтобы скрыть узурпацию им власти⁵². Его гипотеза имела сторонников⁵³, хотя должна была бы предполагать собой подделку в гигантских масштабах. Впоследствии подлинность самих событий была доказана⁵⁴, однако это едва ли не единственное, в чем согласны исследователи проблемы

⁴⁹ Seely K. Op. cit. P. 36–38. См. также: Gardiner A. Egypt of Pharaohs. L., 1961. P. 445.

⁵⁰ См.: Seely K. Op. cit. 36–48; Murnane W. Op. cit. P. 267 f.

⁵¹ Дж. Брэстед полагал, что фигура Рамсеса "закрывает" собой первоначально изображенного гипотетического старшего сына Сети I и его истинного наследника. Как оказалось впоследствии, он был прав, подозревая самое последнее исправление, однако ошибся в толковании его характера: прежде там был изображен один из военачальников. См.: Murnane W. Op. cit. P. 60–61.

⁵² Breasted J. // ZÄS. 1899. XXXVIII. S. 130 ff. BAR. III. 123 ff, 257 ff.

⁵³ См., например: Petrie W.M.F. A History... P. 40; Edgerton. W. The Thutmosid Succession, Chicago. 1933. P. 31 etc.

⁵⁴ Один из наиболее убедительных аргументов – стела № 250 из Серабит эль-Хадим (Gardiner A., Peet T., Černy J. The Inscriptions of Sinai. L., 1952. Vol. I. Pl. LXVIII; L., 1955. Vol. II. P. 176–177), на которой Сети I и Рамсес изображены с царскими инсигниями, имена обоих заключены в царские картуши, однако титул младшего обозначен как "царский сын его (=Сети I)". См.: Murnane W. Op. cit. P. 62.

соправления. К настоящему времени существует несколько основных гипотез относительно его хронологии: К. Си́ли (*Seele K. Coherence*. 1940) полагает, что Рамсес был коронован в возрасте несколько более 10 лет; между этим событием и началом его правления как фараона прошло, возможно, до 10 лет; Дж. Шмидт (*Schmidt J. Ramesses II...* 1970) считает, что на 10-м году жизни Рамсеса его отец Сети I взошел на престол, который занимал в течение 11 лет. На период их совместного правления пришлось 3+х года. Отсчет правления Рамсеса был начат с момента соправления. По мнению У. Марнейна (*Murnane W. Coherencies*. 1977), в возрасте 10 лет Рамсес получил титул наследника, который продолжал носить вплоть до 9-го года правления своего отца-фараона, находившегося у власти в общей сложности 11 лет. Отсчет правления был начат с периода соправления. Наконец, К. Китчен (*Kitchen K. Pharaoh ...* 1942) считает, что на 7-м году правления Сети I 10-летний царевич-наследник был введен своим отцом в соправители – учитывая юный возраст, скорее формально, для поднятия престижа, чем реально; на период соправления пришлось около 7–8 лет.

Таким образом, возраст Рамсеса при смене им Сети I на престоле полагается равным от 17–18 до $20+x < 5$ лет, при этом "1-й год" его правления (как бы он ни трактовался – в рамках соправления или по его окончанию), т.е. время, когда Нефертари уже была его великой царицей, приходится в большинстве гипотез на его 17–18-летие. Как говорилось выше, к этому времени у Нефертари и Рамсеса был по крайней мере один сын-первенец, Амонхерунемф. Этот ребенок способен, казалось бы, поставить под вопрос приведенные выше выкладки: бейтэльвалийские рельефы запечатлевают его, в также его младшего брата (родного или полуродного – по отцу, см. ниже) Хаеумусета в виде подростков с локонами юности *на колесницах в сцене боя* вместе с отцом, тогда еще царевичем⁵⁵. Возраст этих "бейтэльвалийских" братьев составляет одну из ключевых проблем, связанных с хронологией раннего периода жизни Рамсеса, и в силу этого неоднократно служил предметом обсуждения. Ныне, как представляется, наибольшую поддержку имеет гипотеза К. Си́ли, который понимает самый сюжет рельефа как изображение не реального сражения, но скорее сцены триумфа Рамсеса: присутствие на нем детей последнего выражает идею приобщения их к успеху. Что же касается их конкретного возраста, то он, по мнению Си́ли, несомненно преувеличен по соображениям престижа: в реальности их возраст на момент событий должен был быть младенческим⁵⁶. Таким образом, гипотеза о 17–18-летнем возрасте Рамсеса, который приходится на "1-й год" его правления, вполне состоятельна. По всей видимости, при браке с Нефертари он

⁵⁵ Roeder G. Der Felsentempel. Taf. 22, 23, 25, 31. PM. VIII. 23 (6).

⁵⁶ Seele K. Op. cit. P. 36–38.

был несколькими годами (учитывая возможный возраст Амонхерунемефа) младше; Нефертари должно было быть по крайней мере столько же лет, если не меньше: стало быть, она должна была стать его супругой скорее всего подростком.

Не знаем мы точно и того, когда Нефертари умерла. К сожалению, она не появляется ни в одном датированном памятнике поздних лет. Некоторые косвенные сведения можно получить из абусимбельских храмов. При возведении Большого храма Рамсеса II, построенного в честь Ра-Харахти, Нефертари была жива, что как будто бы следует из формы славословия при ее имени ("да живет она"). Однако единожды в надписях мелькает титул *hm.t njswt* "царица" при имени одной из царевен, Бинт-Анат⁵⁷ (рожденной от брака с царицей Исетнефрет, см. ниже); возможно, это означает, что к концу строительства Нефертари уже не было в живых. Малый абусимбельский храм также начал возводиться при жизни Нефертари (возможно, она имела какое-то отношение и к его замыслу): как справедливо замечает Гедике⁵⁸, об этом должен свидетельствовать сам характер сооружения: он не царицын заупокойный, но посвящен изначально местной ипостаси богини Хатхор-Ибшекской, которую в известной мере воплощает царствующая супруга фараона; будь Нефертари к этому времени мертва, на изображениях в храме должна была бы присутствовать ее преемница. Мы знаем, что сама великая царица совершила совместно с Рамсесом и старшей их дочерью далекое путешествие в Нубию, чтобы присутствовать на посвящении ей этого храма. Сведения об этом сохранила стела "царского сына Куша" (т.е. наместника царя в Нубии), "начальника южных земель" Хеканахта⁵⁹, где он изображен колена-преклоненным перед царицей. Однако в верхнем регистре этой стелы жертвоприношения богам совместно с Рамсесом совершает уже их старшая дочь Меритамон, занявшая ее место пока лишь как царица...⁶⁰

Общий тон большей части посвячительных надписей на опорных столбах фасада Малого абусимбельского храма свидетельствует о том, что они, судя по всему, были сделаны тогда, когда Нефертари могло уже не быть на свете, однако начало посвящения, возможно, прижизненно: "царь Верхнего и Нижнего Египта Усермаатра Сетепенра, сын Ра собственный его, Амон-Рамсес, любимый Амоном, да живет он, подобно Ра, вечно... храм этот великий для жены царицы великой Нефертари Меритенмут, из-за любви к которой восходит солнце, да

⁵⁷ PM. VII. 105; III. с (без титула); KR. III. 1. 756. 11.

⁵⁸ См.: [Goedicke]. Nofretari. P. 31.

⁵⁹ PM. VIII. 118 (17); KRI. III. 1. 71. 1–10. См. также: Reisner G. // JEA. VI. 1920.

⁶⁰ KRI. III. 1. 71. 7.

живет она... Царь Верховного и Нижнего Египта Усермаатра Сетепенра сделал храм (этот) в Нубии в качестве работы для вечности... Сделал царь Верхнего и Нижнего Египта для жены царицы великой Нефертари Меритенмут в Нубии, да живет она, подобно Ра, вечно-вековечно... Приказал Величество Его сделать храм этот в Нубии, вырезав его в скале. Никогда не было сделано подобного этому, начиная со времени Атума..."⁶¹

На 21-м году правления своего супруга Нефертари была жива: об этом свидетельствует ее знаменитое письмо с приветствиями хеттской царице Пудукхепе из Богазкёйского архива⁶². На 24-м году правления Рамсеса, когда, вероятно, имел место первый его юбилей *хеб-сед*, Нефертари рядом с ним уже не было... Перед богиней Хатхор изображена вместе с фараоном царица Бинт-Анат⁶³. Имя Нефертари в источниках, отражающих ее земное существование, не встречается больше ...

Два рельефа с изображениями Нефертари создают как бы обрамление ее жизни: первый, датированный 1-м годом правления ее супруга как царя, где она молодой великой царицей, б-бок с Рамсесом II и, обвив его рукой, стоит у дворцового "окна явления", приветствуя возведенного в высокую жреческую должность Небуненефа. И второй, не датированный, но относящийся к концу ее жизни, где она изображена одна, сидящей в кресле и принимающей приветствия от вельможи Хеканахта, в то время как в официальной роли рядом с фараоном ее заменяет уже ее дочь. Была ли она тогда больна? Коснулась ли ее немилость фараона? Между этими двумя событиями прошло около двух с половиной десятилетий... Поскольку мумия Нефертари не уцелела, мы вряд ли когда-нибудь узнаем, как и от чего она умерла...

Так что же, в сущности, мы о ней знаем?

Знаем прежде всего то, что она с самого начала своего царитования не была единственной царицей Рамсеса II. Как говорилось выше, при введении в статус сонаследника Рамсес был наделен царским гаремом, наложницами, женами. Изначально из числа рамсесовых царских женщин еще две, кроме Нефертари, обладали высшим царским титулом – *hm.t njswt wr.t* – "жена царица великая".

Первой из них была Хенутмира – младшая сестра Рамсеса II. О ней сохранилось очень мало сведений; самое положение ее как супруги своего брата ставится иногда под сомнение⁶⁴, однако это несомненно подтверждают надписи на двух памятниках: титулатура на внешнем саркофаге Хенутмира (СМ. 317) (в изножье, в правой части надписи –

⁶¹ KRI. III. 3. 765. 11–16.

⁶² *Edel E.* // JNES. 1948. 7. P. 14.

⁶³ PM. VII. 150. III, с.

⁶⁴ *Troy L.* Op. cit. P. 169 (19.3).

hm.t njswt⁶⁵), а также полная титулатура, начертанная на ее статуе при канопском колоссе Рамсеса II⁶⁶: sn.t njswt n(t) ht.f mr.t. f. hm.t njswt wr.t "сестра царева, что от плоти его (=родная), любимая его, жена царева великая"⁶⁷.

Второй из них была некая Исетнефрет, о происхождении которой нет никаких сведений. Деталь, заслуживающая в связи с этим внимания – имя ее и Рамсеса старшей дочери – Бинт-Анат: оно не египетское, но сирийское или ханаанейское ("дочь Анаит"): может быть, в этом можно усмотреть намек на этническую принадлежность самой матери. При жизни Нефертари Исетнефрет практически никак себя не проявляет, оставаясь полностью "теневой" великой царицей. После смерти первой она заняла ее место, однако в титулатуре ее титул "жена любимая" так никогда и не появился.

В связи с историей Исетнефрет несомненный интерес снова имеет тема "бейтэльвалийских" сыновей Рамсеса – Амонхерунемефа и Хаемуасета. На рельефах имена обоих сопровождает эпитет m'c'hw, "историческое" употребление которого допускает, что они могли быть таковыми к моменту создания их изображений: вопрос, стало быть, опять сводится к проблеме датировки рельефов и вообще самого храма Сети I в Бейт эль-Вали. Отнесение его строительства к раннему периоду Рамсеса должно приводить к заключению, что оба его сына скончались в детстве⁶⁸. Дело, однако, заключается в том, что не известно точно, когда храм был фактически завершен – возможно, долгое время спустя после воцарения Рамсеса II. При этом весьма возможно, что смерть настигла этих его детей отнюдь не в младенчестве: в свое время еще Ф. Питри⁶⁹ предлагал видеть в старшем из братьев позднейшего царевича – наследника Амонхерхепшефа, а в младшем – не кого иного, как знаменитого впоследствии сына Рамсеса, мудреца и ученого Хаемуасета. Эту точку зрения впоследствии поддержали, среди прочих, А. Гардинер, У. Марнейн, К. Китчен⁷⁰. Для нас последняя гипотеза важна с той точки зрения, что матерью *этого* Хаемуасета а, стало быть, тогда и Хаемуасета "бейтэльвалийского", была не Нефертари, но Исетнефрет⁷¹. Следовательно, это означало

⁶⁵ KRI. II. 3. 857.

⁶⁶ PM. IV. 2. Трой делает ссылку на этот памятник, но, видимо, не учитывает его данных.

⁶⁷ KRI. II.485. 12; LÄ. II. 736.

⁶⁸ См.: Mayer E. Geschichte des Altertums. Bd. II. 1. Stuttgart, B., 1928. S. 457 (Not. 1); Seele K. Op. cit. P. 37–40. Относительно его теории "двух Хаемуасетов" см. особенно с. 37, сн. 46.

⁶⁹ Petrie W.M. Op. cit. P. 35, 84.

⁷⁰ Roeder G. Op. cit. S. 162; Murnane W. Op. cit. P. 69; Kitchen K. Op. cit. P.

⁷¹ LD. 175, e; LÄ. I. 897f.

бы, что и Исетнефрет стала супругой Рамсеса до его воцарения – возможно, при тех же обстоятельствах, что и Нефертари⁷². Кстати говоря, некоторые исследователи склонны полагать, что Исетнефрет вообще стала супругой фараона прежде Нефертари, однако это не более, чем гипотеза. На тех немногих памятниках Исетнефрет, что нам известны, вместе с ней, как правило, изображается ее дочь Бинт-Анат – с ее как бы двойным титулом царицы и царицы⁷³. После смерти Исетнефрет титул $\dot{h}m.t njswt wr.t$ с Бинт-Анат стала разделять

старшая дочь Нефертари Мериитамон, также имевшая двойной цырицынский титул. На 34-м году правления Рамсес II заключил династический брак с дочерью "великого царя страны Хатти"⁷⁴, которой было дано египетское имя Маатхорнеферура и которая также получила титул "жены царицы великой"⁷⁵. О ней практически ничего не известно, как и о ее младшей сестре (от этой не сохранилось даже имени), которую в поддержание дипломатических отношений Рамсес II взял в жены уже позднее⁷⁶. Впоследствии его супругой с титулом "жена царица великая" стала также еще одна дочь Нефертари – Небет-тауи⁷⁷.

⁷² Несомненно, интересен вопрос об идентификации царицы на рельефе из скальной часовни Меренптаха в Джебель Сильсиле (PM. V. 217). В надписи, сопровождающей изображения, указано, что это $\dot{h}m.t wr.t nb.t t'wj shp ngrw \dot{h}m.t njswt Ist.nfr.t$ "жена

великая, владычица обеих земель, умиротворительница богов, жена царица Исетнефрет" (KRI. IV. 76). Последнее имя, как мы знаем, носила не только соперница Нефертари, но и Исетнефрет II, возможно, ее дочь, супруга фараона Меренптаха, каковой изображение обычно и приписывается. Однако Л. Трой в своем "Индекс" и примечании к нему относит его к Исетнефрет, супруге Рамсеса I (*Troy L. Op. cit. P. 169*). Если это так, то изображение второй его великой царицы действительно составило бы полную композиционную (а стало быть – и важную смысловую) параллель известному рельефу из джебелсильсилеской часовни самого Рамсеса II (и датированой, как упоминалось выше, 1-м годом его правления), где вместе с ним в сцене адорации изображена Нефертари. К сожалению, аргументация гипотезы остается за пределами работы, но скорее всего верна все-таки традиционная атрибуция памятника.

⁷³ На Асуанской стеле (PM. V. 249; KRI. II. 3. 854. 15) при имени Исетнефрет стоит титул $\dot{h}m.t njswt$, в то время как при имени Бинт-Анат – $\dot{h}m.t njswt wr.t$; в Луврской группе (Исетнефрет с сыновьями) при ее имени полный титул великой царицы.

⁷⁴ Сводка многочисленных копий см.: KRI. II. 1. 233–257.

⁷⁵ KRI. II. 3. 857. Она была еще жива на 61-м году правления Рамсеса, см.: *Gardiner A. // JNES. 1953. 12. P. 145 ff.*

⁷⁶ См.: Коптоская стела: KRI. II. 1. 282–283.

⁷⁷ Как полагают, титул великой царицы Рамсеса II имела впоследствии еще одна его дочь – Танеджем (см., например: *Desroches-Noblecourt C. Touy, mère de Ramses II, la reine Tanedjmy et les reliques de l'expérience amarnienne // Colloques internationaux du C.N.R.S. N 95. L'Égyptologie en 1979: Axes prioritaire de recherches. II. P., 1982. P. 227 ff.*) В гробничной надписи она выступает как *s't njswt* "дочь царица" (PM. I. 2. 751). См. также о ней: *Petrie W.M.F.I. Op. cit. P. 88–89.*

Но знаем мы также то, что ни одна из этих шести или семи царских женщин, носивших, как и Нефертари, титул великих цариц (ни ее современницы, ни пришедшие ей на смену, ни ее собственные дочери, ни дочь ее соперницы, ни дочери великого царя страны Хатти), не занимала столь высокого, исключительного, как она, положения. Это особое ее положение отражается прежде всего в чрезвычайно пространной ее титулатуре, которая включает в себя более трех десятков титулов и постоянных эпитетов – более, чем у какой-либо иной древнеегипетской царицы, за исключением Яхмос-Нефертари.

С самого начала своего появления в качестве супруги фараона и до самого конца она носила титул *ḥm.t njswt wr.t* "жена царица великая", а также *ḥm.t njswt wr.t mr.t f* "жена царица великая любимая его". Как

мы упоминали выше, ей принадлежал также титул *irjt-p't*, который, возможно, отражал ее положение "по мужу": высказывается предположение, что он мог подтверждать ее право на престолонаследие⁷⁸.

Нефертари принадлежало также несколько высоких жреческих титулов, важен *ḥm.t nḥr* – "жена бога". Этот высочайший титул был связан

с культом государственного божества – Амона Фиванского и, начиная с той же Яхмос-Нефертари, стал ассоциироваться с женщинами из царской семьи. После Нефертари Меритенмут он вышел из употребления вплоть до XX династии, когда появился вновь у царицы Тамрет⁷⁹. Как бы ни толковался титул в связи с его богословским содержанием⁸⁰, практическое его значение выражалось, видимо, в том, что за потомством его носительницы (рожденным, как удостоверял титул, в священном браке с Амоном, воплощаемом в фараоне) закреплялось право (скорее преимущественное, чем исключительное, однако) представлять династическую линию и, стало быть, приоритет его прав на престол.

У Рамсеса II за его долгую жизнь от многочисленных царских женщин родилось огромное потомство – имена около полусотни сыновей и стольких же примерно дочерей в разных комбинациях запечатлены в Рамессеуме, Абидосском храме (Рамсеса), Луксоре, Абу-Симбеле, храме в Вади эс-Себуа и др. храмах⁸¹. Как справедливо замечал в свое время Питри, число это должно было быть по крайней мере удвоено, учитывая чрезвычайно высокую детскую смертность. Наделение Нефертари титулом *ḥm.t nḥr*, возможно, преследовало

⁷⁸ См.: Helck W. // *Orientalia*. 1959. 19. S. 422. См. примеч. 19.

⁷⁹ См.: Gardiner A. // *ZÄS*. 1912. 50. P. 49 ff.

⁸⁰ См. дискуссию: Gitton M. // *BIFAO*. 76. P. 65–89; Menu B. // *BIFAO*. 77. P. 89–100; Troy L. Op. cit. P. 97 ff.

⁸¹ См. синопсис: KRI. II. 858–860; 916 ff.

изначальное стремление фараона в том числе выделить ее потомство: показательно, что ни одна другая из великих цариц Рамсеса этого титула впоследствии не получила. Однако все в конечном счете решил естественный ход событий. Судя по всему, ни один из шести или семи детей, рожденных в браке Рамсеса II и Нефертари, не пережил долгой жизни их отца. Трон в конечном счете перешел к сыну соперницы Нефертари Исетнефрет – царевичу Меренптаху. (Любопытная деталь: две маленькие фигурки Нефертари, изображенные у ног фараона на двух известных статуях Рамсеса II (Тур., 1380 и Каиро, 42140), имеют одинаковые по характеру повреждения, а самое имя царицы полувскоблено из ее картуша. Как полагают, это могло быть сделано по приказу фараона Меренптаха, желающего хотя бы частично истребить образ и имя ненавистной соперницы его матери с памятников своего отца⁸².)

В титулатуру Нефертари входил также важный титул *šꜥtp ꜥꜥrw* "умиротворяющая богов". Некогда титул этот был известен только как мужской и имел в виду царя, как блюстителя культовых традиций⁸³: как и другой ее титул "умиротворяющая отца своего Амона", он должен свидетельствовать о ее важной роли в официальном культе.

Политические функции Нефертари выражаются набором других высоких титулов. Прежде всего – *nb.t t'wj* "Владычица Обеих Земель (=Египта)" и *ḥꜥwt šꜥm' Mḥw* "Госпожа Юга и Севера": оба этих титула,

составляющие параллель обычным титулам фараона и выражающие его верховную власть над страной, носили в разное время и другие царицы Рамсеса II (первый – все, за исключением хеттской жены Рамсеса и Танеджем, второй – все, за исключением Исетнефрет (современницы Нефертари) и той же Маатхорнеффура, которая была *ḥꜥwt*

t'wj). Однако еще один титул Нефертари как великой царицы *nb.t t'w nbw* "Владычица стран всех", которым власть его носительницы как бы распространяется за пределы собственно Египта, совершенно уникален – он зафиксирован лишь один раз в ее титулатуре.

Два других титула Нефертари – *k'.t šꜥwtj* "высокая двумя перьями" и *ꜥꜥnt ꜥꜥwtj* "прекрасная в двух перьях" имеют отношение к ее головному убору (в котором она как правило и изображается). Первый титул она носила первой из древнеегипетских цариц, второй – после Нефертити. Никто из рамсесовых цариц более не имел его. Сам этот великолепнейший головной убор часто изображается также на Яхмос-Нефертари, а впоследствии он составлял обязательную принадлеж-

⁸² *Bianchi R.* Op. cit. P. 55.

⁸³ [*Goedicke*] *Nofretari.* P. 33. Носительницей его была также одна из Исетнефрет – I или II, см. примеч. 72.

ность "жен бога Амона". Высказывается предположение, что эта регалия могла быть связана со статусом соправительницы⁸⁴.

Кроме приведенных выше титулов, содержание которых более или менее однозначно понимается и имеет отношение к сфере политической и религиозной жизни страны, источники сохранили при ее имени также целый ряд суперлативных титулов-эпитетов, толкование которых допускает некоторые варианты. Искушение воспринимать их по преимуществу как отражение индивидуальных качеств царицы или же личного отношения к ней фараона всегда велико и часто оказывается неодолимым, хотя имеющиеся текстуальные параллели заставляют проявлять здесь большую осторожность. Например, в титуле wr.t ḥswt

"великая похвалами" Г. Гедике предлагает видеть (по аналогии с использованием его в истории Синухета) скорее отражение роли царицы как заступницы или арбитра⁸⁵, а эпитет nfr.t ḥrw "прекрасная ликом"

(как имеющий мужской коррелят и могущий быть обращенным к царю и богам) понимать не в его физическом смысле⁸⁶. Титул nb.t im't "владычица очарования" также как будто бы может иметь специфическое содержание⁸⁷, как и титулы bnr.t mḡwt "сладостная любовью" или 'mḡwt "великая любовью" – если их понимать в русле той религиозной концепции, которая определяет функции царицы-жрицы – супруги верховного божества Амона⁸⁸. Если титул царицы ḥm.t k' nht

"жена быка сильного (=фараона)" как будто бы не вызывает трудностей для интерпретации, то значение титула ḥnmt itj "воссоединяющая с правителем" также может составить предмет дискуссии⁸⁹. Частично титулы Нефертари могут быть встречены в титулатурах супруг других египетских царей (например, эпитет inh.tw n sdm ḥrw. s "дающая жизнь тем, кто слышит ее", она разделяет с Нефертити), другая часть их была создана специально для ее отличия и в титулатурах других лиц более не встречается (например, di.s. ib.w ḥr ḡšwt

"радующая сердца"). Красота ее голоса и вообще музыкальность, составляющие постоянную группу эпитетов-титулов при ее имени, также, возможно, подразумевает прежде всего выполнение царицей соответствующих ее жреческим титулам обязанностей: mr.t ḥrw ḥr šm^c

"любимая голосом пения" (как Яхмос-Нефертари); sḥtp Ḥr m ḥrw. s

⁸⁴ Ibid. P. 34.

⁸⁵ Ibid.

⁸⁶ Ibid.

⁸⁷ См.: Troy L. Op. cit. P. 190 ("mistress of im't = scepter").

⁸⁸ Ibid. Passim; Bianchi R. Op. cit. P. 39 ff.

⁸⁹ См. например: Desroches-Noublecourt C., Kuentz C. Le petit temple d'Abou Simbel. I. P., 1968. P. 181. N 225.

"умиротворяющая Хора голосом своим"; *šmjt m Ipt-swt* "играющая на сестре в Карнаке". Вместе с тем некоторые титулы-эпитеты могут несомненно толковаться буквально, как отражение индивидуальных физических или духовных качеств царицы: *bw nfr nb n ib.s mdwt.s nb hr.twhr.g.s* "доставляющая удовольствие каждой мыслью своей и словом

своим каждым" (дословно: "вещь всякая сердца ее и говорение ее всякое – радуется человек всякий им"); *ꜥnt drtj hr sšštj* "прекрасная руками, держащими сестры"; *wbh ꜥwj* "сияющая руками" и др.

Мы знаем также, что подобно титулатуре, все известные изображения Нефертари ставят ее на ступень недостижимо высокую по сравнению со всеми прочими рамсесовыми женами. С самого начала своего появления в качестве великой царицы и практически до самого своего конца она неизменно запечатлевалась рядом с фараоном в сюжетах, связанных с важнейшими государственными событиями. Показателен при этом и другой момент: несмотря на то, что религиозная практика и традиция в общем и целом исключали изображение здравствующих цариц из храмовых сюжетов в течение эпохи Нового царства (особенно – в правление XVIII династии⁹⁰), изображения Нефертари в ее земной жизни известны нам прежде всего именно по храмовым рельефам.

Уже на 1-м году правления Рамсеса Нефертари сопровождала царя в путешествии из столицы Пер-Рамсеса в Фивы на праздник Опет – главный религиозный праздник страны. Рельеф из гипостильного зала в Большом абусимбельском храме засвидетельствовал ее участие в этом выходе чисто государственного порядка: вместе с фараоном она приветствует барку со священной статуей Амона-Ра, которую несет процессия жрецов⁹¹.

В том же 1-м году на обратном пути в столицу Нефертари, как мы уже говорили, сопровождала Рамсеса в Абидосе и присутствовала на процедуре введения в важнейшую в государстве должность Верховного жреца Амона Фиванского Небуненефа. Впоследствии тот запечатлел главное событие своей жизни в собственной гробнице. Композиционно изображения Рамсеса и Нефертари в дворцовом "окне явления" несомненно вызывают в памяти сюжеты с Эхнатоном и Нефертити, прежде всего – церемонию возведения в жреческую должность Туту и Мерира⁹². Это не просто аналогия художественно-композиционного приема: участие в столь важном государственном мероприятии находит себе параллель только во времени Амарны, а сама Нефертари в этом смысле имеет своей предшественницей Нефертити.

⁹⁰ *Bianchi R.* Op. cit. P. 50 ff.

⁹¹ PM. VII. 109 (95). См. иначе: *Murnane W.* Op. cit. P. 84–85.

⁹² *de Garis Davis N.* The Rock Tombs of El Amarna. L., 1908. Vol. VI: The Tombs Parennefer, Tutu, and Aÿ. Tab. XIX; L., 1903. Vol. I: The Tomb of Meryra. 1903. Tab. VI, VII.

На 3-м году правления Рамсеса изображение Нефертари было помещено на втором пилоне Рамессеума, вновь возводимого заупокойного храма фараона. Сюжет рельефов – праздник бога Мина: в одной из сцен Нефертари запечатлена участвующей в ритуальном танце с фигурой Белого Быка – персонификации Мина. Это изображение интересно тем, что оно не только свидетельствует непосредственную причастность царицы к этому важному культовому событию, что в общем, учитывая характер функций супруги царя, в этом контексте совершенно понятно, но также демонстрирует высокую меру ее художественных возможностей. Нефертари – единственная древнеегипетская царица, личное участие которой в подобном действе как будто бы запечатлено источником. Показательно, например, что, когда эти сюжеты были впоследствии скопированы в храме Рамсеса III в Мединет Абу, картуш, в который надлежало вписать имя любимой царицы того – "исполнительницы" этой роли, остался незаполненным⁹³; весьма возможно, что последней, в отличие от Нефертари, данная "партия" оказалась не по силам⁹⁴. Два параллельных по композиции рельефа, расположенных по обеим сторонам входа в гипостильный зал Малого абусимбельского храма, включают изображения Нефертари (находящиеся на прилегающих стенах⁹⁵) в сцены сакрализованного триумфа фараона над традиционными врагами Египта: на правом рельефе царица изображена за спиной фараона, который с "благословления" Амона-Ра заносит булаву-секиру над головой коленопреклоненного нубийца, на левом – за штандартом с царским *ка* за спиной Рамсеса, казнящего в присутствии Хора-Меха стоящего на коленях азиата⁹⁶. Изображения цариц (и вообще женщин) в подобного рода сценах, которые со времен царя Нармера являлись своеобразной формой увековечивания военных побед властителей над врагами страны, чрезвычайно редки. Нам известны лишь две царицы, кроме Нефертари, которые запечатлены в аналогичном контексте – ее предшественницы Нефертити⁹⁷ и Анхсенамон, супруга Тутанхамона⁹⁸. Упомянутые выше абусимбельские рельефы – единственные изображения единственной царицы – Нефертари – в многочисленных известных нам сценах триумфа Рамсеса II.

⁹³ См.: *Gauthier H. Les fêtes de dieu Min. Le Caire, MCMXXXI. P. IV.*

⁹⁴ См.: *Wall Paintings... P. 22–23.*

⁹⁵ *Breasted J. The Preliminary Report of the Egyptian Expedition // AJSLL. 1906. Vol. 23. Foto 2517.*

⁹⁶ Из-за своего расположения относительно главной по содержанию части рельефа Нефертари часто остается за пределами описания или изображения (см., например: *LD. II. 184a; WA. II. 184a; PM. II; Hall E. The Pharaoh smites his Enemies // MÄS. 1988. 44. P. 31.* См., однако изображение: *Desrouches-Noblecourt C., Kuenz C. Le petit temple... P. 48.*

⁹⁷ *Hall E. Op. cit. Fig. 40.* Об уникальных изображениях самой Нефертити в ритуальной позе "триумфатора" см.: *Ibid. P. 25–26. Fig. 39.*

⁹⁸ *Ibid. Fig. 41.*

Кроме этих рельефов, несомненно выдающихся своим контекстом, существуют другие, неоднократно изображающие маленькую, тонкую фигурку Нефертари рядом с супругом в более традиционных, но не менее важных по смыслу сюжетах: например, один из абусимбельских рельефов свидетельствует ее участие в ритуалах, связанных с культом обожествления фараона: вместе с Рамсесом она приветствует жрецов, тянущих барку с его статуей⁹⁹, на другом – они вместе совершают перед статуей возкурения и возлияния¹⁰⁰. На рельефе из святилища Малого абусимбельского храма перед их сидящими статуями совершаются возкурения благовоний и возлияния¹⁰¹. Начиная со своего появления на джебельсильсильском рельефе (возможно, первом в ее новом качестве царицы), Нефертари сопровождает фараона в сценах адорации – перед важнейшими древнеегипетскими божествами – Хатхор, Мут, Акукис, Сатис, Хнумом¹⁰², перед Таурет, связываемой с наиважнейшим в жизни страны событием – подъемом воды в Ниле и, стало быть, плодородием земли¹⁰³.

Один лишь раз джебельсильсильские рельефы в подобном контексте являют рядом с Рамсесом других его царей – Исетнефрет и Бинт-Анат; единожды, как мы говорили выше, последняя мелькнула и в сцене адорации в Абу Симбеле¹⁰⁴: по всей видимости, Нефертари к этому времени уже не было в живых.

Но, конечно же, самым главным свидетельством исключительности положения Нефертари служат сами абусимбельские храмы. Относительно причин, побудивших Рамсеса II обратиться к строительству этих колоссальных сооружений в далекой Нубии, неоднократно возникали дискуссии, однако несомненно, что абусимбельские храмы, как и многие другие культовые сооружения, построенные вновь (или – достроенные) фараоном между I и II порогами, являют собой прежде всего элемент идеологической экспансии в соседнюю территорию, всегда привлекавшую египетских правителей своим сырьевым потенциалом. Основная идея обоих храмов достаточно тривиальна – демонстрация мощи и величия двух центральных божеств древнеегипетского пантеона – Ра-Харахти и Хатхор, однако реализация ее знаменует собой религиозную инновацию, поскольку фактически один храм посвящен царствующему фараону, а другой – царице, случай, насколько достоверно известно, вообще уникальный. Столь же многозначителен и сам характер скульптурных изображений Нефертари на фасадах обоих культовых

⁹⁹ РМ. VII. 109. (98).

¹⁰⁰ Ibid. 116.

¹⁰¹ Desroches-Noublecourt C., Kuenz C. Op. cit. P. 102, 6.

¹⁰² РМ. VII. 109. (98).

¹⁰³ Ibid. VII. 115. (30).

¹⁰⁴ Стела в часовне Песнура (РМ. V. 210. (22)); III осирическая колонна (РМ. VII. 105. 11-й); RKI. II. 3. 756.

сооружений. Фасад Большого храма украшают четыре сидящих двадцатидвухметровых колосса Рамсеса II, у ног каждой из статуй – фигурки (гораздо меньших размеров) членов царской семьи. Кроме детей и царицы-матери, Нефертари – *единственной* из царских жен – запечатлена в их числе, притом – *четырежды*¹⁰⁵. Малый же храм являет собой пример еще более впечатляющий: из шести колоссальных фигур, располагающихся по его фасаду, четыре изображают Рамсеса II, две – Нефертари, при этом статуи обих супругов выполнены в *одинаковом* размере.

Наконец, мы знаем, что в качестве великой царицы Нефертари была некоторым образом причастна к сфере внешней политики: известно ее ответное письмо хеттской царице с благопожеланиями и выражением надежды на будущее согласие между царями Египта и Хатти, которое было написано после заключения мирного договора между двумя государствами. Комментируя эту переписку между царствующими семьями (кроме письма Нефертари с египетской стороны сохранилось также несколько писем самого фараона, а также приветствия от царицы-матери и царевича Сетихешшефа), А. Гардинер¹⁰⁶ заметил, что хеттская царица должна была играть гораздо более важную роль, чем египетская: Пудуххепа была не только адресатом самого фараона, но и получала от него письма, содержание которых было практически идентично посланиям к ее супругу, хеттскому царю Хаттушилю. Поскольку посланий последнего к Нефертари действительно не обнаружено, это замечание Гардинера кажется справедливым. Тем не менее на собственноегипетском фоне сам факт остается беспрецедентным.

Таким образом о Нефертари нам известно, как выясняется, не так мало – во всяком случае, достаточно, чтобы бесспорно выделять ее не только из числа прочих рамсесовых главных цариц и многочисленных его жен, но и вообще полагать ее фигуру весьма примечательной среди других известных нам древнеегипетских цариц. По исключительности своего положения при фараоне, зримости своего присутствии, степени причастности к важнейшим событиям его жизни и, возможно, силе своего личного влияния Нефертари может быть сравнима лишь с великими царицами XVIII династии – супругами Аменхотепа III, Эхнатона и двух его кратковременно правивших преемников. В том ряду она была, кажется, последней – вплоть до времени Клеопатры. Вместе с тем нужно иметь в виду одно обстоятельство: в сущности о степени действительной вовлеченности Нефертари в дела государственного управления или международных отношений нам почти ничего не известно. Скорее всего оно вообще не могло быть значительным.

¹⁰⁵ РМ. VII. 100. Царица-мать Тийа изображена дважды; Бинт-Анат – еще как царица.

¹⁰⁶ Gardiner A. Egypt of Pharaohs. L., 1961. P. 265.

Все ее соответствующие титулы – чрезвычайно высокие и почетные сами по себе, служили, в основном, средством ее *внутреннего* отличия и возвеличивания при фараоне, в дворцовой иерархии и т.п.

Попытки объяснить исключительность положения Нефертари делались неоднократно. Чаще всего они выводились из ее гипотетического добрачного социального статуса – не просто высокого, но предположительно имеющего некое влияние на положение самого фараона – то ли по причине возможной связи будущей царицы с фиванской элитой, то ли потому, что именно она являлась гарантом законности его прав на престол. Однако ни одна из подобных гипотез, как мы говорили выше, не может быть надежно подкреплена, и для многих исключительность ее положения по-прежнему остается энигматической. "Своим необыкновенным положением рядом с повелителем мировой державы Нэфр-эт была обязана не рождению, не государственными способностями, а обаянию, от нее исходившему, власти над сердцем самовластного супруга", – написал когда-то Ю.Я. Перепелкин о супруге Эхнатона¹⁰⁷. Не это ли составляло и тайну Нефертари?

...На стелах Рамсеса II из Джебель Сильсиле, отмечающих 30, 37 и 40 года его правления, вместе с фараоном изображен лишь его любимый сын Хаемуасет¹⁰⁸. Нефертари, как мы говорили, не было в живых уже, видимо, ко времени первого *хет-седа*. Но и после ее смерти ни одна из его прочих жен не заняла ее места рядом с ним¹⁰⁹...

И наконец, гробница Нефертари – последний знак ее исключительности и мера супружеской любви фараона.

Гробница находится в Долине цариц – местности, расположенной между двумя грядами горного массива эль-Курн и образующей юго-западную оконечность фиванского некрополя. Начиная с XVII династии эпизодически ее использовали для захоронений, а в течение XIX–XX династий она стала главным кладбищем, где находили свое последнее пристанище члены царских семей. Современное арабское название местности Бибан эль-Харим – "Двери цариц" (или Бибан эль-Маликат – "Двери госпожей"; "двери" – это, видимо, входы в гробницы, которые были видны и до современных раскопок) восходит, по всей видимости, к наиболее обычному пониманию древнеегипетского обозначения ее *ḥt st nḥw* как "Место красоты"; вместе с тем есть предположения, что изначально ее название могло быть связано с иным по смыслу словом *nḥw* (Wb, II, 258) и имело в виду прежде всего царских *отпрысков*.

За исключением хеттских царевен, все великие царицы Рамсеса II

¹⁰⁷ Перепелкин Ю.Я. Кэйе... С. 27.

¹⁰⁸ См.: РМ. V. 212 (№ 42, 43, 48, 49).

¹⁰⁹ Maher-Taha M. The Considerable and Unique Position of Nefertary // Wall Paintings... P. 23.

были погребены в Долине цариц¹¹⁰, и ни одна из известных нам их гробниц не выдерживает сравнения с той, что была создана для Нефертари. Правда, все еще остаются затерянными ограбленные в древности захоронения Хенутмира и Исетнефрет (известен саркофаг первой, впоследствии узурпированный, и некоторые предметы из погребального инвентаря последней), однако свое посмертное соперничество они скорее всего должны были проиграть, как проигрывают его Нефертари и прочие древнеегипетские царицы, гробницы которых нам известны: по степени артистизма и роскоши оформления гробница главной супруги Рамсеса II оставляет их позади.

Сам памятник был обнаружен в 1904 г. в ходе систематического археологического исследования Долины цариц, начатого Итальянской археологической миссией в Египте, которой тогда (и два последующих десятилетия) руководил ее основатель, директор Египетского музея в Турине Э. Скиапарелли. Гробница Нефертари, получившей порядковый номер 66, повезло двояко: не в пример многим замечательным открытиям миссии, она была изначально очень хорошо документирована, в том числе – фотографиями¹¹¹; кроме того в числе прочих погребальных сооружений, раскопанных в Долине цариц, была самым Скиапарелли опубликована¹¹². В течение семидесяти последующих лет памятник неоднократно исследовали и фотографировали¹¹³ (ныне имеется несколько тысяч его изображений); а также полностью публиковали (см. выше, работа Г. Таузинг и Г. Гедике). К настоящему времени гробница Нефертари принадлежит к числу наиболее документированных и изученных.

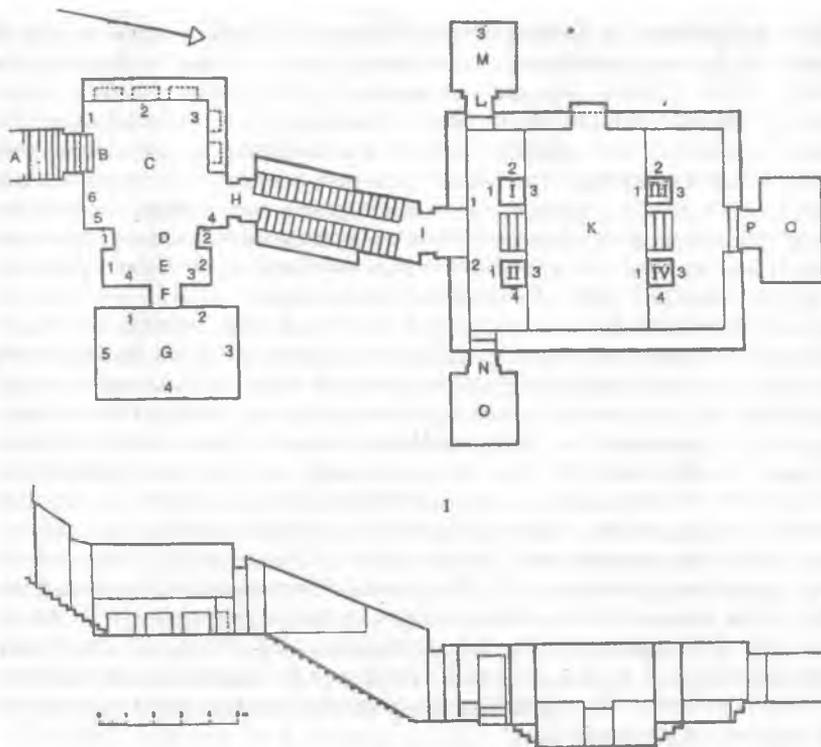
Сама гробница невелика по размерам в сравнении, например, с погребальными сооружениями знати в Долине вельмож, однако в Долине цариц она одна из самых больших: ее общая длина ≈ 27,5 м; она имеет Т-образную форму и обычную для XIX династии ориентацию по оси север/юг. Подобно захоронениям этого времени вообще, она потайная, не имеет суперструктуры и представляет собой систему помещений, вырубленных в массиве известняковых пород у подножия гор, обрамляющих вади. Входом в нее служит прорубленный короткий (около 4,5 м) коридор с круто уходящей вниз лестницей (А), которая

¹¹⁰ См. РМ. I. 1. 762. ff.

¹¹¹ Их автором был член миссии отец Микеле Пиццино, который позже изготовил и замечательную модель гробницы, по сей день украшающую один из залов Египетского музея в Турине. См. об этом: *Donadoni S., Curto S., Donadoni-Roveri A.-M. Egypt from Myth to Egyptology. Milano; Torino, 1990. P. 262–263.*

¹¹² *Schiaparelli E. Relazione sui lavori della missione archeologica Italiana in Egitto (Anni 1903–1920). Torino, 1923. Vol. 1: Esplorazione della "Valle delle Regine" nella necropoli di Tebe.*

¹¹³ См. краткий обзор: *Kadry A., Esmael F. Wall paintings... P. 35–38; McDonald J. // In the Tomb of Nefertari. P. 18–19.*

Гробница Нефертари (QV 66): 1 – план; 2 – разрез

ведет в собственно гробницу. Последняя состоит из семи помещений; различаясь по размерам и функциям, они объединены в два разноуровневых комплекса (макс. глубина нижнего до 12 м), которые связаны длинным (около 7 м) наклонным коридором (по которому когда-то спускали саркофаг); по обоим бокам его вырублены ступеньки. Основная архитектурная идея гробницы – единый длинный углубляющийся переход от ее начала до главной точки – погребальной камеры с саркофагом. К сожалению, как и все прочие погребения в Долине цариц, гробница № 66 полностью разграблена еще в древности: уцелели лишь части крышки саркофага из розового гранита, мелкие фрагменты костей ног погребенной, несколько единичных предметов из погребальной утвари (пломба, ушебти, фрагмент золотого украшения и др.). А также – настенная роспись, которая, занимая в общей сложности 520 м², и составляет ее славу.

Общая концепция декорации гробничного интерьера находится в полном согласии с ее архитектурным замыслом: запечатлен длинный "потусторонний" путь царицы – от его начала, когда она переступает порог, разделяющий два мира, до его кульминационной точки – прохождения ею врат в царство Осириса, которая приходится на стены погребальной камеры. Плоскость стен и уровни "этажей" как бы членят этот путь на серию отрезков-эпизодов; сюжет большинства из них являет собой иллюстрацию (буквальную или косвенную) к фрагментам Книги мертвых или Книги врат (главных "путеводителей" и "инструкций-пособий" этого времени для "путешествующих на запад"), которая сопровождается соответствующей выдержкой из текста. Соотношение текстовых и изобразительных компонентов в различных сценах и различных частях гробницы неодинаково, но абсолютное преобладание последних характерно для памятника в целом. Основной способ организации изобразительного ряда – размещение в одной плоскости единичных большемасштабных, одинаково превышающих натуральные размеры, фигур царицы и богов.

Центральная часть верхнего комплекса (С), почти квадратное помещение (5,3 × 5,3 м²) со звездным небом-потолком, обозначает начало пути Нефертари. Стены левой части (С, 1–3) заняты выдержками из 17 главы Книги мертвых, тема которых – прославление вошедшего в иной мир и моления о ниспослании ему благ. В верхнем регистре над текстами – серия виньеток, служащих своеобразными иллюстрациями для избранных пассажей. На левом простенке южной стены (С, 1) расположен один из самых замечательных и прославленных сюжетов гробницы: Нефертари запечатлены трижды – в беседе за игральной доской; в виде большой, сидящей на архитраве гробницы, птицы-ба с царицьиной головой, а также коленопреклонной, с молитвенно воздетыми руками. Роспись дает точный изобразительный ряд к помещенному под ней тексту, однако очень часто толкуется более широко – как изображение трех сущностей человека – физической, спиритуальной и духовной¹¹⁴.

В правой части южной стены (С, 3) мы видим Нефертари впервые вступающей в иной мир. Здесь она изображена уже не юной царицей-подростком, какой мы встречали ее у ног скульптурных памятников ее супруга, но зрелой женщиной на четвертом десятилетии своей жизни; время пометило морщинками ее шею, но лицо по-прежнему прекрасно; грациозная тоненькая фигура в белом парадном одеянии – длинном и пышном платье из тончайшей, заложеной складками материи, с красным поясом, который дважды обвивает ее тонкую талию, в многоярусном золотом ожерелье, роскошном парике, убранном здесь в три пряди, в дивном своем золотом головном уборе с двумя высокими

¹¹⁴ См. библиогр.: РМ. I. 1. 762 f.

перьями. Она изображена в позе адорации перед властелином загробного царства Осирисом: сидя на троне в короне *атеф* и при царских регалиях (жезле *хек* и плети *нехаха*), тот встречает ее у входа в свои владения. Теперь царица сама – "Осирис-Нефертари", "правогласная". На прилегающей восточной стене (С, 5, 6) ее моления встречают Анубис, бог погребальных церемоний и страны некрополей, и Осирис в виде мумифицированной статуи. Обещания Осириса, полученные в ответ на ее моления – покровительство и "вечность, подобную вечности Ра...", потом будут постоянно повторяться, варьируясь и, будучи вложены в уста многочисленных божеств, встречающих царицу на ее пути: с параллельных простенков, соединяющих "переднюю" с так называемым "альковым" (Е) и боковой комнатой (G), навстречу ей выступают богини Нейт (D, 1), Селкис (D, 2), Маат (F, 1, 2). На боковых стенах "алькова", взяв Нефертари за руку, Исида (названная так, но в головном уборе, обычном для Хатхор, Е, 2) и Хор-сын-Исиды в двойной короне *пшент* (Е, 1) уводят ее, каждый за собой, в сторону востока; на этом пути на простенке у входа в боковое помещение (G) их встречают три восседающих на троне божества: слева – Хепри, бог возрождения и превращений (антропоморфная фигура с черным лицом-скарабеем – Е, 3), справа – Хараhti ("Хор-горизонта") и держащая его "под руку" богиня, названная Хатхор, но с необычным для последней головным убором – в виде символа *аментет* ("запад" – Е, 4); оба бога, кроме посохов *уас*, держат в руке символ жизни *анх*.

Далее Нефертари, двумя параллельными путями, "входит" в помещение G, тематика росписей которого выдает его важные функции. На левом западном простенке (G, 2) царицу встречает Птах в виде помещенной в наос мумифицированной статуи, которой она протягивает свое жертвенное приношение, ткань (обозначенное сдвоенным знаком S₂₇); далее на ее пути (G, 3) – Тот, сидящий на троне в одеянии жреца ибисоголовый бог мудрости. Между ними изображен высокий поставец, на котором сосуд в виде лягушки и палетка для письма. Сопровождающий текст – заклинание из 94 главы Книги мертвых – обретенный усопшей сосуда с водой, палетки и письменного прибора Тота с "секретами его в них". На правом простенке западной стены (G, 1) – троица божеств: антропоморфная спеленутая фигура с головой барана, между длинными витыми рогами которого помещен солнечный диск – бог-демиург Хнум (или Хнум-Ра), которого обнимают за плечи Нефтида и Исида, и далее – Нефертари в позе адорации перед трехрегистровой композицией: семь небесных коров и бык и четыре кормила – воплощение питающих и приводящих в движение сил мира – копия замечательной виньетки к 148-й главе Книги мертвых, выдержки из которой сопровождают изображение.

На восточную стену помещения G приходится центральный по зна-

чению сюжет, знаменующий собой одно из кульминационных событий: Нефертари приносит жертвенные дары двум правителям мира: Осирису, владыке мертвых, и Атуму, владыке всего сущего. Божества восседают на тронах, спиной друг к другу, каждый – лицом к царице, "подходящей" к ним из северного и южного углов. На зеленоликом Осирисе – корона *атеф*, перед ним, на подставке – четыре маленькие фигурки сыновей Хора; Атум увенчан двойной египетской короной *пшент*. Нефертари держит в одной руке *сехем*, другой протягивает каждому из царей сосуд. Эта симметричная композиция объединяет и замыкает собой круг сюжетов боковых помещений D-G верхнего комплекса гробницы, которые, судя по всему, выполняли функцию часовен.

Далее наклонный коридор (H-L), ведущий в нижнюю, подземную часть гробницы – туда, где завершилась погребальная процессия и находилось собственно погребение. По стенам наклонного коридора – фигуры Нефертари, подносящей дары сидящим на троне богиням Хатхор, Исиде, Нефтиде (в самом конце его – две последних запечатлены на знаке *нуб* ("золото") седовласыми – очень редкое изображение этого признака "благословенной старости"¹¹⁵); крылатых богинь Маат и Уаджит, оберегающих картуши с именем царицы; шакала-Анубиса, лежащего на ее саркофаге, а также магические тексты из Книги мертвых (главным образом из 151 главы). Сама погребальная камера (большое помещение 10,4 × 8,5 м²) как бы расчленена четырьмя квадратными колоннами, которые поддерживают расписанный пятилучевыми звездами потолок-небо; к ней примыкают три малых комнаты (M, O, Q): возможно, род кладовых для погребального инвентаря; на стене одной из них (M) изображение царицы в виде мумии. Основное содержание настенной росписи погребальной камеры (по ее периметру) и драматическое повествование о прохождении царицей – одних за другими – пяти врат в царство Осириса, которые охраняются сменами ужасных и кровожадных стражей. Преодолеть опасности ей должны помочь магические заклятия из Книги врат и Книги мертвых, текст которых покрывает собой более половины площади стен. У самого входа в погребальную камеру дважды запечатлена Нефертари (K, 1, 2) – в своем роскошном, стянутом под грудью и подпоясанном белым одеянии, в головном уборе с высокими перьями; ее руки воздеты в молении перед началом пути через врата в подземное царство Осириса. На правом простенке северной стены погребальной камеры (K, 3) – царица запечатлена уже в конце своего путешествия, перед сидящими на тронах Осирисом, Хатхор и Анубисом. Вид ее изменился: исчезли длинное красное опоясание ее платья и верхняя часть ее золотого головного

¹¹⁵ См., например: *Manniche L. City of the Dead: Thebes in Egypt. L., 1987. P. 82. Fig. 69.*

убора – два высоких пера с символом солнечного диска: связанная своей символикой с солнечным божеством, здесь в подземном царстве, она более неуместна.

Четыре колонны как бы выгораживают место, где когда-то стоял саркофаг, образуя род святилища. Поверхность их покрыта соответствующими моменту росписями. На плоскостях двух первых, лицом к входящей и протягивая к ней руку – Хор-неджетеф ("Хор-защитник-отца-своего") и Хор-иунмутеф ("Хор-опора-матери-своей"), роль которых исполняют заупокойные жрецы царицы. На каждой из "внешних" плоскостей – Нефертари вместе с божествами, не оставляющими ее своим покровительством: держа царицу за руку, Исида-Хатхор протягивает ей знак жизни *анх* (II, 2), Анубис обнимает ее за плечи (IV, 2), ее приветствует Хатхор (I, 3). На плоскостях, обращенных к северной стене погребальной камеры – два симметричных изображения: Исида (IV, 4) и Нефтида (IV, 4), держащие за руку царицу, в другой руке последняя, теперь уже ставшая богом, держит знак *анх*. "Внутренние" плоскости колонн занимают два сюжета: четыре идентичных изображения владыки потустороннего царства Осириса (в виде помещенной в наос мумии в короне *атеф* и при царских регалиях – I, 2; II, 3; III, 2; IV, 3) и четыре изображения так называемого столба *джед* ("позвоночника" Осириса), с трех сторон окруженных картушами с царитским именем и ее титулатурой (I, 4; II, 4; III, 1; IV, 1); эти символические изображения обозначают, что здесь, в центре гробницы, пройдя долгий и трудный путь, царица Нефертари уподобилась божеству, став сама Осирисом..

Гробница Нефертари еще раз свидетельствует исключительность своей владелицы. От подавляющего большинства захоронений в Долине цариц она отличается не просто своими размерами: типологически она оказывается вообще более близка гробницам *фараонов* из Долины царей. При этом обнаруживает в себе сочетание разных признаков: ее планировка и общая структура типична для царских гробниц позднего Нового царства, некоторые сюжетно-композиционные решения декора (прежде всего, большемасштабные фигуры персонажей, распределение сцен в пределах гробницы и ее уровней, общая концепция оформления погребальной камеры и др.) не находя себе полной аналогии, лишь частично могут быть сравнимы с современными ей рамессидскими памятниками (прежде всего – с расписными рельефами в верхней части фиванской гробницы ее свекра, Сети I¹¹⁶), но в гораздо большей степени – с царскими гробницами предшествующей XVIII династии (начиная от Аменхотпа II). Вместе с тем некоторые стилевые особенности, манера письма, отдельные мелкие детали предметного

¹¹⁶ См., например: Sethos – ein Pharaonengrab // Documentation zu einer Ausstellung des Ägyptologischen Seminar der Universität Basel im Antikenmuseum. 1991. Passim.

Нефертари и бог Хор. Роспись гробницы Нефертари

мира, запечатленные в изображениях, а также приемы цветового решения (прежде всего – так называемый "монохроматический" стиль в погребальной камере) и вообще эксперименты с цветом могут поставить гробницу, как кажется, в ряд с лучшими образцами частных фиванских расписных гробниц Нового царства.

Как мы видели, в центре внимания росписей – исключительно тема личных взаимоотношений царицы и богов: преимущественная форма их выражения – сцены адорации, предстояний, принесения жертвенных даров. Если в памятниках, отражающих земное существование Нефертари, поражало постоянство ее присутствия рядом с фараоном, то в гробничных росписях обращает на себя внимание обратное – полное отсутствие каких-либо упоминаний о Рамсесе II. Нефертари – *единственная смертная* (если не считать ее заупокойных жрецов, *играющих роль* божеств), запечатленная в своем погребении: отмеченная высшими царицынскими титулами, она предстает как самостоятельная и самодостаточная личность. Сама за себя предстательствует она перед богами Египта, которые не оставляют ее своей защитой: со стен, простенков и колонн они выступают ей навстречу, берут ее за руку, ведут за собой, обнимая за плечи, касаясь лица, давая "вдыхать" знак жизни... Для сюжетов, в целом для царских гробниц традиционных, здесь отличительна особая интимная окрашенность отношений царицы и богов, в кругу которых она выглядит ровней. Примечательно и другое: несмот-

ры на исключительно религиозно-мистическую тематику росписей (что вообще составляло характерную особенность гробниц рамессидской эпохи) декор гробницы Нефертари создает впечатление блеска и роскоши: старинного кроя изукрашенные одежды богов, изысканный придворный туалет самой царицы, сменяющиеся на ней прически и украшения (даже если их объяснять разным "авторством" росписей), покрытые орнаментами утварь и мебель, многоцветные фризы, обрамляющие изображения воссоздают атмосферу скорее блестящего дворцового торжества. Впечатление возникает во многом благодаря удивительной колористической насыщенности росписей, которая вообще делает гробницу № 66 одним из самых замечательных памятников даже внутри такого яркого явления древнеегипетской живописной культуры как новоцарская фиванская расписная гробница. Более того. Введенные в научный обиход цветные фотоизображения этих росписей¹¹⁷, а также, главное, исследования, выполненные по программе "Нефертари" по расчистке и реставрации их красочного слоя, дали очень важный материал, который позволяет вновь вернуться к обсуждению ряда фундаментальных проблем древнеегипетского искусства. Одна из них – проблема символики цвета, которая имеет неожиданное преломление в свете занимающей нас темы – статуса царицы. Известно, что свойство включать в цвет как таковой особую смысловую нагрузку было в высшей степени присуще для древнеегипетского художественного мышления¹¹⁸. В изображенном объекте мог не просто и не всегда воспроизводиться цвет "модели": применение цвета могло подчиняться особым правилам, действующим как бы внутри особой невербализированной информационно-коммуникационной системы, традиционной для данного общества. Проявление одного из таких правил можно видеть в особенностях передачи цвета человеческого тела: в рельефах, росписях, скульптуре древнеегипетские мастера использовали два основных цвета: красный (применительно к мужчинам и антропоморфным богам) и желтый (для передачи цвета кожи женщин и богинь) в ювелирных украшениях эти цвета соответственно имитировались камнями или пастами. Этому есть немало исключений¹¹⁹, тем не менее признак этот в общем и целом несомненно является маркирующим. В соответствии с этой практикой лицо и выступающие из-под одежды части тела Нефертари должны были бы изображаться с помощью желтой краски: так они, действительно, и изображены на нескольких плоскостях колонн ее погребальной камеры, однако в гробнице в целом для этой цели

¹¹⁷ Начиная с издания: *Mekhitarian A. La Peinture égyptienne. Genève, 1954.*

¹¹⁸ См. об этом: *Schäfer H. Principles of Egyptian Art. Oxford, 1986. P. 71; Kees H. // Nachrichten von der Akademie der Wissenschaften in Göttingen. Phil.-hist. Kl. 1943. Bd. 11. S. 464 ff.*

¹¹⁹ См.: *Manniche L. // АО. 1982. Vol. 43. P. 9 ff.*

использована красная. Заметим, что цвет кожи обступающих ее богинь передан обычным для этого желтым тоном, резко контрастирующим с цветом кожи царицы. Подобного рода "отклонения" иногда объясняются стремлением к реализму изображения (например, при изображении работающей на солнце служанки) или, например, "полным смещением в иконографии полов"¹²⁰ (в некоторых памятниках амарнского времени), однако в целом ряде случаев, например, в изображении царицы Яхмос-Нефертари или супруги Тутанхамона¹²¹, как и в случае Нефертари объяснение может быть только одного рода: следуя предложенной Дж. Бейнсом формуле "кожа-цвет-характер"¹²², мы должны толковать его как недвусмысленный и подчеркнутый знак исключительности самой личности¹²³.

Другая проблема, которая встает в связи с росписями гробницы Нефертари, касается одной из специфических функций цвета в живописи – передачи светотени и, следовательно, объема. В свое время основатель теории древнеегипетского искусства Х. Шефер замечал, что египтяне по большей части не обращали никакого внимания ни на изображения, так сказать, "внешней" тени, отбрасываемой телом, ни светотени, способной это тело моделировать¹²⁴. Единственный тогда пример использования этого приема он находил только в новоцарских изображениях складок на одеждах. В египетском искусстве этот эффект, как справедливо подчеркивал Шефер, достигается отчасти совсем иным способом: раскрашенный рельеф сам по себе способен был дать естественную игру светотени. Как полагают некоторые исследователи¹²⁵, именно это обстоятельство могло в конечном счете подтолкнуть новоцарских мастеров на эксперименты с цветом, хотя в целом идея светотени им так и оставалась как будто бы чужда. Как известно, далее, древнеегипетские мастера избегали смешивания основных цветов; оттенки основного вводились ими как правило для создания видимой границы участков. Еще одним важнейшим правилом было размещение отдельного цвета в пределах, очерченных контурной линией (красной – предварительно, черной – окончательно), которая и "задавала" изображение как в росписи, так и рельефе. Наличие контура было практически важнейшей отличительной чертой древнеегипетской живописной культуры; как полагал Шефер, она была заимствована отсюда в микенскую¹²⁶. Однако в моделировке лица Нефертари мы как будто бы стал-

¹²⁰ Ibid.

¹²¹ *Eadem.* // AO. 1978. Vol. 40. P. 11.

¹²² *Bains J.* // AA. 1985. Vol. 87. P. 284.

¹²³ См. *Bianchi R.* // In the Tomb of Nefertary. P. 59.

¹²⁴ *Schäfer H.* Op. cit. P. 72.

¹²⁵ См.: *Davis N., de Garis.* Two Ramesside Tombs at Thebes. N.Y., 1927. P. 28, 43.

¹²⁶ *Schäfer H.* Op. cit. P. 83

квиваемся с нарушением всех этих основных правил: контурная линия профиля отсутствует, а наложение оттенков основного – красного – цвета при изображении ее лица дает игру светотени: это приводит к зримому эффекту трехмерности изображения, который достигается здесь исключительно средствами живописи. Пример использования подобной техники находит аналогии, пожалуй только в виньетках из двух частных захоронений времени Сети I¹²⁷. Подчеркнем особо, что в гробнице Нефертари эту инновацию можно наблюдать только в передаче лица самой царицы, что таким образом выделяет ее фигуру и этими специфическими средствами. Эффект достигается действительно поразительный: "...Если бы все документы, по которым можно восстановить историю ее жизни, затерялись бы в песках времени, и только одно из этих изображений ее лица уцелело, суждение было бы все равно единодушным. Этот шедевр должен был представлять лицо женщины воистину необыкновенной", совершенно справедливо заметил по этому поводу Р. Бьянчи¹²⁸.

Гробница Нефертари отмечена еще одной инновацией технологического свойства. Качество породы, в которой она была вырублена, оказалось настолько низким, что пришлось применять особую технику подготовки стен¹²⁹: на их грубо иссеченную поверхность был наложен толстый слой сырой штукатурки, покрытый затем тонким слоем гипса; в высохшей массе как в камне и были вырезаны изображения. Качество их (особенно при моделировке лиц), выполненных в «высоком рельефе», часто оказывалось непревзойденным. Роспись темперой этих рельефов и создала один из лучших образцов настенной живописи рамессидского времени; впоследствии эта техника применялась при отделке близлежащих гробниц и стала достаточно популярна. К сожалению, однако, именно она в первую очередь и явилась причиной последующего плачевного состояния росписей в гробнице № 66.

Наконец, еще одна последняя, но очень важная деталь. Практически никогда "авторы" гробниц не оставляют нам своих имен, однако в исключительных случаях, как подметил когда-то Джеймс¹³⁰, некоторые из них могут быть случайно установлены, но лишь только потому, что могут являться сами собственниками собственных идентифицированных захоронений. Весьма возможно, что мы имеем дело как раз с таким редчайшим случаем: манера и стиливые особенности некоторых деталей декора чрезвычайно близки отдельным элементам из частных гробниц художников-ремесленников из Деир эль-Медина (так называе-

¹²⁷ *Bianchi R.* // *In the Tomb of Nefertary.* P. 59 ff.

¹²⁸ *Ibid.* P. 70.

¹²⁹ *James T.G.H.* *Egyptian Painting and Drawing in the British Museum.* L., 1985. P. 43.

¹³⁰ *Ibid.*

мых "послушных призыву в Месте Правды"), прежде всего Сеннеджема и его сына Хонсу¹³¹. Эта близость в отдельных деталях настолько разительна, что позволяет некоторым исследователям говорить о "мастере Нефертари"¹³².

Редакторы упоминаемого в начале работы коллективного труда о женщинах в европейской истории довольно раздраженно комментировали однобокость и ограниченность "мужского" взгляда на женщин и их место в истории: однако пример древнеегипетской царицы Нефертари, "из-за любви к которой восходит солнце", внушает по этому поводу некоторый оптимизм.

¹³¹ PM. I. 1. P. 3, 5.; *Needler W.* // JEA, 1935. Vol. 39. P. 60–75.; Ramsès Le Grand: Galeries Nationales du Grand Palais. P., 1976. N XLIV. P. 189.

¹³² Ramsès Le Grand. P. 195–205.

СПАРТАНСКАЯ ГИНЕКОКРАТИЯ*

Пожалуй, никакой другой аспект пресловутого спартанского образа жизни не привлекал к себе в древности такого пристального внимания и интереса, как поведение женщин и то особое, по понятиям древних, явно ненормальное положение, которое они занимали в обществе. У одних, так называемых "лаконофилов", этот интерес смешивался с нескрываемым восхищением и преклонением перед государственной мудростью великого спартанского законодателя Ликурга; у других – лаконофобов – его дополняло столь же откровенное неприятие, переходящее в чувство глубокого нравственного негодования. Сугубо негативная позиция этой второй группы наблюдателей с предельной ясностью выражена в одном из разделов II книги "Политики" Аристотеля (1269 b12–1270 a29). Ликург обвиняется здесь в том, что, позаботившись о насаждении добрых обычаев и нравов среди мужской части населения Спарты, он не сумел сделать то же самое по отношению к женщинам, которые будто бы воспротивились воле законодателя, и ему пришлось отступить от своего замысла. Предоставленные самим себе женщины предались своеволию, распущенности и роскоши (ζῶσι γὰρ ἀκολαστῶς πρὸς ἀλασάν ἀκολασίαν καὶ τρυφερῶς), и более того, начали вмешиваться в государственные дела, что в конце концов привело к установлению в Спарте самой настоящей гинекократии. "Да и какая разница, – горестно вопрошает философ, – правят ли сами женщины или же начальствующие лица находятся под их властью? Ведь следствие (в обоих случаях) одно и то же". В вину спартанским женщинам ставится то, что они позволяли себе роскошествовать, бросая тем самым вызов строгим нормам официальной морали, что они оказывали какое-то давление на должностных лиц, так что те попали в положение γυναικοκρατούμενοι и вообще вели себя дерзко и нагло¹.

* © Ю.В. Андреев, 1995.

¹ Из текста Аристотеля не следует, что он относит это положение дел в Спарте к какому-то определенному периоду ее истории. Употребленное им выражение "καὶ πολλὰ διέκειτο ἔτι τῶν γυναικῶν ἐπὶ τῆς ἀρχῆς αὐτῶν" (Pol. 1269 b31–32) едва ли может быть понято как указание на время спартанской гегемонии в Греции между 404 и 371 гг. до н.э. (именно так интерпретировал это место С.А. Жебелев в своем переводе "Политики"). Рассуждая далее о дерзости или наглости (φρασύτης) спартанских женщин, Аристотель подкрепляет свою мысль конкретным историческим примером: во время фиванского втор-

Завершая весь этот перечень обвинений, Аристотель дает понять, что именно ненормальное положение женщин было одной из главных причин того, что Спарта во второй половине IV в. до н.э. страшно обезлюдела и лишилась своей былой военной мощи. По его словам, женщины в это время завладели двумя пятыми всей земли, находящейся в пределах государства, что повлекло за собой резкое сокращение числа граждан, пригодных к военной службе.

Конечно, мы не вправе забывать о том, что, изображая положение дел в спартанском государстве в столь мрачном свете, великий философ имел в виду прежде всего современную ему упадочную Спарту, уже утратившую свою былую славу и могущество и пораженную тяжелым внутренним недугом. Возможно, те проявления женской распущенности, о которых рассуждает автор "Политики", были так или иначе связаны с этим упадком и, напротив, не были характерны для более ранних этапов развития спартанского полиса. Здесь невольно напрашивается сравнение с Римом времен империи, где женская свобода также вышла, по понятиям древних, далеко за рамки дозволенного. Однако сохранившиеся в греческой литературе отголоски более ранней антилаконской традиции убеждают нас в том, что Аристотель был не так уж одинок и не так уж оригинален в своей неприязни к спартанским женщинам. Об их распущенности, роскошестве и расточительности был осведомлен уже его учитель Платон и писал о них почти в тех же выражениях, что и Аристотель, хотя и не так многословно (Leg 637c., 806c).

Но еще задолго и до Аристотеля, и до Платона в чем-то сходные суждения высказал великий трагический поэт Еврипид. В его трагедии "Андромаха", созданной еще в те времена, когда Спарта находилась в зените своей славы и могущества, старец Пелей сурово порицает спартанца Менелая за то, что он ничего не сделал для того, чтобы оградить свой семейный очаг от скверны прелюбодеяния. Сам Пелей, однако, находит поступок Елены вполне естественным и соответствующим тем нравам, которые царят у нее на родине (*Eur. Andr.* 595–602): "...А впрочем, спартанке как и скромной быть, когда | с девичества, покинув терем, делит она палестру с юношей и пеплос | ей бедра обнажает на бегах... | Невыносимо это... Мудрено ль |, что вы распутных растите"². Брюзжание Пелея явно повторяет обрывки каких-то реальных разговоров, которые поэт мог подслушать у афинских моралистов в первые годы Пелопоннесской войны или еще до ее начала³. Оче-

жения в Лакедемон женщины "не принесли никакой пользы (государству), но зато вызвали больше переполоха, чем враги". Ср., однако, рассказ Плутарха (Рунг. XXVII) о доблестном поведении спартанских женщин, активно участвовавших в отражении армии Пирра от стен Спарты.

² *Еврипид*. Трагедии. М., 1969. Т. 1. С. 314 (Пер. И. Ф. Анненского).

³ О других антилаконских выпадах у Еврипида см.: *Tigerstedt E.N. The Legend of Sparta in Classical Antiquity*. Stockholm etc. 1965. Vol. 1. P. 117 ff.

видно, среди современников Еврипида слухи о непозволительно свободном образе жизни спартанских женщин были, что называется, "притчей во языцех". Во времена же Аристотеля они, судя по всему, уже успели стать глубоко укоренившейся литературной традицией, хотя содержание и характер этой традиции могли, конечно, меняться в зависимости от личных вкусов и склонностей того или иного автора.

Прежде чем судить о том, насколько справедливы были все эти обвинения, необходимо выслушать также и другую сторону – друзей и почитателей Спарты, лаконофилов. Связанная с этим сюжетом лаконофильская традиция наиболее полно представлена в сочинениях Плутарха, заимствовавшего многие из своих суждений и оценок у таких авторов более раннего времени, как Критий, Ксенофонт, Филарх и целый ряд других, не столь известных. В "Биографии Ликурга" (XIV. 1–4) он вступает в прямую полемику с Аристотелем, доказывая, что спартанский законодатель отнюдь не обошел женщин своим вниманием, а, напротив, очень хорошо позаботился о их воспитании. Вслед за Ксенофонтом (ср. *Las. Pol. I. 3–4*) он усматривает большую заслугу Ликурга в том, что, обязав спартанских девушек упражняться в беге, борьбе, метании диска и копья, он тем самым наилучшим образом подготовил их к тяготам ожидающего их материнства и, что особенно важно, гарантировал им и их будущим супругам здоровое потомство. Вероятно, отвечая на один из наиболее часто повторявшихся выпадов лаконофобов, обличавших непристойное поведение юных спартанок, которые то ли совсем нагишом, то ли в одном только коротком хитоне появлялись перед юношами и мужчинами во время торжественных процессий, священных танцев, песнопений и атлетических состязаний⁴, Плутарх уверяет читателя, что их нагота не заключала в себе ничего постыдного и даже, напротив, способствовала тому, что у девушек вырабатывался самый возвышенный образ мыслей и укреплялось чувство собственного достоинства (*Лус. XIV. 4*).

Переходя вслед за тем (XV. 3–5) к описанию брачных обычаев и семейной жизни спартанцев, он дает достойную отповедь недругам Спарты, видимо, особенно изощрявшимся в остроумии по поводу неслыханного распутства, будто бы царившего в этом государстве. Опровергая эти домыслы, Плутарх обращает внимание читателя на величайшую стыдливость и целомудрие, которые проявляли молодые супруги уже в первый год их совместной жизни. Следуя правилу, установленному Ликургом, они могли встречаться лишь урывками, обязательно в неосвещенном помещении и непременно в тайне от всех окружаю-

⁴ См. также: *Propert. III. 14*; *Ovid. Her. XVI. 149–152*; *Pollux. VII. 54 sq.*; *Athen. 566 e*. Арханические бронзовые статуэтки лаконского производства изображают девушек, либо одетых в короткие хитоны (так называемые "бегуны"), либо совершенно обнаженных (танцовщицы?). Фигурки этого второго типа обычно служили ручками зеркал. См. о них: *Herfort-Koch M. Archaische Bronzeplastik Lakoniens. Münster, 1986. S. 27 ff.*

щих. "Бывало, – замечает историк, – что уже и дети рождались у некоторых, прежде чем им удавалось увидеть своих супругов при свете дня". Как и Ксенофонт, чью аргументацию он здесь в основном использует (ср. *Xen. Lac. Pol. I. 5–6*), Плутарх находит эти меры предосторожности весьма полезными как с точки зрения чисто евгенической (молодожены не растрчивали попусту свой любовный пыл, что не могло не сказаться самым благоприятным образом на их потомстве), так и с точки зрения нравственной (поставленные в столь жесткие условия брачные пары поневоле приучались к сдержанности и стыдливости).

Защищая спартанцев от обвинений в бесстыдстве, Плутарх не мог не умолчать о некоторых особенно щекотливых аспектах их сексуального поведения, явно идущих вразрез с общегреческими представлениями о морали. Но даже и эти очевидные отклонения от нравственной нормы он постарался обратить на пользу своим "подзащитным". По его словам (*Лус. XV. 6–10*), Ликург, стремясь вытравить из сердец граждан "пустую бабью (γυναικώδη) ревность", предоставил возможность "сообща заводить детей людям достойным" (παίδων δε καὶ τεκνώσεως κοινῶνεῖν τοῖς ἀξίοις). Далее следуют два примера такого рода сообщества (оба заимствованы из "Лакедемонской политики" Ксенофонта – I. 7–8).

В одном случае старому мужу молодой жены было дозволено допустить к ней какого-нибудь молодого человека безупречной репутации, пользующегося безусловным доверием и любовью старца, с тем чтобы детей, родившихся от этого союза, он мог потом воспитать как своих собственных. В другом случае "человек порядочный" мог "убедить" мужа понравившейся ему женщины, плодовитой и непременно благоразумной, уступить ему на время свои супружеские права на нее (πεῖσαι τὸν ἄνδρα συνελθεῖν), "дабы породить хороших детей, единокровных (другим) хорошим детям". Плутарх ясно дает понять читателю, что в этих и других аналогичных ситуациях главной заинтересованной стороной было государство, контролировавшее и направлявшее процесс детопроизводства в масштабах всей гражданской общины. "Ведь Ликург, – утверждает он, – впервые признал, что дети принадлежат не их отцам, но всему государству, и именно поэтому хотел, чтобы граждане рождались не от кого придется, а (только) от лучших родителей". И тут же уже без всяких околичностей сравнивает этих образцовых производителей с припускными самцами, оплодотворяющими сук и кобыл по желанию их хозяев, которые однако же забывают о всех правилах евгеники, когда дело касается их собственных жен, и после расплачиваются за свое неразумие, воспитывая хилых и немощных детей, рожденных от них самих, а не от "порядочных молодых людей" со стороны, как это заведено в Спарте. Завершая этот в высшей степени интересный пассаж, Плутарх замечает еще, что все эти порядки, так хорошо устроенные, с точки зрения как естества, так и политики,

были настолько далеки от распространившейся позже так называемой "женской распущенности" (περί τὰς γυναῖκας εὐχειρίας), что прелюбодеяние среди них (т.е. спартанцев) было бы чем-то совершенно невероятным.

Вскоре, однако, становится ясно, что весь этот патетический слог, в которых Плутарх облек свое восхищение мудростью спартанского законодателя и его заботой о женском благонравии, был во многом наигранным. В "Сопоставлении", которым завершаются биографии Ликурга и Нумы Помпилия, он решительно отдает "пальму первенства" римскому царю, находя оптимальным избранный им способ решения "женского вопроса" (*Plut. Luc. Numa; Comparat. III. 1–5*). Акценты в оценке нравов и поведения спартанских женщин, а также их общественного положения здесь явно смещены в сторону "общих мест" антилаконской традиции. Брачные обычаи спартанцев и в особенности обычай уступки жен другим мужчинам теперь уже не кажутся Плутарху такими уж превосходными. По его мнению, человек, способный на такое дело, либо совершенно равнодушен к своей супруге, либо, повинувшись закону, обречен терзаться жестокими муками ревности. Уже не вызывают у него былого восторга и спартанские принципы женского воспитания. Теперь он склоняется к мысли, что Ликург, допустив девушек и женщин к участию в атлетических состязаниях, предоставил им слишком большую и по природе им несвойственную (ἀθλῶς οὐσα) свободу, что не могло не шокировать поборников общественной нравственности в других греческих государствах и не раз служило поводом для насмешек и издевательств поэтов. Плутарх напоминает, что уже Ивик называл спартанских девушек "обнажающими бедра" (φαίνομηρίδας), что об их неистовой похотливости был хорошо осведомлен Еврипид (цитируется уже упоминавшееся место из "Андромахи"). Эта ничем не сдерживаемая свобода сделала спартанок "чересчур дерзкими (ἄρσῦται) и мужественными (ἀνδρώδεις), что первыми испытали на себе их собственные мужья, ибо они и домашними делами распоряжались самовластно (κατὰ κράτος), и при обсуждении важнейших государственных дел могли свободно высказывать свое мнение" (ἐν δὲ τοῖς δημοσίοις πράγμασι καὶ γνώμης μεταλαμβάνουσαι καὶ παρρησίας περὶ τῶν μεγίστων). Симпатии автора здесь явно на стороне римского законодателя, который в отличие от Ликурга сумел привить девушкам и женщинам скромность, стыдливость и послушание. Таким образом, Плутарх как бы раздваивается, солидаризируясь то с восторженными почитателями спартанских порядков, то, напротив, с их неистовыми хулителями, и в результате вступает в очевидное противоречие с самим собой.

Эта двойственность его позиции ощутима также и в некоторых других его сочинениях, например, в "Биографии Агиса". Факты, которые

приводит здесь Плутарх, хорошо вписываются в ту мрачную картину, изображающую Спарту под властью женщин, которую мы находим в "Политике" Аристотеля. У читателя может создаться впечатление, что во времена Агиса IV чуть ли не все дела в спартанском государстве вершились двумя противоборствующими кликами знатных "дам", одна из которых поддерживала юного царя в его реформаторских начинаниях, другая же активно ему противодействовала. Ближайшими союзницами и единомышленицами Агиса были, по словам Плутарха, его мать Агесистрата и бабка Архидамия⁵. Об Агесистрате историк сообщает (Agis. VI. 4), что эта женщина "пользовалась в государстве большим влиянием благодаря множеству клиентов, друзей и должников и многие общественные дела вершила самолично" (καὶ πολλὰ τῶν κοινῶν διαπραττομένην). Впрочем, в Спарте все это было в порядке вещей, ибо, как сказано немного ниже (VII. 3), "лакедемоняне всегда оставались под властью женщин и больше позволяли им заниматься государственными делами, чем сами вмешивались в дела домашние", а в то время, о котором идет речь, и "богатства Лаконии по большей части находились в руках женщин". Заразившись консервативно-революционными идеями Агиса, Агесистрата и Архидамия не только сами отказались от своих огромных богатств в пользу государства, но и пытались склонить к тому же акту самопожертвования и гражданской сознательности также и других "дам из высшего общества" (Ibid. VII. 2-3; IX. 3). Однако их агитация, по-видимому, не имела большого успеха. В большинстве своем состоятельные женщины не пожелали расстаться с привычной для них роскошью и тем почетом и могуществом, которые им давало их богатство, и решительно воспротивились реформаторским замыслам Агиса, оказывая всемерную поддержку его главному сопернику – представителю другого царского рода Леониду (Ibid. VII. 3-4). Потерпев поражение, сам Агис, а вместе с ним и его мать и бабка встретили смерть с мужеством, достойным героев Спарты славных былых времен.

Сопоставляя разноречивые суждения Плутарха и некоторых других античных авторов о спартанских женщинах, мы можем теперь определить, в чем заключалось основное различие в трактовке этого "деликатного вопроса" представителями двух противоположных традиций: лаконофобской и лаконофильской. В то время как лаконофобы в своих рассуждениях всячески подчеркивали своеволие и распущенность жен и дочерей спартиатов, видя в них носительниц стихийной разрушительной силы, враждебной закону и порядку, лаконофилы, напротив, пытались объяснить все странности и аномалии в их поведении их дисциплини-

⁵ Жена Агиса Агиатида, по-видимому, также разделяла его образ мыслей. Насильно выданная после его смерти замуж за еще совсем юного тогда Клеомена III она оказала на него большое влияние рассказами о своем первом супруге (Plut. Cleom. XXII. 1-2).

*Бегущая девушка. Роспись амфоры.
Конец VI в. до н.э.*

рованностью и законопослушанием. При этом как те, так и другие, несомненно, сильно сгустили краски. В изображении лаконофобов Спарта превратилась в своего рода перевернутый мир, в котором обычно бесправные и униженные женщины будто бы чуть ли не полностью подчинили себе мужчин и, оттеснив их от кормила власти, взялись сами вершить как домашние, так и государственные дела (ситуация, близко напоминающая фантастические сцены из аристофановских "Женщин в народном собрании"). Лаконофилы со своей стороны явно переоценили степень социализированности спартанских женщин, сделав их послушными рабынями государства, ради высших интересов которого они готовы были стать неким подобием "рожающих машин". В основе суждений как того, так и другого рода, по всей видимости, лежит один и тот же "мужской шовинизм", т.е. взгляд на женщину как на существо низшего рода, по своей природе нуждающееся в опеке и надзоре⁶.

Как это чаще всего бывает, истина должна находиться где-то в промежутке, разделяющем эти две крайности. Попробуем теперь определить ее местоположение несколько более точно. Взяв за точку отсчета безрадостную участь афинянки из "приличной семьи", известную нам по "Домострою" Ксенофонта и судебным речам ораторов IV в., мы неизбежно должны будем признать, что в своей повседневной жизни ее спартанская современница пользовалась несравненно большей свободой. Судя по отрывочным сообщениям источников, эта свобода должна пониматься в первую очередь как освобождение от монотонного и отупляющего домашнего труда, который в других греческих государствах превращал женщин в особую разновидность полурабынь.

Как это чаще всего бывает, истина должна находиться где-то в промежутке, разделяющем эти две крайности. Попробуем теперь определить ее местоположение несколько более точно. Взяв за точку отсчета безрадостную участь афинянки из "приличной семьи", известную нам по "Домострою" Ксенофонта и судебным речам ораторов IV в., мы неизбежно должны будем признать, что в своей повседневной жизни ее спартанская современница пользовалась несравненно большей свободой. Судя по отрывочным сообщениям источников, эта свобода должна пониматься в первую очередь как освобождение от монотонного и отупляющего домашнего труда, который в других греческих государствах превращал женщин в особую разновидность полурабынь.

⁶ На этот общий недостаток почти всех имеющихся в нашем распоряжении источников справедливо обращает внимание П. Кэртлидж. См.: *Cartledge P. Spartan Wives; Liberation or Licence? // CQ. 1981. Vol. XXXI. N. 1. P. 85.*

Так, Ксенофонт (Лас. Пол. I. 3–4) восхищается мудростью Ликурга, который в заботе о правильном деторождении освободил спартанских девушек от слишком строгого домашнего надзора и вместо того, чтобы, как это обычно бывает в других греческих полисах, сидеть за ткацким станком в ожидании замужества, обязал их укреплять свое тело атлетическими упражнениями наравне с юношами. По словам Платона (Leg. 806a), взрослые женщины в спартанских семьях также были избавлены от прядения, ткачества и, вероятно, от других видов физического труда (ср. *Heraclid. Lemb.* 373. 13). В их обязанности входило лишь общее попечение о домашнем хозяйстве и воспитании детей. всю тяжелую работу, по-видимому, исполняли домашние рабыни, то ли покупные, то ли взятые из илотских поселков⁷. Время, свободное от забот о семье и хозяйстве, спартанки могли посвящать занятиям атлетикой, продолжая, как и в юности, тренировать свое тело на благо самим себе и государству (на это прямо указывает Платон в том же разделе "Законов"). Пример образцовой гражданки Лакедемона являет собой Лампито в "Лисистрате" Аристофана, изображенная комедиографом с явной симпатией, хотя и не без оттенка иронии⁸. На комплименты, которыми ее осypаает главная героиня комедии (79–83): "Почтеннейшей спартанке, Лампито, привет! Какой красою блещешь ты, любезная! Румяна как и телом как упитанна! Да ты быка задушишь!" – она отвечает без ложной скромности: "Ну еще бы нет! Не зря ж борюсь я, прыгаю и бегаю"⁹. Судя по ее участию в организованном Лисистратой сексуальном бойкоте, Лампито – уже не девица, а вполне зрелая замужняя женщина.

Атлетические упражнения не только физически укрепляли и закаляли спартанских девушек и женщин, готовя их к выполнению их основной биосоциальной функции, т.е. к родам и материнству (именно на это делают главный упор в своих суждениях об этом предмете Ксенофонт (Лас. Пол. I. 4) и Плутарх (Лус. XIV. 2)), но и прививали им чувство собственного достоинства, уверенность в своих силах, смелость и независимость¹⁰. И, наконец, что особенно важно, женская атлетика, впрочем, точно так же, как и мужская, была весьма эффективным средством воспитания социальных инстинктов и приобщения индивида к

⁷ См. о них: *Lotze D. Μεταξὺ ἑλευθέρων καὶ δούλων.* В., 1959. s. 36 f.

⁸ Ср.: *Tigerstedt E.N.* Op. cit. P. 123 ff.

⁹ *Аристофан.* Комедии. М.; Л., 1934. Т. 2. С. 140 (Пер. А. Пиотровского).

¹⁰ Немалое значение имело также и то, что девушек в Спарте выдавали замуж уже в достаточно зрелом возрасте (в этом опять-таки сходятся Ксенофонт и Плутарх), вероятно, между восемнадцатью и двадцатью годами. В отличие от афинских девочек-подростков, которые становились женами и матерями, едва достигнув четырнадцати лет, они плохо поддавались "приручению" и, видимо, были совсем не склонны безропотно выполнять волю своих супругов. См.: *Toynbee A.* Some Problems of Greek History. L. etc., 1969. P. 363 f.

политической и религиозной жизни полиса¹¹. Раньше, чем кто бы то ни было другой это, по-видимому, понял Платон, предусмотревший занятия атлетикой для женщин в своем первом проекте идеального государства (Resp. 457 a–b). Подобно мальчикам-подросткам, и юношам, проходившим курс гражданского воспитания, спартанские девушки были разбиты на возрастные группы, называвшиеся так же, как и у мальчиков, "агелами" или "илами" (*Pind. Fr. 112; Callim. Hymn. V. 33–34; ср.: Theocr. Hymn. XVIII. 22–25*)¹². Во время атлетических и музыкальных состязаний, обычно сопутствовавших большим религиозным празднествам, эти группы, по-видимому, вступали в борьбу друг с другом как соревнующиеся за первенство "команды". Своеобразные отношения любви-дружбы, связывавшие девушек-сверстниц, входивших в эти компании, могли, как и у мужчин, сохраняться в течение всей жизни и, несомненно, способствовали укреплению царившего в них корпоративного духа¹³.

Получившие такое воспитание женщины едва ли были приучены смиренно угождать своим мужьям, взирая на них только снизу вверх, как на существ, высших по природе. В "Биографии Ликурга" (XIV. 3) Плутарх обращает особое внимание читателя на остроумие спартанских девушек, упоминает о насмешках и похвалах, которыми они осыпали юношей в своих песнях, возбуждая их честолюбие. Образчики такого рода острот и метких суждений представлены в принадлежащем тому же автору сборнике "Изречений лаконянок" (Moral. 240c–242d). Основную часть этих изречений составляют наставления матерей, обращенные к идущим в бой сыновьям (среди них и знаменитое "или с ним, или на нем"). Все они вещают как бы от лица самого спартанского государства, настойчиво повторяя главные заповеди официальной морали, некогда провозглашенные в "Воинственных элегиях" Тиртея. Как олицетворение деспотической власти закона они посылают на смерть своих сыновей и с презрением отказываются от них, если им удастся вернуться живыми с поля битвы. Власть женщины-матери над своими детьми здесь как бы сливается с властью государства над гражданами. Отнюдь не случайным в этом контексте выглядит и известное изречение Горго, дочери Клеомена I и жены героя Фермопил Леонида (Ibid. 240e5; см. также: Лус. XIV. 4). Парируя упрек некой афинянки, обвинявшей спартанок в том, что они – "единственные из

¹¹ О ритуальном характере атлетических состязаний спартанских девушек см.: *Scanlon T.F. Virgineum Gymnasium: Spartan Females and Early Greek Athletics // The Archaeology of the Olympics / Ed. W.J. Raschke. Madison, 1988. P. 186 ff.*

¹² *Nilsson M.P. Die Grundlagen des spartanischen Lebens // Wege der Forschung. Darmstadt, 1986. Bd. 622: Sparta / Hrsg. K. Christ. S. 324 f.; Scanlon T.F. Op. cit. P. 187.*

¹³ Яркое представление об отношениях этого рода дает "Парфений" Алкмана (*Page D. Alcman: The Partheneion. Oxford, 1951*). Об их определенно гомосексуальной окраске см.: *Dover K.J. Greek Homosexuality. L., 1978. P. 179 ff., 195. Ср. Plut. Lyc. XVIII. 4.*

женщин, которые правят мужами", она будто бы ответила: "Но ведь мы единственные и рождаем мужей".

В этом анекдоте, как и в других свидетельствах древних о спартанской гинекокрации, реальное положение вещей, несомненно, представлено в сильно искаженном и гиперболизированном виде. Тем не менее у нас нет достаточных оснований для того, чтобы сомневаться в том, что уровень социальной активности спартанских женщин был, по греческим стандартам, чрезвычайно высок, что по временам могло приводить даже к разного рода политическим эксцессам. Конечно, нельзя не считаться с тем, что почти все дошедшие до нас упоминания о прямом вмешательстве женщин в государственные дела Спарты относятся к достаточно позднему времени (не ранее 70-х годов IV в. до н.э.)¹⁴ и, по крайней мере, у Плутарха ограничиваются лишь узким кругом лиц из высших слоев общества, принадлежавших к царским и другим аристократическим родам. По своим амбициям и всему складу мышления эти "знатные дамы", стоявшие очень близко к главным "жизненным центрам" спартанской большой политики, видимо, не так уж сильно отличались от женщин из эллинистических царских династий или же гордых матрон республиканского и императорского Рима. Оба наши источника: и Аристотель, и Плутарх, однако, в равной мере настаивают на том, что такое положение вещей существовало в Спарте с незапамятных времен. По Аристотелю (см. в особенности *Polit.* 1269b39–1270a8), уже Ликург столкнулся с распущенностью женщин и, пытаясь бороться с ней, вскоре убедился в своей бессилии. Плутарх подтверждает его слова, замечая, что женщины в Спарте всегда властвовали над мужчинами (*Agis.* VII. 3). Но, что особенно важно, оба эти автора достаточно ясно дают понять, что причастность женщин к управлению государством отнюдь не была здесь каким-то изолированным или случайным явлением, что, скорее напротив, она может считаться закономерным следствием всего их образа жизни и того неподобающе высокого положения, которое они занимали в спартанском обществе.

И Аристотель, и Плутарх (первый косвенно, второй прямо) связывают политическое влияние и могущество спартанских женщин с их из ряда вон выходящим богатством. Но принадлежавшие им огромные состояния едва ли могли возникнуть в те времена, когда в Спарте еще действовала приписываемая Ликургу уравнительная система землепользования¹⁵. Основным владельцем каждого из 9000 так называемых

¹⁴ Ср., однако, анекдот об участии Горго в переговорах ее отца Клеомена I с Аристархом Милетским (*Herod.* V. 51; *Plut.* *Moral.* 240 d).

¹⁵ Впрочем, уже и в ту пору большими богатствами могли владеть женщины из царских родов, на которых аграрное законодательство Ликурга, по всей видимости, не распространялось. Во всяком случае, сестра Агесилая II Киниска была достаточно богата, чтобы выставить четверку скаковых лошадей на состязании в Олимпии (*Xen. Ages.* IX. 6).

"древних наделов" считался мужчина-спартиат. Доходы, получаемые с надела, обеспечивали его взносы в сисситии, а также, по-видимому, пропитание его детей. При этом, однако, определенная их часть была закреплена за женщиной, очевидно, супругой владельца надела. Согласно Плутарху (Лус. VIII. 4), мужчина получал 70 медимнов ячменя и соразмерное количество вина и масла, а женщина – 12 медимнов ячменя и соответствующую норму жидких продуктов. То обстоятельство, что женщина имела свою четко фиксированную законом долю в общих доходах семьи, пожалуй, говорит о необычности занимаемого ею положения. Вероятно, это означает, что она считалась в каком-то смысле совладелицей клера, хотя, как далеко простирались ее владельческие права, сейчас судить трудно. В то же время ее участие в разделе и реализации урожая, полученного с земельного участка, признанного в принципе государственной собственностью¹⁶, можно понять и как косвенное указание на то, что она так же, как и ее муж, принадлежала к категории лиц, состоящих на государственной службе, и именно по этой причине материально ни от кого не зависела.

В определенных ситуациях женщина могла оказаться единственной наследницей семейного имущества. Спартанцы называли таких наследниц – *πατρούχος* (букв. "держательница семейного надела"). О их особом положении свидетельствует тот факт, что в случае преждевременной смерти отца, если он не успел позаботиться о замужестве наследницы, его должен был заменить один из царей, который подыскивал девушке жениха (*Herod. VI. 57, 5*). Однако, за исключением этих особых случаев, девушек в те времена, когда еще сохраняли свою силу законы Ликурга, выдавали замуж вообще без всякого приданого, вероятно, для того, чтобы избежать дробления семейного достояния (*Plut. Moral. 227 f.; Athen. 555b-c*)¹⁷. Все эти правила, очевидно, перестали соблюдаться после вступления в силу так называемой "ретры Эпитадея", практически легализовавшей в Спарте режим частной собственности, при котором каждый гражданин мог свободно распоряжаться своим имуществом¹⁸. В этой ситуации собственность, включая землю и другую недвижимость, должна была более или менее равномерно распределяться между представителями обоих полов. Результатом этого, по-видимому, и может считаться та ненормально высокая концентрация земельных владений в руках женщин, на которую обращает внимание Аристотель в известном пассаже "Политики" (1270a 23–29), прямо связывая ее с вошедшими в его время в обычай большими приданными и правом свободного распоряжения судьбой дочерей-наследниц и их состояний.

¹⁶ *Oliva P. Sparta and her Social Problems. Pr., 1971. P. 3 f.*

¹⁷ *Cartledge P. Op. cit. P. 98. Ср.: MacDowell D.M. Spartan Law. Edinburgh, 1986. P. 81 f.*

¹⁸ *Toynbee A. Op. cit. P. 364; MacDowell D.M. Op. cit. P. 107.*

Однако, как было уже замечено, слухи о распущенности спартанских женщин, за которыми, во всей видимости, скрывается представление об их непозволительно свободном образе жизни и исключительно развитом социальном темпераменте, восходят ко временам, намного более ранним – по крайней мере, ко второй половине V в. Насколько позволяет судить цитированный выше отрывок из еврипидовской "Андромахи", в те годы спартанкам ставилось в вину по преимуществу их бесстыдство, прямо связывавшееся с сексуальной вседозволенностью и супружеской неверностью. О том, что распущенность спартанских женщин чаще всего понималась в древности именно как половое распутство, свидетельствует глосса *Λακωνικὸν τῶλον* в словарях Гезихия, Суды и Фотия с пояснением: "Предлагать себя (*ἑαυτὰς*) чужим (или, может быть, чужеземцам – *ξένοις*), ибо лаконяне очень плохо стерегут своих жен". Тот же смысл имеет, по-видимому, и любопытный анекдот о некоем Гераде, утверждавшем, что спартанские законы не предусматривали никакого наказания за прелюбодеяние, так как само это преступление было здесь абсолютно неизвестно. Плутарх ссылается на эту историю в "Биографии Ликурга" (XV: 10), пытаясь подкрепить ею свои рассуждения о необыкновенном целомудрии семейной жизни спартиатов. Но скрытая скабрзная "соль" анекдота от него явно ускользает.

Как мы уже это видели на примере того же Плутарха, авторы, придерживающиеся лаконофильской ориентации, в своих попытках защитить спартанских женщин, а, стало быть, и самих спартанцев от обвинений в распутстве обычно прибегали к двум контраргументам, доказывая, что, во-первых, сделав нормой временную уступку жен другим мужчинам, Ликург стремился обеспечить каждую спартанскую семью здоровым потомством, а все спартанское государство достаточным количеством хороших солдат, и что, во-вторых, право решения в таких случаях обычно принадлежало мужу, а не жене, которая должна была безропотно повиноваться его повелениям и рожать детей от любого казавшегося ему "порядочным" мужчины¹⁹. При этом и Плутарх, и Ксенофонт, у которого он преимущественно заимствовал свою аргументацию, явно имели в виду, что партнеры по такого рода сделкам так или иначе узаконивали детей, прижитых от чужой жены или чужого мужа, и признавали их своими. Ксенофонт, пытаясь объяснить читателю, почему спартанцы так охотно вступали в эти противостественные союзы, уверяет его (*Lac. Pol. I. 9*), что в таких случаях "женщины желают распорядиться (одновременно) двумя домами, мужчины же присоединить к (своим) сыновьям братьев, которые могли бы разделить с ними благородство происхождения и (телесную) крепость, не претендуя, однако, на их имущество" (ср. *Plut. Lyc. XV. 7*).

¹⁹ Ср.: *Nic. Damasc. Fr. 103 z* (FGrHist. 90): "Они (лакедемоняне) приказывают своим женам рожать от самых благообразных мужей из числа как граждан, так и чужеземцев".

Однако совершенно по-иному описывает, по-видимому, этот же обычай Полибий, историк достаточно серьезный и объективный, которого трудно заподозрить в какой-то неприязни к спартамцам и их нравам. По его словам (XII. 6b, 8), "у лакедемонян издавна было заведено (καὶ πατρίων ἤν καὶ σὺνῆθες), чтобы трое или четверо мужчин имели (одну общую) жену, иногда же (даже) и большее их число, если они были братьями, причем их дети считались общими; а для того, кто произвел на свет уже достаточно детей, отдать (свою) жену кому-нибудь из друзей считалось делом прекрасным и согласным с обычаем". Согласно наиболее распространенной интерпретации первой части этого пассажа²⁰, Полибий имел в виду особую форму брака, обычно обозначаемую термином "полиандрия". Однако спартанская семья, судя по всему тому, что нам о ней известно, была обычной моногамной семьей²¹, и Геродот, вероятно, знал, что он говорит, назвав "совершенно неспартанским" (οὐδαμῶ Σπάρτητικῶ) поведение царя Анаксандрида II, женатого на двух женах, с которыми он жил в двух разных домах. Поэтому логичнее было бы предположить, что так называемая "полиандрия" в действительности представляла собой всего лишь поочередное сожитительство одной женщины с несколькими мужчинами, которые могли быть связаны между собой отношениями дружбы или родства, хотя соблюдение этого условия, вероятно, не считалось чем-то обязательным. Дети, рожденные от таких связей, считались "общими", поскольку в каждом конкретном случае отцовство трудно было установить. Но отсюда вовсе не следует, что они и воспитывались сообща всей компанией сожителей их матери, которые должны были в этом случае вести также и общее хозяйство на одном из спартанских клеров²². Некоторые из них, возможно, усыновлялись своими предполагаемыми отцами, другие пополняли ряды незаконорожденных. Иначе говоря, засвидетельствованное Полибием право нескольких или даже многих мужчин на одну женщину может быть понято как некий общий принцип, действовавший в спартанском обществе, а упоминаемая во

²⁰ Так, например, см.: Nilsson M.P. Op. cit. s. 136 f.

²¹ Как и в других областях Греции, брачная церемония в Спарте включала в себя как один из обязательных элементов имитацию умыкания невесты (*Plut. Lyc. XV. 3*; ср. *Herod. VI. 65.2*), которая, по крайней мере, формально устанавливала власть мужа над женой, что свидетельствует об исконно патриархальном и моногамном характере спартанской семьи.

²² Те, кто расценивают эту форму брака как особую меру спартанского государства, продиктованную заботой о сохранении неделимости гражданских наделов (*Hodkinson St. Inheritance, Marriage and Demography: Perspectives upon The Success and Decline of Classical Sparta // Classical Sparta: Techniques behind her Success / Ed. A. Powell. L., 1989. P. 90*; ср.: *MacDowell. Op. cit. P. 85*), забывают о том, что доходов, полученных с одного надела, едва ли хватило бы для того, чтобы гарантировать всей компании мужей-братьев, а тем более их общим детям, их взносы в сисситии, и, следовательно, кто-то из них должен был лишиться своих гражданских прав.

второй части цитрованного отрывка уступка мужем своей жены другому мужчине как конкретный пример применения этого принципа на практике.

Но всегда ли такой отказ от своих владельческих прав на жену происходил по инициативе самого супруга и были ли на самом деле жены спартанцев такими пассивными и покорными созданиями, какими их хотелось бы видеть Ксенофону или Плутарху? Нам думается, что отрицательный ответ на этот вопрос вытекает уже из всего сказанного выше о необычайно высокому (по греческим меркам) уровню социальной активности спартанских женщин, об их гордом и независимом характере, который древние нередко расценивали как слишком строптивый и необузданный²³. Лаконофобы, несомненно, были ближе к истине, чем их противники, утверждая, что спартанки сами весьма охотно шли на сексуальные контакты с посторонними мужчинами, не дожидаясь пока их принудят к этому их не слишком строгие мужья. Общественное мнение, по всей видимости, не только не осуждало связи такого рода, но напротив, поощряло их, руководствуясь соображениями евгенического или какого-то иного порядка. На это указывает сохраненная Плутархом (Ругг. XXVI. 8–9; XXVIII. 3) история Хилониды и Акротата. Хилонида, молодая и красивая жена Клеонима, незадачливого претендента на спартанский престол, была влюблена в юного и доблестного Акротата, сына царя Арея, соперника Клеонима. Потерпев поражение как в политической борьбе, так и в своей семейной жизни, Клеоним привел в Спарту прославленного полководца Пирра с большим войском, рассчитывая с его помощью вернуть утраченную царскую власть. В кровопролитном сражении под стенами Спарты Акротат показал чудеса героизма и, когда он с победой возвращался в город, старцы приветствовали его криками: "Ступай, Акротат, и возьми (οἴφε) Хилониду! Только сделай для Спарты хороших детей!". Этот эпизод независимо от того, признаем ли мы его подлинным или вымышленным, достаточно ясно показывает, что спартанские женщины могли вступать во внебрачные связи, отнюдь не спрашивая согласия своих мужей и встречая при этом полное понимание и поддержку со стороны окружающих. Дети, рожденные от таких связей, по-видимому, расценивались гражданами Спарты как вполне удовлетворительное оправдание факта супружеской измены, даже если их родители отказывались или почему-либо не могли признать их своим законным потомством. В ситуации, изображенной Плутархом, их ожидала, по всей видимости, именно такая участь, поскольку Акротат не был мужем Хилониды, а ее законный супруг ненавидел и ее самое, и ее возлюбленного.

²³ Den Boer W. Laconian Studies. Amsterdam, 1954. P. 216. Ср.: Cartledge P. Op. cit. P. 102 f.

Ничто не мешает нам, однако, представить и иное, не столь драматичное развитие той же коллизии. Поступая в соответствии с общепринятыми в Спарте нормами морали, "обманутый супруг", очевидно, должен был смотреть "сквозь пальцы" на любовные увлечения своей жены, не проявляя никаких признаков ревности, а в иных случаях, возможно, даже вступал в полюбовное соглашение с ее избранником, т.е. действовал примерно так, как это изображается в соответствующих разделах "Лакедемонской политики" Ксенофонта и "Биографии Ликурга" Плутарха, но не прибегая к принуждению. Как было уже сказано, дети, прижитые в таком "браке левой руки", либо признавались законными наследниками одного из участников этой сделки, либо оставались под его опекой на положении незаконнорожденных. В этой связи особого внимания заслуживает одно место в "Греческой истории" Ксенофонта (V. 3,9). Перечисляя всех, кто сопутствовал царю Агесиполиду в его походе против Олинфа в 380 г. до н.э., историк упоминает в числе прочих также и "незаконнорожденных сыновей спартиатов, люდეи приятной наружности и не чуждых благ государственности" (νόθοι τῶν Σπαρτιατῶν, μάλα εὐεϊδεῖς τε καὶ τῶν ἐν τῇ πόλει καλῶν ὄνκ ἄλειροι). Под "благами государственности" в данном случае, скорее всего, подразумевается воспитание, которое эти "бастарды" могли получить в агелах вместе с законными детьми граждан Спарты²⁴. В завещании спартанца Ксуфия, вырезанном на бронзовой табличке из тегейского храма Афины Алеи (*Solmsem. Inscr. graec. dial. sel.*², 26), незаконнорожденные названы в перечне наследников на втором месте после законных детей завещателя, но перед его родственниками, что свидетельствует так же, как и цитированный только что текст Ксенофонта, об их довольно высоком общественном положении. Едва ли можно считать оправданным широко распространенное в науке отождествление представителей этой социальной прослойки с детьми, родившимися от связей спартиатов с илотскими женщинами²⁵. При столь характерной для внутренней жизни Спарты обостренности социального антагонизма связи такого рода могли быть и небезопасны, и, скорее всего, не поощрялись общественным мнением. К тому же спартиатам не было никакой надобности рисковать по илотским поселкам

²⁴ Об этом, в частности, свидетельствует и их "приятная наружность", которой, по понятиям древних, мог обладать только человек благородного происхождения, получивший к тому же хорошее воспитание. В том же перечне участников похода на Олинф фигурируют также «чужеземцы из числа так называемых "воспитанников" (τρόφιμοι)». Вместе взятые, эти две группы могли составлять особую социальную прослойку, в которую входили лица, получившие гражданское воспитание, но не пользовавшиеся всей полнотой гражданских прав. В более поздних источниках они именуются "мофаками" (*Phylarch // FGrHist. 81F43; Plut. Cleom. VIII.1; Aelian. Var. Hist. XII.43*).

²⁵ См.: *Busolt G., Swoboda H. Griechische Staatskunde. München, 1925. Bd. II. S. 657; Ehrenberg V. Μόθακτες // RE. 1933. Hbhd. 31. S. 382. Ср.: Lötze D. Μόθακτες // Historia. 1962. Bd. XI. 4. S. 430 ff.; Toynbee A. Op. cit. P. 343 ff.; Olin P. Op. cit. P. 174 ff.*

в поисках "пригожих поселенок", когда в их распоряжении было столько свободных женщин и девушек²⁶. Многие из них, вероятно, охотно прибегали к этому способу умножения своего мужского потомства, не подвергая опасности дробления свои наследственные наделы. И в этом их интересы вполне совпадали с чаяниями всего спартанского государства. Ведь привлекая незаконнорожденных на военную службу, оно могло в какой-то мере компенсировать убыль численности гражданской общины, оставляя в неприкосновенности ее экономическую основу.

Размышляя о причинах, обусловивших обрисованные выше аномалии в образе жизни, поведении и психологии спартанских женщин, лучше будет сразу же отказаться от невольно напрашивающихся параллелей с современностью, т.е. попыток объяснения этих аномалий как результата целенаправленного женского движения или же эмансипации, осуществленной сверху, самим правительством Спарты. Столь же неподтверены также и появляющиеся время от времени ссылки на будто бы сохранившийся в этом государстве мощный пласт реликтов эпохи матриархата и группового брака, чем собственно и был обусловлен необычайно высокий общественный статус спартанской женщины²⁷. Гораздо больше доверия внушают те авторы, которые в своих рассуждениях об этом феномене исходят из той конкретной исторической ситуации, которая сложилась в Спарте после установления в ней так называемого "ликургова космоса", к какому бы времени не относить это событие. Особого внимания заслуживают, на наш взгляд, соображения, которые были высказаны в свое время по этому поводу выдающимся английским историком А. Тойнби²⁸. В его понимании, явно ненормальное положение спартанской женщины было прямым следствием того ненормального образа жизни, который вели мужчины-спартиаты в своих сисситиях – этих на аристократический лад замкнутых от всего внешнего мира корпорациях сотрапезников. Уже в младенческом возрасте вырванный из лона семьи, обреченный расти и развиваться под гнетом жестокой военной муштры, в обстановке, близкой напоминающей современную казарму, спартиат, по-видимому, совер-

²⁶ Косвенным указанием на распространенность в Спарте добрачной половой свободы уже в древнейший период ее истории может служить легенда о так называемых "парфениях" (букв. "сыновьях дев"), которым приписывалось основание Тарента в Южной Италии (*Arist. Pol.* 1306b 30–33; *Strabo.* VI. 3.1–9. С. 278–284; *Diodor.* VIII. Fr. 21; *Justin.* III.4; XX.1). В более позднее время рожденные до брака дети спартанских женщин, вероятно, попадали в ту же категорию *υόβοι*, что и их внебрачное потомство (ср. *Plut. Moral.* 242 С; *Athen.* 602 d).

²⁷ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 21. С. 66 и след.; *Кагаров Е.* Пережитки первобытного коммунизма в общественном строе древних греков и германцев. М.; Л., 1937. С. 30 и след. Ср.: *Cartledge P.* Op. cit. P. 104.

²⁸ *Toynbee A.* Op. cit. P. 361 ff.

Афродита. Конец II в. до н.э. Берлин

шенно терял вкус к семейной жизни²⁹. Его обязанности в этой отнюдь не самой главной сфере его существования как человека и гражданина в сущности сводились к одной единственной функции – детопроизводству. Судя по всему, он был практически отстранен от воспитания детей, почти не занимался хозяйством. Относительная свобода, которой пользовалась в своей повседневной жизни спартанская женщина, была, по мнению Тойнби, своего рода побочным результатом этой возведенной в ранг государственного принципа сегрегации полов³⁰. Вероятно, не слишком обремененная домашними заботами и в то же время свободная от тягот военной службы и других повинностей, возложенных государством на мужчин, она была и в самом деле, как считал уже Аристотель, предоставлена самой себе и, видимо, обладала достаточным досугом, что открывало перед ней возмож-

ности более или менее гармоничного развития ее личности, в других греческих полисах считавшегося привилегией одних только мужчин³¹.

²⁹ Далеко не последнее место в числе факторов, способствовавших этому отчуждению мужчины от семьи, несомненно, занимала педерастия, широко распространенная в агелах и сисситиях и, судя по всему, отнюдь не вызывавшая нравственного осуждения в спартанском обществе (Toynbee A. Op. cit. P. 362; Cartledge P. Op. cit. P. 92, Not 48; ср.: Dover K.J. Op. cit. P. 185 ff.).

³⁰ Задолго до Тойнби на значимость этого фактора уже указывал в своей упоминавшейся выше статье М. Нильссон (Nilsson M.P. Op. cit. Esp. S. 132). Выдвинутый им тезис о тесной коррелированности институтов возрастных классов и мужских союзов с узаконенной сексуальной свободой был обоснован в этой работе с помощью многочисленных и весьма показательных этнографических параллелей.

³¹ В "программу" воспитания спартанских девушек наряду с чисто физическими упражнениями, вероятно, входили и какие-то элементы обучения музыке, и, возможно, также чтению и письму. Не исключено, что в духовном отношении спартанки даже несколько превосходили своих brutальных, далеких от подлинной культуры мужей. Ср.: Cartledge P. Op. cit. P. 92 f.

При всей ее убедительности гипотеза Тойнби едва ли может быть признана окончательным и исчерпывающим ответом на стоящий перед нами вопрос³². Не отвергая такую возможность решения проблемы, рассмотрим также и некоторые другие. Характерные для общественной жизни Спарты отступления от слишком строгих принципов патриархальной субординации могут свидетельствовать об определенной припухлости собственнических инстинктов у мужчин-спартиатов. Типично крестьянский взгляд на женщину как на своего рода придаток к семейному имуществу, глубоко укоренившийся в сознании греческого общества уже на заре архаической эпохи, о чем мы можем судить по хорошо известным высказываниям целого ряда авторов от Гесиода до Ксенофонта, в Спарте в силу некоторых причин не был принят общественным мнением. В этой связи будет уместно напомнить о том, что земельные наделы (клеры) спартиатов и прикрепленные к ним илоты, по крайней мере, юридически не считались их собственностью, а сами они находились на содержании у государства как пассивные получатели ренты, практически не принимающие никакого участия в производственном процессе. Сугубо собственническая психология греческого крестьянства, по всей видимости, была совершенно чужда этой замкнутой касте профессиональных военных, с презрением взиравших на земледельцев и всех вообще людей физического труда.

В немалой степени подавлению собственнических настроений в сознании граждан Спарты должна была способствовать и официальная пропаганда "достойного образа жизни", ориентированная на идеалы казарменного равенства и единомыслия. Борьба Ликурга или тех, кто скрывается за этим коллективным псевдонимом, с "пустым бабьим чувством ревности", о чем в один голос говорят наши основные источники, Ксенофонт и Плутарх, была по своей политической сути явлением того же порядка, что и предпринятые этим законодателем гонения на роскошь, запретительные меры против ремесла и торговли, ограничения денежного обращения и т.п. Как специфический предмет роскоши женщина в отличие от золота и серебра не могла быть полностью изъята из употребления. Следовательно, она должна была стать общим достоянием, как белый хлеб или жертвенное мясо на совместных трапезах в сисситиях (см.: *Xen. Lac. Pol. V.3; Plut. Lyc. XII. 2; Athen.* 141 с-е). При отсутствии в Спарте признанного обществом и государством института гетер свободная женщина была вынуждена совмещать в одном лице две, казалось бы, несовместимых ипостаси: матроны-домовлады-

³² В этой связи, несомненно, заслуживает внимания то обстоятельство, что в дорийских полисах Крита, несмотря на очевидную близость их социального и политического устройства спартанскому "ликургову космосу", положение женщины в целом почти не отклонялось от общегреческих стандартов. Ср.: *Казаманова Л.Н.* Семья и наследственное право на Крите // ВДИ. 1960. № 4. С. 52 и след.

чицы и блудницы-служительницы Афродиты Всенародной³³. В свою очередь и мужчина как активный участник этого узаконенного спартанским общественным мнением и официальной моралью распутства не мог принадлежать только своей жене. Как справедливо заметил в свое время голландский исследователь В. Ден Боэр³⁴, в Спарте, как и во многих других примитивных обществах, семья молодого и здорового мужчины-воина (ἄνδρα ἄγαθόν, по выражению Плутарха) считалась своего рода общинной собственностью и как источник магической жизненной силы подлежало утилизации среди возможно большего числа также молодых и здоровых женщин. Мужчины, по тем или иным причинам уклонявшиеся от выполнения своего общественного и религиозного долга перед согражданами, попадали в категорию так называемых ἀνόμοι и подвергались суровым наказаниям, о которых сообщает Плутарх и некоторые другие авторы (*Plut. Lyc. XV. 1–3; XXX. 7; Athen. 555C; Pollux. III. 48; VIII. 40*)³⁵.

Все сказанное, конечно, не означает, что в Спарте практиковался настоящий групповой брак или тем более промискуитет в том смысле, который вкладывается в эти понятия современной этнографией. Скорее речь здесь может идти об освященной традицией и интересами общества свободе адюльтера, который в силу его привычности уже не считался ни нарушением общепринятых моральных норм, ни, тем более, преступлением. В этом смысле анекдот о Герате, сохраненный Плутархом (*Лус. XV. 10*), но неверно им понятый, вполне адекватно отражает самую суть сложившейся здесь ситуации³⁶. Как равноправный партнер мужчины в свободной любви и в весьма угодном полису и его богам деле детопроизводства (τεκνοποιία), которое в Спарте не было ограничено тесными рамками патриархальной семьи, спартанская женщина вполне заслуженно пользовалась таким почетом и уважением, о которых не могли мечтать даже гражданки таких передовых и демократических государств, как Афины. Свобода женщины, если все же признать ее реальным историческим фактом, представляет собой едва ли не самое парадоксальное порождение спартанского тоталитаризма и его милитаристской, предельно маскулинизированной культуры.

³³ Ср.: *Cartledge P. Op. cit. P. 104.*

³⁴ *Den Boer W. Op. cit. P. 217.*

³⁵ О религиозной подоплеке этих гонений на холостяков см.: *Ibid. P. 220 ff.*

³⁶ Как верно заметил Нильссон (*Nilsson M.P. Op. cit. S. 136*), "вступление в брак было обязательно (для граждан Спарты), супружеская же верность совсем не обязательна". Ср.: *Cartledge P. Op. cit. P. 102.*

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ
АСПЕКТЫ НЕКОТОРЫХ ЖЕНСКИХ ОБРАЗОВ
В ГРЕЧЕСКОЙ ЛИРИКЕ И ДРАМАТУРГИИ
VII–V вв. до н.э.*

Проблема источников по исторической демографии и психологии настолько не разработана для античности, что представляется возможным не столько решать какие-либо демографические или психологические проблемы на базе древних источников, сколько посмотреть на знакомые персонажи литературных произведений с точки зрения методологического подхода. В первую очередь нас интересует такое фундаментальное понятие современной демографии, как "качество населения" и связанные с этим личностные характеристики женского образа.

Положению женщины в Древней Греции посвящены работы И. Блоха, Б. Варнеке, В. Бузескула, Е. Дюпуи, Е. Вардимана, П. Дюбуа, П. Брюле и др.¹ В работах начала века сформировался взгляд на женщину как угнетенное и замкнутое существо. Подчеркивался экономический характер брака, отсутствие эмоциональной связи мужа и жены². Этот взгляд был воспринят и некоторыми современными исследователями. Например, Е. Вардиман лишь в проституции видит альтернативную возможность для античной женщины развивать свои способности, быть самостоятельной, образованной, т.е. быть личностью³. Однако в некоторых зарубежных исследованиях наметился отход от

* © Н.А. Кривошта, 1995.

¹ Блох И. История проституции. СПб., 1913. Т. 1; Варнеке Б. Женский вопрос на афинской сцене. Казань, 1905; Бузескул В. Женский вопрос в Древней Греции. Харьков, 1905; Дюпуи Е. Проституция в древности и половые болезни. СПб., 1901; Вардиман Е. Женщина в древнем мире. М., 1990; Шапков С.С. Сочинения. СПб., 1898. Ч. 1: Исторические судьбы женщины, детоубийство и проституция. Подробную библиографию работ можно найти в кн.: du Bois P. Sowing the Body. Chicago, 1988; Bruilé P. La fille d'Athènes. P., 1987 etc.

² Варнеке Б. Указ. соч. С. 21; Бузескул В. Указ. соч. С. 9–10; Блох И. Указ. соч. С. 180–181.

³ Вардиман Е. Указ. соч. С. 264.

сложившегося стереотипа. П. Брюле замечает противоречие, которое заключалось в подчиненности и зависимости афинской женщины классического периода по отношению к мужчине, ее второстепенной роли в жизни полиса и тем почтением и фактическим обожеванием, которое выразилось в культе Афины – главной богини города⁴. П. Дюбуа считает, что представление о второстепенности женщины по сравнению с мужчиной возобладавало в греческом обществе только после Платона, теорию любви которого, как и психоанализ З. Фрейда, автор считает выражением андроцентризма. До платоновской концепции Эроса греки представляли женщину как существо, чуждое мужчине, всемогущее и самодостаточное⁵.

Обратимся к произведению архаической лирики VII в. до н.э. – "Поэме о женщинах" Семонида Аморгского и посмотрим, насколько характеры этого произведения отражают сложившийся в историографии образ. Считается, что поэма Семонида – это скорее карикатура или злая сатира на женщин⁶. Но есть мнение, что ее женоненавистнический пафос отразил взгляд на женщин, господствовавший в Греции VII–VI вв. до н.э., и что все семонидовские сравнения заимствованы из поговорок и пословиц, т.е. источников, где прямо отражены нормы и установки данного общества⁷.

Семонид Аморгский описывает десять женщин, различающихся своим характером, используя в качестве приема сравнение или уподобление характера темпераменту какого-либо животного. Еще есть женщины, созданные из "глыбы земли" и "морской волны"⁸. Семонид отмечает, что различия между ними заложены изначально (τὰ πρῶτα)⁹ – в данном случае такими их сотворил бог. Следовательно, они не являются результатом влияния социальной среды или каких-либо иных факторов.

Первая женщина создана богом из свиньи. Плохо то, что она неаккуратна, ленива, все у нее в доме неприбрано, а сама она "жиреет с каждым днем". Здесь проявляются как среда, в которой живет женщина – дом, домашнее хозяйство, так и навыки, умения, которыми она должна обладать. Уже в первых строках наблюдаются элементы "качества" женщины как члена общественной структуры и поле деятельности, где она имеет возможность себя реализовать. Хотя сделать какие-либо выводы о мотивации ее поведения вряд ли возможно, все же из отрицательной оценки, данной ей Семонидом, следует, что женщина представ-

⁴ *Brulé P.* Op. cit. P. 409–410.

⁵ *du Bois P.* Op. cit. P. 34, 36, 109.

⁶ *Боннар А.* Греческая цивилизация. М., 1992. С. 177–178.

⁷ *Варнеке Б.* Указ. соч. С. 20.

⁸ *Antologia Lyrica Graeca.* Lipsiae, 1954. Fasc. III. *Sem. Amorg.* 7. 21, 27.

⁹ *Ibid.* 7.2.

ляет экономическую ценность для мужчины по следующим причинам. Домашняя работа может создавать или сохранять стоимость вещей, а кроме женщины этой работой в доме никто не занимается, коль скоро "все неубранным продолжает лежать". Оценка поэтом женского "обжорства" имеет экономический оттенок. Из десяти характеров у трех ("глыба земли", "ослица", "ласка") обжорство встречается как причина порицания, неодобрения и т.п. Это качество Гесиод передавал словом δειπνολόχος¹⁰, что В. Вересаев перевел – "жадная сластена"¹¹. Словарь Лидделл-Скотта предлагает три значения этого слова: "сидящий в засаде", "выуживающий приглашение на обед", "паразитический"¹². Последнее значение подтверждает предположение, что обжорство женщины осуждалось. Для женщины-лисы можно выделить две основные черты характера, порицаемые автором: 1) склонность к рассуждениям, ум, но в каком-то ином смысле, нежели автора, поскольку ее оценки и умозаключения для него остаются загадкой; 2) изменчивое настроение¹³.

Здесь отсутствуют и социальная среда, и экономическая ценность женщины, и ее занятия. Речь идет исключительно об эмоциональном аспекте, который, возможно, тоже играет важную роль в социально-желательном типе женщины. В первую очередь отрицательно оценивается склонность к рассуждениям, "мудрствованиям" в пренебрежительном смысле слова. Но воспринималось ли это знание "хорошего и плохого" как нежелательное качество женщины? Ведь для следующего характера – женщины, которая произошла от собаки, такая оценка также звучит негативно. Но отрицательно характеризуется и женщина, созданная "из кучи земли", которой "ни зло неведомо, ни благо"¹⁴. Следовательно, ум в понимании "хорошего и плохого" расценивается не как способность к верным умозаключениям, причинно-следственным связям, а как следование принятому порядку действий – знать, что есть добро и что есть зло в общекультурном понимании. Таким образом, Семонид подразумевает способность женщины и к социальной адаптации в демографическом понимании этого качества. Поэтому негативно оценивается скорее не то, "что все ей ведомо", а то, что она "зло добром, добро же злом зовет", проявляя отклоняющееся от принятых норм поведение.

Попробуем проанализировать следующий пример на основе данных А. Личко об эмансипации: "большая подвижность, общительность, болтливость, чрезмерная самостоятельность, гипертимы создают много

¹⁰ *Hesiod. Erga.* 704.

¹¹ *Античная лирика.* М., 1968.

¹² *Liddell H., Scott R., Jones S. // A Greek-English Lexicon.* Oxford, 1961. S.v.

¹³ *Sem. Amorg.* VII. 11.

¹⁴ *Ibid.* VII. 22–23.

*Мужчина с гетерой на ложе. Деталь росписи сосуда из Аттики.
Начало V в. до н.э.*

шума, любят компании"¹⁵. Лишь изредка и ненадолго это приподнятое настроение нарушают вспышки раздражения и гнева, агрессии, причина которых в противодействии окружающих. Вспышки гнева усиливаются в ситуациях строго регламентированного дисциплинарного режима, а также, когда гипертимы оказываются в одиночестве, лишённые общества, широких контактов, возможности применить свои силы. Вот в таких условиях и наступает реакция эмансипации: "Не приученный с детства пользоваться свободой, не познавший на собственном опыте ее разумные пределы, вступив в решительный бой с родительской опекой, гипертимный подросток нередко ведет себя как собака, сорвавшаяся с цепи, которая носится по округе, желая сразу побывать всюду и изведать все, что было недоступно ранее"¹⁶. Это пример, когда метафора художественного образа буквально совпадает с наблюдениями современной психологии. Для подобной реакции необходимы условия – система регламентации, которая не позволяет такому типу личности удовлетворить свои потребности. Можно допустить, что здесь большую роль играет домашнее хозяйство, которым ограничена женщина, испытывающая недостаток общения. При этом женщине, находящейся в

¹⁵ Личко А.Е. Психопатия и акцентуации характера у подростков. Киев, 1983. С. 81.

¹⁶ Там же. С. 167.

подобных условиях, неважно качество общения, поскольку она кричит даже тогда, когда никого нет, а также в присутствии мужа и среди гостей¹⁷. По отношению к женщине домашнее хозяйство было жестко упорядочено и отделено от внешнего мира. В этой ситуации поведение мужа служит как бы функцией социального контроля, причем он может и "камнем вышибить зуб", и обратиться "с ласковой речью"¹⁸. Но его действия не имеют успеха, хотя его поступки допускаются нормами культуры, – совершая их, он ограничивает девиантное поведение женщины.

Главным поводом порицания автора в характере женщины, "сделанной из морской волны", становится двойственность ее натуры, изменчивость настроения. Правда здесь Семонид впервые отзывается о женщине положительно, используя слово *καλός*¹⁹, которое ассоциируется у него с веселым нравом и смехом, далее же "невыносимость для взора" связывается с неласковостью – *ἀφιέλῃχος*²⁰.

В женщине, "созданной из ослицы" критикуется тяга к безделью, праздности, удовольствиям, разврату²¹. Интересно, что женщина должна что-то делать по дому и есть система принуждения к выполнению обязанностей. Семонид не говорит, кто играет роль побуждающей и стимулирующей силы. Скорее всего это муж, что невольно отразилось в переводе Г. Церетели: "...чтоб мужу по душе сработать что-нибудь"²².

В описании этого характера появляется *ἔργον ἀφροδίστιον*²³, т.е. тема сексуального поведения женщины. *ἔργον ἀφροδίστιον* осуждается, если женщина совершает его с посторонним. Но в характере женщины, "созданной из ласки", – это звучит отрицательно и в отношениях с мужем ("а к ложу похоти неистовый порыв, хоть мужу своему мерзка до тошноты")²⁴. Можно предположить, что сексуальность замужней женщины осуждалась, а холодность, возможно, фригидность имела положительную оценку. Предпочтительный для мужчины юный возраст невесты может быть связан именно с этим.

Перечисление недостатков "женщины-ласки" позволяет представить нормативное поведение женщины. Замечание, что она крадет²⁵, любопытно, но не говорит о мотивации. "Соседям зло творит"²⁶ – интересно

¹⁷ *Sem. Amorg.* VII. 15–16, 19.

¹⁸ *Ibid.* 17–18.

¹⁹ *Ibid.* 31.

²⁰ *Ibid.* 35.

²¹ *Ibid.* VII. 45–46.

²² См. пер. Г. Церетели // Парнас: Антология античной лирики. М., 1980.

²³ *Sem. Amorg.* VII. 48.

²⁴ *Ibid.* 53–54.

²⁵ *Ibid.* 55.

²⁶ *Ibid.*

тем, что автор не разворачивает понятие *кака́*, поскольку для него важны не столько эти *кака́*, сколько то, что делает она их по отношению к соседям. Соседи в представлении Семонида социально-желательны, хотя для женщины они вовсе не обязательно референтны, что автор и порицает. Муж, олицетворяя собой социально-желательную группу, фактически не играет этой роли. Упоминание, что женщина "пожирает приносимые ею жертвы"²⁷, может быть истолковано различно, но в любом случае это еще одна форма отклонения в поведении. Женщина, сотворенная из ласки, демонстрирует девиантное поведение в двух важных сферах социальной жизни – в отношениях с соседями и богами. При этом социальный контроль отсутствует.

О девиантном поведении можно говорить применительно к женщине, созданной из обезьяны. Здесь Семонид высмеивает физические качества женщины, причем, если для автора признаком осуждения является всеобщий смех, то он безразличен для самой женщины – "на смех ей наплевать"²⁸.

Какой же стиль поведения импонирует Семониду? Персонажи, изображенные вне домашней среды, не вызывают симпатии поэта; те же, кого он рисует внутри своей среды, также не всегда удастаиваются его одобрения. Женщина, созданная из свиньи, изображается сидящей дома²⁹, для женщины-лисы среда не указана³⁰, для женщины, созданной из собаки, фон действий расплывчат, но коль она "бегаёт повсюду, крича, хоть бы никого не видела", то можно предположить, что дело происходит вне дома³¹. И авторская оценка негативна. Пребывание такой женщины с гостями допустимо, но необязательно (Семонид использует *casus potentialis*³²), и даже скорее всего нежелательно, ибо поэт впоследствии отмечает, что "там, где жена, даже друга нельзя принять как следует"³³. Женщина, которую "бог создал из кучи земли", и та, которая произошла от морской волны, ослицы, ласки и лошади, также показаны в кругу семьи, домашнего хозяйства. Их общение с миром осуществляется благодаря гостю³⁴, случайно зашедшему дружку³⁵, мужу³⁶, соседям³⁷. Единственной сферой деятельности для удовлетворения личностных запросов остается домашнее хозяйство, семья.

²⁷ Ibid. 56.

²⁸ Ibid. 79.

²⁹ Ibid. 3–5.

³⁰ Ibid. 7–11.

³¹ Ibid. 14–15.

³² Ibid. 19.

³³ Ibid. 107.

³⁴ Ibid. 29.

³⁵ Ibid. 49.

³⁶ Ibid. 59, 63.

³⁷ Ibid. 55.

Социо-культурные рамки деятельности мужчин прослеживаются хуже. Семонид указывает на одну из профессиональных сфер деятельности мужчины – кораблестроение³⁸, занятие которым предполагает массу контактов, большее по сравнению с женщиной разнообразие информации, опыта, вариантов поведения. Мужчина предстает и в роли гостя³⁹, случайного друга⁴⁰, зашедшего в дом друга⁴¹, что, видимо, также подразумевает большую мобильность и контактность.

Для сравнения Семонид сообщает и о сугубо женских контактах – встречах, где женщины, собравшись в круг, "ведут беседы про любовь"⁴². Такое поведение нежелательно, значит соответствующие направления развития личности будут ограничиваться, если не перекрываются. Это подтверждается отсутствием аналогичной потребности у женщины, созданной из пчелы (одобряемого Семонидом типа) – она не любит сидеть в кругу подруг⁴³. Интересно вспомнить точку зрения Ж. Вернана на функции пары богов – Гермеса и Гестии⁴⁴. Он считает, что греки изобразили этих богов в паре потому, что это отражало их представления об организации пространства. Гестия воспринималась как символ покоя, устойчивости, незыблемости, организующего начала, как бытовой и ритуальный центр. Гермес же выполнял функции связи с окружающим миром, олицетворяя движение, связанное с выходом из дома/города и возвращением в него. На наш взгляд, в этих комплементарных фигурах богов отразились и социально-желательное поведение, своеобразная норма поведения полов – статичная Гестия, хранительница очага, реализующая себя в сфере дома и семьи, и подвижный Гермес, чьи возможности и способности удовлетворялись лишь во внешних контактах.

Можно предположить, что специфические типы мужчины и женщины формировались культурой, причем социально-желательным становился определенный тип характера. Акцентуированной женщине было легче всего адаптироваться в условиях среды. Остальные либо не вызывают одобрения автора, хотя их психологическое самочувствие в норме, либо испытывают фрустрации, вызывающие или агрессивное поведение ("морская волна"), или истероидные реакции ("собака"). Девиантное поведение женщины в форме неподчинения мужу, соседям, прочим окружающим и даже богам, воспринимается автором как норма, что подчер-

³⁸ Ibid. 39.

³⁹ Ibid. 29.

⁴⁰ Ibid. 49.

⁴¹ Ibid. 107.

⁴² Ibid. 91.

⁴³ Ibid. 93.

⁴⁴ См.: Рожанский И.Д. Проблемы исторической психологии и изучение античности // Вопросы философии. 1971. № 9; Vernant J.P. Myth and Thought among the Greeks. L., 1980.

Пирующие женщины. Роспись гидрии. 510 г. до н.э.

квивается всем настрою поэмы, утверждением, что женщины – зло⁴⁵.

При общем отрицательном отношении к женщине Семонид не может не отметить, что зачастую жена имеет для мужа большое значение. Это подтверждается следующим.

Семонид (*Sem. Amorg.* VII. 98) говорит: "и если мыслит кто в жене найти опору" (и если будет кто считать, что какую-либо пользу она приносит) (ἢν τι καὶ δοκέωσιν ὀφελεῖν). Здесь он употребляет футуральный тип условного предложения, т.е. полагает, что условие в будущем исполнится, к тому же это указывает и на повторяемость действия. Следовательно, можно говорить об ожидаемой ценности женщины – значит, это мнение относительно широкого круга людей. Даже у Семонида (*Sem. Amorg.* VII. 113) встречаем: "ведь если всяк готов свою жену хвалить, то над соседской горазд точить он зубы" (τὴν ἦν δ'ἔκαστος ἀνέσει μεμνημένος γυναῖκα, τὴν δὲ τοὔτερον μωμήσεται).

Жена имеет для мужа и экономическую ценность, т.е. выполняемый ею объем работ, видимо, настолько важен, что приносит доход, – это поднимает значимость женщины в глазах мужчины.

Если муж включается в референтную группу жены, то это значит, что женой принимаются все установки и ценностные ориентации мужа, т.е. она входит в систему норм античного полиса (*club d'hommes* по выражению П. Брюле⁴⁶). Тогда поведение женщины должно быть подчинено нормам мужского поведения (гетеры – не классический тип женского поведения, но гетеры включены в систему, с ними считаются, они имеют право "голоса" в *club d'hommes*). Замужние же женщины – формально символ подчиненности и бесправия. Но как раз они в боль-

⁴⁵ *Sem. Amorg.* VII. 96.

⁴⁶ *Brulé P.* Op. cit. P. 409.

шинстве случаев и демонстрируют девиантное поведение. Девиация означает, что нормы группы, с точки зрения которой поведение оценивается как девиация, не являются нормами для данного человека. Замужняя женщина, хотя формально и включена в систему – знакома с ее символами – реально ей не подчиняется. Таким образом, ее положение в системе все более делается похожим на роль группового лидера, которому тоже прощаются отступления от норм и волевые решения. За женщиной же право на отклоняющееся поведение признается открыто. В дальнейшем выясняется роль матери как источника социального научения, это также функция лидера⁴⁷.

Для единственного достойного, по мнению автора, типа женского характера свойственны чрезвычайная привязанность к мужу⁴⁸, отгороженность, замкнутость⁴⁹, чувствительность, эмоциональность⁵⁰, что по классификации А. Личко является характерными чертами сенситивного типа акцентуации⁵¹. Помимо психоэмоциональных качеств эта женщина оценивается положительно благодаря тому, что "в ее руках растет, цветет достаток"⁵². Это единственный характер, в описании которого упоминается потомство, причем значение имеет не его численность, а демографическое качество⁵³.

В греческой драматургии сохранился еще один женский образ, который оценивается как идеал супруги – это Алкестида, пожертвовавшая жизнью ради мужа. Поэтому большой интерес представляет анализ поведения Алкестиды в семье. Видимо, в нем должны были найти отражение социально-желательные нормы семейного поведения женщины.

Оценки героини со стороны окружающих не отличаются разнообразием, они почти синонимичны: ἀρίστη⁵⁴, φίλη⁵⁵, ἐσθλή⁵⁶, κεδνή⁵⁷, γυνναία⁵⁸, σώφρων⁵⁹, πιστή⁶⁰. Эти оценки в данном контексте означают одно и то же: эпитеты "добрая", "хорошая", "верная", "благородная", "разумная", "достойная", "наилучшая" – употребляются в том

⁴⁷ Подробнее см.: Этнические стереотипы мужского и женского поведения. СПб., 1991. С. 26–27.

⁴⁸ *Sem. Amorg.* VII. 86.

⁴⁹ *Ibid.* 90.

⁵⁰ *Ibid.* 88.

⁵¹ Личко А. Указ. соч. С. 106–109.

⁵² *Sem. Amorg.* VII. 85.

⁵³ *Ibid.* VII. 87.

⁵⁴ *Euripid. Alc.* 83, 152, 324, 442, 742, 899.

⁵⁵ *Ibid.* 165, 201, 231, 316.

⁵⁶ *Ibid.* 200, 418, 615.

⁵⁷ *Ibid.* 98.

⁵⁸ *Ibid.* 742.

⁵⁹ *Ibid.* 182, 615.

⁶⁰ *Ibid.* 880.

смысле, что Алкестида наиболее полно соответствует роли идеальной супруги, вполне ее воплощает, однако пока трудно понять, что под этим подразумевается. Есть несколько указаний на то, что Алкестида отличается красотой⁶¹. Наибольший интерес представляет эпитет φίλη, поскольку подразумевает любовь мужа. Алкестида хотела бы, чтобы будущая супруга ее сына обладала именно этим качеством – была любимой, значимой для мужа⁶². Интересно, что φίλος используется и по отношению к другу. Так, Геракл для Адмета φίλος⁶³. Геракл называет Адмета другом Алкестиды⁶⁴.

Разнообразны также и сами варианты слова "супруга": ἄκοιτις⁶⁵, ἄλοχος⁶⁶, συνάρορος⁶⁷, δάμαρ⁶⁸, σύζυγος⁶⁹, Ἄκοιτις и ἄλοχος синонимичны. Συνάρορος – либо "тесно связанная", либо "крепко привязанная". Δάμαρ – от глагола δαμάω – "укрощать, подчинять, выдавать замуж". Σύζυγος – "соединенный, сопряженный, сочетаемый". Интересно, что σύζυγος употребляется и в смысле "друг, сотоварищ". Эти определения яснее обрисовывают желаемое качество супруги: подчиненность мужу, привязанность может означать и эмоциональный контакт с ним, не только внешнюю соподчиненность, но и душевное единство.

Адмет тяжело переживает смерть жены. Он подчеркивает абсолютную значимость жены, восклицая, что "для него нет никого милее из смертных"⁷⁰. Адмет сетует на печальную сторону брака, ибо не знавшие брака, не знают и горести утраты любимого человека, ведь у влюбленных общая душа⁷¹. Из наиболее привлекательных черт жены Адмет называет "красоту" и "благородное происхождение"⁷². Свои чувства к жене царь характеризует как φίλια и ἔρως⁷³. Последнее определение традиционно подразумевает сексуальное влечение, "желание", либидо. В сцене прощания Алкестида сначала просит прощения у земли и у отчего дома⁷⁴. Потом обращается к детям⁷⁵. Им посвящено и

⁶¹ Ibid. 174.

⁶² Ibid. 311.

⁶³ Ibid. 562.

⁶⁴ Ibid. 1095.

⁶⁵ Ibid. 201.

⁶⁶ Ibid. 166.

⁶⁷ Ibid. 824.

⁶⁸ Ibid. 930.

⁶⁹ Ibid. 314.

⁷⁰ Ibid. 132.

⁷¹ Ср. диалог Платона "Пир".

⁷² Euripid. Alc. 332–333.

⁷³ Ibid. 1080.

⁷⁴ Ibid. 248–249.

⁷⁵ Ibid. 270.

последнее желание Алкестиды – чтобы Адмет не женился снова, дабы у детей не было мачехи. Об Адмете она вспоминает мимоходом, оценивая свое поведение по отношению к нему как "благородное" и "достойное", "наилучшее"⁷⁶, причем подчеркивает, что Адмет может гордиться ею перед другими людьми (!). Обращаясь к супружескому ложу и говоря, что оно принесло ей немало приятных минут, Алкестида замечает, что всегда боялась изменить мужу⁷⁷.

Возникает впечатление, что муж для Алкестиды занимает второстепенное место по сравнению с другими, и ее фактически суицидное поведение подчинено социальной желательности. В этом смысле интересно замечание служанки, что Адмет оценит свою жену только мертвую⁷⁸. Что касается Адмета, то и для него важно мнение окружающих. После смерти жены, когда Геракл предлагает ему мнимую рабыню, Адмет мотивирует отказ принять рабыню в дом "упреками", "молвой"⁷⁹, потом замечает, что и саму память о царице ему должно хранить чистой⁸⁰.

Уже упоминалось, что в предсмертной речи Алкестиды вначале обращается к детям и дает оценку поведения матери, противопоставляя его поведению мачехи. Особое значение, по словам Алкестиды, мать имеет для воспитания дочери, поскольку для сына надежной защитой будет отец⁸¹. Для дочери же именно мать, видимо, является знатоком общественных норм. Об этом говорят слова Алкестиды, что мачеха не может уберечь дочь чистой и сохранить ее добрую славу до свадьбы⁸² – подразумевается, что мать должна воспитать надлежащие качества супруги. Во-первых, мать психологически поддерживает в самый

⁷⁶ Ibid. 324.

⁷⁷ Ibid. 180.

⁷⁸ Ibid. 145.

⁷⁹ Ibid. 1057.

⁸⁰ Ibid. 1059–1061.

⁸¹ Ibid. 311.

⁸² Ibid. 315–316.

тяжелый момент – при родах⁸³. Интересно, что роль отца в первую очередь оценивается как роль защитника (об этом говорит Алкестида, так характеризует свою роль и Ферет⁸⁴). О различиях роли матери и отца говорит просьба Алкестиды, чтобы Адмет заменил детям мать⁸⁵.

Велико значение Алкестиды-матери для детей. Адмет говорит, что у него с детьми общая печаль⁸⁶. Еврипид впервые вывел на сцену детей и дал роль со словами. Интересно, что говорит именно мальчик – это подчеркивает значимость матери не только для сестры, но и для него. Обращаясь к матери, он называет ее *μοῖα*, т.е. "кормилица, нянька". Свое состояние Евмел характеризует так, что он "остался один, без матери"⁸⁷.

В этом образе выражены социально-желательные представления о женской роли в семье. И вряд ли они были типичны в реальной ситуации, поскольку везде подчеркивается исключительный характер героини. В отличие от устоявшихся представлений об экономическом характере брака, мы видим, что роль супруги не ограничивается рождением и воспитанием детей, хотя и это является важнейшей функцией. Жена – друг, товарищ мужа, от нее зависит эмоциональная сторона брака (это опровергает те утверждения, что лишь избрав жребий гетеры, женщина могла быть значимой для мужчины). Не так все просто и с сексуальной стороной брака, поскольку в психологии секса важную роль играют именно отношения взаимного доверия, потребность в эмоциональном контакте. И Адмет и Алкестида постоянно обращаются к супружескому ложу, связывая с ним самые приятные минуты своей жизни.

Что вызывает сомнения, так это чувства самой Алкестиды к Адмету. Если жена для мужа является объектом сильнейшей психологической привязанности, то ответного чувства не заметно: все поведение Алкестиды как бы обусловлено лишь социальной экспектацией. По настоящему ее чувства видны только по отношению к детям. Можно предположить, что проявление глубоких чувств к мужу со стороны жены если не осуждалось, то по крайней мере не оценивалось слишком высоко (сравним с Медеей: поведение героини должно соответствовать социальной желательности, раз она так любит мужа, преданна своим детям; девиантность состоит в бурном проявлении чувства по отношению не к детям, а к мужу).

За два века, прошедшие со времени написания "Поэмы о женщинах" Семонида Аморгского до трагедии Еврипида "Алкестида", образ идеальной супруги вряд ли претерпел значительные изменения.

⁸³ Ibid. 317–319.

⁸⁴ Ibid. 680.

⁸⁵ Ibid. 377.

⁸⁶ Ibid. 263.

⁸⁷ Ibid. 406–407.

ЖЕНЩИНА В РАННЕМ РИМЕ (V–IV вв. до н.э.)*

Перед мысленным взором каждого, кто обращается к истории древнего Рима, возникает образ доблестного воина или облаченного в тогу государственного мужа. И это – не случайно. Ведь именно эти персонажи встречаются чаще всего в рассказах и стихах античных авторов и в художественном творчестве античных живописцев и скульпторов. Особенно это касается раннереспубликанского Рима (конец VI – начало III в. до н.э.). О женщинах этой эпохи сведений сохранилось мало, меньше даже, чем о римских героинях предшествующего, т.е. царского времени (VIII–VI вв. до н.э.). Уже такое обстоятельство объясняет известное невнимание ученых к римлянкам ранней Республики. Но оно усугубилось гиперкритическим отношением исследователей к произведениям римских и греческих авторов, повествовавших о событиях столь далекого римского прошлого. Только в последние два-три десятилетия под напором новых достижений археологов и лингвистов, подтвердивших многие факты ранней римской истории, считавшиеся до того более чем легендарными, положение дел стало постепенно меняться. Ранний Рим вновь стал предметом серьезного исследовательского интереса. Но в силу вроде бы парадоксальной ситуации, когда оказался более надежно обеспечен заслуживающим доверия материалом древнейший период римской истории, изучение V–IV вв. до н.э. продвигается, особенно в отечественной науке, медленнее. Продолжают действовать гиперкритические стереотипы.

Однако, несмотря на трудности с исходными данными, можно рассмотреть в глубине веков облик женщин, удостоившихся упоминания в сочинениях античных историков, поэтов, философов и правоведов. Конечно, детали, сохраненные античными авторами зачастую далеки от истины. Но основной ход событий, расстановка общественных сил, политическая ориентация лидеров, традиционные воззрения переданы в целом верно. Итак, о ком же идет речь?

В 510 г. до н.э. римляне изгнали последнего царя этрусского происхождения, Тарквиния Гордого, и установили Республику во главе с

* © И.Л. Маяк, 1995.

выборными консулами. Их именами стал обозначаться год. Об увековечении их деяний позаботилась античная историческая традиция. Но в древних анналах (*Gell.* VII. 7.1.) мелькнуло и женское имя. Это – Гайя Тарация, или Фуфетия, которую Плутарх называет Тарквинией (*Popl.* 8). Она была жрицей Весты и будто бы вскоре после упразднения царской власти уступила народу свой земельный участок, находившийся по соседству с землей царя. За это, по закону Горация, ей при жизни были возданы почести, в том числе единственной из женщин предоставлены права свидетельствовать в суде, завещать имущество, а также по окончании служения богине в сорок лет выйти замуж. Последним, впрочем, она не воспользовалась (*Gell.* VII. 7.1–4; *Plut.* *Popl.* 8). Но установления, приписанные Горацию, закрепились за весталками как привилегии. О ком же, однако, из женщин еще повествуют античные писатели? В первую очередь – о женах консулов самого начала Республики, например, о Вителлии, супруге одного из главных героев учреждения республиканского строя Юния Брута (*Liv.* II. 4.1; *Plut.* *Popl.* 3). Она происходила из благородного рода. Братья ее, Вителлии, вступили в заговор с целью возвращения в Рим изгнанного царя Тарквиния Гордого и вовлекли в него сыновей Вителлин и Брута, юных Тита и Тиберия. По доносу раба Виндиция, принадлежащего активным участникам заговора, Аквиллям, заговорщиков изобличили и казнили. Согласно преданию, экзекуция была санкционирована и происходила под наблюдением консулов, в числе которых был Юний Брут. Он стойко вынес ужасное зрелище казни собственных детей, не вступившись за них (*Liv.* II. 5.5–8; *Plut.* *Popl.* 6). Существует, однако, глухое упоминание об иной реакции Вителлии на осуждение заговорщиков. Товарища Брута по консулату, мягкого нравом Коллатина обвиняли в нерешительности, говорили, что он в угоду женщинам готов подарить жизнь изменникам родины (*Plut.* *Popl.* 7). Среди этих женщин, несомненно, была и несчастная Вителлия.

В связи с процарским комплотом мельком сказано еще об одной знатной даме, жене Валерия, избранного на 509 г. до н.э. консулом после отрешения от должности и изгнания Коллатина за родство с ненавистным Тарквинием. Валерий Попликола славился простотой в обращении и милосердием. Поэтому к нему и отправился Виндиций с сообщением о готовящемся заговоре. Он застал Валерия в кругу семьи. Сообщение Виндиция было выслушано в присутствии жены Публия Валерия и его брата Марка. Потрясенный Валерий немедленно направился в дом изгнанного царя за доказательствами заговора, т.е. за письмами изменников к Тарквинию, а Виндиция запер в комнате, доверив жене сторожить его. Так римская аристократка, имени которой мы не знаем, оказалась помощницей мужа в важном государственном деле.

Значительно более активную роль в общественной жизни сыграли на заре республиканской эры другие римлянки.

Шел второй год Республики. Изгнанные Тарквинии нашли приют у Ларса Порсены, царя города Клузия. Они не оставляли мысли вернуть себе трон в Риме. И Порсена, стремясь помочь своему соплеменнику, этруску Тарквинию, напал на Рим. Все жители сплотились для борьбы с этрусками. "Тогда-то, – пишет римский историк Анней Флор, – появились три знаменитых римских имени, три дива и чуда" (*Flor.* I. 10.3). Это были молодые патриции, прославившие себя беспримерными подвигами (Гораций Коклес и Муций Сцевола). Их ряд замыкает отважная девушка Клелия. Она оказалась в числе заложников у Порсены, недалеко от берега Тибра (*Dionys.* V. 33; *Liv.* II. 13,6). Клелия подвигла своих подруг на то, чтобы вплавь переправиться через реку и вернуться по домам. Когда стража увидела этот "массовый заплыв", она обрушила на беглянок град стрел. Но девушки благополучно добрались до Рима. Узнав о случившемся, Порсена сначала разгневался, а потом удивился отчаянной смелости предводительницы и объявил, что отпустит ее целой и невредимой, если ему ее вновь выдадут. Когда Клелия вернулась к царю, он, восхищенный ее храбростью, решил освободить ее из плена вместе с теми ее подругами, кого она пожелает. И Клелия выбрала самых младших, наиболее беззащитных перед насилем. Римляне почтили Клелию конной статуей, поставив ее на Священной улице (*Liv.* II. 13.6–11), тем более заслуженно, что по одной из версий легенды она преодолевала реку на коне (*Flor.* I. 10.7–8; *Plut. Popl.* 19; *De virt. mul.* 14.250 D).

Впрочем, по другой версии, восходящей, вероятно, к Валерию Анциату, но переданной греческими авторами, эта статуя предназначалась Валерии, дочери консула (*Plin.* NH. 34.29; *Plut. Popl.* 19; *De virt. mul.* 14.250 F.). Ведь она тоже находилась среди заложников вместе со своим суженым, сыном знатного Марка Горация (*Dionys.* V. 32.3; *Plut. Popl.* 18; *De virt. mul.* 14.250 B).

Античные писатели донесли до нас славное имя еще одной героини из дома Валериев. Это – сестра консула Валерия, прозванного за свой демократизм Попликолой, или Публиколой, что означает "угодный народу". Заметим, что и о ней рассказывают преимущественно греки, но не знаменитый римский историк Ливий, подробно излагавший историю римской Республики. И в этом случае можно считать, что деяния Валерии были описаны анналистом Валерием Анциатом, старавшимся подчеркнуть роль своих предков в истории Рима, которому Ливий не всегда следовал.

Появление этой Валерии на сцене римской истории связано с драматическими перипетиями внутренней борьбы в Вечном Городе. Римское общество состояло тогда из патрициев и плебеев. Первые, потомки

*Туалет замужней женщины. Деталь росписи пиксиды. Около 325 г. до н.э.
Москва, ГМИИ им. А.С. Пушкина*

основателей Рима, членов родовой организации, были полноправными гражданами, пользовались привилегиями в получении земли и занимали почетные выборные должности. Вторые, частью некогда депортированные после поражений в войне в Рим, частью добровольно переселившиеся туда, не были включены в родоплеменное объединение римлян, защищавшее интересы своих сочленов, и оказались ущемленными в плане землевладения и управления римской общиной. Из-за постепенного расширения участия их в войнах и по мере роста благосостояния немногочисленной плебейской верхушки неполноправие плебеев все более ощущалось. Борясь за свои экономические и политические права, плебеи в момент нападения на Рим соседних вольсков, сабинян и аврунков, удалились в 494 г. до н.э. из Города на Священную гору и отказались воевать. Патрициям пришлось пойти на уступки, смягчить положение должников и, главное, учредить особую должность плебейских трибунов.

С таким успехом плебеев не могли смириться патрицианские ради-

калы. Упразднить ненавистную должность плебейских защитников, согласно традиции, попытался Гней Марций, получивший за победу над вольским городом Кориолы почетное прозвище Кориолан. 492 г. до н.э. был ознаменован недородом и голодом. Римским консулам пришлось организовать покупку хлеба за границей. Тяжелым положением Рима воспользовались, однако, не вольски, которых в то время поразила морвая язва, а доблестный воин и победоносный римский полководец Марций Кориолан. Он предложил продавать импортированное зерно по высокой цене, если плебеи не откажутся от плебейского трибуната. Даже сенаторы были смущены вызовом Кориолана, а плебеи готовы были его растерзать. Согласно античной традиции, Кориолана призвали к суду. Он на него не явился, заочно был осужден на изгнание и, покинув Город, ушел к извечным римским врагам вольским и в 488 г. до н.э. даже возглавил вольский поход против покинутой им родины. Успешное нашествие врагов испугало и деморализовало римский народ. К Кориолану дважды направляли послов с предложением о мире. Отряжали во вражеский лагерь жрецов с мольбами о прекращении войны. Но все было тщетно (*Liv.* II. 39; *Dionys.* VIII. 38; *Plut. Cor.* 30–32; *Val. Max.* V. 4.1). Тогда в дело вступили женщины, до этого молившие богов в храмах. Особенно много собралось их у алтаря Юпитера Капитолийского. Среди них находилась и Валерия, сестра умершего к тому времени Валерия Попликолы. Она была уже женщиной зрелого возраста и, к тому же, превосходила прочих знатностью рода, достоинством и мудростью. Валерия обратилась к матронам с призывом спасти отечество. Одна из присутствующих усомнилась в возможностях слабых женщин. На это, по словам Дионисия (VIII. 39), Валерия возразила: действовать надо не оружием, не руками, а женской природой, благоволением и речами. По ее совету матроны в едином порыве, захватив с собой детей, идут в дом матери Кориолана (*Dionys.* VIII. 40.41; *Plut. Cor.* 38; *Liv.* II. 40) и убеждают ее воздействовать на сына.

После благополучного исхода ее миссии в благодарность римляне на Латинской дороге воздвигли храм Женской Фортуны (*Liv.* II. 40; *Val. Max.* II.1). Причем деньги на его постройку собрали сами женщины, а расходы по обслуживанию культа взяло на себя государство (*Plut. Cor.* 37). Валерия же стала первой жрицей этого храма (*Dionys.* VIII. 55).

Запечатлены античными писателями и образы других участниц эпопеи Марция Кориолана. Это – его мать и жена. Ливий (II. 40), Дионисий (VIII. 39–53), Валерий Максим (V. 4.1), Флор (I. 22.3) и Аппиан (Jt.I.3) называют мать Кориолана Ветурией, а Плутарх (*Cor.* 33.36) – ошибочно Волумнией. Ведь большинство историков, основывающихся не только на ранних анналах, как Дионисий (VIII. 40–42.45.46), но и с детства воспитывавшихся на патриотических рассказах о своих

предшественниках, таких, как Ливий (II. 40.2) и Валерий Максим (V. 2.1; 4.1), Волумнией именуется жену победителя Кориол. И только у Плутарха (Сог. 33.34) последняя фигурирует под именем Вергинии.

Больше сведений сохранилось о матери трагического героя. Ветурия рано овдовела и воспитывала сына одна. Гней Марций рос смелым воином и старался радовать любимую мать своими успехами. По его собственному признанию (*Plut.* Сог. 4), матери его по праву принадлежало то уважение, каким он был бы обязан отцу. Авторитет Ветурии был для него непререкаем. Она сама выбрала для него жену, и молодые жили в ее доме и остались с ней под одним кровом и после рождения у них детей (*Dionys.* VIII. 46; *Plut.* Сог. 4.33). О почтительном и нежном отношении Кориолана к Ветурии и о дружбе в ее семье знали все, почему Валерия и увещевала женщин идти к ней и к ее невестке, чтобы те уговорили неистового Гнея Марция, поднявшего меч на собственный город, не губить покинутых сограждан. И она не ошиблась в своих расчетах. Кориолан дрогнул перед мольбами женщин и отвел войско от Рима.

Уважение к Ветурии испытывали не только сын и невестка, но и все римляне. Ни о каком ущемлении ее интересов после изгнания Марция, ни о каких ее унижениях нет в источниках и тени намека. А ведь сына ее считали тираном и ненавидели плебеи. Да и патриции, чьи привилегии он отстраивал, не одобряли его своенравия и жестокости и даже вынуждены были организовать Кориолану отпор как предателю, возглавившему вражеское войско.

Возможно, образ Ветурии идеализирован, но он несет в себе, как и вся сага о Кориолане, подвергнутая в науке критике¹, следы исторической реальности. Во-первых, патрицианский род Ветуриев чрезвычайно древний², и его представители действительно встречаются в V в. до н.э. среди высших магистратов. Во-вторых, мать Кориолана наделена типичными чертами достойной римской матроны, хозяйки дома, исполненной высоких гражданских чувств. Ветурия во главе траурно одетых, с младенцами на руках женщин идет в стан неприятеля. Она разрывается между долгом перед отечеством и безмерной материнской любовью. В речи к сыну Гнею, которую сконструировали в соответствии с ситуацией Дионисий (VIII. 46. 47) и Плутарх (Сог. 35), она призывает его к заключению мира, потому что не сможет перенести поражения Рима и победы над ним своего любимого сына, равно как и его поражения и гибели. Ее речь, ее боль в первую очередь заставляют Кориолана отвести вольское войско от Рима, что принесло ему

¹ Сидорович О.В. Гней Марций Кориолан: легенда и история // Античность Европы. Пермь, 1992, С. 9–15; *Ogilvie R.M.* A Commentary on Livy B. I–V. 1965. P. 334.

² *Schulze W.* Geschichte lateinischer Eigennamen. В., 1904; S. 257, 260; *Маяк И.Л.* Рим первых царей. М., 1983. С. 139–140.

осложнения со стороны граждан принявшего его города. Заметим еще, что античные писатели вложили в уста Ветурии знаменательные слова: она не склоняет сына к предательству вольсков, уважая клятву верности, которую он им дал, и цenia то, что они сделали его своим согражданином (*Dionys.* VIII. 39). В ощущении принадлежности человека к своей гражданской общине как величайшего блага, в признании своей *civitas* (т.е. гражданской общины) высочайшей ценностью, выявляется характерная черта идеологии и психологии римлянина, будь то мужчина или женщина.

В том же духе выписан в античной традиции и образ Волумнии. Она тоже добродетельная мать и супруга. Судя по имени, она происходила из этрусской знати, принятой в круг римской патрицианской верхушки. У античных писателей она всегда упоминается рядом с Ветурией и представляет собой как бы ее несколько бледный двойник. Она – добродетельная семьянинка и плоть от плоти римской *civitas*, но, может быть, в силу возраста, особенности характера или ситуации играет более пассивную роль, чем Ветурия или Валерия. Волумния по желанию мужа живет в доме свекрови и, надо думать, сообразуясь с ее мнением, не отправляется за Кориоланом в изгнание. В то время, как он наказан и лишен гражданства, она с детьми в Риме, подобно Ветурии, не ущемлена. Таким образом, ни мать, ни жена с детьми за преступление Кориолана ответственности не несут. Если они не уходят добровольно в изгнание вместе с главой своей семьи, они римской гражданской общиной не отторгаются.

В глубинах V в. до н.э. можно разглядеть облик еще одной римлянки. Она тоже оказывается, хоть и невольно, связанной с противостоянием патрициев и плебеев, обострившимся к середине этого столетия. Но эта героиня далека от патрицианской элиты. Зовут ее Вергиния. Она – дочь уважаемого плебея Луция Вергиния (*Liv.* III. 44.2) или Виргиния (*Flor.* I. 24.3; *Dionys.* XI. 28), который характеризуется в предании как образцовый воин и гражданин, воспитавший в том же духе и жену, и дочь. Человек простого происхождения, он был центурионом, т.е. занимал офицерскую должность в войске. Семья его, по-видимому, жила в достатке. Во всяком случае, в доме его была кормилица, няня, которая сопровождала Вергинию, когда та выходила в город (*Liv.* III. 44.7; *Dionys.* XI. 28), и вообще оберегала ее, особенно, когда девочка после смерти матери осиротела (*Dionys.* XI. 28). Отец, как это было принято в Риме, позаботился об образовании дочери. Если следовать античным писателям, она посещала начальную школу (*Liv.* III. 44.6; *Dionys.* XI. 28). Но это сообщение представляется большим преувеличением, потому что школы в Риме появились много позднее, только в III в. до н.э. А до этого времени детей обучали дома.

Помимо благонравия Вергиния отличалась редкой красотой. Словом, это была прекрасная девушка. И не случайно она была помолвлена с выдающимся политическим деятелем, сыном одного из первых плебейских трибунов, тоже плебейским трибуном 456 г. до н.э., Луцием Ицилием.

Но исключительное обаяние не принесло счастья Вергинии. В нее влюбился знаменитый патриций, Аппий Клавдий, отъявленный враг плебеев, активный участник чрезвычайной коллегии децемвиров (т.е. состоящей из десяти мужей), правившей Римом тиранически. Аппий Клавдий был ярким противником законности браков между патрициями и плебеями, к тому же был уже женат, так что о женитьбе на любимой ему Вергинии речи быть не могло. Поэтому он прибег к испытанному приему: стал посылать ей подарки, сулил золотые горы, но напрасно. Добродетельная девушка от всего отказывалась. Тогда он решил овладеть ею с помощью коварного обмана. Когда Вергиния со своей кормилицей шла через Форум, на нее в знак того, что она – его рабыня, наложил руку клиент Аппия, некий Марк Клавдий. Девушка пыталась вырваться, а няня подняла крик. Тут же сбежалась толпа, и Марк Клавдий поспешил сообщить, что у него есть доказательства рабской принадлежности Вергинии, но он изложит их в суде. На этот суд девушку сопровождали ее дядя Нумиторий и жених Луций Ицилий, так как отец находился в войске вне Рима. За ним послали, потому что вопрос стоял о действительности отцовской власти над дочерью, что в раннем Риме считалось незыблемой правовой нормой. Несмотря на козни всесильного децемвира, Вергиний успел получить отпуск и вернуться в Рим.

В день суда Вергиний, облачившись в траурные одежды и обрядив дочь в жалкие лохмотья, отправился на Форум, где и располагался суд, стояли храмы и помещались торговые ряды. Спозаранку на судилище собрались толпы людей, пораженных несчастным видом Вергиниев, обличением Аппия Клавдия со стороны Ицилия и особенно плачем окружавших их матрон. Аппий Клавдий сумел подстроить дело так, что сам был судьей в этом процессе, и счел иск своего клиента Марка справедливым. Вергиния по ложным показаниям этого Марка была признана дочерью рабыни, якобы принадлежавшей его отцу. Когда рабыня забеременела, бесплодная жена Вергиния, Нумитория, будто бы подговорила ее отдать ребенка ей. Так и было сделано, а всем сказано, что беременная разрешилась мертвым плодом (*Liv.* III. 47; *Dionys.* XI. 29).

По оглашении приговора Вергиний под предлогом подробнее расспросить кормилицу об обстоятельствах дела отошел с дочерью от толпы поближе к лавкам, что близ храма Венеры Клоацины (Очистительницы). Тут он внезапно схватил у мясника нож и пронзил им грудь девушки, воскликнув, что только так может сделать ее свободной

(*Liv.* III. 48.5; *Flor.* I. 24.3; *Dionys.* XI. 37). Согласно античной традиции, горестная история Вергинии послужила поводом к новому мятежу и вторичному удалению плебеев из Рима и стала причиной самоубийства несчастного Аппия Клавдия.

Историки прошлого и начала нашего века с сомнением относились к описанным событиям, отвергали историчность Вергинии.

Несмотря на некоторые несообразности, на что мы тоже уже обратили внимание, рассказ о Вергинии не следует считать только "странствующим мотивом для характеристики тиранов", как выразился И.В. Нетушил³. Он включен в историю создания законов XII таблиц, признанных современной наукой⁴ достоверным атрибутом римского общества середины V в. до н.э. Вполне реалистично описаны процедура суда, место действия и многие черты быта. Вероятно, что значение вполне возможного адюльтерного эпизода и в жизни Аппия Клавдия, и в жизни Рима весьма преувеличено. Однако этот романический сюжет содержит немало красок, позволяющих рассмотреть подлинные детали образа жизни и положения женщин в раннем Риме.

Немаловажные сведения можно извлечь и из краткого сообщения, касающегося семьи знатнейших патрициев Амбустов, относящейся к знаменитому роду Фабиев. По одному из вариантов предания, этот род вел происхождение от легендарного Геркулеса. Представители Фабиев на протяжении V–IV вв. до н.э. постоянно встречались среди консулов. Заметную роль они играли и позднее, на протяжении всей истории республиканского Рима.

Уже в начале республики в роде Фабиев выделяется ветвь Вибуланов, получивших закрепившееся за всей большой семьей имя, видимо, по местности их проживания⁵, а с конца V в. становятся известными Амбусты, чье прозвище происходит от раны или ожога. Конечно, их частое упоминание в античной традиции связано с литературной деятельностью анналиста Фабия Пиктора, жившего в III в. до н.э. Но это не должно бросать тень недоверия на описание событий, в которых Фабии принимали участие. Ведь упомянутый анналист считается объективным автором, да и известные нам консульские и триумфальные фасты, т.е. в общем достоверные списки имен высших должностных лиц и триумфаторов, действительно достаточно часто и беспристрастно упоминают Фабиев, в том числе Амбустов. С 412 и 406 гг. до н.э. им уже доступны консулат и должность консулярных трибунов, возникшая в 444 г. до н.э. как компромисс в сословно-классовой борьбе, потому что к ней наряду с патрициями были допущены и плебеи. В моменты

³ *Нетушил И.В.* Обзор римской истории. Харьков, 1912. С. 54; *Ковалев С.И.* История Рима. Л., 1986. С. 84.

⁴ *Società e diritto nell'epoca decemvirale: Atti del Convegno di Diritto romano.* Napoli, 1988.

⁵ *Mommsen Th.* Römische Forschungen. B., 1865. Bd. II. S. 292.

Туалет молодой женщины. Фреска из Геркуланума. I в. н.э.

обострения их борьбы вместо консулов выбирали эту высшую коллегию.

До нашего времени дошли имена двух женщин из семьи Фабиев Амбустов, все активнее проявлявших себя в политической жизни Рима IV в. до н.э. Они были дочерьми Марка Фабия Амбуста, дважды, в 381 и 369 гг. до н.э., входившего в число консульных трибунов. Марк Фабий Амбуст успешно воевал и таким образом был заметной фигурой в Риме.

Будучи потомственным аристократом, этот человек, однако, не кичился своим происхождением и находился в контакте с плебейской верхушкой. Его проплебейские настроения откровенно выразились, в частности, в выборе мужей для своих дочек. Старшую он выдал за Сервия Сульпиция, консульного трибуна 377 г. до н.э. (*Liv. VI. 32.3; 34.5; Flor. I. 26.2*), принадлежавшего к патрицианскому роду, а младшую – за Гая Лициния Столона (*Liv. VI. 34.5; Flor. I. 26.3*). Это был богатый плебей, оказавшийся замечательным политическим деятелем.

Именно он вместе со своим коллегой плебейским трибуном Луцием Секстием Латераном выдвинул и, наконец, после долгой борьбы в 367 г. до н.э. провел ряд законов, направленных на достижение равенства между патрициями и плебеями. Чаяния последних в главном были удовлетворены: 1) проценты, обременявшие должников, засчитывались в счет долга, а остальное выплачивалось равными частями в течение трех лет; 2) вводился земельный максимум; 3) плебеи допускались к консулату. В передаче Т. Ливия (VI. 35. 4–5) даже оговаривалось, что один из двух консулов должен быть плебеем. Если первый закон был в пользу беднейшего плебса, а второй был выгоден всей плебейской массе, то третий касался лишь наиболее богатых. Ведь безвозмездность исполнения почетных должностей и умение выступать в сенате и в народном собрании, необходимое для высших магистратов, были практически доступны только весьма обеспеченным людям, способным дать своим детям соответствующее образование.

Наряду с сообщениями античных писателей о затяжной и напряженной борьбе за доступ к консулату, обретение плебеями этого высшего из политических прав связывается в античной традиции (*Liv.* VI. 34.5–11; *Flor.* I. 26.1–4; *Zon.* 7.24) со следующим случаем.

Как-то раз младшая из дочерей Фабия Амбуста, бывшая замужем за Гаем Лицинием Столоном, сидела в гостях у своей старшей сестры. В это время вдруг раздался громкий стук в дверь, сильно испугавший гостью. Хозяйку дома это рассмешило и она выразила удивление, что ее младшая сестра не знает того, что о приходе высшего магистрата полагается оповещать. Это делает ликтор, стражник, несущий знаки высшей государственной власти, фасции. Они представляли собой связку розог с воткнутым в нее боевым топором. Муж старшей Фабии исполнял в этот год обязанности консульского трибуна, чьи полномочия и атрибуты отличались от консульских только тем, что им не полагался даже в случае выдающейся победы триумф.

Вслед за стуком в дом вошел Сервий Сульпиций, сопровождаемый ликторами и другими людьми из его окружения, выразившими ему свою почтительность и старавшимися ему всячески услужить. Младшая Фабия была и подавлена, и раздосадована величием своего шурина и насмешливостью сестры. Отец, увидев свою младшую дочь расстроенной, стал допытываться, не заболела ли она. Тогда, преодолев почтение к мужу и долг уважения к старшей сестре, Фабия призналась отцу, что поняла, как неудачен ее брак. Муж ей, дескать, не ровня, и дом его лишен почета. Тут отец стал утешать ее, сказав, что скоро ее дом увидит те почести, что достались сестриному. Так, будто бы, печаль любимой дочери подтолкнула Фабия Амбуста к объединению с Луцием Секстием ради того, чтобы и он, и зять добились избрания в плебейские трибуны и провели демократические законы, вошедшие в историю как законы Лициния и Секстия.

Разумеется, важнейшая вежа в уравнении плебеев и патрициев в правах была достигнута благодаря тем процессам, которые проходили в IV в. до н.э. в римском обществе. В среде плебеев выросла мощная прослойка, чьи экономические интересы смыкались с интересами многих патрициев, и их политический союз был естествен. Можно не отбрасывать и эпизода с дочерьми Фабия Амбуста. Но голос печали и обиды младшей Фабии тонул в громком хоре плебейских требований и вряд ли сыграл заметную стимулирующую роль. Однако передаваемый римскими писателями курьез имеет самостоятельную ценность, потому что содержит важные сведения о положении в семье и в обществе римских женщин.

В античной традиции, освещающей вторую половину IV в. до н.э., встречается несколько женских имен. Все они принадлежат патрицианкам и все упоминаются в связи со скандальными событиями.

Одно из них произошло в 337 г. до н.э., вообще очень неудачном для римлян. Консулы не сумели оказать военной помощи своим союзникам аврункам, на которых напали соседние племена сидицинов. Сенат приказал назначить для исправления положения диктатора. Но жрецы-авгуры объявили, что назначение произошло при неблагоприятных знамениях, и его пришлось отменить. В довершение всего было возбуждено дело против весталки Минуции.

Весталки были жрицами богини Весты, т.е. богини очага всего Рима и каждого дома. Комплектовались они из девочек 6–10 лет знатного происхождения, у которых были живы оба родителя. В их обязанности входило поддержание огня в очаге Города и совершение необходимых ритуалов. Служить они должны были 30 лет: первые 10 обучались, следующие 10 служили и затем 10 лет обучали новеньких.

Действующих весталок было шесть; они жили в особом доме – интернате, расположенном на Форуме, поблизости от круглого храма Весты и от Регии. Сначала регия была служебным местопребыванием жреца, так называемого царя священнодействий, а затем – всей жреческой коллегии понтификов, в которую он был включен. Возглавлялась понтификальная коллегия великим понтификом. Он не только следил за правильностью отправления всех культов, но обладал еще особой функцией – попечением весталок.

Жрицы Весты обязаны были в течение 30 лет сохранять целомудрие. Нарушение его жестоко каралось. Ливий (II. 42.11) сообщает под 483 г. о казни весталки Оппии, уличенной в инцесте. Именно в таком грехе была обвинена и Минуция. Она всегда вызывала подозрение своим щегольством, позволяя себе, по-видимому, ношение каких-то украшений из цветов (иначе представить себе это щегольство нельзя, *Liv. VIII. 15.7*). Ведь одеваться весталкам было положено скромно – в длинную столу, т.е. рубашку с рукавами, поверх нижней туники;

Римская монета с изображением богини Весты и ее храма

голову их обычно покрывала длинная шаль. И менять эту униформу было невозможно.

Дело против Минуции было возбуждено по доносу одного из ее рабов и поступило, как полагается, в суд понтификов. Ей сразу же было запрещено прикасаться к святыням, а затем вынесен приговор. По обычаю, Минуцию надлежало закопать заживо. Для этого вырыли глубокую яму, куда поставили покрытое тканью ложе и стол, на котором находились светильник, сосуд с водой и тарелка с едой. Минуцию спустили по лестнице вниз, потом лестницу убрали, а яму засыпали землей... Место казни было у Коллинских ворот, справа от мощеной дороги, которое, по мнению Ливия (VIII. 15.8), именно с тех пор стало называться Преступным Полем.

Несчастливым оказался для римлян и 331 г. до н.э. То ли по воле неба, из-за каких-то атмосферных явлений, то ли из-за коварства людей в Риме распространилась неведомая болезнь, поражавшая виднейших граждан и всегда с летальным исходом (*Liv.* VIII. 18.1–4). Это вызвало всеобщее смятение. И вдруг к должностному лицу, обязанном следить за порядком в Городе, курульному эдилу Квинту Фабию Максиму явилась чья-то рабыня с секретным донесением. По ее просьбе через посредничество эдила и консулов она получила от сената клятвенное обещание, что сообщение, которое она сделает не пойдет ей во вред. Тогда служанка рассказывает, что видные граждане погибают от женских козней. Оказывается, матроны варят какие-то зелья, и их легко застать за этим занятием сейчас же. Дослушав рабыню, должностные лица немедленно следуют за ней и, действительно, застают матрон за изготовлением снадобий и находят у них припрятанные яды. Все это конфискуется и относится на Форум, куда и вызывают женщин. Их оказывается около двадцати, среди них две названы. Это – дамы знатного патрицианского рода, Корнелия и Сергия. Обе они стали уве-

рять, что варили лекарства. Тогда доносчица предложила им выпить их целебные напитки и таким образом оправдаться от клеветы. Матроны испросили разрешения посоветоваться с остальными, те согласились на следственный эксперимент, все выпили приготовленные ими зелья и все от них погибли. После этого допросили служанок умерших дам и с их помощью взяли еще множество отравительниц. 170 матрон были признаны виновными.

Эта история потрясла Рим. Такое случалось впервые. И решили прибегнуть к мере, подобающей чрезвычайности обстоятельств. Был назначен диктатор, Гай Квинтилий, для вбития гвоздя в стену храма (*Liv.* VIII. 18.11–13), дабы пригвоздить зло.

Любопытно, что аналогичные события Ливий зафиксировал еще раз. В 160 г. до н.э. в Риме тоже прокатилась волна смерти многих людей от отравлений, включая претора Тиберия Минуция и консула Гая Кальпурния. И тут активную роль сыграла знатная дама, Кварта Гостилия, жена погибшего консула (*Liv.* XL. 43, 37). Однако отравителей, преимущественно мужчин, было очень много, притом и за пределами Рима. И если это дело можно включить в общий контекст истории первой четверти II в. до н.э. и видеть в нем проявление политической, или политиканской борьбы⁶, то действия матрон конца IV в. до н.э. политической окраски не имели. Но живые штрихи к обобщенному образу ранней римлянки они, несомненно, добавляют.

Как видно, материал о женщинах, содержащийся в сочинениях античных писателей, по объему невелик и отрывочен. Для осмысления его необходимо использовать данные других видов источников, таких, как надписи, памятники римского права и материальной культуры. Напомним, что для характеристики раннереспубликанского Рима вообще их до обидного мало. И все же, отмечая скудность сведений разного рода, можно выделить ряд вопросов, подлежащих обсуждению.

Прежде всего остановимся на вопросе о женских именах. Женская номинация заметно отличается от мужской. Хорошо известно, что в республиканское время римляне имели как минимум два имени – личное (*praenomen*) и родовое (*nomen*). По мере усиления патрицианской семьи в обществе и ослабления функций рода в Риме утверждается трианомия, добавляется семейное имя (*cognomen*), которое подобно номену передается по наследству. Однако традиционно главным остается именно второе, т.е. родовое, или гентильное имя. Как раз им-то и нарекают в республиканское время женщину. Дж. Францози трактует это как показатель исключительной экзогамии рода^{6a}. Все Валерии, Ветурии и

⁶ *Маяк И.Л.* Взаимоотношения Рима и итальянцев в III–II вв. до н.э. М., 1971. С. 133–134.

^{6a} *Franciosi G.* Matrimonio, conubium e classi sociali nel V s.a. D. // *Società e diritto...* P. 149.

Волумнии, будучи замужними женщинами, всегда называются античными авторами дочерью или сестрой какого-нибудь персонажа римской истории и носят его имя, а не имя мужа. Вспомним, что Ветурия была замужем за Марцием, как и Волумния – за Марцием Кориоланом, сыном предыдущего.

Известно, что поздние римские дамы наряду с отцовским номеном обозначались еще и именем мужа. Подтверждение этому – множество эпитафий IV–II вв. до н.э. из некрополя г. Пренесте⁷, получившего права римского гражданства с конца IV в. до н.э. 137 надписей из 337 посвящены женщинам, поэтому там отсутствует ~~сигнус honorum~~, т.е. список должностей, занимавшихся покойным, как это было у мужчин, и зафиксированы чистые ономастические формулы. Обычно указание на номен сопровождается сокращенным указанием на то, чья она дочь, по типу: *Anicia m.f.*, т.е. Аниция, дочь Марка. Если дочерей было несколько, их различали добавлением слов *maxima*, *maior*, *minor*, т.е. старшая, средняя (вторая), младшая, или порядковых числительных: *prima*, *secunda*, *tertia* (первая, вторая, третья). Как правило, такое определение предшествует номену, т.е. уподоблено преномену. Например *maior fabrcia* или *maxima reipacia*, с.ф. (старшая Пинария, дочь Гая). Однако в одной из эпитафий определение типа "младшая", "старшая" стоит после номена, что согласуется с сообщением античного автора, касающегося мужской ономастики. В сочинении о преномене⁸ сказано, что первоначально преномены употреблялись у мужчин в качестве когноменов.

Добавление имени мужа в эпитафиях вариантнo: 1) *pacia. claudia* (Пация Клавдия (по мужу)) или 2) *sextia. rosci*, т.е. Секстия (жена) Росция.

Что касается личного имени у женщин, то в рассматриваемое время оно, т.е. преномен, в официальном обиходе не употреблялось. Отметим, что это касается только данного времени. В царскую эпоху дело обстояло иначе, но оно требует особого разговора.

Таким образом, ядро классической ономастической формулы у женщин в период республики в виде указания номена отца + номена мужа говорит о принадлежности женщин к роду отца с переходом ее с заключением брака в мужнин род. Отсутствие же преномена тоже достаточно красноречиво. И здесь следует согласиться с мнением М. Финли, подчеркнутым Евой Кантарелла⁹, о том, что это указывало на пассивную роль женщины в обществе, не выделяло ее как личность внутри семейной и гентильной группы. Интересно, однако, рассмотреть, как это конкретно проявлялось.

Положение женщины в семье чаще всего было предметом иссле-

⁷ Peruzzi E. *Origini di Roma*. Firenze, 1970. Vol. 1. P. 57.

⁸ *De praenomine* // *Valerii Maximi dictorum factorumque memorabilium libri*. Lipsiae, 1874. X. P. 387.

⁹ *Cantarella E. Le donne fino alla XII tavole* // *Società e Diritto*... P. 192.

Супружеская пара ("Катон и Порция"). Рим. Конец I в. до н.э.

дования правоведов и историков римского права) Однако в них эпохе ранней Республики уделялось обычно минимальное внимание¹⁰. Больше это удавалось историкам. Важные данные мы находим у Т. Моммзена¹¹, затем у Д. Лотце¹², но особенно интересные аспекты прав римлянки содержатся в двухтомнике "Культура древнего Рима", в главах, написанных Е.М. Штаерман¹³ и В.М. Смириным¹⁴.

¹⁰ *Mommsen Th.* Das römische Staatsrecht. B., 1887. Bd. III.1. S. 9; *Marquardt J.* Privatleben der Römer. Leipzig, 1866. S. 17–18; *Хвостов В.М.* Система римского права. СПб.; М.; Варшава; Вильна, 1909. С. 4–24; *Боголепов Н.* Учебник истории римского права. М., 1895. С. 238–249; *Новицкий И.Б.* Основы римского гражданского права. М., 1972. С. 76–88; *Peppe L.* Posizione giuridica e ruole sociale della donna in età repubblicana. Milano, 1984; *Косарев А.И.* Римское право. М., 1986. С. 28; *Савельев В.А.* История римского частного права. М., 1986. С. 50–54; *Guarino A.* Storia del Diritto romano. Napoli, 1990. P. 132–134; 254–255.

¹¹ *Моммзен Т.* История Рима. М., 1936. С. 56–60.

¹² *Lotze D.* Zur Rekonstruktion der frührömischen Großfamilie // Neue Beiträge zur Geschichte der alten Welt. B., 1965. Bd. II. S. 63–67.

¹³ *Штаерман Е.М.* Римское право // Культура древнего Рима. Т. 1. М., 1985. С. 210–218.

¹⁴ *Смирин В.М.* Патриархальные представления и их роль в общественном сознании римлян // Культура древнего Рима. М., 1985. Т. 2. С. 38–63.

Можно считать вполне достоверным приведенные ими сведения о римской семье (*familia*). (На заре республиканской эры это была большая патриархальная, точнее говоря, отцовская семья, входившая в род (*gens*), не потерявший еще в то время характера общины. Именно через посредство рода получали главы составлявших его фамилий землю. Ярким примером реального функционирования рода в таком качестве является история Клавдиев, переселившихся в Рим, согласно наиболее распространенной версии предания, в 504 г. до н.э. (*Liv.* II. 16.3–4; IV. 3.14; *Dionys.* V. 40; *Plut.* *Popl.* 21; *Tac.* *Ann.* XI. 24; *Suet.* *Tib.* 1).

Семья была самостоятельной хозяйственной ячейкой. Во главе ее стоял *pater familias*. Он был реальным распорядителем всего имущества и властителем над всеми членами фамилии – женой, детьми, как действительными, так и усыновленными, и их женами. Ко времени принятия законов XII таблиц фамильная собственность, включая землю, превратилась в индивидуальную собственность главы семьи (XII *Tab.* 5.2; 10). Он один был самовластным (*sui iuris*), все остальные – подвластными (*non sui iuris*). Супруга семейного главы считалась матерью семейства (*mater familias*). Подобно мужу, в реальности она могла быть одновременно и бабушкой, и прабабушкой, потому, что семья была многоколенной и объединяла всех нисходящих родственников, включая жен ее сыновей и ее внуков.

У известного юриста II в. Гая, а также в Дигестах имеется подробное описание условий заключения браков в Риме, влиявших на женскую судьбу. В то время как возраст для вступления в брак определялся для мужчины в 14 лет, для женщины он был установлен в 12 лет (*Gai.* I. 496; *Dig.* 23. 2.4). Это кстати, объясняет реальную жизнедеятельность фамилии из нескольких поколений.

Однако браку предшествует сговор отцов семейств, который совершается тогда, когда дети в состоянии понять значение этого акта, т.е. не ранее 7 лет (*Dig.* 23. 1.14). Возраст жениха и невесты обуславливает и такую норму, как возможность сговора в их отсутствие. Но это не означает, что дочь не может возражать против воли отца, если он выбрал для нее человека недостойного (*Ibid.* 1.11–12).

Латинский язык богат словами, обозначающими власть, господство. Применительно к свободным членам фамилии особое значение имели формулы *patria potestas*, т.е. власть главы семьи над детьми, и *manus mariti* – мужа над женой. Таким образом, оба термина относились к женщинам, оба выражали ее состояние подвластности (*non sui iuris*). И все же последнее, как кажется, имело разные оттенки. Они зависели, во-первых, от времени существования института фамилии. (Ведь общество Раннего Рима даже республиканской эпохи не стояло на месте, а развивалось.) Во-вторых, *manus* мог зависеть от среды, в которой он функционировал. Напомним, что римляне не были однородной

массой, а состояли из патрициев и плебеев. С учетом этих обстоятельств и необходимо пользоваться классификацией способов заключения и самих браков, данной Гаем, жившим в императорское время, что в недостаточной мере принято во внимание в современной науке, хотя и замечено, что знаменитый юрист говорит об отошедшей или отходящей в прошлое практике¹⁵.

Согласно Гаю (1.110), переход женщины *in manum mariti*, т.е. в положение "под рукой" – по удачному выражению В.М. Смириня – совершается тремя способами: давностью пользования ею (т.е. сожительством – *usu*), конфарреацией (от *farrum* – полбяной хлеб) и покупкой (*coemptio*).¹⁶

По поводу хронологической последовательности возникновения способов попадания женщины "под руку", т.е. во власть мужа, издавна высказывались по-разному. Так, И. Марквардт¹⁶ древнейшим считал конфарреацию. По Дионисию (III. 25), она введена была Ромулом. Заметим, что самый обряд с применением полбяного хлеба с солью также свидетельствует о временной глубине его истоков (*Ibid.*). Марквардт, как и современные ученые, обращает внимание на то, что конфарреация всегда была в ходу у патрициев, причем обязательно требовалась при браках жрецов древнейших патрицианских коллегий, таких, как понтифики и старшие фламины (*Gai. I. 112*). Весьма древним следует признать и способ, а вместе с ним и самый брак *usu*, т.е. пользования, или давностного сожительства, поскольку он упомянут в законах XII таблиц (VI.4). При таком заключении брака жена поступала "под руку" мужа, становилась законной, если в течение года она непрерывно ночевала в его доме (*Gai. I. 111; XII Tab. VI. 4*). Однако, уже в XII таблицах (VI. 4) предусмотрена возможность для женщины, состоя в браке, не быть "под рукой" мужа. Это достигалось тем, что жена отлучалась ежегодно на три ночи из мужниного дома и, таким образом, прерывала давностное владение ею. Поскольку женщина обязательно была под чьей нибудь властью, надо думать, право *trinoctium* (*Gell. III. 2.12–13; Gai. I. 111; Serv. Georg. I. 31*), т.е. трех ночей, возвращало, или, вернее, оставляло ее под властью ее отца или деда, т.е. *pater familias*. Отлучавшиеся из мужниного дома жены, не бывшие "под рукой", не могли быть и матерью семейства (*mater familias*), но считались вполне достойными и именовались матронами.

Коемпцию (куплю) Марквардт¹⁷ рассматривает как еще более позднюю форму, поскольку она хорошо известна во времена Цицерона и, возможно, она-то и сменила в конце концов *usus*. Следует, однако, отметить, что обряд коемпции с мнимой продажей (*mancipatio*) жены в

¹⁵ Там же. С. 38.

¹⁶ *Marquardt J. Op. cit. S. 35–36; Боголепов Н. Указ. соч. С. 243.*

¹⁷ *Marquardt J. Op. cit. S. 37.*

присутствии свидетелей (*Gai. I.113; 123*) также говорит о его глубокой древности.

Кроме указанного порядка появления видов брака в науке был признан и иной. По мнению Россбаха, древнейшим способом заключения браков у римлян, как и у прочих индоевропейцев, была настоящая покупка жены. И из этой формы затем развились и конфарреационная, и коемпционная, и путем давностного сожительства. Последняя – в качестве переходной к фазе браков *sine manu*, т.е. без нахождения под властью главы фамилии мужа¹⁸. Заметим, что сообщения Россбаха не лишены оснований. Для нас же важно подчеркнуть, что в период ранней Республики все три вида сосуществовали.

Весьма интересен тезис Марквардта о том, что конфарреация могла совершаться в священном месте и принадлежать к актам, подобным аррогации, т.е. усыновлению персоны *sui iuris*, и к утверждению завещаний (*testamenta*). Поэтому местом проведения конфарреации могли быть куриатные комиции¹⁹. Заключение о том, что *usus* и *coemptio* – удел плебеев, естественно, делают из патрицианского характера конфарреаций. Добавим еще, что именно плебеи занимались торговой деятельностью, постоянно практикуя обряд манципации, неизменный при коемпции.

Вполне вероятно, что заключение брака способом *usu* в известной мере было связано с отсутствием, точнее непризнанностью плебейских родов ранним римским, по сути своей патрицианским государством. Отсюда – полное отсутствие торжественности при таком браке.

Сказанное здесь, разумеется, не отвергает аналогии между приобретением права на жену и квинитским правом приобретения вещи, что справедливо подчеркнуто В.М. Смириным²⁰.

¹ При всех вариантах брака *sine manu* положение в нем женщины, будь то патрицианка или плебейка, было одинаковым. Каждая супруга, состоящая *in manu*, получала почетное звание *mater familias*. Исходя из обязанности для патрициев браков конфарреационного характера, следует сделать вывод, что все замужние патрицианки непременно становились матерями семейств. Для плебейки вопрос решался альтернативно: одни были *matres familias*, а другие – *matrones*. Все жены, вместе с тем, были персонами *non sui iuris*, они входили в семью мужа *filiae loco*, т.е. становились как бы дочерьми. Как известно, это не означало полной имущественной несостоятельности. Ведь отец обеспечивал дочь-невесту приданым. Таким образом, жена обладала имуществом, как минимум, за счет принесенного приданого, которым, правда распоряжался ее супруг и мог его приумножить. Но после его смерти вдова

¹⁸ Цит. по: *Ibid.* S. 38.

¹⁹ *Marquardt J.* Op. cit. S. 35–36.

²⁰ *Смирин В.М.* Указ. соч. С. 44.

получала свою часть общего семейного наследства наряду с детьми (*Dionys.* II. 25; XII Tab. V. 96). И приданое, и наследственная доля создавали известную устойчивость положения женщины в семье. В гротескной форме это показано в комедии Цецилия Стация "Ожерелье". Комедиограф жил в конце III - начале II в. до н.э., когда обычаи предков были еще в почете. В сохранившемся фрагменте небогатый муж жалуется на неудавшуюся семейную жизнь. Жена ему противна, но он вынужден терпеть:

136 "Да, жалок тот, кто скрыть своих несчастий не способен:

Молчу, а вся улика мне дела и вид супруги.

Опричь приданого – все дрянь;..."²¹

Значение приданого для самоощущения жены было и в более поздние времена очень большим. Имущественная состоятельность всегда гарантировала прочность положения женщины в семье. Однако можно сказать, что в начальной фазе Республики оно было даже лучше, чем в период поздней Республики. Ведь ограничения в получении наследства и в отказах женщинам по завещанию были введены только в 169 г. до н.э. по закону Вокония, чем возмущался Цицерон (RP. III. 10).

Сами римляне считали своей особенностью исключительную власть *pater familias* над всеми членами семьи вплоть до права убийства (*Dionys.* II. 26; *Fest. Plogare.* P. 260). Это правило возводилось к незапамятным временам. Впрочем, уже Ромул ограничил детоубийство особыми случаями (*Dionys.* II. 15). Но все же *patria potestas* выглядит более сильной и жестокой, чем *manus mariti*. Ведь осудить жену даже за такое прегрешение, как адюльтер и питье вина, тем более на смерть, муж имел право только по совместному с родичами, т.е. по гентильному суду (II. 25). И действительно, убийства жен в период Республики не известны. Что же касается осуществления отцовской власти Вергинием, то убийство дочери было не наказанием, а мыслилось им как избавление от позора, который считался хуже смерти, как это явствует из самоубийства обесчещенной царским сыном Лукреции.

Если детей, собственно сыновей, можно было трижды продавать и только после третьей продажи они становились свободными самостоятельными лицами (XII Tab. IV. 2), то по установлению, приписанному Нуме, вообще следовало воздерживаться от продажи женатого сына, чтобы не сделать свободную женщину рабыней (*Plut. Num.* 17). Продажа жены и вовсе каралась смертью (*Plut. Rom.* 22). }

Отметим, что все установления в отношении женщин касались в равной мере и патрицианок, и плебеек, потому что регулировали законные браки (*matrimonium iustum*), а таковые заключались тремя ука-

²¹ Пер. Ф.А. Петровского // Полонская К.П., Поняева Л.П. Хрестоматия по ранней римской литературе. М., 1984. С. 95.

занными способами. Законность брака распространялась на лиц, имевших *ius connubii*. Так что в первой половине V в. до н.э., в условиях, так сказать, эндогамии класса²², это правило действовало одинаковым образом в патрицианской и плебейской средах отдельно, а после закона Канулея (445 г. до н.э.) и вовсе стало общим и универсальным.

¹ Спецификой ранней римской фамилии была нерасторжимость брака за исключением чрезвычайных случаев: описанного выше грехопадения женщин, когда по гентильному суду их можно было убить или прогнать. И действительно, первый развод был осуществлен только в 231 г. до н.э. Спурием Карвилием Ругой из-за бесплодности его жены Рацилии (*Dionys. II. 25; Plut. Quaest. rom. 14*). Это так поразило римское общество, что, несмотря на уважительность причины, попало в анналистику. Конечно, можно заподозрить отравительниц 331 г. до н.э. в желании отделаться от мужей. Но число этих дам тогда, безусловно, сильно преувеличено. Ведь картина римской домашней жизни, нарисованная античными писателями, дает представление о добрых взаимоотношениях римлян со своими матерями, дочерьми, супругами.

Родители заботились о воспитании и образовании своих чад. Сведения сохранились лишь для более поздней эпохи. В рассматриваемое время школ еще не было. Ведь только в III в. до н.э. появились частные. Первую открыл Карвилий, вольноотпущенник того Спурия, кто первым развелся с женой (*Plut. Quaest. rom. 59*). В эпоху Империи возникали государственные училища. Это не значит, что римляне мирились в древности с безграмотностью. Квинтилиан (I. II. 1.1) и для своего времени говорит о дилемме – начать обучение детей в школе или дома под руководством учителя. Тем более естественно, что в ранний период республики практиковалось домашнее образование. Этому принципу следовал и Катон Старший.

Начальный курс, или первая ступень обучения, предназначался для детей младшего возраста от семи до двенадцати лет. Учили детей, даже и в школах и тем вероятнее дома, совместно мальчиков и девочек. При этом никаких сведений о какой бы то ни было дискриминации плебейских детей, в том числе девочек, в этом смысле нет. И косвенное доказательство тому – Вергиния. Нас не должно смущать, что она, будучи невестой, чьим очарованием прельстился Аппий Клавдий, подверглась нападению со стороны его клеветы, якобы идя в школу (*ludus litterarum* – *Liv. III.44.6*). Вергиния была юной девушкой, а не малолеткой, могла направляться к своему бывшему наставнику, чтобы навестить его, или к тому учителю, который был приглашен для продолжения ее образования дома. Ведь для обучения девочек на уровне второй ступени, или школы грамматиков, в Риме всегда практи-

²² *Franciosi G. Op. cit. P. 152–153.*

ковались домашние занятия под руководством учителей. Таким образом, при хронологической неточности упомянутого в связи с Вергинией сообщения, содержащегося в античной традиции о школе, оно заключает в себе зерно исторической истины: женщины раннего Рима образование получали.

То же можно извлечь и из рассуждения Квинтилиана (I. 1.2), который подытожил в своем труде многовековой опыт римского воспитания. Он обращал внимание на значение просвещения родителей для воспитания и обучения детей, подчеркивая, что не об отцах одних говорит, но и о матерях. Примеры таких просвещенных женщин он черпает из истории Поздней Республики, это – мать Гракхов, дочь Лелия. Но нигде Квинтилиан не говорит, что это было нововведением II в. до н.э.

Обычай давать женщинам образование – показатель уважения к ним, по крайней мере в семье. Грека Плутарха удивляло отношение римлян к женщинам, что он объяснял тем, что, по римским преданиям, первых жен – сабинянок им пришлось украсть (*Plut. Quaest. rom.* 101). С этим же событием Плутарх (*Ibid.* 29) связывает и такие послесвадебные обряды, как то, что невеста не переступает порог мужа дома, а туда ее переносит сопровождающие. В этом же ряду объяснений стоит и ответ на то, почему у новобрачных волосы разделяют на пробор острием копья (*Ibid.* 87). Перечисленные ритуалы служат напоминанием, как трудно первым римлянам достались жены, откуда естествен вывод – их надо ценить. |

| Плутарх рассказывает о том, что первую брачную ночь молодые в Риме проводят без света. Он истолковывает это как необходимую стыдливость перед женой и тактичность в отношении к ней, чтобы не были заметны несовершенства ее телосложения (*Ibid.* 65). Тот же такт и уважение к жене выявляются из обыкновения при возвращении в Рим предупреждать жену о своем прибытии (*Ibid.* 9). Таким способом муж показывает, что не хочет застичь ее врасплох, что он вполне жене доверяет и, одновременно дает ей возможность подготовиться к встрече с ним. |

| Все в том же духе следует расценить сообщение Плутарха (*Plut. Rom.* 15; *Quaest. rom.* 85) о том, что римляне после примирения с сабинянами, отцами похищенных, согласились по договору, чтобы их жены, ставшие римлянками, не мололи муку и не варили им пищу, а пряли шерсть, т.е. занимались важным и чистым трудом. Так возник идеальный образ римской матроны, отвечающей формуле, постоянно встречающейся в надписях и в поэтических произведениях вплоть до позднего императорского времени – *domiseda, lanifera*, т.е. домоседка, шерсть прядущая. Конечно, в реальности мать семейства, особенно небогатого, совсем не касаться кухни, все передоверяя своим рабыням, не могла. В одном из ранних произведения П. Теренция Варрона "Ме-

нипповых сатурах" есть стихи, посвященные добропорядочной хозяйке дома:

"А руками прядет она пряжу, а глазами следит за кашей в горшке, чтобы она не пригорела"²³.

Из всего, что нам известно о положении женщины в семье, явствует, что дома она была полновластной хозяйкой, далекой от заточения в гинекей, как это было у греков. Об этом же красноречиво говорит и устройство римского жилья: там не было специальной женской половины, дом выглядел общим семейным обиталищем. И вполне органичными следует считать общие трапезы в доме, общие обеды, на которые в столовую собиралась вся фамилия, и отец и мать семейства и их дети. Эта традиция сохранилась и в последующую эпоху, от которой дошли до нас сведения о совместном выходе супругов в гости и о приемах гостей. Этот обычай получил особое развитие с III в. до н.э. с введением мегаленских игр в честь Матери богов²⁴, культ которой был принесен в Рим из Мадой Азии. Обмен визитами возводился к приглашению фригийской богини в Вечный Город (*Ovid. Fast. IV. 353–356*). Поскольку посещение гостей было, согласно Овидию, особенно принято у знати (*nobiles*), можно думать, что в период ранней Республики этого обычкновения в первую очередь придерживались патриции. |

| Уважение к матери фамилии, матроне, очень ярко проявляется в специально им посвященных празднествах. Возникновение их относится к древнейшим временам, потому что они связаны с культом плодородия. Прежде всего, это – Матроналии (*Ibid. III. 167–255*), которые справлялись 1 марта. Судя по описанию Тибулла (*III. 2–3*), это был веселый, щедрый праздник, одинаково радостный и для знати и для простолюдинов:

"Всюду сегодня летят вереницею пышной подарки,
Сыплются по площадям и по нарядным домам".

/ Характерно, что подношения делают мужья своим женам, хотя известно, что вообще-то подарки между супругами были запрещены, поскольку имуществом они под присмотром мужа пользовались сообща (*Dig. 24.1. 1–3*), и оно было как бы общим. Но матрональные дары не относились к предметам, составляющим основу семейного благосостояния. Это был ключ, якобы открывающий возможность облегчить роды (*Fest. Clavim. P. 49*), или зонтик в качестве символа покровительства, защиты женщины²⁵. Изящные зонты от солнца, судя по изображениям

²³ Пер. М.П. Гаспарова // Полонская К.П., Поняева Л.П. Хрестоматия... С. 149.

²⁴ *Vaccai G. Le feste di Roma antica: Miti, riti, costumi. Roma, 1986. P. 100.*

²⁵ *Vaccai G. Op. cit. P. 37.*

от IV в. до н.э., были в Италии весьма распространенными уже в период ранней Республики. Дарили женам и прочим членам семей, конечно, и цветы.

Другим праздником в честь женщин были Матралии (*Ovid. Fast. VI. 475*). Они справлялись 11 июня (*Ibid. 473 bb.*) и отличались странными, архаическими ритуалами (*Ibid. 480–481*), объяснимыми либо как отражение борьбы между мраком и светом, что характерно для индоевропейских религиозных представлений²⁶, либо как следы очень древних систем родства и группового брака²⁷. Матралии были посвящены богине утренней зари, Матер Матуте (*Fest. Matralia. P. 113*), несущей добро (*Fest. Mater. Matuta. P. 154*). В жертву ей приносили простые пироги, испеченные по-деревенски в глиняной посудине (*Ovid. Fast. VI. 531; Varro. LL. V. 106*). Храм Матер Матуты был возведен Сервием Туллеем и перестроен при Камилле в IV в. до н.э. (*Liv. V.19.6; Ovid. Fast. VI.480*). Ради семейного счастья Матер Матуте жертвовали еще, как засвидетельствовали археологи, изображения половых органов и женщин с детьми²⁸. Все это аттестует древность культа. Особенностью Матралий было то, что в них принимали участие исключительно женщины, состоявшие в браке единожды (*Tert. Monog. 17: matronae univirae*).

Кроме специально матронам посвященных празднеств были и такие, что праздновались в честь божеств – покровительниц женщин. Важнейшей среди них стала Юнона, первой функцией которой было покровительство браку, родовспоможение (*Ovid. Fast. III. 245–258*). Но аналогичные благодеяния женщинам оказывали и другие божества. Так в тот же день, что и Матралии – 11 июня – проходило почитание богини Фортуны. В самом деле, в древнейшее время Фортуна представляла собой женскую богиню плодородия и материнства. В конце концов она стала богиней Судьбы, Удачи вообще. Но после истории с матерью и женой Кориолана почиталась именно как божество Женского счастья. Чтили ее и как богиню Мужской удачи, которая впоследствии снова обнаружила в представлениях римлян свое первоначальное, связанное с женской судьбой, лицо. Овидий (*Fast. IV. 145–155*) рассказывает, что женщинам следует курить ладан и умолять эту Фортуну Вирилис, чтобы она скрывала от глаз мужей их физические недостатки.

Особым женским культом был культ Доброй Богини. Священнодействия проходили в несколько этапов, в разных местах и при участии одних только женщин. Особую роль среди них играли жены и матери высших магистратов, в чьем доме и начинались в тайне от мужчин

²⁶ Штаерман Е.М. Социальные основы религии древнего Рима. М., 1987. С. 14–15.

²⁷ Маяк И.Л. Рим первых царей. М., 1983. С. 178.

²⁸ Штаерман Е.М. Указ. соч. С. 77.

"Альдобрандинская свадьба". Фрагмент фрески из дома на Эсквiline в Риме. I в. до н.э.

сакральные действия. Исходя из переданного Фестом названия священнодействия Дамиевым (*Fest. Demium*. P. 60), Добрая Богиня обеспечивала плодородие земле, растительности, женщинам. Ведь Дамия известна в греческой мифологии как богиня именно с такими функциями²⁹.

Среди культов и празднеств, связанных с женщинами, выделяются

²⁹ Немировский А.И. Идеология и культура раннего Рима. Воронеж, 1964. С. 76–77.

Весталии. О самой богине, празднестве и весталках много писали античные авторы (*Cic. Leg. II.12.29; RP. III.10.17; De or. II.27.67; Nat. De or. III.32.80* и др.), но особенно подробно Авл Геллий (I.12; X.15.31), Овидий (*Fast. VI. 249* вв.), Фест (Р. 296; 297; 320; 466; 468) и Дионисий (II. 65–67). День Весталий – 9 июня. Веста относится к древнейшим богам. Культ ее и коллегия весталок в Риме тоже очень древние. Ведь уже мать божественных близнецов, альбанская принцесса Рея Сильвия была, согласно преданию, весталкой. Еще в начале царской эпохи стараниями второго царя Нумы, чьи деяния находят археологическое подтверждение, культ Весты стал играть централизующую роль и с самого начала республики превратился в общеримский государственный. В соответствии с этим и весталки стали государственного значения жрицами (*sacerdotes*). Их коллегия наряду с фламминами (жрецами отдельных, важнейших культов Юпитера, Марса-Квирина), а также с царем священнодействий была включена в коллегия понтификов. Патрицианская принадлежность весталок, их государственная значимость и определяли меру их ответственности перед обществом, а потому, – и жесточайшую кару за отступление от норм предписанного им поведения. Весталки были той категорией женщин, которые без каких бы то ни было условий входили в число *personae sui iuris* (*Gell. I.12.9; VII.7.2*) и, напомним, обладали не только имуществом, но и правом завещания (*XII Tab. V.1; Gai. I.130; 145*). И даже упомянутый выше Вокониев закон никак не затронул их интересов. Внешним выражением почета, которым пользовались весталки, было то, что встретив их, ликторы склоняли перед ними фасции (*Sen. Contr. 6, 8*), а осужденные на смерть получали помилование. ¶

Значительно меньшее место в обществе сравнительно с весталками занимали фламминики. Это были жены фламмина Юпитера, непременно патрицианки, даже и в императорское время. Как и их супруги, они всегда происходили из семей, возникавших на основе обряда конфарреации и сами вступали только в конфарреационный брак (*Gai. I.112*). В священнодействиях они участвовали наряду с мужем. Развод для обоих был запрещен. Выделяет фламминку среди прочих женщин, однако, то, что после ее смерти муж терял свой жреческий сан. Согласно Гаю (I.136), по закону Азиния–Антистия (24 г.?)³⁰, власть мужа над фламминикой, несмотря на конфарреацию, распространялась только на ее жреческую деятельность. Она и будучи в браке оставалась под властью отца. Но закон Азиния–Антистия – поздний и передан он Гаем в очень краткой форме. Поэтому с точностью определить положение фламминики в эпоху ранней Республики трудно. Закон можно рассматривать как подтверждение исконного положения; тогда власти мужа она и в

³⁰ Бартошек М. Римское право: Понятия, термины, определения. М., 1989. С. 187.

древности не подлежала. Но этот же закон мог быть нововведением. Заметим, что в императорскую эпоху сфера функционирования *manus mariti* вообще сокращалась. В таком случае, скорее, в интересующее нас время фламника находилась *in manu* (под рукой) и значит в состав самовластных лиц она не входила.

Учитывая все данные источников, можно, таким образом сказать, что активная жизнь римлянки раннереспубликанской поры ограничивалась кругом семьи, ведением хозяйства и воспитанием детей. Лишь участие ее в публичных, т.е. государственных священнодействиях (*publica sacra*) позволяло ей ощущать себя членом более широкой общности – римской гражданской общины, *civitas*.³¹ Разумеется, этим же ощущением были продиктованы и героические подвиги Валерии и Клелии. В современной науке их деяния рассматриваются как след первобытных установлений, т.е. инициаций при переходе девочки в возрастную группу невест³¹. Не отвергая такой трактовки, однако, не считаем ее единственно возможной. Ведь, как мы видели, героизм проявили и преступившие порог брачного возраста – Валерия, Ветурия и Волумния. Они безусловно были движимы патриотизмом, долгом перед Римом, хотя этот долг находился в противоречии с их любовью матери и жены.

В отечественной науке правомерно подчеркивается античная идея связи между судьбой гражданской общины и судьбой гражданина³². Античный человек видел неразрывное единство интересов коллектива своего полиса (рим. *civitas*) и отдельного индивида. Думается, что это действительно не только для мужчины, но и для женщины.

Как известно, римскую *civitas* в значении полноты гражданских прав, характеризует набор прав политических и имущественных – вступать в законный брак с римским гражданином (*ius connubii*); иметь собственность, включая земельную (*ius commercii*), голосовать в народном собрании (*ius suffragii*) и быть избранным на почетную должность (*ius honorum*). В начале Республики всеми этими важнейшими правами обладали только мужчины, притом патриции.

Таким образом, в рассматриваемую здесь эпоху римское плебейство было существенным образом ограничено в правах и в политической и в брачной сфере. Только в середине V в до н.э. плебеи начали пробивать толщу недоступных им привилегий. Вспомним, что в 445 г. они добились *ius connubii*, а вскоре – возможности занимать должность консулярных трибунов. Но не консулов! И лишь в начале III в. до н.э. было достигнуто равноправие плебеев с патрициями. Однако это распространялось на плебеев-мужчин.

Что касается женщин, то тут разница между патрицианками и

³¹ Cantarella E. Op. cit. P. 195–199.

³² Штаерман Е.М. Введение // Культура древнего Рима. М., 1985. Т. 1. С. 7–8.

плебейками всегда была меньше, чем у мужчин. Ведь из политической деятельности женщины были исключены. *Ius suffragii* и *ius honorum* ни те, ни другие никогда не получали.

В области же частного права после 445 г. до н.э. римлянки в массе своей сравнились. Их положение стало подобным статусу мужского населения тех союзных с Римом городов, которые назывались *civitates sine suffragio*. Но это было именно подобие, а не идентичность. Ведь мужчина из упомянутого типа союзной городской общины свободнее самой знатной римлянки распоряжался и своей собственностью в Риме и своей личной судьбой. Женщина же, кроме весталки, потеряв главу своей семьи, должна была подвергнуться опеке (XII Tab. V.1; 2). Древние законодатели были уверены в необходимости этого, в силу якобы присущего женщинам от природы легкомыслия. Весталки, правда, благодаря участию в качестве жриц в отправлении государственного культа превосходили по своему положению мужчин, жителей союзных общин без права голосования в Риме. Конечно, весталок было мало, но основная масса римлянок при всей ограниченности их юридического статуса всегда чувствовала свою связь не только с семейной и родовой группой, но и с римской *civitas* в целом. Свидетельством тому, помимо патриотических деяний бесстрашных аристократок, – еще и ситуация в семье Кориолана, о чем уже шла речь выше. В самом деле, хотя Гней Марций был изгнан из Рима и объявлен врагом, жена его с детьми проживала в его бывшем доме с его матерью, давным давно вдовой. Значит, либо ей с невесткой и внуками была обеспечена защита опекуна, о чем ничего не известно, либо она все-таки стала персоной *sui iuris*. И тогда это, вероятно, один из первых прецедентов внедрения такого положения, какое позднее зафиксировано как ординарное.

Но что бы то ни было, показательно, что ни мать изменника, Ветурия, ни его жена Волумния не были отторгнуты обществом, продолжали считаться достойными особами, которые пользуются всеобщим уважением. Значит, они, не последовав за изгнанником, остались членами римской *civitas* и находились под охраной ее законов, сохраняли свое имущество и достоинство. Р. Парибени³³ в книге, воспевающей римскую семью, противопоставленную греческим, персидским и семитским семьям, подчеркивал ее нравственность, выражавшуюся в строгой моногамии и в благородной цели получения потомства. Римские установления он объясняет особым римским духом, который характеризуется, в частности, ненавистью к царской власти, что в проекции на семью выступает как особенность поведения *pater familias* и почетное место матери в семейной группе. У Парибени, конечно, создана идеализированная картина. Но, действительно, уважительное

³³ *Paribeni R. La famiglia Romana. Roma, 1939. Esp. P. 12, 23–24; 29–38.*

отношение к матронам все-таки было. И объяснить его в условиях господства отцовской семьи без учета влияния самой *civitas* и фактического, юридическими актами не зафиксированного, признания гражданского, пусть и усеченного по сравнению с мужчинами, статуса римлянки вряд ли возможно.

Все сказанное позволяет рассматривать и рядовых римлянок, и весталок как особые социальные группы в составе римского гражданства ранней Республики.

Вместе с тем, фактическое признание гражданских прав за женщинами выявляет такую черту римской *civitas*, как ее постепенно развивавшуюся открытость. Она выражалась и в допуске в римскую гражданскую общину на разных условиях жителей других общин, сначала Лация, потом Италии, а затем и Империи.

Проявления открытости в конечном счете помогло Риму преодолеть его противоречия с соседями и обеспечить ему длительное существование.

РИМСКАЯ ЖЕНЩИНА В ПРАВЛЕНИЕ АВГУСТА*

Все сущее имеет свои корни в прошлом, поэтому мы должны его знать и обращаться памятью к античному миру, так как наше мышление отягощено древним наследием. Цицерон замечательно сказал: "Не знать, что случилось до твоего рождения, – значит всегда оставаться ребенком" (*Cic. De or. 34. 120*). Нелегко заглянуть в глубь себя, для этого необходим синтез знаний, способствующий дальнейшей эволюции философского познания, ведь именно философы древности впервые сделали достоянием гласности свои суждения о проблемах человеческой сущности, обратили свой взор на темы этики, добродетельной жизни и взаимоотношений между мужчиной и женщиной, при этом щедро делились советами, как достичь идеала, как стать счастливым. Положение римской женщины в семье и в обществе не было обойдено молчанием историков и философов, которыми на удивление одинаково и неизменно она воспринималась как второстепенная фигура, в жизни которой мужчина – господин и вершитель ее судьбы.

Для Рима того времени большое значение имело усложнение жизни, связанное с огромным накоплением богатств, с непрерывным расширением его державы и социальными потрясениями эпохи больших завоеваний. Они вызвали к жизни непомерную потребность к комфорту и роскоши, привели к распаду семьи, который начался еще во II в. до н.э. В одной из своих политических од Гораций восклицал: "Многочисленные века запятнали сначала брак, род и семью. Проистекая из этого источника, несчастье полилось на государство и народ" (*Hor. Od. III.6.16*). Множество мужчин оставались холостыми, в то время как молодые женщины не желали иметь детей, и поэтому катастрофически упала рождаемость. Необычайно выросло количество супружеских измен и разводов. Сенека Старший отмечал, что упадок нравов в Риме дошел до таких размеров, что "никого не сочтут слишком легковверным, если он заподозрит женщину в неверности" (*Sen. Controv. II.15*). Тертуллиан

* © Н.А. Чаплыгина, 1995.

утверждал, что женщина выходит замуж только для того, чтобы развестись (Apol. 6). И действительность давала повод для подобных преувеличений. Например, мать Августа Атия была замужем два раза, его сестра Октавия также имела двоих мужей. У Скрибонии, имевшей уже двоих детей, Октавиан был третьим мужем, его дочь Юлия была замужем трижды. Марциал рассказывает о женщине, которая сделала от шести до семи опытов в замужестве, но все они были неудачны (Marc. VII. 58). Похвальное слово Кв. Лукреция Веспиллона (консул 19 г. до н.э.) своей жене Турии свидетельствует о редкости продолжительных браков: "Такая долгая брачная жизнь, которой кладет конец смерть, а не развод – редкое явление; нам было суждено продлить ее без поводов к жалобе до 41 года" (CIL. VI. 1527). Не отличались постоянством и сами мужчины, нередко у некоторых было три жены, как у Августа, Овидия и Плиния Младшего, или четыре (у Цезаря и Антония), или даже пять, как у Суллы и Помпея.

Моральная деградация, которая как болезнь поразила римское общество, вызывала, особенно у римской аристократии, попытку реставрации искони присущих римлянину старого закала, старых нравов, таких как *fides* ("верность"), *pietas* ("благочестие"), *virtus* ("мужество"). Консервативные настроения всегда характерны для эпохи гражданских войн и проскрипций, когда нарушаются фамильные связи и устои. О необходимости возвращения к старому убеждали юристы, взывали поэты, рассуждали философы. Август, отличавшийся политической осторожностью и способностью подхватывать поднимавшие его престиж идеи и лозунги, был заинтересован в популярности среди консервативных кругов сенаторской аристократии и среди италийской муниципальной знати. Поэтому целью Августа стало восстановление прошлого, всего того, что в Риме связывали с понятием *mos maiorum* – "обычай предков". "Новыми законами, введенными по моей инициативе, многие примеры древних, забытые уже нашим веком, я вернул, и сам многих дел примеры, достойные подражания, потомкам передал" (RgdA. 8,5). Так определяет Август направление своего законодательства, отвечавшего глубинным настроениям общества, прежде всего его зажиточным слоям. Этой своей цели Август собирался достичь, издавая законы о браке и о супружеской неверности. В свое время Юлий Цезарь наметил ряд реформ для поднятия общественной нравственности. Август начал принимать меры в этом направлении уже в 28 г., но главные законы провел с 18 г. до н.э. по 9 г. н.э.

¶ Чтобы укрепить семью и увеличить количество римских граждан был принят закон об обязательном браке (*lex de maritandis orbibus*), который касался всех мужчин в возрасте от 25 до 60 лет и женщин от 20 до 50 лет, обязанных состоять в браке. Не выполнившим этот закон лицам сенаторского или всаднического сословия запрещалось присутствовать на публичных зрелищах, более того они лишались права сво-

Портрет римлянки. I в. н.э. Рим

Портрет римлянки (Евдоксии?).
Около 400 г. н.э. Рим

бодно передавать свое имущество по завещанию, а незамужние женщины подлежали налогу в размере 1% с их имущества.) Это был далеко не праздный вопрос. Еще свежи были в памяти события 42 г. до н.э., когда триумвиры потребовали для проведения военных действий средства у 1400 богатых женщин, однако в результате бурного протеста женщин и выступления дочери известного адвоката Гортензии, триумвиры вынуждены были сократить число затронутых этой мерой женщин до 400 обладательниц состояния свыше 110 тыс. денариев (*Val. Max.* IX.3.3; *Quintil.* I.1.6; *App.* В.С. IV.32). Известна сентенция Папиниана: "По многим статьям нашего права положение женщин хуже, чем мужчин" (*Dig.* I.5.9). Согласно римским законам, женщины относились к подвластным лицам, т.е. находились под властью главы семьи, известного института "отеческой власти". Власть отца (*pater familias*) над "детьми" (в эту категорию входили и внуки, правнуки, родные и усыновленные) была пожизненной (I.99; *Dig.* I.6.6–5). Выйдя замуж, женщина оказывалась "под рукой" (*in manu*) мужа. Перевод этого понятия "во власти мужа", В.М. Смирин справедливо считает не вполне точным, ибо муж сам состоял в отеческой власти, тем самым жена оказывалась во власти не самого мужа, а лица, в чьей власти он

состоял¹. Принадлежностью брака являлось приданое жены, состоявшее из имущества, денег, прав, обязательств (Dig. 23.3. 30–31). И хотя "приданое состоит в имуществе мужа, оно принадлежит женщине" (Dig. 23.3.75), и имение из состава приданого, поступившее в доминий мужа, не могло быть отчуждено против воли жены, как гласит Юлиев закон времен Августа (II.63). С расторжением брака приданое отдавалось женщине. Дигесты отмечают, что не имели силы также дарения между мужем и женой "чтобы в силу взаимной любви супруги не отнимали путем дарений (имущества) друг от друга, не соблюдая меры и действуя с легкомысленной расточительностью в отношении себя, и дабы не утратилось стремление прежде всего воспитывать детей" (Dig. XXIV.1.1–2). В целом эта картина приводит к мысли, что власть над женщиной, оказываясь разделенной между ее родной семьей и мужем, была слабее полной власти одного лица, что было в интересах женщины², таким образом, господствующее положение домовладыки в экономическом плане ограничивалось собственностью женщины. Понятно стремление женщин, обладавших наследством, как можно дольше сохранить самостоятельность и бездетность, что вызвало строгости "Юлиевого закона". Эти ограничения начинали отпадать с момента вступления в брак, а рождение каждого ребенка давало новые льготы.

Светоний нам сообщает о недовольстве законом. Август "узнав, что некоторые обходят закон, обручаясь с несовершеннолетними или часто меняя жен, он сократил срок помолвки и ограничил разводы" (Suet. Aug. 34). Невеста должна была быть не моложе 10 лет, а период обручения не мог продолжаться свыше двух лет. Таким образом, 12-летняя девочка по римским законам могла выходить замуж. При этом бездетные по законодательству приравнялись к лицам, не вступившим в брак, с соответствующими последствиями. Светоний подчеркивает, что "этот последний закон он (Август. – Н. Ч.) хотел сделать еще строже других, но бурное сопротивление вынудило его отменить или смягчить наказания" (Ibid.). В частности, следовавший в 9 г. н.э. закон Папия и Поппея (которые сами были холостяками и не имели детей), внес разграничения между не вступившими в брак и бездетными. Не вступившие в брак лишались права получать наследство, а бездетные, но состоящие в браке могли получить половину наследства. Если предыдущий закон обязывал вступать в новый брак через год после вдовства и через полгода после развода, данный закон увеличивал этот срок до 3 лет. Здесь проявилось противоречивое и непоследовательное направление политики лавирования, столь свойственной Августу.

¹ Смирин В.М. Патриархальные представления и их роль в общественном сознании римлян // Культура древнего Рима. М., 1985. Т. 2. С. 38.

² Ляпустин Б.С. [Реф.]: Пеппе Л. Правовое положение и социальная роль римской женщины в период республики // Современные исследования римского права. С. 54.

Кроме того lex Papia Poppaea устанавливал определенные преимущества для тех, у кого было более трех детей, так называемый *ius trium liberorum*. Теперь женщина, имевшая троих детей, в отношении своих клиентов обладала такими же правами, как и патрон. Матерям троих детей позволялось носить особое почетное платье – особо украшенную столу, титул носительницы которой (*stolata femina*) продолжал существовать и в последующие времена и предназначался не только для матерей, но и для тех женщин, которым императоры пожаловали права, связанные с материнством³.

Мы не случайно обращаем внимание на этот факт, так как в 18 г. до н.э. Август издал закон против роскоши *lex Iulia de vestitu et habitu*, который наряду с другими мерами запрещал роскошь в женской одежде, прежде всего употребление шелковых тканей, правда исключительно знатными римлянками. Давно прошло то время, когда римские матроны считали предосудительным показываться одетыми иначе как в белую одежду с узкой пурпурной оторочкой по краям. Теперь носили одноцветные материи всевозможных цветов – пурпурного, яркокрасного, лилового, желтого, зеленого, появились и разноцветные ткани в клетку (*plumatae*) и с особым волнистым отливом (*undulatae*). Римскими модницами особенно ценились прозрачные материи, протканые золотом или серебром и окрашенные в красивые цвета, оставлявшие тело почти обнаженным. Шелковые прозрачные ткани с о. Кос появились в Риме в I в. до н.э., а с I в. н.э. стал распространяться китайский шелк.

Постановлением Августа только главе империи и его сановникам разрешалось носить высшие сорта пурпура – тирский и янтинский, а всадникам позволялась только пурпурная кайма на одежде. Однажды дорогой наряд дочери вызвал недовольный взгляд Августа и на следующий день она появилась в скромном одеянии римской матроны, главным образом для того, чтобы на похвалы присутствующих ответить словами: "Сегодня я одета, как это нравится отцу, вчера – как мужу" (*Macr. Sat. II.5.5*). Однако это постановление Августа недолго оставалось в силе, нарушалось при нем, и щегольство пурпурными одеядами дошло до таких размеров, что Тиберий для обуздания его был вынужден прибегнуть к хитрости; он сам перестал носить пурпур и этим заставил делать то же римскую знать⁴.

Личный пример должен был играть известную роль: показной скромностью своей жизни Август желал служить образцом для римского общества. Светоний пишет: "В простоте его обстановки и утвари можно убедиться и теперь по сохранившимся столам и ломам, которые

³ Фридендер Л. Картины из бытовой истории Рима. СПб., 1914. Ч. 1.

⁴ Вейс Г. История одежды, вооружения, построек и утвари народов древнего мира. М., 1874. Ч. 2: Западные народы.

вряд ли удовлетворили бы простого обывателя. Даже спал он, говорят, на постели низкой и жестко постланной. Одежду надевал только домашнего изготовления, сработанную сестрой, женой, дочерью или внучками; тогу носил ни тесную, ни просторную, полосу на ней ни широкую, ни узкую, а башмаки подбивал толстыми подошвами, чтобы казаться выше". Буквально в следующей фразе раскрывается показной характер жизни императора: "Впрочем, нарядную одежду и обувь он всегда держал под рукой в спальне на случай внезапной и неожиданной надобности" (*Suet. Aug. 73*). Однако своими ограничительными законами Август пытался утвердить и упрочить дух староримской традиции, призывами к скромности и восстановлению семейных устоев он подтверждал, что им не только устанавливается римский мир, но восстанавливаются и обычаи предков, *pietas*, которой сильны были древние римляне. Не случайно в числе божеств, к которым жители Рима возносят молитвы за империй Августа, сенат и римский народ, упоминается и *Pietas*, богиня, олицетворявшая основное направление социальной политики Августа⁵.

Особую известность приобрел "Юлиев закон против прелюбодеяний" (*leges Juliae de adulteriis coecondendis*). Муж или отец, если они имели все доказательства нарушения супружеской верности, должны были привлечь нарушительницу к судебной ответственности. Неверная жена подвергалась суровому наказанию, конфискации части имущества, половины приданого и трети состояния; ее соблазнитель расставался с половиной имущества. Ответственность за прелюбодеяние по *leges de adulteriis* несла женщина. Мужчина выступал как соучастник преступления, но его могли обвинить в *stuprum*, то есть во внебрачной связи со свободной женщиной, не записанной у эдила в качестве проститутки (*Dig. 50, 16, 101; 48, 5, 35*). После вынесения обвинительного приговора осужденные подвергались изгнанию на маленькие острова около побережья Италии. Кроме того, женщина лишалась права вступать в новый брак со свободнорожденным.

Был несколько видоизменен староримский обычай. Так, в случае явного прелюбодеяния отец жены обладал правом самосуда и мог убить свою дочь вместе с ее любовником. Существовало положение которое обязывало убить дочь, если отец уже убил прелюбодея (*Collat. 4.2*). Оскорбленный муж при некоторых обстоятельствах также получал право убить возлюбленного своей жены, но ни в коем случае не ее самое. Новаторство Августа в осуществлении этого законодательства проявилось в том, что дела о прелюбодеяниях выносились за рамки семьи и становились объектом разбирательства в государственных судах, наряду с особо опасными преступлениями. Право возбуждения дела в суде принадлежало в первую очередь мужу, а лишь затем отцу

⁵ Машкин Н.А. Принципат Августа. М., 1949. С. 566.

виновной. По истечении 60 дней всякий "посторонний" гражданин не моложе 25 лет мог также возбудить дело (Dig.48, 5, 2; 48, 5, 4). Однако если муж не желал разводиться и прощал жену, то дело не возбуждалось, за исключением тех случаев, когда могли доказать, что муж, прощая жену, действовал в корыстных целях. Если в течение 60 дней муж не привлекал жену к ответственности, то он и сам мог пострадать по обвинению в сводничестве, причем привлечь его к ответственности мог всякий, кому уже исполнилось 25 лет.

Преимущество отцовского права над мужним проявлялось и при осуществлении развода, даже при браке *cum manu*. Состояние дочери в браке при наличии власти *pater familias*, оказывалось в зависимости от воли ее отца. "Если дочь состоит во власти, отец может отправить посланца и разорвать сговор" (Dig. 23, 1, 10). Для признания развода действительным необходимо было присутствие семи взрослых римских граждан, при отсутствии отпущенников инициатора развода (Dig. 24.2.9). Таким образом, во времена Августа довольно действенным было право отца на личность детей (о чем мы будем говорить ниже относительно семьи императора), хотя, видимо уже не применялось право продажи, а право убийства использовалось довольно редко.

Необходимо отметить непопулярность этих суровых законов по оздоровлению римских нравов. По данным ценза 28 г. до н.э. и 13 г. н.э. число римских граждан увеличилось за 41 год на 1 млн. человек, что связано вероятнее всего с прекращением гражданских войн и возвращением к нормальной жизни, а не с результатами законодательства. Более того, зажиточные слои всегда могли обойти закон путем фиктивных браков и усыновления детей⁶. Выигрывало только государство, преследуя при соблюдении законов чисто фискальные цели. Как известно, наследство бездетных становилось достоянием римского народа. Тацит сообщает: "появились надзиратели, по закону Папия и Понпея поощряемые наградами, чтобы римский народ наследовал как общий отец после отказавшихся от преимуществ отцовства выморочное имущество. Но эти надзиратели заходили гораздо дальше, накидывались на Рим, на Италию, на все, где только были римские граждане, и довели многих до разорения" (*Тас. Апп. III.28*). Выигрывало государство и от конфискации имущества осужденных за прелюбодеяние. При помощи процессов по обвинению в прелюбодеянии устранялись неугодные политические противники, это приводило к вымиранию старой римской знати. Прекращаются некоторые линии видных сенатских родов.

При Августе были сосланы как соучастники прелюбодеяния его дочери Юлии последний Клавдий Пульхр и последний Корнелий Сципион. Причиной гибели семьи и фамилии Семпрониев Гракхов так-

⁶ Ковалев С.И. История Рима. М. 1986. С. 484.

же стал процесс над Юлией. Сам Семпроний Грахк был сослан на остров Керкину, а его сын, занявшийся мелкой торговлей, умер. И хотя именно представители римской аристократии более других ратовали за укрепление старинных нравов, они же менее всего желали вмешательства в их личную жизнь. Это настроение хорошо выразил Тит Ливий: "Мы не можем терпеть ни наших пороков, ни средств против них" (*Liv. Praef. 9*).

Отражением мнения оппозиции новым законам была поэма молодого поэта Овидия "Искусство любви", в которой было дано руководство как нужно соблазнять женщин и поддерживать любовные связи. М.М. Покровский в своей работе убедительно показал, что в поэме пародируется язык "закона о прелюбодеяниях" и на примерах, взятых из греческой мифологии, высмеиваются положения самого закона⁷. Так, поэт сочувствует не обманутому мужу Вулкану, а несчастным любовникам Марсу и Венере, на которых донес Гелиос (*Ovid. Ars. am. II.561*). О Менелее Овидий с иронией рассуждает как о своднике, потому что он уехал из дома, оставив под одной крышей жену и Париса (*Ovid. Cors. am. II. 359*).[†]

Но предпринятые Августом для оздоровления семьи меры находили и сочувствующих. В литературном течении, пользовавшемся поддержкой императора, отразились и идеализация староримских нравов, и борьба с роскошью, и пропаганда семейной жизни. Гораций с восторгом писал: "Нрав и обычай обуздал и позорное нечестие" (*Hor. Carm. IV. 5.22*); ему вторил Веллей Патеркул, говоривший о благотельности Юлиевых законов (II.89), благосклонность высказывали Вергилий и Тит Ливий. Законы пользовались популярностью и в италийских муниципальных кругах, которым не свойственна была бездетность и где сохранились прочные семейные устои. Однажды Август привел в пример италийского жителя из города Фезул, Криспиния Гилара, который на весенний праздник 5 г. до н.э. явился в Рим с 8 детьми, 27 внуками, 18 правнуками и 8 внучками (*Plin. N.H. VII.13.60*).

Печальной иллюстрацией тщетности попыток укрепления нравственности служила семья самого законодателя, свидетельствуя о том, что правительственными мероприятиями сложно обуздать историческое развитие. Август боролся с разводами, но сам был трижды разведенным мужем. Еще в юности он был помолвлен с Сервилией, дочерью Публия Сервилия Исаврика, друга Цезаря, консула 48 и 41 годов до н.э. Однако этот брак не состоялся по политическим соображениям, так как, примирившись с Антонием, Октавиан взял в жены едва достигшую брачного возраста падчерицу Антония Клавдию. "Но, поссорившись со своей тещей Фульвией, он, не тронув жены, отпустил ее

⁷ Покровский М.М. Очерки по римской истории и литературе. СПб., 1907. С. 178.

девственницей" (*Suet. Aug.* 62). В 40 г. до н.э. он женился на Скрибонии, родственнице Секста Помпея, которую вскоре оставил ради разведенной им же Ливии Друзиллы.

Продолжая лицемерить, Август не раз заставлял сенаторов выслушивать длинные цитаты, например, из речи Квинта Метелла "Об умножении потомства" и Рутилия "О порядке домостроения", "этим он хотел показать, что не он первый обратился к таким заботам, но уже предкам были они близки" (*Ibid.* 89, 2). Однако репутация Августа не соответствовала столь суровому образу ревнителя древней чистоты нравов, сплетни о его похождениях переходили из уст в уста. Однажды в сенате ему был задан вопрос, что сделать с тем гражданином, который был раньше любовником замужней женщины, а потом увел ее от мужа – явный намек на его отношения с Ливией. Август же ответил, что во время гражданской войны творилось много ужасного, о чем нужно забыть и не допускать этого в будущем (*Dio. Cass.* 54.16).

По словам Светония, Секст Помпей называл его обабившимся, а Марк Антоний утверждал, что свое усыновление Октавиан купил ценой постыдной связи с Цезарем (*Suet. Aug.* 68). Не только злые языки, но и друзья не отрицали связей Августа с чужими женами, рассказывая о том, как жену одного консула он увел к себе в спальню на глазах мужа, а потом привел растрепанную обратно. Более того, они сами не раз подыскивали ему любовниц "раздевая и оглядывая взрослых девушек и матерей семейств, словно рабынь у работорговца Торания" (*Ibid.* 69). Те же друзья оправдывали поведение Августа тем, что он шел на это не из похоти, а по расчету, чтобы через женщин легче выведывать замыслы противников. Светоний передает нам содержание письма Антония, когда он еще не был во враждебных отношениях с Октавианом, относительно своих отношений с Клеопатрой: "С чего ты озлобился? Оттого, что я живу с царицей? Но она моя жена, и не со вчерашнего дня, а уже девять лет. А ты как будто живешь с одной Друзиллой? Будь мне неладно, если ты, пока читаешь это письмо, не переспал со своей Тертуллой, или Терентиллой, или Руфиллой, или Сальвией Титизенией, или со всеми сразу, – да и не все ли равно в конце концов, где и с кем ты путаешься?" (*Ibid.*). К тому же и позднее Август предавался сладострастным утехам с молоденькими девушками, которых ему раздобывала его собственная жена Ливия (*Ibid.* 71.1).

В своих страстях Август не щадил даже близких друзей. В 50-летнем возрасте женился на молоденькой аристократке, близкий ему Меценат. Но вскоре о связи Августа с Теренцией говорил весь Рим, а в 16 г. до н.э. император был вынужден даже уехать из города, чтобы прекратить порочащие его слухи, но в свите Ливии, следовавшей за Августом, находилась Теренция. Наступило временное охлаждение между Августом и Меценатом, который развелся с женой, но вскоре

снова вступил с нею в брак. Интересен тот факт, что "покровитель искусств" не один раз вступал в брак и разводился с Теренцией. Юристам пришлось даже рассматривать вопрос, какие подарки Мещената действительны и какие его разводы с Теренцией имеют силу (Dig. 24.1.64). Как мы видим законы правителя были как бы не писаны для близких его друзей, впрочем как и для него самого.

Дион Кассий сообщает, как однажды Август привел в пример свою семью. Когда ему был задан вопрос, как он воспитывает своих детей, Август нарисовал идеальную картину в оправе римской старины, но далеко не соответствующую тому, что творилось у него в доме (Dio Cass. 54.16). Светоний, вторя Августу пишет: "Дочь и внучек он воспитывал так, что они умели даже прясть шерсть; он запрещал им все, чего нельзя было сказать или сделать открыто, записав в домашний дневник; и он так оберегал их от встреч с посторонними, что Луция Виниция, юношу знатного и достойного, он письменно упрекнул в нескромности за то, что в Байях он подошел приветствовать его дочь" (Suet. Aug. 64.2). В этом также проявлялась показная приверженность Августа к староримским нравам. Уже давно в римских знатных семьях дети воспитывались иначе.

Вследствие ранних браков девушек, их духовное развитие чаще всего заканчивалось только во время замужества, когда проявлялись их наклонности, увлечения, основные черты характера. В 12 лет многие уже становились женами, в то время как молодые люди, например сенатского сословия, вступали в основном в брак после получения первой должности, квестуры, которой достигали обычно в 25 лет. Раннее вступление в брак с более опытным в жизни человеком служило зачастую для девушек резкой гранью перехода от безусловной зависимости "под властью отца" к неожиданной свободе, к непомерному расширению жизненного кругозора; она выходила в свет. Все обращалось к молодой женщине с почтительным приветствием "domina", она вступала в большой дом с обширным поместьем, с рабами, толпами клиентов и подчиненных, от ее воли зависели иногда жизнь и смерть людей.

По мнению Тацита, опаснее всего для невинности и чистоты нравов были "соблазн театральных представлений и возбуждение пиров" (Tac. Germ. 19). Это была не только страсть к зрелищам, но и желание показаться другим во всей своей красоте (Ovid. Ars. am 1.93-100). Во времена Августа в театре и амфитеатре верхние места были предоставлены исключительно женщинам, а в цирке места обоих полов не были разобцены. Здесь очень легко можно было завести знакомство, благодаря общему интересу к зрелищу, вести разговоры, оказывать мелкие услуги (Ibid.). Тацит называет рядом с соблазнами зрелища влияние пиров. Уже в эпоху Августа исчез обычай, когда женщины сидели за столом, теперь они возлежали так же, как и мужчины (Ibid.

Портрет Матидии. II в. н.э.
Неаполь

I.4.16). Плутарх сокрушался, что во время пиров "очень многие позволяют представлять сцены и проносить речи, которые раздражают умы гораздо больше всякого вина, и это делается в присутствии женщин и подрастающих детей" (*Plut. Qu. conv. VII. 8.4.4*).

Пристальное внимание окружающих и независимое положение вводило женщин в сильное искушение сбросить с себя узы, наложенные на них природой общества. Одни занимаются гимнастикой, другие увлекаются процессами и сами составляют искивые

прошения, третьи собирают сведения о дальних странах (*Juven. VI. 242–245, 398–412*).)

Римская женщина была исключена из сферы публичного права. Интересно свидетельство Павла о том, что женщины не могут быть назначены в судьи, как и рабы "и не потому, что они лишены рассудительности, но так как принято, что они не исполняют гражданских должностей" (*Dig. V.1.12.2*). Однако исключение женщин из политической сферы, т.е. из деятельности народных собраний, отправления магистратур не означало, что они вовсе устраняются из общественной жизни. В качестве *civis* положение женщин было общее с мужчинами-гражданами, например, общее место жительства, социальное положение, статус свободы. Звание и сословное положение женщины в большинстве случаев определялось положением мужа, но император удостоивал иногда консуларского звания женщин, главным образом своих родственниц, ставших таким образом обладательницами большого почета. Особенно сказывалось женское влияние при замещении больших и малых должностей в Риме и провинциях. Сенека, например, восхваляет свою тетку с материнской стороны за то, что она преодолела свою обычную сдержанность, пустив в ход все свое влияние, чтобы добиться его назначения квестором (*Sen. Ad Helv.19.2*). Императрица Ливия по протекции предоставила сенаторское звание М. Сальвию Отону, консулат – М. Плавтию Силану (консул 2 г. до н.э.), сыну своей приятельницы Ургулании (*Suet. Oth. 1*). В тех случаях, когда

честолюбивым женщинам не хватало личных связей, они прибегали к помощи своих сыновей и пользовались их красноречием и богатством, чтобы добиться своей цели или помочь в этом другим (*Sen. Ad Helv.* 14, 2). В провинциях жены наместников предпринимали сделки, присутствовали при проведении военных упражнений, окружали себя центурионами. Так поступала Планцина, дочь основателя Лиона Мунация Планка и супруга Гнея Пизона, который в 18 г. был назначен наместником Сирии (*Tac. Ann.* II.55), и Корнелия, супруга наместника Паннонии Кальвисия Сабина (*Dio. Cass.* LIX.18). Дело дошло до того, что Цецина Север внес в 21 г. до н.э. в сенат предложение, чтобы ни один наместник не брал с собою в провинции свою жену, так как "в своих приказах женщины чаще всего упорны и неумеренны, и те, которые были обузданы Оппиевыми и другими законами (направленными к пресечению роскоши среди женщин. – Н. Ч.), а теперь освободились от этих оков, норовят распорядиться не только дома и на форуме, но и в войсках" (*Tac. Ann.* III. 33). Но на предложение это не было обращено внимания, вернее оно было отвергнуто.

В римской литературе этого времени одаренная всеми достоинствами женщина благородного происхождения предстает образованной и целомудренной (*Marc.* XII.97). Среди женщин того времени было распространено занятие литературой. Перилла (вероятно падчерица Овидия) писала стихи (*Ovid. Tris.* III.7). Плиний Младший восхваляет свою жену за то, что она из любви к нему заинтересовалась литературой, читала наизусть его книги, распевала его стихотворения и придумывала к ним мелодии (*Plin. Ep.* IV.9). Он также рассказывает об одном из своих друзей-писателей, который читал ему письма своей жены, и восклицает, что можно было подумать, что слышится Плавт и Теренций в прозе (*Ibid.* I.16.6). Сам Август поощрял литературные устремления и женщины его дома не могли не иметь к ним отношения. Сестра его Октавия приняла посвященный ей философский труд. Об этом сообщает нам Плутарх, описывая как Порсена осаждал Рим и как подвиг Муция склонил его к заключению мира: «Муция, которого все зовут, кроме того, Сцеволой, сын Сандона, Афинадор, в своем произведении, посвященном сестре Августа, Октавии, называется также "Поздно родившимся" (Постумом)» (*Plut. Popl.* XVII). Здесь речь идет о философе-стоике из Каны, жившем при дворе Августа. Особенно близок семье Октавии был греческий поэт Кринагор из Митилены, который в качестве посла своего родного города в 26 и в 25 годах встречался с Августом. До нас дошли стихотворения, обращенные к сыну Октавии Марцеллу и к ее дочери Антонии (сначала как к девушке, затем как к супруге Друза). Одно из этих стихотворений было послано Октавии со сборником лирических стихотворений, другое – молитва о благополуч-

ном разрешении Антонии от бремени⁸. Светоний описывает нам картину прослушивания "Энеиды" Вергилия в доме Августа: «когда работа уже была завершена, Вергилий прочел ему только три книги, вторую, четвертую и шестую: эта последняя произвела сильнейшее впечатление на Октавию, присутствовавшую при чтении – говорят, что она, услышав стихи о своем сыне – "ты бы Марцеллом был!" – лишилась чувств, и ее с трудом привели в сознание» (*Suet. Verg.* 32). Макробий говорит, что в доме Августа можно было получить разностороннее образование и что дочь императора Юлия отличалась большим интересом к литературе, чем заслужила всеобщую любовь (*Macr. Sat.* II.5.2).

Среди женщин высшего света было принято говорить на греческом языке, или же вставлять в разговор изящные греческие фразы; особенно этим пользовались влюбленные и Ювенал, усмехаясь замечает: "что это можно простить им, пока они молоды, но когда так говорит 86-летняя старуха, это становится невыносимым" (*Juven.* VI. 185 вв.). На греческом и на латыни писали свои стихотворения поэтессы. Так любовные письма Сульпиции вошли в сборник Тибулла, Марциалл восторгается Феофилой, невесткой своего земляка, поэта Кания Руфа из Гадеса, которая была целомудреннее Сапфо и равной ей в поэтическом даровании (*Marc.* VII.69).

Нужно отметить, что многие представители мужской половины человеческого рода, отнюдь не столь доброжелательно относились к женскому увлечению литературой и поэтической критикой. Ювенал цинично утверждал, что "женщина не должна иметь всей энциклопедии в голове, не должна понимать всего в книгах" (*Juven.* VI. 434–456).

"Впрочем, несноснее та, что, едва за столом поместившись,
Хвалит Вергилия, смерти Элиссы дает оправданье,
Сопоставляет поэтов друг с другом: Марона на эту
Чашу кладет, а сюда на весы полагает Гомера.
Риторы ей сражены, грамматик не возражают,
Все вокруг нее молчат, ни юрист, ни глашатай не пикнут,
Женщины даже молчат..." (*Ibid.* VI. 434–441).

Наибольший протест у мужчин вызывало занятие женщинами философией. Сенека Старший, придерживаясь старых нравов и категорически осуждая это увлечение, позволил своей жене настолько поверхностно ознакомиться с философией, что сыну затем пришлось не раз высказывать сожаление по этому поводу (*Sen. Ad Helv.* 17.4). Одни полагали, что женщины проявляли интерес к философии из-за хвастовства, другие уверяли, что это их делает заносчивыми и дерзкими и

⁸ Фридлендер Л. Указ. соч. С. 291.

вместо того, чтобы ткать и прясть дома, они заучивают речи, ведут ученые разговоры и разбираются в силлогизмах.

"Пусть она лучше поет, чем по городу шляется всюду,
Наглая, в кучки мужчин вмешаться готовая смело,
Или в присутствии мужа ведет разговоры с вождями
(Прямо с похода), глядя им в лицо и ничуть не краснея.
Этакой все, что на свете случилось, бывает известно:
Знает она, что у серов, а что у фракийцев..." (*Juven. VI. 398–404*).

Однако не все придерживались такой точки зрения. Плутарх, вторя Стоикам, считал, что женщины должны получать научное образование, советовал изучение философии связывать с изучением математики и астрономии; женщина, изучившая математику, постыдится танцевать и, поддавшись очарованию платоно-ксенофоновских диалогов, станет презирать заклинание и волшебство (*Plut. Coniug. graec. 18*). Он восхваляет Корнелию, которая была сначала супругой Красса, а затем Помпея: "У этой молодой женщины, кроме юности и красоты, было много других достоинств. Действительно, она получила прекрасное образование, знала музыку и геометрию и привыкла с пользой для себя слушать рассуждения философов. Эти ее качества соединились с характером, лишенным несносного тщеславия – недостатка, который у молодых женщин вызывается занятием науками". Некоторые женщины искали в высказываниях мудрецов выход из трудных жизненных ситуаций. Ливия, супруга Августа, нашла, как рассказывают, выход и утешение после смерти младшего сына Друза в словах философа-стоика Арея (*Sen. Ad Marc. 4, 5*). |

Женщины не только живо занимались литературой и философией, не только разделяли интересы своих мужей и друзей, но и объединялись в общества, подобные мужским, которые первоначально были образованы с религиозными целями, а во времена империи превратились в организации, вмешивающиеся в муниципальные дела и игравшие в них большую роль. В надписях мы встречаем "общество для сохранения стыдливости" (*Sodalitas pudicitiae servandae*), в Ланувии подобная организация называлась "женским сенатом", в Риме упоминается собрание матрон (*conventus matronarum*), где собирались женщины из знатных домов и которое приобрело большой вес в правление Гальбы и Гелиогабала⁹. |

В Неаполе во главе женской организации, так называемого "святого дома" находилась жрица, на Квиринале в Риме имелось помещение для женских собраний и, вероятно, на форуме Траяна; а в Ланувии женское собрание удаивалось во время празднеств двойной порции обеда¹⁰.

⁹ Буассье Г. Римская религия от времен Августа до Антониев. М., 1914. С. 550.

¹⁰ Фридендер Л. Указ. соч. С. 276.

Сенека сетует: "целыми ночами муж должен слушать жалобы своей жены: на такой-то в обществе бывают более роскошные украшения, такая-то пользуется всеобщим почетом, меня же бедную никто в женском конvente не уважает" (*Sen. De matrim.* 49). Женские организации вмешивались в муниципальные дела, на них решали вопросы о вознаграждении магистратов, о выделении средств на сооружение памятников и статуй.

Во время выборов женщины не допускались к подаче голосов, но они имели право выдвигать своих кандидатов и активно агитировали за того или другого. Многие

избирательные (предвыборные) рекламы на стенах Помпей подписаны женщинами. В своей признательности граждане не отделяли богатых и знатных жен от мужей и им устанавливался общий памятник. Часто женщины на собственные средства сооружали храмы, памятники, устраивали игры. Их называли "матерями и покровительницами муниципия" и специальными постановлениями отмечали их заслуги. В честь "покровительницы города" жрицы Венеры, знатной женщины Нуммии Валерии, был издан декрет, в котором говорится, «все сенаторы единогласно решили даровать ей название "покровительницы города" и просят ее благосклонно принять этот титул, а также принять каждого гражданина в отдельности, и весь город вместе в число клиентов своего дома, и при всех обстоятельствах оказывать им свое могущественное покровительство и защиту»¹¹.

На каждой странице римской истории фигурирует женщина. Ее влияние, тайное или явное, проявляется постоянно, с ней связаны многие славные сюжеты римской истории и Рим не меньше обязан добродетелям своих матрон, чем мудрости законодателей и мужеству воинов. Преданность сабинянок способствовала образованию римского народа, мольбы жены и матери убедили Кориолана и отечество было спасено; беседы с женой подвели Лициния Столона к знаменитому закону, ут-

¹¹ Гиро П. Частная и общественная жизнь римлян. СПб., 1899. С. 65.

верждавшему торжество римской демократии...¹² В этих рассказах видится неопровержимое доказательство уважения и почтения, которым римляне окружали жен и матерей, а также подтверждение того, что в силу обстоятельств многие женщины принимали участие в судьбе государства. Нередко сам Август поддавался влиянию своей супруги Ливии, которую Калигула даже назвал "Улиссом в женском платье" (*Suet. Cal.* 23.2), а Тацит добавил: "святость домашнего очага она блюла со старинной неукоснительностью, была приветливее, чем было принято для женщин в древности; была страстно любящей матерью, снисходительной супругой и хорошей помощницей в хитроумных замыслах мужа и в притворстве сыну" (*Tac. Ann. V.* 1). По Риму ходили слухи, что Август "даже частные беседы, даже разговоры со своей Ливией в важных случаях он набрасывал заранее и держался своей записи, чтобы не сказать по ошибке слишком мало или слишком много" (*Suet. Aug.* 84.2). Катон Старший в шутку восклицал: "везде мужи управляют мужами, а мы, которые управляем всеми мужами, находимся под управлением наших жен".^①

Перед нами предстает не беспомощная и угнетенная женщина, а добродетельная матрона, мать семейства, почитаемая детьми, пользующаяся уважением своего мужа, хозяйка дома, влияние которой проникает и на площадь народного собрания, и в сенат, и в палаты императора. Август при жизни высказывал почтение к двум женщинам – своей матери Атии и сестре Октавии, обеим после их смерти воздал величайшие почести. Мать он потерял в первое свое консульство (43–42 гг. до н.э.), устроив ей торжественные похороны за государственный счет. Атия была дочерью Юлии, сестры Цезаря, а отец Октавиана по матери был в родстве с Помпеем (*Ibid.* 4.1; 61.2). В детстве будущий император воспитывался и в доме своей бабушки Юлии, и в доме матери, которая после смерти его отца вышла замуж за Луция Марция Филиппа (консул 56 г. до н.э.), но никогда не забывала о сыне. Именно мать через присланного ею вольноотпущенника сообщила Октавиану о смерти Цезаря, когда он находился в Аполлонии и наблюдал за подготовкой к парфянскому походу. Октавий сразу прибыл поближе к месту событий, но не в сам Рим, а на виллу к отчиму и матери, которая находилась рядом с имением Цицерона. Мать и ее муж рекомендовали Октавиану отказаться от назначенного ему наследства, но он использовал все возможные ресурсы вплоть до продажи имений Атии в Кампании для денежных раздач ветеранам (*Cic. Ad Att. XVI.* 8.2). Однако этого оказалось недостаточно. В ходе проскрипций, когда происходили бесчинства ветеранов, их своеволие дошло до того, что один из солдат

¹² Подробнее см. в настоящем сб. ст.: *Маяк И.Л.* Женщина в Раннем Риме (V–IV вв. до н.э.).

потребовал у Октавиана имущество умершей тогда уже его матери Атии (*Dio Cass.* 47.17).

Еще при жизни семья императора была окружена ореолом легенд, по одной из которых истинным отцом Августа, якобы являлся Аполлон, соединившийся с Атией в образе Дракона. Светоний рассказывает: "что Атия однажды в полночь пришла для торжественного богослужения в храм Аполлона и осталась там спать в своих носилках, между тем как остальные матроны разошлись по домам; и тут к ней внезапно скользнул змей, побыл с нею и скоро уполз... а девять месяцев спустя родился Август и был по этой причине признан сыном Аполлона. Эта же Атия незадолго до его рождения видела сон, будто ее внутренности возносятся ввысь, застилая и землю и небо; а ее мужу Октавию приснилось, будто из чрева Атии исходит сияние солнца" (*Suet.* Aug. 94.4). Так при помощи имени матери, почитаемой самим императором, происходило обожествление Августа. В ней он видел непоколебимую верность ему, преданность своему долгу матери, которую она не раз выказывала.

У Августа было две сестры – Октавия Старшая от первого брака его отца с Анхарией и его родная сестра Октавия Младшая. История сохранила несколько примеров ее женского великодушия и благородства даже в периоды глубокого унижения, с одной стороны, и в то же время раболепства. Октавия была женой Гая Клавдия Марцелла, консула 50 г. до н.э., помпеянца, который умер в 40 г. В свое время Цезарь, чтобы сохранить родство и дружбу с Помпеем, предложил ему в жены внучку своей сестры, хотя в это время она была уже замужем, а сам просил руки его дочери. Еще не раз Октавии пришлось на своей судьбе испытать силу власть имущих (*Suet.* Jul. 27.1). Ее считали женщиной, исполненной благородства. На протяжении всей своей жизни она серьезно и достойно помогала своему брату. В 40 г. до н.э., когда было заключено соглашение между Октавианом, Антонием и Лепидом, Октавия, незадолго до этого овдовевшая, вступила в династический брак с Антонием, у которого умерла жена Фульвия. Таким образом Октавиан пытался достигнуть временного перемирия со своим могущественным противником, используя родственные связи. Октавия позволила брату полностью распоряжаться ее судьбой, принесла себя в жертву политике и полагая, что ее замужество может спасти государство от ужасов гражданской войны. Особым постановлением сенат сократил для Октавии срок вступления в новый брак (*Plut.* Ant. XXXI). Действительно создавалось впечатление, что согласие было достигнуто. На монетах того времени Антоний изображался с Октавией, а иногда с Октавией и Октавианом вместе. Чаще всего на монетах 40–32 гг. на одной стороне был изображен профиль Октавии, а на другой профиль Марка Антония. Октавия, воспетая Дионом Кассием

как образец благородной женственности, была внешне чем-то похожа на своего брата. На дошедших до нас скульптурных изображениях сестры императора перед нами предстает образ скромной, утонченной женщины с завитком на лбу, сделанным по моде времен республики, следуя традициям старых нравов во внешнем облике. Проявляя уважение к брату и пытаясь примирить его с мужем, Октавия говорила: "Если зло восторжествует и дело дойдет до войны, кому из вас двоих суждено победить, а кому остаться побежденным – еще неизвестно, я же буду несчастна в любом случае" (Ibid. XXXV). Женская интуиция подсказывала Октавии трагическую развязку ее семейных уз. В 37 г. до н.э. в Антиохии Антоний вновь встречается с роковой для его судьбы женщиной – Клеопатрой и, не разрывая официально с Октавией, празднует брак с царицей. Вступая в борьбу с египтянкой, стараясь удержать Антония, Октавия на собранные в Риме средства закупает оружие и направляется в 35 г. на Восток с 2 тыс. солдат, которых Октавиан направил к Антонию. Но Антоний написал ей, чтобы из Афин она отправилась обратно. Назрела сложная ситуация, которую вероятно ожидал Октавиан, но которую пыталась предотвратить Октавия, чтобы не скомпрометировать Антония в глазах общественного мнения. На предложение брата покинуть дом мужа и переселиться в собственный, она ответила отказом и "просила Октавиана, если только он не решил начать войну с Антонием из-за чего-либо иного, не принимать в расчет причиненную ей обиду, ибо даже слышать ужасно, что два величайших императора ввергают римлян в бедствия междоусобной войны: один – из любви к женщине, другой – из оскорбленного самолюбия" (Plut. Ant. LIV). Однако брак распался и, когда Антоний прислал своих людей с приказом оставить его дом, то "она ушла, ведя за собой всех детей Антония (кроме старшего сына от Фульвии, который был с отцом), плача и кляня судьбу за то, что и ее будут считать теперь среди виновников грядущей войны" (Ibid. LVII). В эту пору ей исполнилось 24 года, у нее было четверо собственных детей: от первого брака с Гаем Марцеллом сын Марцелл, ставший зятем Августа и дочь Марцелла, вторая жена Марка Агриппы, с которой у него были дети (Suet. Aug. 63.1) и о внуке которой, Гатерии Агриппе, есть упоминание у Тацита (Tac. Ann. II.51); и две дочери от Антония – Антония Старшая (жена Луция Домиция Агенобарба, бабка императора Нерона) и Антония Младшая (впоследствии жена Друза Старшего, сына Ливии и брата Тиберия, мать Клавдия и бабка Калигулы).

Кстати, несмотря на законы своего брата, после того как Октавия овдовела, она больше замуж не вышла, хотя 30-летний возраст ей это позволял. Всю себя эта благородная женщина посвятила детям, вырастив не только своих, но и детей Антония от брака с Фульвией и Клеопатрой, всего девять человек. Не случайно Плутарх восклицал,

что она "была настоящим чудом среди женщин" (*Plut. Ant. XXXI*). Август очень хорошо относился к своей сестре, еще в 35 г. до н.э. он даровал Октавии и Ливии право самостоятельно управлять своим имуществом. Светоний особо выделяет тяжесть потери сестры в жизни Августа, отмечая даже на каком году это произошло, делая правда ошибку, считая, что это случилось на пятьдесят четвертом году (т.е. в 9 г. до н.э.), в то время как Октавия умерла в 11 г., в возрасте 50 лет. "К обеим он и при жизни выказывал высокое почтение, и после смерти воздал им величайшие почести" (*Suet. Aug. 61.2*).

Еще при жизни сестры Август реконструировал портик Метелла, назвав его в честь Октавии – Порттик Октавии, разместив в нем библиотеку с греческим и латинским отделениями (мы отмечали интерес Октавии к греческой поэзии и искусству вообще), школу и Курию, где происходили заседания сената. Порттик Октавии вместе с тем был и музеем¹³. От него сохранились до наших дней фронтоны и несколько колонн. В Риме при раскопках мавзолея Августа была обнаружена плита с лаконичной надгробной надписью: "Марцелл, сын Гая, зять Августа Цезаря; Октавия, дочь Гая, сестра Августа Цезаря".

Однако многоликой семье Августа трудно было соблюдать совет мудрецов вести себя согласно общепринятым в обществе законам и обычаям не мудрствуя лукаво. Семье пришлось испытать на себе пространственные сентенции – "молния поражает высокие деревья, а не кусты" и "трагедии происходят в домах царей, а не простых людей". Так сложилось, что у Октавиана Августа была единственная дочь от второй жены, Скрибонии, на которой он женился в 40 г., а в 39 г., в день рождения Юлии он уже развелся с женой. По словам Светония, Август сделал это "устав от ее дурного нрава" (*Suet. Aug. 62.2*), но далее тот же автор сообщает, что "Марк Антоний попрекал его..., как он дал развод Скрибонии за то, что она позволяла себе ревновать к сопернице" (*Ibid. 69*). Речь идет о Ливии, на которой Август женился уже в январе 38 года. Юлии пришлось жить в семье Октавиана и Ливии – показном образце старинной римской семьи, где скрывали от окружающих правду и реальность каждого дня. С одной стороны, Ливия и Юлия должны были пряхть пряжу, с другой – девочка постоянно видела отца в окружении молодых девиц, предлагаемых ему женой. Нравственность и скромность, насаждаемые Октавианом при воспитании дочери, упали на почву сложного независимого и самолюбивого характера. Август надеялся, что с возрастом Юлия будет такой же добропорядочной и послушной матроной как Октавия Младшая, судьба которой была поставлена на политическую карту государства. С этой точки зрения Юлия повторила участь своей тетки. Уже в четырехлетнем возрасте она была обручена со старшим сыном

¹³ *Таронян Г.А. Плиний об истории искусства. М., 1985. С. 390.*

Марка Антония от Фульвии, но после разрыва между триумвирами, Октавиан решил выдать ее за гетского царя Котизона; "...и тогда же сам Октавий за это просил себе в жены царскую дочь", будучи при этом давно женатым на Ливии (Ibid. 63.2). Юлия, получившая разностороннее образование, проявлявшая интерес к искусству и литературе, пользовавшаяся пристальным вниманием в обществе, не могла не видеть лицемерия отца и мачехи, недоразумения с которой начались еще до замужества дочери Августа. В особом письме отец выразил недовольство дочерью, появляющейся часто в сопровождении молодых людей, на что Юлия ответила, что спутники ее состарятся вместе с нею, явно намекая на возраст мачехи (*Macr. Sat.* II. 5.6).

В четырнадцать лет Юлия стала женой своего двоюродного брата Марцелла, сына Октавии, которому только исполнилось 18 лет. Этот брак остался бездетным. Последний отпрыск знаменитого рода умер через два года в 23 г. до н.э., тем самым разрушив надежды Августа, видевшего в нем своего преемника. Так шестнадцатилетняя Юлия стала вдовой, но ненадолго. В восемнадцать лет ее выдали замуж за сорокалетнего Марка Випсания Агриппу. Агриппа был ровесником Августа, его другом и сподвижником, обладал огромными средствами. Когда Август приблизил к себе Марцелла, то обиженный Агриппа удалился на о. Лесбос и возвратился лишь после смерти соперника. Женившись на Юлии, Агриппа фактически стал соправителем Августа. За девять лет семейной жизни у них с Юлией родилось пятеро детей: Гай, Луций, Юлия Младшая, Агриппина Старшая, Агриппа Постум.

Разложение знати, роскошь, изнеженность и крайний индивидуализм сказались в судьбе Юлии. Плиний Старший упоминает, что своим поведением Юлия доставляла Агриппе немало огорчений (*Plin. N.H.* VII. 8.46), одним из которых вероятно была ее связь с Семпронием Гракхом, человеком "знатным и наделенным живым умом", но, по словам Тацита, злоязычным соблазнителем, повлиявшим на дальнейшую судьбу дочери Августа. Однако после рождения Гая и Луция

Цезарей Юлия еще пользовалась большим влиянием. На монетах того времени ее изображали в образе Дианы и вместе со своими детьми¹⁴. Оба мальчика были "куплены" Августом у Агриппы за медную монету и затем усыновлены (*Dio. Cass.* 54.8.18). Как писал Светоний, "внуков он обычно сам обучал и читать, и плавать, и другим начальным занятиям, в особенности стараясь, чтобы они перенимали его почерк" (*Suet.* Aug. 64.3).

Агриппа, получивший трибунскую власть и чрезвычайный империй на Востоке и на Западе, последние годы своей жизни провел в основном на Востоке, а в 12 г. до н.э. скоропостижно умер. Юлии в ту пору было 27 лет. Первые ее два брака были заключены по политическому расчету отца и теперь, не изменяя себе, "...он долго искал для дочери мужа даже среди всаднического сословия и наконец выбрал ей супругом своего пасынка Тиберия" (*Ibid.* 63). Агриппа, чтобы жениться на Юлии, развелся в свое время с Марцеллой, дочерью Октавии и двоюродной сестрой Юлии, оставив общих детей. История повторилась. Август заставил Тиберия развестись с женою (кстати, дочерью Агриппы от первого брака с Помпонией, дочерью друга Цицерона Помпония Аттика, – Агриппиной Випсанией), беременной уже вторым ребенком (*Ibid.*). Светоний рассказывает, что еще совсем юной, при первом муже, Юлия искала близости с Тиберием, и об этом тогда говорили все и повсюду (*Suet.* Tib. 7.2). Отношения с дочерью Августа не были равными, в первое время между ними было взаимопонимание, жили они в "ладу и любви", у них в Аквилле родился сын, но он умер младенцем, "а после того, как не стало сына, который был залогом их союза" (*Ibid.* 7.3), Тиберий стал отдаляться и "даже спал отдельно". Светоний несколько раз подчеркивает глубокую сердечную привязанность Тиберия к первой жене, по которой он тосковал, и его "безмерную душевную муку" в браке с Юлией, "которую он не мог ни обвинить, ни отвергнуть, но не мог и больше терпеть" (*Ibid.* 10). Неприязнь стала взаимной и посеявший бурю испытал ее на себе. Семпроний Грах вновь появился в жизни Юлии: "упорный любовник разжигал в ней своенравие и ненависть к мужу", в обществе считали, что именно он был инициатором письма с нападка на Тиберия, написанного Юлией своему отцу (*Tac.* Ann. I.53).

Отрицательным отношением к Тиберию дочь доставляла немало огорчений отцу, который был недоволен и ее легкомысленным образом жизни, шедшим вразрез с римскими нравами, которые он сам пропагандировал, но которых он и сам не очень придерживался. Более того, у Светония в жизнеописании Калигулы мы встречаемся с отрицательным отношением Калигулы к Агриппе, которого он не хотел называть своим дедом то ли из-за его безродности, то ли даже из-за того,

¹⁴ Машкин Н.А. Указ. соч. С. 538.

что он "хвастался, будто его мать родилась от кровосмешения, которое совершил с Юлией Август" (*Suet. Cal.* 23.1). Речь идет об Агриппине Старшей, второй дочери Юлии, которая была замужем за Германиком, сыном Друза (брата Тиберия), и Антонии Младшей, дочери Октавии и Марка Антония. У Агриппины и Германика было девять детей: "двое из них умерли во младенчестве, один в детстве; он был так миловиден, что Ливия посвятила в храм Капитолийской Венеры его изображение в виде Купидона, а другое поместил в своей опочивальне Август и, входя, всякий раз целовал его" (*Ibid.* 7). Август постоянно переписывался со своей внучкой, заботясь о ее детях и о ней самой, не раз отмечая ее хорошие задатки (*Suet. Aug.* 86.3). Правда Светоний тут же называет это высказывание Калигулы клеветой на Августа (*Cal.* 23).

Особые привилегии, оказанные Гаю и Луции, детям Агриппы, а также недоброжелательное отношение к нему Юлии, заставили Тиберия в 6 г. до н.э. покинуть Рим и удалиться на о. Родос в Эгейском море. Юлия была предоставлена самой себе. Рассказывают, что на Форуме, где Август принимал свои суровые законы, Юлия вместе со своими любовниками устраивала оргии, после каждой из которых надевала венок на статую Марсия, сатира, побежденного Аполлоном (*Sen. De benef.* VI. 32.1; *Plin. N.H.* XXI. 9). Скандальное поведение дочери, вызывающее по-видимому, негативное отношение в аристократических кругах, привудило Августа к применению по отношению к дочери закона о прелюбодеянии. Нам не ясна до сих пор истинная причина сурового наказания, однако, зная Августа, можно с уверенностью предположить острую политическую подоплеку в этой истории. Как мы уже отмечали, в ссылку были отправлены по делу Юлии последние представители нескольких знатных римских родов – Клавдий Пульхр, Корнелий Сципион и Семпроний Гракх. Жестоко обошлась судьба и с сыном Марка Антония, воспитанным Октавией – Антонием Юлом, которому за прелюбодеяние с Юлией было предложено лишить себя жизни, что он и исполнил. Интересно замечание Диона Кассия относительно Антония Юла, где указывается, что он стремился к единовластию (*Dio Cass.* 55.10). У Тацита мы находим подтверждение политической основы принятых Августом мер по делу дочери. Пострадал, например, не только любовник Юлии Антоний Юл, но и его сын, совершенно к этому делу не причастный – Луций Антоний: "ибо после того, как его отец Юл Антоний был наказан смертью за прелюбодеяние с Юлией, Август отправил его, еще совсем юного внука своей сестры, в город Массилию, где он пребывал в ссылке под предлогом, что проходит там обучение" (*Tac. Ann.* IV.44). И только в 25 г., когда Луций Антоний скончался "останкам его были оказаны почести, и его кости по решению сената были помещены в гробнице Октавиев" (*Ibid.*). Вероятнее всего, Юлия оказалась соучастницей за-

говора, однако трудно предположить, был ли он направлен против Тиберия или же против самого Августа.

И обвинение, и наказание Август избрал единолично. Нам неизвестно постановление сената по этому вопросу, Светоний сообщает, что Август "о дочери доложил в сенате лишь заочно, в послании, зачитанном квестором, и после этого долго, терзаясь стыдом, сторонился людей" (*Suet. Aug. 65.2*). Обвиняя Юлию, он якобы воскликнул: "Этого не случилось бы, если бы жив был Меценат или Агриппа" (*Sen. De benef. VI. 32.1*). Сейчас же, без поддержки близких ему соратников и друзей, Август принимал решение в одиночестве, "подумывая даже, не казнить ли ее", свою дочь, как это позволяла ему отеческая власть и закон о прелюбодеянии. Но решение принято и дочь отправилась в ссылку на о. Пандатерию в Тирренском море. Волею отца Август воспользовался законом "если дочь состоит во власти, отец может отправить посланца и разорвать сговор" (*Dig. 23.1, 10*) и объявил отсутствовавшему в Риме Тиберию о разводе. "Сосланной Юлии он запретил давать вино и предоставлять малейшие удобства; он не подпускал к ней ни раба, ни свободного без своего ведома, и всегда в точности узнавал, какого тот возраста, роста, вида, и даже какие у него телесные приметы или шрамы" (*Suet. Aug. 65.3*). Его отношение к дочери было безжалостным, когда он узнал, что одна из ее сообщниц, вольноотпущенница Феба повесилась, он сказал, что лучше бы ему быть отцом Фебы. Тиберий же, в ту пору еще не усыновленный, проявил большую благосклонность к бывшей жене и, узнав об осуждении Юлии и о разводе, "он был рад этому известию, но все же почел своим долгом, сколько мог, заступиться перед отцом за дочь в своих неоднократных письмах, а Юлии оставил все подарки, какие дарил, хотя бы она того и не заслуживала" (*Suet. Tib. II.4*). Сожаление вызывала участь Юлии и у плебса, который постоянно требовал у Августа решения о возвращении дочери. Дион Кассий приводит ответ Августа, что скорее вода смешается с огнем, чем он перестанет сердиться на свою дочь. Многие тогда бросились к Тибру с головнями, чтобы погрузить их в воду (*Dio. Cass. 55.13*). Однако Август был неумолим.

Неожиданно в Массилии умирает 19-летний Луций Цезарь, а через два года, в 4 г. н.э. и Гай Цезарь, Август потерял двух сыновей и преемников. В это время возвращается в Рим Тиберий, который, как и младший сын Юлии Агриппа Постум, был усыновлен Августом и теперь разделял с ним власть. В сложной и упорной борьбе двух женщин из дома Августа, боровшихся за будущее своих детей, Юлии и Ливии, победительницей вышла жена императора. Август недолюбливал пасынка, и Светоний пишет, что он "открыто и не таясь осуждал жестокий нрав Тиберия, что не раз при его приближении он обрывал слишком веселый или легкомысленный разговор, что даже усыновить

Надгробие со статуями Немезид. III в. н.э. Константа

его он согласился только в угоду упорным просьбам жены и, может быть, только в тщеславной надежде, что при таком преемнике народ скорее пожалеет о нем" (*Suet. Tib. 21.2*).

Вероятно, в это время Юлии было разрешено вернуться на сушу, в Италию и поселиться "в городе тех регийцев, которые обитают у Сицилийского пролива" (*Tac. Ann. I.53*), ныне это город Реджо-ди-Калабрия, порт на берегу Мессинского пролива. В свое время триумвиры включили этот город в число 80 городов, подаренных ветеранам за по-

беды (App. BC. 4.3). Октавиан, остановившись в Регии по пути в Брундизий, обещал жителям города освобождение от конфискаций в обмен на их лояльность в его борьбе с Помпеем и впоследствии слово свое сдержал (Ibid. 4.86). Городские власти были преданы Августу и он вполне спокойно мог доверить им наблюдение и охрану своей дочери. Присутствие Юлии в Регии подтверждается найденной здесь надписью опубликованной в 1949 г. К. Турано и проанализированной Ю. Линдерски¹⁵:

C(aius) Iulius Iuliae diui
Aug(usti) f(iliae) l(ibertus) Gelos si bi et
C(aio) I(ulio) Iul(iae diui) Aug(usti) f(iliae) l(iberto)
Thiaso patr[i] sexuir(o) a]ug(ustali)
[et Iu]liae diuai Au[g]ustae) l(ibertae)...] mart[i]
ex testament[o]

Согласно Светонию, положение Юлии в этом городе было облегчено по сравнению с ее жизнью на острове, где единственной ее отдушиной были встречи с родной матерью Скрибонией, которой было разрешено сопровождать дочь в ее уединение и скрасить ее быт в лишениях (*Dio Cass.* 55.10). Скрибония находилась рядом с Юлией до последнего своего дня. В Регии же обнаружена надпись, свидетельствующая о ее пребывании здесь, хранящаяся в местном музее:

I(ucius) Scrib[onius]
Scribon[iae]
Caesari[s] l(ibertus)...

Существует мнение, что эта надпись могла относиться к 40–39 гг. до н.э., т.е. ко времени пребывания Октавиана со Скрибонией в Регии¹⁶. Мы не знаем, когда не стало Скрибонии и была ли она рядом с дочерью в самые трудные для нее дни после смерти Августа, когда мать уже ничем не могла помочь. Но пока заточенной в Регии Юлии было выделено отцом имущество и даже ежегодное содержание (*Suet. Tib.* 50.1). Народ по-прежнему не утратил интереса к Юлии, вновь появились просьбы об ее освобождении. Август был неумолим, как и прежде, "в ответ на частые и настойчивые просьбы римского народа он только пожелал собранию таких же жен и таких же дочерей" (*Suet. Aug.* 65.3). Светоний сожалеет, что "счастье его покинуло". Горькую судьбу матери повторила ее старшая дочь от Агриппы Юлия Младшая, которая была выдана Августом замуж за Эмилия Павла Луция, консула 1 г. до н.э. который был обвинен в заговоре на жизнь Августа и казнен

¹⁵ Linderski J. Julia in Regium // *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*. Bonn, 1988. Bd. 72. S. 181.

¹⁶ Ibid. S. 195.

(Ibid. 19). Юлиа недолго была в ссылке, ей разрешено было вернуться, но в 8 г. к ней также был применен закон о прелюбодеянии, и она была согласна на о. Тример около Апулии (совр. Тренто) в Адриатическом море. Раздраженный Август стоивший немалых денег дворец Юлии Младшей приказал разрушить до основания (Ibid. 72.3). В вину Юлии была предъявлена связь с Юнием Силаном Децимом и, "хотя он не был подвергнут суровому наказанию, и принцепс только лишил его своей благосклонности, он понял это как приказание отправиться в ссылку и лишь при Тиберии решился обратиться к сенату с просьбой о прощении". Тиберий позволил ему вернуться в Рим, но не допустил к занятию государственных должностей (*Tac. Ann.* III.24). У Юлии Младшей уже после осуждения родился ребенок, которого Август отказался признавать и воспитывать (*Suet. Aug.* 65.4). Юлиа-внучка пробыла в изгнании 20 лет, "существуя на средства Августы, которая, ниспровергнув тайными происками своих пасынков и падчериц, проявляла показное сострадание к их бедствиям" (*Tac. Ann.* IV.71). Родной брат Юлии Младшей и сын Юлии Старшей еще в 7 г. был сослан за недостойное поведение на о. Планазию. Все это вызвало недовольство в определенных кругах Августом. "Авдасий и Эпикад предположили похитить и привезти к войскам его дочь Юлию и племянника Агриппу с острова, где они содержались" (*Suet. Aug.* 19.2). Для Тиберия и Ливии эта ситуация представляла большую опасность. В 14 г. умирает Август. "Раб Агриппы Постума по имени Клемент, узнав о кончине Августа, задумал с несвойственной рабской душе отвагою отплыть на остров Планазию и, похитив там силою или обманом Агриппу, доставить его затем к войску" (*Tac. Ann.* II.39). Но было уже поздно, Тиберий принял меры и расправа над Агриппой была совершена. Опасность для утверждения у власти представляла собой Юлиа Старшая, находившаяся в Регии и после смерти отца, ставшая персоной *sui iuris*, более того она находилась под охраной закона Папия и Поппея, так как была матерью пятерых детей, если не считать умершего ребенка Тиберия и могла свободно распоряжаться своим имуществом. Тиберий воспользовался тем, что Август не оставил относительно Юлии никаких распоряжений в завещании, лишь запретив хоронить ее с дочерью в его усыпальнице и предоставив, вероятно, по политическим соображениям, Тиберию полную свободу. Бывший супруг, а теперь глава государства не проявил сочувствия к Юлии, более того он лишил ее имущества и ежегодного денежного содержания и если отец заточил ее в городе, то Тиберий запретил ей выходить из дома и встречаться с людьми (*Suet. Tib.* 50.1). Тацит подчеркивает, что "теперь, достигнув власти, он извел ее – ссыльную, обесславленную и после убийства Агриппы Постума потерявшую последние надежды – лишениями и голодом, рассчитывая, что ее умерщвление останется неза-

меченным вследствие продолжительности ссылки" (*Tac. Ann. I.53*). В семье Августа действительно "молния поражала высокие деревья, а не кусты". Юлия умерла в том же 14 г. и нам неизвестно, произошло это вследствие голода, нервного истощения или же от руки палача.

Трудно указать на все средства, к которым прибегал Август и его последователи, чтобы удержать и укрепить свою власть, не жалея ни родных, ни близких, ни друзей. Перед смертью он спросил вошедших друзей: "хорошо ли он сыграл комедию жизни?" (*Suet. Aug. 99*).

CARA MEA PHOTIS*

Превалирующая в науке точка зрения о том, что Апулей перевел или переработал греческий источник, включавший и сюжет XI, "серьезной" книги Апулея, основывается на начальной фразе "Метаморфоз" (I.1), в которой автор провозглашает о своем намерении поведать читателям "греческую басню на милетский манер" (*fabula graecanica*), т.е. выдуманный, не претендующий на достоверность рассказ. Собственно, это и входит в задачи *fabula*, содержащей характерные популярные мотивы (ср. "фабула... это то, что не содержит ничего правдивого и ничего схожего с достоверным" – Риторика к Герению. I.13). Заявив, что его сочинение – "вымысел", и отдав тем самым дань литературным условностям, Апулей неожиданно начинает убеждать читателя, что следует верить в достоверность его рассказа и принимать его всерьез. Все это резко отличает роман Апулея от используемой им дошедшей до нас греческой повести неизвестного автора "Лукий, или осел". Параллелизм сюжета и языка этих произведений очевиден и не вызывает сомнений, хотя вполне вероятно, что греческий оригинал был не единственным источником романа Апулея¹.

Цикл Апулеевских новелл любовного содержания, каждая из которых представляет собой художественное целое, достаточно широк: это и история несчастной любви Трасилла и Хариты, которая завершается справедливым возмездием (VIII), и эпизод с Памфилой, которая прибегает к магическим заговорам, чтобы завлечь в любовные силки беотийского юношу (III), и услышанная Луцием в гостинице "забавная история о любовном приключении в семье бедняка" (IX), и рассказ о адюльтере жены Фулона (IX.22–31), и рассказ о любовной страсти

* © В.Н. Илюшечкин, 1995.

¹ Само выражение *fabula graecanica* допускает различные толкования. Апулей, например, мог подразумевать не один, а группу грекоязычных источников; или же, наконец, иметь в виду особенности развлекательного стиля, характерного, согласно традиции, для непристойных милетских повестей, содержащих эпизоды типа любовной связи Фотиды и Луция (Met. II.17). Ср.: *Mason N. Fabula Graecanica: Apuleius and His Greek Sources // Aspects of Apuleius Golden Ass. N.Y., 1978.*

Три грации. Фреска из Помпей. I в. н.э.

мачехи к пасынку, включающий обвинение в убийстве и завершающийся публичным установлением истины на суде, и рассказ о фантазиях знатной дамы, возжелавшей соединиться с ослом (X), и, наконец, знаменитая новелла об эфесской матроне. Даже беглое знакомство с новеллой, посвященной описанию *plūsculaе postes* Фотиды и Луция (во II и III кн. "Метаморфоз") обнаруживает существенные отличия ее от аналогичных вставных новелл эротического содержания. Отличия эти обусловлены прежде всего высоким художественным уровнем, обилием превращений, эвфемизмов и аллитераций².

В данном случае речь пойдет о Фотиде – своего рода антигероине романа Апулея, и в этом смысле противостоящей серии идеализи-

² Полякова С.В. "Метаформозы" или "Золотой осел" Апулея. М., 1988. С. 61 и след.; Fick-Michel N. Art et Mystique dans les Méthamorphoses d'Apulée. P., 1991. P. 42 sq.; 66 sq.; 960.

рованных женских персонажей греческих любовных романов. Фотида прислуживает в доме Милона и Памфилы, у которых останавливается в Гипате Луций – герой романа. По общему мнению исследователей, бытовой элемент, играющий еще в новой комедии (которая, между прочим, ставилась вплоть до III в.) служебную роль, способствовал активному формированию стандартных масок персонажей (воина, паразита, гетеры и пр.)³. Сопоставление Фотиды со стереотипными характерами слуганок бытовой комедии с любовной тематикой сближает ее с образом Палестры из грекоязычного "Осла". Достаточно напомнить отличительные качества, присущие типу служанки в комедиях Плавта и отмеченные

греческим влиянием. Прежде всего, это лояльность по отношению к госпоже, как например, служанка Бромия (Амфитрион. 1060), рабыня Галиска (Шкатулка. 671 сл.), или ловкость, например, рабыня Софоклидиска (букв. "известная мудростью") (Перс. 305), служанка Астафия (Грубиян. 110–300).

Как правило, идеальные героини греческих романов отличаются исключительной красотой, однако, не спешат использовать внешние данные для того, чтобы привлечь внимание мужчин. За редким исключением женские персонажи греческих романов молчаливы и весьма сдержанны (полная противоположность им – отрицательные героини, живущие исключительно ради похотливой любви и внушающие вожделение; такова Арсака в романе Гелиодора, отличающаяся патологической сексуальностью). В условной риторической атмосфере греческого романа центральными фигурами оказались обольстительные молодые героини, внешность и поведение которых обуславливались жестким канонам допустимости. Основной пафос условных греческих

³ См., например: *Ярхо В.Н.* Менаандр-поэт, рожденный заново // Менаандр. Комедии. Фрагменты. М., 1982. С. 395 и след.

романов заключался отнюдь не в воздействующих на читателя сексуальных фантазиях, а в дидактических назиданиях, выводимых порой из какого-нибудь эпизода. Ради сохранения супружеской верности и семейных добродетелей героиня готова была выдержать тяжелые и опасные испытания, выпадающие на ее долю. В качестве примера сошлемся на эпизоды, изображающие ситуацию, в которой свободнорожденная героиня, оказавшаяся по воле случая в положении рабыни некоего господина, принуждается к любовной связи. В глазах античного читателя отказ господину от права овладеть своей рабыней – а именно так поступил Дионисий в романе Харитона (II.6) – означал необычный и благородный поступок.

В то время как герои греческих романов наперебой соревнуются между собой, чтобы продемонстрировать чувства источнику их страсти (как, например, четверо персидских вельмож, и среди них – царь, добиваются руки и сердца Каллирои; здесь налицо поклонение-подчинение женщине – *Char.* IV.8.9; 7.86; VI.1.1), весьма сдержанные и лишенные чувственности героини остаются целомудренными, сохраняют супружескую верность, иными словами, проявляют суровость и холодность идеала (недаром излюбленными сравнениями героинь греческих романов стали сравнения с божествами). Вполне вероятно, что подобные эпизоды, в которых чувства и страдания героинь изображались преувеличенно возвышенными и благородными, а в описании внешности доминировали черты необыкновенности (необыкновенные глаза, излучающие божественный свет, необыкновенные волосы и т.п.) позволяли читательницам преодолевать привычную скуку семейного быта и мысленно переноситься в далекий Египет с кровавыми разбойниками или же в полную чудес Индию⁴.

Социально-психологические представления о поло-ролевом поведении мужчин и женщин сформировались к началу нашей эры под влиянием традиционной патриархальной идеологии. Еще Аристотель определял женское начало как "недостаточную степень" мужского начала и в качестве доказательства перечислял ряд анатомических и физиологических признаков. Одни, считал он, предназначены природой быть в подчинении, другие – господствовать⁵. Кроме того, сложившиеся стереотипы, соответствующие традиционным нормам и оценкам, как правило, не подвергались критике. Обыденные представления о подчиненной роли женщины сказались и на ее образе, тесно связанном с домом и семьей (женщина – хранительница очага).

Известно, что официальное самосознание римской матроны было

⁴ Egger B. Zu den Frauenrollen in griechischen Roman: Die Frau als Heldin und Leserin // *Colloquia on the Ancient Novel*. Groningen, 1986. S. 38; *Johne R.* Zur Figurencharakteristik im antiken Roman // *Der Antike Roman*. B., 1989. S. 155–159.

⁵ Lloyd G.E.R. *Ideology, Folklore and Science in Ancient Greece*. Oxford, 1973. P. 89 sq.

*Портрет женщины из Фаюма.
Середина IV в. н.э. Энкаустика*

*Афродита, Эрот и Пан. Родос.
Около 100 г. до н.э. Афины*

отмечено сильным влиянием патриархальных представлений, связанных с "нравами предков" (*mos maiorum*) и что экономический и правовой статус женщины (как и ее поведение в обыденной жизни) в значительной степени был обусловлен кругом домашних забот и обязанностей; образ жизни женщин в отличие от мужского был более замкнутым. Подчас римская женщина была лишена возможности обзавестись подругой, которую ей нередко заменяла рабыня-служанка. Судя по греческим романам, традиционные консервативные ценности преобладали и в этом случае: мир вне дома представлял для женщины постоянную опасность – несчастья подстерегали героинь греческих романов, лишь стоило им покинуть дом. При всем внешнем разнообразии дошедших до нас греческих романов их объединяет общая тема, связанная с образом неприступной героини, проявлявшей в предназначенных ей судьбой перипетиях исключительное целомудрие и стойкость духа. Можно утверждать, что важной составной частью греко-римской куль-

туры ранней империи был предстающий перед читателями греческих романов образ обольстительной и недоступной женщины. Такие героини романов, как Хариклея, Каллироя, Синонида превосходят мужчин умом, глубиной переживаний и прочими добродетелями; наиболее полно воплощает этот женский идеал "эмансипации" (вплоть до отклонения половой любви) гелиодоровская Хариклея, которая исколесила полмира для того, чтобы вернуться на родину и найти своих родителей⁶.

С одной стороны, в патетике греческих романов проглядывает архавизирующая тенденция представить роль женщины в традиционном свете, которую роман в той или иной степени пересматривает и превращает традиционный образ возлюбленной в сверхъестественное существо. С другой стороны, этот новый образ героини благодаря красоте и эротической привлекательности наделен властью склонять мужчин к поклонению-подчинению. Можно лишь предполагать, что подобные романтические истории внушали читателям – и тем более читательницам романов⁷ – убежденность в абсолютном всемогуществе женской красоты и способствовали формированию специфически женских представлений (в частности, что мужчинам ничего не остается, как только искать и добиваться женской любви). И если в реальном, внешнем мире римской империи мужчина продолжал обладать более привилегированным статусом, то по мере размывания традиционной религиозной веры "феминность" начинала лидировать в эмоционально-психологической сфере (мире души)⁸.

Нельзя не видеть, что между патетикой греческого романа и фривольностью латинской новеллы были большие различия и что функции служанки Фотиды иные, нежели функции участвующих в проделках и интригах своих господ служанок бытовой комедии и греческих романов. Фотида прислуживает колдунье Памфиле: по приказанию госпожи она собирает волосы ее возлюбленного беотийца в цирюльне для наговора, становясь косвенной участницей колдовских превращений своей госпожи (Met. III.16ff). В этом плане Фотида отличается и от персонажа романа Петрония Хрисиды, служанки Киркеи, которая лишена способности Памфилы привлекать любовников средствами магии (в качестве условного комического типа Хрисиды больше напоминает служанку Мульфидиппу из "Хвастливого воина" Плавта).

Взаимоотношения Луция и Фотиды, касающиеся тесно связанных между собой магии и эротики, укладываются в рамки традиционной

⁶ Gärtner H. Charikleia in Byzanz // Antike und Abendland. 1968. Bd. 15. S. 47–69.

⁷ Wiersma S. The Ancient Greek Novel and Its Heroines: a Formal Paradox // Mnemosyne. 1990. T. 43. P. 109–123.

⁸ В одно время с распространением греческих романов появились новые герои и героини раннехристианской литературы (в апокрифах, "Деяниях апостолов" и др.); судя по раннехристианским житиям среди мучеников и аскетов было много женщин. ср.: Hägg T. The Novel in Antiquity. L., 1983. P. 154 sq.

любовной истории, известной еще по сюжетам новой комедии, пьесам Плавта и Теренция (ср. "Тут и сводник лживый, и любовник пылкий, и раб хитрый, и подруга расточительная, и супруга властная и мать снисходительная, и дядюшка сварливый, и друг заботливый, и солдат драчливый, да к тому же и параситы прожорливые, и родители прижимистые, и гетеры назойливые" – *Апулей*. Флориды. 16.9). Однако Фотида у Апулея вовсе не повторяет стандартную маску, ее портрет не укладывается в социальный тип, лишенный оригинального характера и воплощающий лишь одно качество – лояльность по отношению к госпоже или ловкость⁹. Скорее масочная характеристика и "говорящее" имя отличают служанку Гиппарха Палестру из анонимного грекоязычного "Осла": Παλαίστρα означает еще и место или площадку для обучения борьбе. Имя Палестры столь же красноречиво (см. Палестра в "Канате" Плавта) как и имя гетеры Гимнасии (из "Шкатулки" Плавта) и говорит само за себя (обычно: имя блудниц и гетер).

Апулей при описании непристойных сцен заменял запретные слова не названиями широко распространенных терминов и приемов атлетов (что характерно для "Осла"), а предпочитал, как правило, выражения из среды военных и гладиаторов. Общественную лексику "Метаморфоз" составляют выражения типа *proeliari, pugna, cedere, terga vertere* и т.п., что можно объяснить сближением эротического возбуждения и боевой отваги¹⁰. По всей видимости, круг сугубо греческих представлений, связанных с семантикой имени Палестры не играет особой роли в произведении Апулея. Хотя Б. Перри и полагал, что имена Фотиды и Палестры равнозначны и указывают на схожую функцию этих женских персонажей¹¹, более справедливо предположить следующее: Апулей вынужден был дать новое имя традиционному персонажу служанки, поскольку поменялся ее характер и вся сцена с Луцием выглядела по-

⁹ Ср., например, фр. 7 из "Третьейского суда" Менандра (= ст. 8–11 Р. Оху. 3532 фр. 1–2): "Свободной трудно женщине, Памфила, знай – тягаться с потаскухой (гетерой) / Она куда хитрей, куда бесстыднее / и льстит сильнее".

¹⁰ По всей видимости, Апулей с охотой посещал палестру (Флориды. 16); тем не менее ср. характерные высказывания Луция применительно к затрагиваемой теме: "ведь ты видишь, что пылко готовый к близкой уже войне, которую ты (т.е. Фотида) объявила мне без законного предупреждения..." (*nam, ut vides, proelio, quod nobis sine fetiali officio indexeras*) (Met. II.16). На что Фотида отвечает на манер военачальника, бросающего своих солдат в атаку, следующей репликой: "На бой, на сильный бой! Я ведь тебе не уступлю и спины не покажу. Если ты муж, с фронта атакуй и нападай с жаром и, нанося удары, готов будь к смерти. Сегодняшняя битва ведется без пощады!" (*Proeliare et fortiter proeliare, nec enim tibi cedam nec terga vortam; comminus in aspectum, si vir es, derige et grassare naviter et occide moriturus. Hodierna pugna non habet missionem*) (Met. II.17). Лишь единственный раз использует Апулей латинское *conluctationes* в качестве эквивалента греческого τὰ παλαίσματα "схватка (в борьбе), ловкий прием".

¹¹ *Perry B.E. The Ancient Romances. Berkeley, 1967. P. 275.*

иному, нежели в грекоязычном "Осле". Служанка, названная у Апулея Фотидой и представляющая тип разбитной и обаятельной женщины, готовой на любовное приключение (ради которого, заметим, она с легкостью предаст интересы своей госпожи) – обрисована с большим знанием человеческой психологии и симпатией ("дорогая моя Фотида", *carum mea Photis*, – обращается к ней Луций). Этому различию женских персонажей греческой версии и латинского романа соответствует различие используемых авторами лексических и стилистических средств¹². Фотида вызвала симпатию и ответные чувства Луция задолго до того, как он услышал о колдовских чарах Памфилы¹³. Речь Фотиды, по сравнению с безграмотной Палестрой ("ведь я даже грамоте не училась" οὐδὲ γὰρ ῥαδίματα ἐμαθὼν – 309.16), демонстрирует гораздо более высокий языковой и риторический уровень. В отличие от Палестры Фотида не предстает наставницей эротических забав: "Вот что тебе всячески нужно помнить, юноша: раз ты попал на Палестру, тебе придется теперь показать, был ли ты ловким, будучи эфебом, и много ли выучил приемов борьбы?" (308.7). В ответ на просьбу Лукия подглядеть магические превращения ее госпожи Палестра бросает: "Перестань шутить" λαῖσα προσλαῖζων (309.12). Нетрудно, однако, заметить, что в схожей ситуации Фотида помогает Луцию: "Как бы я хотела сделать для тебя, Луций, то, чего ты желаешь... твоя просьба дороже мне собственной безопасности, и при первом же удобном случае я постараюсь исполнить ее" (*Met.* III.20).

Еще во II книге "Метаморфоз" любовные эпизоды свободны от магии, но, начиная с III книги (гл. 13), любовная и волшебная сферы тесно переплетаются между собой. Фотида говорит Луцию о своей любви, в ответ тот признается в своей страсти к магии, побуждаемой природным любопытством. В III.19 Луций умоляет Фотиду исполнить заветное желание и показать наяву действие волшебных чар Памфилы ("до всего, что касается магии, я страстный охотник"). Лишь после того, как Фотида обещает Луцию выполнить просьбу и посвятить его в

¹² Например, в грекоязычном "Осле" доминирует вульгарный смех (ср. "Она громко и весело расхохоталась" – μέγα καὶ ἥδιστον... ἀνακαυχᾶσα – 306.25 и след.); следуя греческой версии, Апулей в аналогичной ситуации передает ἀνακαυχᾶσα нейтральным *risit* (II.8) вместо ожидаемого *caschinavit*, что также соответствует изменению характеров героев (Фотида – душевнее, Луций наивнее и добрее).

¹³ По своей структуре, образ Луция отражает сложные переплетения таких аспектов римского самосознания, как достоинство, щегольство и склонность к любопытству (*curiositas*), ко всему таинственному и колдовскому. Он более эмоционален и открыт, нежели расчетливый Лукий, для которого знакомство с Палестрой – лишь повод выведать магические тайны ее госпожи (ср. "ведь рабы знают про господ как хорошее, так и дурное", δοῦλοι τὰ βεσποτῶν ἐπίστανται καὶ καλὰ καὶ αἰσχρὰ – 305.28 и след. Подобных высказываний нет у Апулея, да и цель его иная – изобразить действительно влюбленного юношу. Противоположное мнение см.: *de Smet R. The Erotic Adventure of Lucius and Photis in Apuleius "Metamorphoses" // Latomus. 1981. P. 616.*

магические таинства своей госпожи, оба предаются любовным утехам (Ш.20)¹⁴.

Описание Фотиды живо и подробно детализировано. Ее образ у Апулея гораздо более детализирован, нежели образ Палестры в "Осле". Апулей, например, приводит целый ряд любопытных мелочей, увиденных глазами Луция (Фотида опрятно одета в полотняную тунику, подпоясана ярким красным поясом и т.п.) и эти детали выявляются постепенно по мере того, как они становятся существенными для главного героя.

Апулей заменил многие имена своих персонажей – Милон вместо Гиппарха, Демей – вместо Декреана, Фиас – вместо Менекла – однако, что касается замены имени Палестры на Фотиду, то на это у него, возможно, были особые причины¹⁵. Как мы видели, Апулей отверг греческую обценную терминологию, основанную на лексике атлетов; в качестве замены он использовал латинские фразеологизмы и наделил характер героини новыми чертами (душевным обаянием и женской сметкой), попутно изменив его, как впрочем, и имя персонажа. Имя "Фотида" пока не удалось зафиксировать ни в одной из латинских надписей¹⁶.

В Фотиде соединились эротика и магия; хотя она не ведьма и не колдунья, однако, приобщена к тайнам своей госпожи и, перепутав волшебные мази, превращает Луция в осла. Проходит около года прежде чем Луцию, претерпевшему многочисленные лишения у разных хозяев, удастся попробовать лепестки роз из рук жреца Исиды и вновь обрести человеческий облик. После посвящения Луция в мистерии

¹⁴ Так, на взаимосвязь магии и эротики указывают многочисленные примеры из романа. Среди них рассказ Аристомена о Сократе и кабатчице ведьме Мерое: "она приняла меня более, чем любезно" (1.7). В 1.8–9 говорится об исключительной магической силе Мерои (*femina divina et saga et divini potens*) оживлять покойников, превращать людей в животных, наряду со сверхъестественной властью вызывать к себе страсть "не только этой страны, но Индия, обеих Эфиопий, даже самих антихтонов", "любовника своего, посмевшего полюбить другую женщину, обратила в бобра" (1.9). По словам Биррены, колдунья Памфила также не чужда магии и похоти: "Первой ведьмой она считается и мастерицей заклинать души... как только увидит юношу красивой наружности" (II.5). Да и главный герой Луций втянут перипетиями сюжета в сферу магии и любви: интерес Луция к Памфиле подогревается его "любопытством" к магии (II.6), а чуть позже Фотида сообщает Луцию о том, что его госпожа пытается с помощью магии заполучить беотийского юношу (III.16). В другой новелле жена мельника использует способности старухи-ведьмы чарами и наговорами делать что угодно (IX.29). Элементы чуда и эротики присущи рассказу о "необыкновенном вожделии" знатной матроны к ослу (IX.19); как, впрочем, и рассказу о подготовке публичного соития осла и женщины-преступницы (IX.24).

¹⁵ *Brotherton B. The Introduction of Character by Name in the Metamorphoses of Apuleius // CPh. 1934. 29; Hijmans A. Significant Names and Their Function in A; leius // Aspects of Apuleius Golden Ass N.Y., 1978.*

¹⁶ Ср., например: CIL.IV.7571 и 9001. Там встречается *Photus*, однако, не *Photis*.

Исиды его жизнь, представлявшая собой до этого цепь злоключений, оказывается под покровительством божества. Часть исследователей склонна рассматривать эпизоды с Фотидой в символическом контексте обряда инициаций и истолковывать имя Фотиды (от греч. корня φῶς) аллегорически в качестве ignis fatuus, противопоставляемом свету истины богини Исиды¹⁷.

Однако более предпочтительна, на наш взгляд, следующая интерпретация: "говорящее" имя Фотида всего лишь уменьшительное от греческого φῶς/φωτισμός, которое означает "светик" и ассоциируется с образом любимой (ср. также φωτίον, "сладость" – *Hesych.s.v.*). В пользу такой интерпретации имени говорят и две греческие надписи II в., н.э. – надпись, посвященная жене Герода, и надгробие из Лидии 128/129 г.: Ἀπλία Ἀννία Φηίλλα Ἡρώδου γυνή, τὸ φῶς τῆν οἰκίας (16. Π/Ш. 13200); <Τ>ελέσφορο καὶ Φωτὶς μετὰ τῶν ἰδίων ἐτείμησαν τὴν θυγατέρα Φωτίδα (TAM V.1.171)¹⁸. Издатель латинского текста Апулея Р. Хельм считает, что служанка получила имя Фотида в знак того, что ассоциировалась у Луция со светильником (lucerna) и оказанием ночных услуг гостям¹⁹. В поддержку этой гипотезы можно было бы привести имя второстепенного персонажа из комедии Теренция "Свекровь" – гетеры Филотиды, а против – сослаться на Гесихия (*Hesych.s.v.* φῶς=καὶ τὸ πῦρ), который исключает эротическое значение слова.

Семантика имени Фотиды, возможно, заключалась для Апулея в том, что ассоциировалась с образом "обжигающей любви", подсказанным грекоязычным оригиналом "Осла" с его метафорикой обценной лексики атлетов: "Беги-ка лучше, юноша, если только ты умен и хочешь быть жив: слишком много тут у меня огня и полно угара. Ведь чуть только ты этого коснешься – обожжешься и останешься здесь при мне с этой раной, и никто тебя не исцелит, даже бог-целитель, а только одна я, которая тебя обожгла; и, что всего удивительнее, я заставлю тебя желать этого все больше и больше и хоть от моего лечения боль будет возобновляться, ты все будешь держаться за это, и хоть бей тебя камнями – не отгонишь от сладкой боли" (Лукий, или Осел. 306. 4 и след.). Апулей в "Метаморфозах" акцентирует внимание на деталях, которые способствуют прояснению значения имени Фотида: "Уходи, – отвечает, – уходи... Подальше от моего огня! Ведь если малейшая искра моя тебя зажжет, сгоришь дотла. Тогда кроме меня никто твоего

¹⁷ *Merkelbach R.* Inhalt und Form in symbolischen Erzählungen der Antike // *Eranos*. 1966. Bd. 35. S. 164; *Tatum J.* Apuleius and The Golden Ass. Ithaca, 1979. P. 43; *Fick-Michel N.* Op. cit. P. 113.

¹⁸ Пользуюсь случаем поблагодарить Ю.Г. Виноградова, указавшего мне на эти надписи. – *В.И.*

¹⁹ *Helm R.* Metamorphosen oder der goldene Esel. B., 1961. P. XXXIII.

огня не угасят..." (*discede ... quam procul a meo foculo, discede. Nam si te vel modice meus igniculus afflauerit, ureris intime nec ullus extinguet ardorem tuum nisi ego...*) (*Met. II.7*). Очевидно, что в данном случае *foculus* (уменьшит. от *focus* "очаг", "огонь") относится к девушке и в качестве метафоры могло употребляться в эротическом смысле. Несмотря на то, что в основе имени по-прежнему *φῶς* ("свет"), слово Фотида семантически могло быть связано с глаголом *fovēre* ("согревать, ласкать, обнимать") и его дериватами – *fota* (ср. *fotus*, "удерживаемый в объятиях" – *Марциан Капелла. I. 107*) и *fotrix* в значении "сожительница, любовница" (ср. *concubina*, *TLL. VI. 1215*)²⁰. Сам характер Фотиды и ее поведение могут служить подтверждением сказанному, причем, помимо каких-либо религиозных или символических интерпретаций.

²⁰ *Scobie A. Aspects of the Ancient Romance and Its Heritage. Meisenbeim, Glan, 1969. S. 63.*

ОБРАЗ РИМСКОЙ ЖЕНЩИНЫ В ПАННОНИИ*

В истории провинциальных городов Римской империи большое место занимают женщины, ибо они сыграли немалую роль в становлении римского общества и римского образа жизни. По мере того как в провинциях образовывались общины римских граждан, деятельное участие в их жизни принимали и римские гражданки, составляя часть провинциального общества. Влияние женщин в процессе романизации страны было значительным и в ранние периоды ее истории, и в конце римской эпохи. Римские женщины внесли свой особый вклад в культуру и уровень нравственности в городах. Основываясь, главным образом, на эпитафиях, на историческом источнике документального характера, мы имеем возможность представить религиозные верования, духовные и нравственные ценности римских провинциальных женщин, что позволяет в какой-то мере обрисовать общий культурный облик римского общества Паннонии.

В процессе романизации Паннонии влияние городов было всегда значительным, тем не менее романизация провинции никогда не была полной; отдельные ее области отличались большим социально-экономическим и культурным своеобразием. Такие города на Дунае как Карнунт, Аквинк, Бригецион, Сирмий, возникшие ранее в местной среде, отличались от внутренних районов провинции и в правовом, и в культурном отношении. Постепенно города втягивали в круг своего влияния окрестное сельское население. Рядом с городами продолжали существовать в течение I – начала II в. сохранившиеся со времен доримского завоевания кельтские и иллирийские племена, преобразованные римлянами в племенные общины: кельтов-боев, иллирийцев-азалов и кельто-иллирийцев-эрависков. Первые памятники римского времени происходят с территории этих общин; они представляют собой надгробия женщин знатного происхождения. На надгробиях высечены астральные символы – солнца, луны, звезд, восходящие к религиозным представлениям кельто-иллирийского населения провинции¹. На этих

* © Ю.К. Колосовская, 1995.

¹ Nagy L. Les symboles astraux sur les monuments funéraires de la population indigene de la Pannonie // *Laureae Aquincenses*. Budapest, 1941. T. II, N 1. P. 243.

*Надгробие женщины (Белатузы)
из племени бойев в Паннонии
Начало II в.*

*Жрица Солнца-Луны в полном
облечении. Реконструкция*

памятниках изображены женщины (иногда в полный рост) в местной одежде и украшениях, с широким поясом на платье, которое скреплено на плечах большими "крылатыми" фибулами, определяемыми в науке как фибулы норическо-паннонского типа. На голове женщин – войлочная или фетровая шапка-тюрбан или берет, поверх которого спускается платок или покрывало. Платок, свернутый по диагонали, иногда завязан на груди узлом. На умерших надеты украшения: шейная цепь (*torques*) – признак знатного происхождения, на руках – широкие браслеты, на груди – медальоны в виде круглых подвесок или ожерелий в форме полумесяцев или солченого диска. В руках умерших – различные предметы: яблоко, зеркало, голубь, веретено, прялка.

Надгробия содержат местные женские имена. Редтимара, дочь Аталона, 60 лет, надгробие ей поставил Сакрон, сын Нертомара; Сисиуна, дочь Вагетона; Ана, дочь Карвона, из общины эрависков (*patiope Araviscam*)²; Айка, дочь Канзалия, из племени азалов; Сольва, дочь Юкунда, вождя племени азалов (*Solva Iucundi prin(cepis) Azali(orum)*)³; Брогиомара, дочь Даллона, Белагента, дочь Каутгия, из племени бойев; Беригуя, дочь Данубия, в руках у нее – прялка и веретено⁴. Некоторые из женщин происходили из аристократии племен, члены которой получили право римского гражданства. Так, римской гражданкой из племени эрависков оказывается некая Флавия Узайа, дочь Таттуна, для которой Флавий Титук, ее сын, позаботился о надгробии и распорядился изобразить умершую в местной одежде. Публий Элий Респект, удостоившийся римского гражданства от Адриана, распорядился изобразить умерших свою жену, Ульпию Амасию и дочь, Элию Материону, в одежде местных женщин: платье скреплено на плечах большими фибулами, головной убор – в виде тюрбана: на груди – круглые медальоны и шейная цепь. Надгробия этим женщинам поставили ближайшие родственники – мужья, дети, отцы: Сакрон, Вагетон, Курмисагий, Даллон, Турбон, Таттун, Веркондарий, Адиатуриг, Каутгий, Данубий, а также лица, получившие римское гражданство – Флавий Титук и Публий Элий Респект. Их местные *cognomina* показывают, что они принадлежали к знати, однако ни они сами, ни их жены не получили в большинстве случаев право римского гражданства. Но употребляемые в надгробиях надписи *hic sita est* ("здесь покоится такая-то") или *Dis Manibus*, означающая, что умершая находится под защитой духов-хранителей римлян, свидетельствуют, что в этих местных семьях был воспринят римский обычай сооружения надгробного памятника. В этих надписях нет пространных слов о добродетелях умершей,

² *Betz A. Illyrisch-keltisches aus dem ager Carnuntinus // Laureae Aquincenses. Leipzig, 1938. T. II, N 10. S. 33 ff.*

³ *Barcóczi L. Brigetio. Budapest, 1951. S. 64, N 303, 304.*

⁴ *The Archaeology of Roman Pannonia. Budapest, 1980. Tbl. XLI-XLII.*

что указывает на то, что обычай сочинения соответствующего текста еще не получил признания в местной среде. Здесь нет и скорбных слов: плача, сетования, утешения и назидания, обращенных и к проходящему мимо путнику, и к семье умерших. Обряд погребения следует местной традиции, и эта традиция сохраняется в ритуале погребения, как известно, долго остающегося неизменным в любой культурно-исторической среде. В нижней части надгробия нередко изображалась крытая повозка, запряженная парой лошадей с кучером на козлах и сидящим сзади слугой, символизировавшая путешествие умерших в загробный мир.

Одежда и украшения, а также обряд погребения предполагают существование в кельто-иллирийском обществе Паннонии в начальный период ее римской истории социальных и культурных различий. Они указывают одновременно на доримские формы в хозяйстве и быте, на присутствие местных традиций в культурной и религиозной жизни паннонского общества. И роль паннонских женщин в процессе сохранения местной культуры была очень значительной. Надгробные памятники показывают, что те женщины, которые "своим образом жизни и состоянием" удостоились права римского гражданства, долго держались своих старых верований и представлений.

О длительном существовании в провинции в III в. неримских традиций свидетельствуют археологические и письменные источники. Питательной средой религиозных обрядов были женщины Паннонии. Раскопки XIX в., недавно вновь истолкованные Эдиг Томас, дали материал для изучения культа Солнца в Паннонии; в этом культе огромную роль играли жрицы⁵. Раскопки открыли ювелирные изделия (в районе Салачка, на территории племени эрависков), принадлежащие такой жрице богини Солнца и Луны: серебряный головной венец в виде семи круглообразных форм солнца и полумесяцев, шейная цепь и семь надгрудных пластин в виде полумесяцев и отдельно носимой на шею пластины, на которой была изображена женская фигура с солнечной короной на голове. Такое украшение носилось на груди с помощью "крылатых" фибул. Были найдены такие бронзовые детали, как украшение широкого кожанного пояса жрицы, а также изделия из бронзы – висючая лампа и сосуд для курения благовоний, сделанный в виде ноги, большой бронзовый котел, в котором и хранились эти предметы. Сосуд для благовоний указывает на то, что в культе Солнца имели место и какие-то магические действия, совершавшиеся жрицами, обслуживавшими этот культ. Местное изготовление этих ювелирных изделий показывает, что предметы культа предназначались для жриц Солнца и Луны в Паннонии, и на территории эрависков существовала в римское время мастерская по изготовлению таких предметов.

⁵ *Thomas E.B. Ornat- und Kultgeräte einer Sol- und Luna-Priesterin aus Pannonien // Acta Antiqua ASH. 1963. 11. Fasc. 1/2. S. 49 ff.; The Archaeology of Roman Pannonia. P. 178.*

О культуре Солнца паннонских племен свидетельствует и найденный в Бригещоне, на территории племенной общины азалов, бронзовый женский бюст, определяемый предположительно как весовая гиря. Эта гиря была украшена короной из семи солнечных лучей, что дает основания видеть в ней изображение богини Солнца. Серебряная votивная пластинка из Интерцизы, крупного римского лагеря на лунайском лимесе, изображает Солнце с четверкой лошадей. Изображение украшено рамкой в виде цветущих плодов; по бокам видны колонны коринфского ордера (ARP. P. 187 tbl. CXXVIII. 2).

Распространение культа Солнца в Римской империи приходится на III в. В его развитии нашли свое выражение теологические и философские мотивы, оказавшиеся наиболее созвучными возмущавшей сакрализации императорской власти⁶. Обычно культ Солнца связывают с влиянием восточных солярных культов в римской армии и общей ориентализацией религии в Империи в это время. Но в Паннонии культ Солнца был местным, с ним были связаны доримские религиозные верования, и свое дальнейшее распространение в Паннонии он нашел прежде всего в римской армии. И здесь большая роль в местных кельто-иллирийских семьях принадлежала женщинам – жрицам паннонских племен.

Дальнейшее развитие культа Солнца последовало при тетрархах и выразилось в том, что Солнце было возведено в ранг государственных богов Империи и приравнено к великим богам, равным по своему значению Юпитеру (*Aur. Vict. Caes. XXXIV.14*). Император Аврелиан распорядился соорудить в Риме величественный храм Солнца и богато украсить его золотом и драгоценными камнями⁷. Мать императора Аврелиана была жрицей Солнца в сельском храме Паннонии, там, где жили его родители; к тому же она обладала даром пророчества. Император Аврелиан был незнатного происхождения (*familia obscuriore*) и, по словам многих, родился в Сирмии, в Паннонии⁸. Мать императора Галерия – Ромула была уроженкой дунайских мест, мало романизированной и фанатично преданной богам своей родины. Галерий находился под сильным влиянием своей матери и всю жизнь боялся горных духов и богов своих родных мест⁹. Из агиографического источника более позднего времени, относящегося к истории провинции времени тетрархов, следует, что Солнце почиталось в Паннонии и в III и в IV вв.¹⁰ Диоклетиан построил специальный храм Солнца в Паннонии. Для изготовления статуи бога и колесницы потребовался

⁶ Штаерман Е.М. Социальные основы религии древнего Рима. М., 1987. С. 284.

⁷ SHA. Aurel. XXXV. 3; XXXIX. 2; *Aur. Vict. Caes. XXXV. 7*.

⁸ SHA. Aurel. III. 1; XXX. 3; XXXIX. 2; *Aur. Vict. Caes. XXXV. 7*.

⁹ *Lact. De mort. pers. XI. 1–2; Aur. Vict. Epit. de Caes. XL. 15–16*.

¹⁰ Колосовская Ю.К. Агиографический источник по истории Паннонии // ВДИ. 1990. № 4. С. 45 и след.

гранит темнокрасного цвета, добываемый в местных рудниках. Местом действия легенды считаются города или Сопианы¹¹ или Сирмий, т.е. область, населенная главным образом кельто-иллирийскими племенами.

Исходя из свидетельств источников, можно считать, что жрица Солнца в сельском храме была влиятельной личностью и могла восприниматься как воспитательница и духовная наставница, как хранительница преданий рода. Ее влияние на религиозное настроение особенно молодежи было большим и может быть сравнимо с воздействием друидесс в Галлии¹².

Под влиянием сельских жриц формировалась нравственность и религиозные убеждения, твердость характера и сила воли. О таких качествах паннонцев писали современники событий. Так, Дион Кассий, который был наместником Верхней Паннонии при Александре Севере, оставил описание паннонцев, близкое тому, что римская историография прилагала к варварским народам. Паннонцы, считал он, самые отважные, самые храбрые и жестокие, ведут жалкий образ жизни, а потому более всего способны к войне (*Dio Cass. XLIX.36.2–4*). Аврелий Виктор, будучи наместником Паннонии при Юлиане¹³, определял иллирийцев как воинов и полуварваров (*militares et praenebarbari – Caes. XXXVII. 7*). Тот же Аврелий Виктор, описывая происхождение иллирийских императоров, а большинство их было родом из Паннонии, отмечал, что они не имели высокого образования, были знакомы с трудностями сельской жизни, а потому весьма пригодны к воинской службе и очень полезны для государства (*XXXIX.26*). В этой военной среде нашел свое признание и культ Солнца. Большинство посвящений богу Солнца, Непобедимому богу Солнца (*Soli Deo, Deo Soli Invicto*) происходит из городов и военных крепостей Паннонии¹⁴.

С почитанием Солнца и солярных культов был, очевидно, связан и культ так называемого "Дунайского всадника". До сих пор не обнаружено ни одного святилища этого божества, ни одной надписи: все памятники анэпиграфны и представляют собой небольшие амулеты, изготовленные из свинца или мрамора. Распространены они только в дунайских провинциях и в дунайской армии – Паннонии, Дакии и Мёзии¹⁵. Больше всего их известно из Паннонии, которая считается

¹¹ *Simonyi D. Sull'origine del toponimo Quinque ecclesiae in Pésc // Acta Antiqua ASH. 1960. VIII, Fasc. 1–2. P. 160 sqq.*

¹² *Широкова Н.С. Идеализация варваров в античной литературной традиции // Античный полис. Л., 1979. С. 129 и след.*

¹³ *Соколов В.В. Секст Аврелий Виктор – историограф IV в. н.э. // ВДИ. 1963. № 4. С. 217.*

¹⁴ *CIL. III. 3475–3476, 3483, 11144a, 11145, 11147, 11149, 11151.*

¹⁵ *Tudor D. Corpus monumentorum religionis equitum Danuviorum // Etudes préliminaires. Leiden, 1969. 13.*

местом происхождения этого конного божества¹⁶. Главная роль в отправлении культа "Дунайского всадника" отводилась Солнцу. Сюжеты на его votивных пластинках представляют собой усложненный набор различных символов и фигур. В центре изображалась женская фигура, как полагают, Кибела, но скорее всего – жрица Солнца; по бокам ее стоят конные воины, сокрушающие врага; внизу – сцена пиршества и юноши, стоящие у стола; сцена заклания барана и сосуд для курения благовоний, что указывает на магический характер его культа. Над всем этим возвышается Солнце с короной в лучах, шествующее на колеснице с четверкой лошадей. Изображение обрамлено аркой, увенчанной коринфскими колоннами; в качестве орнамента изображены змеи (ARP. P. 190).

Роль женщины-жрицы как хранительницы религиозных верований и представлений просматривается и в культе Сильвана. Этот италийский бог земледелия и произрастания, известный в Италии как Домашний Сильван¹⁷, получил особое признание в Паннонии. Здесь он стал главным земледельческим божеством страны. Посвящения ему более многочисленны, чем Юпитеру. Его иконография обычна: Сильвана изображают как старого человека, закутанного в плащ, у его ног лежит собака, в руках он держит кривой садовый нож и цветущую ветвь. В надписях он именуется как Сильван Домашний, Лесной или Травяной, выступая как хранитель хозяйства, поля, леса и лугов. Сильван никогда не изображается на алтарях и посвящениях вместе с богами классического римского пантеона или с богами восточных мистериальных религий. Присутствие в Паннонии парэдр Сильвана – Сильваны, его женской ипостаси, свидетельствует о сильном влиянии женского начала, выступающего в культе Сильвана. Посвящения Сильвану безымянны; votивы и амулеты рисуют Сильвану как помощнику в полевых работах. Их votивы отливались из свинца; Сильвана одета в длинное платье и держит в руках цветущую ветвь. Изготовление таких votивов происходило на крупных виллах Паннонии; отливались кроме Сильваны такие votивы Исиды, Фортуны, *Matrones*. Все они мыслились как богини плодородия, благополучия, счастья и удачи¹⁸.

Связь Сильвана и его спутницы и помощницы Сильваны можно усмотреть в культе Матрон. Этот культ был известен в римское время у кельтских и германских племен на Нижнем Рейне и Верхнем Дунае¹⁹. В надписях Матроны выступают как хранительницы отдельной семьи

¹⁶ *Mócsy A. Pannonai and Upper Moesia. L.; Boston, 1974. P. 254.*

¹⁷ *Штаерман Е.М. Мораль и религия угнетенных классов Римской империи. М., 1961. С. 144 и след.*

¹⁸ *Thomas E.B. Römische Villen in Pannonien. Budapest, 1964. S. 40, 42.*

¹⁹ *Petrikovits H.von. Das römische Rheinland. Köln; Opladen, 1960. S. 126 f; Die Römer an Rhein und Donau. B., 1975. S. 363 f., 430 f.*

Надгробный алтарь в честь ауфанских матрон

или хозяйства, сельской местности или отдельных родоплеменных групп. На Рейне известны *Matrones Aufaniae*, *Matrones Vatviae*, *Matrones Austriahenae*. Последние представляли собой богинь, сидящих втроем на скамье. Их одежда и головные украшения указывают на неримское происхождение. В руках каждой из матрон лежит на коленях блюдо фруктов, на шеях богинь цепи с подвесками в виде полумесяцев. По своим функциям *Matrones* были связаны с культом *Matres* паннонских и далматских племен, существовавшим и во II в. и в III в. К помощи этих местных богов и богинь прибегали даже императоры. Так, Септимий Север обратился к жрецам-гадателям паннонских племен (*pannoniciāni augures*), предсказавших ему победу в междоусобной войне с войсками Клодия Альбина²⁰. Под защитой *Matrones* и *Matres* находился и сам император Септимий Север, а также лицо высокого социального статуса – военный трибун Первого легиона Минервы, стоявшего в Бонне на Рейне, Тиберий Клавдий Помпеян. Он поставил в Лугдуне в Галлии за здоровье императора Севера и правящей династии алтарь *Aufanis Matronis et Matribus Pannoniorum et Delmatarum*²¹.

По мере развития городского строя и общего процесса романизации происходили изменения в культурном облике римского общества, в религиозных верованиях и социальной психологии женщин Паннонии. Римские представления меняли их внутренний и духовный мир. Процесс этот было двусторонним: с одной стороны, возрастало влияние римской культуры и религии, с другой – под воздействием местной сельской среды и возросшего значения дунайских провинций продолжали существовать и развивались далее прежние доримские духовные и религиозные институты. Влияние римской городской культуры прослеживается в именах паннонских женщин, многие из которых получили к III в. римское гражданство и носили императорские *nomina* Флавиев, Ульпиев, Элиев, Аврелиев и Септимиев. Но простота сельской жизни осталась в общем неизменной, хотя переменялись вкусы и представления женщин. Теперь эпитафии составлялись по римским нормам и образцам, унаследованным правом, религией, обычаем и моралью римлян. Умершие обозначаются как "жены редчайшие", "верные", "благочестивейшие и дражайшие" (*carissima uxor, carissima et pietissima*), отличающиеся несравненным целомудрием и верностью в семейной жизни. В эпитафиях присутствует образ римской матроны времен Республики. Умершая наделяется чертами старинной римской добродетели: она была верной женой (*unicuba, unijuga, univira*), жила в согласии с мужем и без ссор (*sine querella*), была честной и нравственной женщиной (*pietissima, carissima, innocentissima*), и за это была любима

²⁰ *Alföldi G. Pannoniciāni augures // Acta Antiqua AHS. 1960. VIII, Fasc. 1–2. S. 145 ff.*

²¹ *Dobó A. Inscriptiones extra fines Pannoniae Daciaeque repertae ad res earundem provinciarum pertinentes. Budapest, 1975. N 591.*

мужем. Она не чуждалась труда, сама пряла шерсть и сама кормила грудью своих детей. Такой женой были, например, Элия Веродумна или Ульпия Пия (*coniunx pientissima, domo Vindobonae*). Надгробие Ульпии Пии поставил ее муж, Аврелий Максим, ветеран IV Флавиева легиона²². Жене благочестивой и редчайшей, Валерии Луцилле, умершей в 20 лет, поставил надгробие ее муж, Аврелий Максимин (*CIL. III. 4314*). Примеры эти – не единственные и могут быть умножены²³.

В провинциальных городах эпохи Империи облик знатной римлянки – матроны – сохранял свою привлекательность. Ему следовали и подражали, на него ориентировались в своей жизни женщины провинциальные. Известная в Италии конца Республики хвалебная речь, произнесенная некогда на могиле некой Турии (*Laudatio Turiae*)²⁴, стала одним из образцов для составления эпитафий верных, добродетельных, благочестивых и целомудренных женщин. Как и римская гражданка, паннонская женщина, назвав себя матроной, должна была обладать высокой нравственностью и теми добродетелями, которые пристало ей иметь. Ее название в эпитафии матроной не случайно и указывает на замужнюю женщину, обладавшую римским гражданством и высокой римской культурой. Как римская матрона она должна была носить длинное платье – столу (*stola*), которую впервые надевала в день брака при совершении жертвоприношений Ларам и Пенатам, богам своего нового дома, где ей предстояло теперь жить. Старинный римский культ Ларов и Пенатов всецело находился на попечении хозяйки дома. Она занимала почетное положение в семье и на нее было возложено воспитание детей. Как знатная римлянка, она не должна была появляться одна в обществе – в театре или на играх, одна ходить в гости. Ей надлежало заботиться о доме и к ней обращались почтительно – госпожа (*domina*). Матрона могла оказывать и оказывала большое влияние на политическую жизнь городов²⁵. Ее положение в муниципальной жизни городов основывалось на праве и религии, а также на укоренившихся принципах патриархальной жизни и полисной морали.

Такой матроной в Паннонии была жена магистрата города, легионера или ветерана. Она так и называется в надгробии из Аквинка: "Здесь покоюсь я, матрона, из рода и по имени Ветурия, родившаяся от отца Ветурия. Трижды по девять лет прожила я и дважды по восемь лет состояла в браке²⁶. Знала я одного мужа и с ним одним заключила

²² *Ibid.* N 253; *CIL. III. 1665*.

²³ См.: Колосовская Ю.К. Латинские стихотворные эпитафии из Паннонии // *Античность и современность*. М., 1972. С. 352 и след.

²⁴ Горенштейн В.О. Хвалебная речь на похоронах римской матроны // *ВДИ*. 1970. № 4. С. 217 и след.

²⁵ Сергеев М.Е. Жизнь древнего Рима. М.; Л., 1964. С. 201 и след.

²⁶ По римскому законодательству разрешалось вступать в брак – девушкам в 12 лет и юношам – в 14 лет.

брачный союз. Родив шестерых детей, только одного оставляю после себя. Тит Юлий Фортунат, центурион Верного и Преданного Второго Вспомогательного легиона поставил этот памятник своей благочестивой жене" (CIL. III. 9572). Когномен *matrona* присутствует и на надгробиях женщин peregrinского статуса. Известна некая Кварта – *matrona* и некая Клавдия – тоже *matrona* (CIL. III. 10282; 10743). Умершие названы матронами, возможно, потому, что с культом матроны в кельто-иллирийских землях ассоциировалось благополучие и счастье, ибо матрона воспринималась как хранительница и подательница благ земли – воды, лугов, лесов. Употребление в качестве прозвища *Matrona* носило в Паннии определенный символический характер и представляло собой тип добродетельных римских женщин.

Образ провинциальной римской матроны отражает некий усредненный тип, своего рода штамп, по которому мыслилась разумная, благочестивая, целомудренная и несварливая жена и мать. Римские эпитафии отражают образ жизни, воспринятый романизированными провинциалами. Они дают представление о среднем типе римлянки с поправкой на общую направленность всех эпитафий – говорить об умерших только хорошее. Они показывают общую культуру, интеллект, вкусы и грамотность римских гражданок городов Паннии. Составление текста эпитафии или его выбор имел большое нравственное и воспитательное значение и для семьи, и для окружающих лиц. Подчеркивание в эпитафиях что умершая была законной и верной женой, состояла в законном браке и имела детей, что надгробие ей поставил муж в горести и печали, свидетельствует о том, что традиции и нормы римской семьи и морали были усвоены местным, провинциальным обществом Паннии. Римский образ жизни формировался главным образом в семье на основе римских духовных ценностей и нравственных идеалов. Это был длительный процесс усвоения римской культуры и традиций.

Провинциальное общество Паннии оказалось подверженным различным веяниям и влияниям, которые достигали дунайских областей с греческого Востока. С конца II в. активно распространяются восточные синкретические культы, а также магия. Сюжеты, связанные с действиями магического характера, с волшебством и колдовством, как известно, часто встречаются в литературных и религиозно-философских произведениях античности. Это было свойственно мышлению человека, особенно в древности. Вера в действенность магии, призванной как бы оградить человека от заговора, сглаза или болезни, свидетельствует, что магия была одной из форм мнимого господства человека над природой. Колдовство и магия бытовали в самых разных слоях римского общества, хотя практика магов была запрещена правительством и против них применялись суровые меры вплоть до сожжения заживо.

Бронзовая статуя Конкордии Домициллы из ларария в Тамашии (Венгрия)

Римские женщины Паннонии также прибегали к искусству магов, к приворотам и заговорам, чтобы устранить своих соперниц. Так, в погребении из Аквинка в числе золотых и серебрянных украшений была найдена золотая овальная пластинка в рамке с петлей, что указывает на то, что пластинку носили на шее в качестве амулета. На ней был начертан греческий текст со словами, заимствованными у Анакреонта: "Вы, люди, можете говорить все, что хотите; меня это ничуть не беспокоит – люби меня и будешь счастлив"²⁷. Археологические раскопки в Карнунте обнаружили камю из темносинего агата; на ней была вырезана мочка уха и правая рука, держащая ее. По кругу камей была вырезана греческую надпись со словами: "Помни меня". По представлениям древних ухо считалось местом пребывания памяти. Другая камя несла изображение двух правых рук, соединенных в пожатии, и начертанное греческое слово "согласие", т.е. согласие сердец, их единение в браке. Камей типа *dextrarum iunctio* часто изображались на украшениях женщин и означали в древности соединение людей, вступающих в брак²⁸.

Любовная магия была широко распространена в римском мире. В Норике близ римской крепости Фавианы, на Дунае, был найден маленький глиняный горшочек, покрытый свинцовой пластинкой как крышкой. Текст пластинки является любовным приворотом и обращен "к Плутону или Юпитеру подземного мира, к Эракуре и Юноне подземной", которых просят как можно скорее привести назад Аврелия Синниана Цезариана и предать его духам мертвых. Имя этого Цезариана написано перевернутыми буквами, справа налево. Ниже следуют слова: "Вот, Сильвия, ты видишь мужа изменившимся, как и написано его имя". Древние верили, что если написать имя человека перевернутыми буквами, то это будет означать также перемену в его судьбе. Так как Сильвия не желала своему мужу ни погибели, ни болезни, она открыто назвала свое имя – Сильвия, ибо любовная магия не каралась: привороты и любовные заговоры, совершавшиеся в храмах Немезиды, а также в храме Деметры на Книде совершались открыто²⁹.

Итак, мы пытались обрисовать значение римских женщин Паннонии в сложении культурно-нравственных институтов гражданской жизни. Памятники показывают, сколь большую роль играли женщины в религии, нравственности и морали провинциального общества, в воспитании детей и, соответственно, римских граждан и римских воинов. Семья имела в этом отношении первостепенное значение. Уроки нравственности и религии получали сначала дома. Паннонские

²⁷ Szilágyi J. Aquincum. Budapest, 1956. S. Tab. XXVIII.

²⁸ Swóboda E. Carnuntum: Seine Geschichte und seine Denkmäler. Köln; Graz. 1964. S. 102.

²⁹ Egger R. Libeszauber // Römische Antike und frühes Christentum. Klagenfurt, 1963. Bd. II. S. 24 ff.

женщины явились той устойчивой средой, где местные верования продолжали жить в римский период ее истории. Они нередко определяли мировоззрение римского воина, хотя многолетняя служба в римских войсках и воздействие римской религии и морали накладывали свой отпечаток и делали римлянином кельта, иллирийца, грека или уроженца восточных областей империи. Женщины Панонии в некоторой мере формировали римское общество городов. На них лежала обязанность воспитания гражданина римского провинциального общества, его нравственности и культуры. Роль женщины в процессе романизации провинции была весьма значительной и отразилась она в характере рассмотренных памятников.

ЖЕНЩИНА В РАННЕМ ХРИСТИАНСТВЕ*

Общественное мнение античного мира не признавало равенство мужчин и женщин. Аристотель в "Поэтике" (15) писал, что женщина может быть благородной, хотя она – существо низкое. Такое восприятие женщины сохранялось в той или иной степени на всем протяжении существования языческой древности. Цельс, полемизируя с христианскими догмами в своем "Правдивом слове" писал, что если бы бог хотел отправить на землю Дух, зачем его было вселять в столь нечистое место как чрево женщины – (*Orig.c.Cels. VI.73*). В то же время он – в рамках традиционной мифологии – допускал, что бог может влюбиться в прекрасную и царственную женщину. В первые века нашей эры появлялись восхваления женщин (Плутарх даже создал специальное сочинение – "О доблестях женщин"): главными женскими добродетелями почитались скромность, верность, героическая защита своей чести. Наставления, порой звучащие слишком назойливо, говорили скорее о желаемой, чем о реальной ситуации. Недаром Плутарх в первой же фразе своего сочинения подчеркивает несогласие с Фукидидом, по мнению которого, наилучшая женщина – это та, о которой меньше всего говорят чужие, безразлично, в порицание или в похвалу. Моралист Плутарх считает, напротив, что и женщинам надо отдавать хвалы. Однако наряду с восхвалениями героинь, как правило, ушедших времен, в эту же эпоху было распространено представление о женщине как носительнице темного начала; в литературе появляются образы ведьм, отравительниц, связанных со страшной богиней подземного мира Гекатой. Можно вспомнить колдуний, распутниц, женщин-убийц из романа Апулея "Золотой осел", например, жену, убившую своего мужа из вставной новеллы о фессалийских ведьмах (II.18) или ту, которая "несчастливого мужа вводила в обман, сама с утра предаваясь пьянству и постоянному блуду, оскверняя свое тело" (IX.14). Между этими двумя полюсами восприятия находилась реальная женщина, жившая в конкретных социальных и семейных условиях. Положение женщин – и прежде всего, ее самосознание изменилось в первые века нашей эры.

* © И.С. Свенцицкая, 1995.

Елена, мать императора Константина. Фрагмент росписи потолка в Трирском соборе

Для этой эпохи характерен распад семейных связей (и не только среди высших слоев римского общества), с одной стороны, и желание женщин играть самостоятельную роль в общественной жизни – с другой. Выборочный статистический анализ надгробных надписей из трех районов Малой Азии показал, что значительное количество надгробий поставлено супругами друг другу (без упоминаний детей) – от 44 до 53% от общего числа сохранившихся эпитафий; дошли и одиночные надгробия, поставленные "себе при жизни" (в том числе, и женщинами)¹. В одной из надписей на приготовленном заранее склепе владелец его указывал, что там будет похоронена его жена, если только она останется его

¹ Подробнее об этих расчетах см.: *Свенцицкая И.С., Годер Д.Г. Семья в городах провинции Азия в II–III вв. // Город и государство в античном мире. Л., 1987.*

женой (МАМА.VIII.576). При распаде брака дети не всегда оставались с отцами; так, в Афродисии в одном склепе с владельцем должен быть похоронен и пасынок (сын жены), причем нет указаний на усыновление (МАМА. VIII.559). Распад семейных связей, ослабление гражданской солидарности меняли положение женщин из низов населения, приводили к увеличению слоя работающих женщин. Женщины были вовлечены в текстильное производство в качестве прядильщиц – весьма непрестижная профессия. Цельс, чтобы подчеркнуть низкое происхождение Иисуса, называет его мать нищей пряхой (хотя в евангельских текстах таких сведений не содержится). Были женщины, зарабатывавшие себе на жизнь (и подчас неплохо) торговлей; в "Деяниях апостолов" упоминается Лидия, продававшая пурпурные ткани и имевшая собственный дом; характерно, что она была переселенкой из Малой Азии в Македонию (16:4). Были женщины-актрисы, в частности, участвовавшие в мимах; неоднократные упоминания в христианской литературе блудниц говорит о распространении и этой древнейшей профессии. Что касается женщин из верхов провинциального общества, то они активно стремились играть ведущую роль в жизни своего города. Многочисленные надписи упоминают знатных женщин в качестве благодетельниц полисов. Появляются такие титулы как "Дочь города" и "благодетельница полиса" (IGRR.III. 704), "Мать полиса" (МАМА. VIII.492); женщины эти обладали большими средствами, на которые возводили общественные сооружения, они занимали должности жриц императорского культа и местных божеств (например, Планкия Магна – демиург города, жрица императора и Великой матери), выступали в качестве агонотетов – организаторов празднеств (IGRR.IV.656); их провозглашали почетными председателями союзов, образованных вокруг гимнасиев (Ibid. III.584; IV.687). Женщины стремились проникнуть в мужские союзы: так, женские имена встречаются в списке герусии города Себасте (II в. н.э. – Ibid.IV.690), но их было очень мало, всего три. В отдельных случаях женщины пытались создавать свои объединения вокруг гимнасиев (вероятно, по образцу союзов старцев и "молодых"): в г. Дорилее (Малая Азия) существовала "гимнасиарх женщин" (Ibid. IV.522). Вопрос об участии женщин в частных религиозных союзах не вполне ясен. В некоторых уставах союзов оговорено разрешение присутствовать на празднествах женам членов союза, но сами они полноправными членами, по всей вероятности, не являлись². В объединениях вокруг культа Диониса входили мужчины и женщины, но их собрания проходили раздельно³. В I в. до н.э. в малоазийской Филладельфии был создан союз, куда на равных правах входили рабы и

² Sokolowski F. *Lois sacrées de cités grecques*. P. 1969. N 20.

³ Ibid. N 181; Nilsson M.P. *The Dionysiae Mystery of Hellenistic and Roman Age*. Lund, 1957. P. 9.

свободные, мужчины и женщины⁴, но такие союзы были исключением. Такое положение было не только в античном обществе; в Кумранской общине женщины также не могли быть полноправными членами.

Честолюбивые стремления женщин разных слоев наталкивались на стойкую традицию недопущения их к активной общественной и политической жизни, к таинствам мужских религиозных союзов. Не удивительно, что христианская проповедь, обращенная, по существу, ко всем социально или морально обездоленным, не разделявшая женщин и мужчин, нашла отклик в душах первых. Евангелия Нового завета позволяют говорить о том, что женщины занимали определенное место среди последователей Иисуса. Женщины сопровождают его, он исцеляет их, посещает их дома. В Евангелии от Луки рассказывается, что женщины, рыдая, провожали его к месту казни (Лк.23:28). Марк называет поименно женщин, стоявших у креста, которые пришли с Иисусом из Галилеи и служили (*διηκόνουν*) ему (Мк.15:40–41). В дальнейшем, когда христианские еkkлeсии появились за пределами Палестины, женщины продолжали к ним примыкать. В "Деяниях апостолов" и посланиях Павла упоминаются женщины-христианки, в том числе и поименно. Христианство принимали супружеские пары (например, соратники Павла Акила и его жена Прискилла – ДА. 18–21); родственницы христианских проповедников (четыре дочери диакона Филиппа – ДА.21:9); в "Послании к римлянам" Павел приветствует некую Юнию, которую он называет своей родственницей, Нирея и его сестру (16:7,15). Судя по именам, среди женщин могли быть иудеянки (Мариам), возможно вольноотпущенницы (Юния и Юлия); имя Персида могло принадлежать рабыне (Римл.16). Но к христианам приходили и одинокие женщины, какой была Лидия – торговка, переселенка из Тиаири. Переселенкой, судя по имени, была и Дамарь, которая последовала за Павлом во время его проповеди в Афинах (ДА. 16:14; 17:34). Переселенки, лишённые традиционных связей, обретали в христианских общинах не только надежду на спасение, но и ощущение разрушенного единения как внутри небольшой реальной группы верующих, так и в братстве всех христиан, которые при всей своей малочисленности почитали себя жителями ойкумены. Интерес представляет еще одна женщина-христианка, мать соратника Павла Тимофея: она была "уверовавшая" иудеянка, а муж ее был эллином. Мы имеем дело здесь со смешанным браком, который был запрещен иудейскими религиозными нормами. Жена в таком браке должна была чувствовать себя отступницей, и христианство, еще не порывавшее с иудаизмом, но уже создававшее новую систему ценностей, должно было дать ей точку опоры.

⁴ Sokolowski F. *Lois sacrées d'Asie Mineure*. P., 1954. N 20.

Портрет римлянки. Рим. Около
400 г. н.э.

Среди женщин, последовавших за первыми христианскими проповедниками, были и те, кто происходил из высших слоев общества: во всяком случае, этот факт особо подчеркивается в "Деяниях апостолов": так, в Фессалонике к Павлу и Силе присоединилось немало женщин "из первых" (в синодальном переводе – знатных – 17:4); а в Берое уверовали, наряду с мужчинами "благородные" (τῶν εὐσχημόνων, в синодальном переводе – почетные: 17:12; характерно, что оба эпитета отнесены только к женщинам). Можно

предположить, что первыми из верхов городского населения восточных провинций к христианам приходили именно женщины.

Нехристианские источники также подчеркивают активное участие женщин в христианских еkkлeсиях. Цельс упоминает о проповедях "глупым женщинам", о том, что собрания проводятся на женской половине домов (IV.55). Лукиан, рассказывая в своем сочинении "О кончине Перегринна", как его героя посадили в тюрьму за приверженность христианству, пишет, "Уже с самого утра можно было видеть у тюрьмы каких-то старух, вдов, детей-сирот" (имеются в виду христиане, стремившиеся помочь Перегрину) (*Lucian.12*).

Вероучительным обоснованием принятия женщин в христианские общины была идея об единении всех верующих во Христе, независимо от этнических, социальных и половых различий, сформулированная Апостолом Павлом: "Нет уже иудея, ни язычника (в греческом тексте – эллина); нет раба, ни свободного; нет мужского пола, ни женского: ибо все вы одно во Христе Иисусе" (Гал. 3:28). Все различия свойственны земному, преходящему миру, и не имеют значения для мира Духа. В гностических учениях эта идея полного слияния мужского и женского нашла свое наиболее полное воплощение.

Единение во Христе и равенство в вере подразумевало и активную проповедническую деятельность христианок. В Послании к филиппийцам Павел обращается к двум женщинам – Евдокии и Синтихии и просит своего соотрудника помогать им, "подвизавшимся в благовествовании вместе со мною и с Климентом..." (4:22–3). Таким образом, можно думать, что эти женщины (а их имена упомянуты на первом

месте в обращении Павла в четвертой главе послания) проповедовали евангелие вместе с мужчинами. Женщины-христианки пророчествовали в собраниях христиан; так, обладали этим даром четыре дочери диакона Филиппа из Кесарии (он назван также "евангелистом" – ДА. 21:8–9). О том, что подобные пророчицы существовали и в других общинах, свидетельствуют слова Павла, который в Первом послании к коринфянам устанавливает правила поведения в молитвенных собраниях: в частности, женщины, молящиеся или пророчествующие, должны быть с покрытой головой (11:5). В еkkлeсиях первых веков были диакониссы; к ним относится Фива, диаконисса "церкви Кенхрейской", которую просит принять Павел в Послании к римлянам и называет ее своей помощницей (16:1–2). Диакониссами были и рабыни-христианки, которых допрашивал Плиний Младший во время расследования дела о христианах в Вифинии (X.96.8 – *ministrae*)⁵.

В харизматических общинах эмоциональность и экстаичность женщин должны были иметь благоприятную почву для выражения. Однако это создавало и определенные трудности для внутренней жизни христианских еkkлeсий. В том же Первом послании к коринфянам, где Павел говорит о пророчествующих женщинах, он формулирует правила поведения во время молитвенных собраний. Таким правилом было требование женам молчать: "если же они хотят чему научиться, пусть спрашивают о том дома у мужей своих, ибо неприлично жене говорить в церкви" (14:35). В Первом послании к Тимофею это требование повторено: "Жена да учится в безмолвии со всякою покорностью" (2:11). Историк христианской церкви М.Э. Поснов полагает, что эти положения "очень трудно примирить" с фактом признания Павлом пророчествующих женщин⁶. Можно предположить, что пророчествовали только незамужние женщины (о дочерях Филиппа, в частности сказано, что они были девицы), но никаких ограничений для пророчеств ни в "Деяниях апостолов", ни в посланиях Павла не оговорено; мне кажется, что требование молчания не относилось к настоящим пророчицам; недаром после наставлений женам Павел добавляет: "Если кто почитает себя пророком или духовным, тот да разумеет, что я пишу вам, ибо это заповеди Господни. А кто не разумеет, пусть не разумеет" (14:37–38). Но как традиционное отношение к женщине, так и открытое проявление эмоций, свойственное фанатично уверовавшим женщинам, лежали в основе стремления Павла упорядочить проведение

⁵ О женщинах-диакониссах в первых христианских общинах см.: Die Frau im Urchristentum. Freiburg, 1987. S. 320 f. Интересно отметить, что в средние века некоторые женские имена из посланий (например, Юлия) интерпретировались как мужские. См.: Ibid. S. 328.

⁶ Поснов М.Э. История христианской церкви. М., 1990. Ч. 17 С. 79. Он отмечает, что женщина играла большую роль в жизни христианской общины и пропаганде ее учения.

собраний христиан. Вероятно, женщины претендовали и на руководство такими собраниями: в Первом послании к Тимофею (которое не все ученые относят к подлинным посланиям Павла, но, возможно, составленном после его смерти учениками), автор его пишет: "Итак желаю, чтобы на всяком месте произносили молитвы мужи, воздевая чистые руки без гнева и сомнения" (2:8). Подчеркнутое пожелание, чтобы молитвы (перед собранием) возносили мужчины, говорит за то, что такой порядок еще не стал правилом во всех христианских еkkлeсиях.

Другой реальной проблемой, которая стояла перед христианскими проповедниками в связи с участием в еkkлeсиях женщин наравне с мужчинами, было отношение между полами. Отсутствие семейных связей у многих женщин при сознании, не всегда достаточно глубоко понятого единения в вере привело к тому, что Павел в Первом послании к коринфянам называл "блудодеянием": "Есть верный слух, что у вас появилось блудодеяние, и притом такое, какого не слышно даже у язычников, что некто вместе жены имеет жену отца своего" (5:1). Далее Павел требует изгнать блудодея из своей среды и не общаться с ними, причем апостол подчеркивает, что речь идет именно о блудодеях из христиан, а не внешних, которых будет судить Бог⁷. Не случайно в этом Послании содержатся наставления по поводу брака или безбрачия (7:1–16). Павел не требует аскетизма; он даже признает браки между христианами и язычниками и выступает против развода с неверующим супругом по инициативе христианина (христианки): только если неверующий хочет развестись, то пусть разводится. Павел, таким образом, стремился упорядочить этот аспект отношений внутри христианских общин (как и многие другие – свободных и рабов; христиан, имевших между собой тяжбы и т.п.).

Проблема женщин, конкретно, вдов-христианок затронута в Первом послании к Тимофею. Судя по этому посланию, на содержании общины находилось большое количество вдов, что было достаточным бременем, ложившимся на ограниченную казну общины. Автор послания полагает, что те, у кого есть родственницы-вдовы должны сами о них заботиться, чтобы община могла "довольствоваться истинных вдовиц" (5:16). По-видимому, для оказания помощи вдовам избиралась одна; она должна была соответствовать требованиям: быть не моложе 60 лет, будучи один раз замужем, известная по добрым делам, воспитавшая детей, принимавшая странников и т.п. Резко выступает автор послания против молодых вдовиц, которых не следует принимать (имеется в виду – на содержание). Такие вдовы, по словам автора послания, впадают

⁷ Возможно, столь распространенные обвинения против христиан в разврате при всем злостном преувеличении (см., например: *Octav.* 9) имели некоторые основания в свободном поведении женщин внутри первых христианских общин.

*Забрированная женщина.
Надгробная статуя. Аквилея.
II в. н.э.*

*Изображение женщины-христианки
из катакомб. Иордания. III в. н.э.*

в роскошь в противность Христу; притом они, "будучи праздны, причаются ходить по домам, и бывают не только праздны, но и болтливы, любопытны, и говорят, чего не должно" (5:11–13). Поэтому молодые вдовы должны вступать в брак, рожать детей, управлять домом. Разумеется, эти раздраженные слова в адрес молодых женщин совсем не отражают поведения всех – и даже большинства – христианок, но говоря о роли женщин внутри христианских общин, мы не должны забывать и о тех реальных конфликтах, которые порождало участие их в еkkлeсиях наравне с мужчинами.

В течение II в. по мере складывания иерархической церковной организации женщины были оттеснены от активной проповеднической деятельности и религиозной службы. Это касается прежде всего того направления в христианстве, которое стало ортодоксальным, но в других течениях II–III вв., условно называемых еретическими, женщи-

ны продолжали играть значительную, а иногда и ведущую роль. Так, Тертуллиан, рассказывая о поведении еретиков, с возмущением пишет: "А женщины их чего только не позволяют? Они осмеливаются учить, вступать в прения, заклинать, обещать исцеление, и, может быть, и крестить" (Praescr. haer. XLI). В последнем Тертуллиан не был уверен; он еще раз пишет о возможности совершения обряда крещения женщинами в другом сочинении (De bart. XVII): "Неужели они будут настолько дерзки, что осмелятся также крестить?". Он называет и конкретных женщин, связанных с неортодоксальными учениями: так, он говорит об ученике Маркиона Апеллесе, который был соблазнен женщиной по имени Филумена и под ее диктовку писал откровения (Praescr. haer. XXX). В этом случае, вероятно, можно думать не о простом "соблазнении", а о сознательной проповеди в паре, символизирующей единство мужского и женского начала, что явилось следствием гностических влияний.

В движении монтанистов, выступавших против епископальной церковной организации, большую роль играли женщины: пророчицы Прискилла и Максимилла, на которых, по их словам, сошел Дух ("Параклет"). Возможно, они не только устно пророчествовали, но и записывали свои речения: во всяком случае, Ипполит, говоря о фригийской ереси, пишет что еретики получили "от них" (т.е. от Прискиллы, Максимиллы и Монтана) "божественные книги" (Philos. VIII. 19).

В III в. в капподокийской Кесарии возникло движение, возглавляемое женщиной. Суть этого движения неясна – о нем сообщил кесарийский епископ Фирмилиан Киприану (*Supr. Epist. XXV*); известно, что эта женщина проповедовала от имени святого духа (т.е. тоже была своего рода пророчицей), сама совершала главные христианские таинства – крещение и евхаристию. Сила ее внушения была такова, что к ней присоединились местный диакон и пресвитор. Сторонники ортодоксальной церкви объявили ее орудием "нечистого духа", и движение, по видимому, сошло на нет. Эти примеры показывают, что женщины занимали существенное место в тех течениях христианства, которые продолжали традиции харизматических общин. В рамках ортодоксальной организации женщины довольно долгое время продолжали сохранять свои позиции в качестве диаконалисс, например, в сирийских церквях⁸; диаконалиссы упоминаются в христианских надгробиях Малой Азии, где иногда они названы диаконами (MAMA. I.194, 324, 383; VII. 91; VIII.64, 318). Женщины из высших слоев общества, приверженные христианству, много сил и средств отдавали благотворительности на пользу церкви: на их землях сооружались подземные кладбища, в их домах собирались христиане и устраивались службы (так называемые *tituli*);

⁸ Die Frau im Urchristentum. S. 335.

впоследствии некоторые из таких владелиц были сделаны святыми (Сабина, Бальбина, Анастасия – в Риме; некоторые катакомбы также названы по имени тех, кто предоставил земельные участки – катакомбы Присциллы, Домитиллы, Коммодиллы, Агнессы, Оттавиллы и др.⁹). Среди подобных женщин были, по всей вероятности, женщины замужние (в сочувствии к христианам подозревалась даже жена Диоклетиана), любовницы высокопоставленных лиц (например, Марция, любовница Коммода), но главными героинями христианской литературы II–III вв. становятся девственницы, готовые пожертвовать жизнью во имя сохранения своей чистоты. Новозаветное христианство вполне терпимо относилось к браку; ближайшие ученики Иисуса имели жен (например, Петр, чью тещу исцелил Иисус), а Павел, как уже говорилось, в некоторых случаях даже рекомендовал вступление в брак. Однако для христианок, не имевших возможности реализовать себя в пророческом экстазе (ибо в ортодоксальной церкви от имени Бога выступали только клирики) подвиг воздержания становится своего рода сублимацией, трансформацией эмоционального влечения, с одной стороны, и стремлением к героической роли, с другой. Женская аскеза зародилась в христианстве, возможно, не раньше мужской, но именно эта аскеза раньше стала предметом восхваления и восхищения. Примером могут служить "Деяния Павла и Феклы", созданные в конце II в. Хотя в названии апокрифа на первом месте стоит имя Павла, главной героиней этого произведения была Фекла, страстная девственница, претерпевающая муки во имя сохранения своего девства¹⁰. По своему жанру "Деяния Павла и Феклы" – любовный роман "наоборот", где место любви земной занимает любовь духовная, но обладающая столь же сильной эмоциональностью. Фекла настолько любит своего духовного наставника Павла, что сам Иисус – чтобы поддержать ее в минуты мук – принимает облик Павла (что могло показаться кошунственным многим читателям, но что достаточно точно отражало женскую психологию). Тертуллиан (*De bart.* XVII) утверждает, что деяния были написаны неким пресвитором из Азии от имени Павла (хотя дошедший до нас рассказ ведется от третьего лица), он был в этом уличен, лишен сана и изгнан из церкви; можно думать, что не только псевдоавторство, столь распространенное при создании апокрифической литературы, послужило причиной сурового наказания, но и содержательная сторона сочинения. Однако "Деяния Павла и Феклы" оставались любимым чтением христиан и были переведены на многие языки. В пассионах мучениц часто подчеркивается их девственность; существует серия христианских преданий о благочестивых девах, ко-

⁹ *Catacombs and Basilicas.* Firenze, 1989. P. 6.

¹⁰ Этот апокриф в переводе С.С. Аверинцева опубликован в кн.: *От берегов Босфора до берегов Евфрата.* М., 1987. С. 128 и след.

торые кончают самоубийством во времена Диоклетиана, чтобы не быть обесчещенными¹¹. Девственность была не только литературным образцом: Киприан говорит о существовании в христианских общинах дев, причем к девам относились только те, кто давал обет целомудрия (Epist. VII.1). Таким образом, если во времена апостола Павла в экклезиях были "истинные вдовы", то в III в. появились "истинные девы". Некоторые мученицы погибли по доносу тех, кто не мог добиться их любви¹². Возможно, с христианками-девенницами связана и одна не вполне ясная надпись из Лидии (Hellenica. XI–XII. P. 424. N 5): Аммиан, сын Антифонта ставит надгробие себе (подразумевается – при жизни) и Аполлонии, девственной жене (παρθενικῆ γυναικί), и верным, т.е. верующим, потомкам (эти слова идут после небольшой лакуны). Значит ли эпитет, примененный к Аполлонии, что она, став женой лишь формально, сохраняла обет девственности (тогда потомки для нее – не по прямой линии), или муж подчеркивает ее добрачную девственность (может быть, принадлежность к группе дев в христианской экклезии) и непорочный образ жизни – выяснить сложно, но представление о непорочности как важнейшей добродетели женщины-христианки отражено в этой надгробной надписи: оно вошло в сознание рядовых верующих.

Наряду с девенницами в христианских писаниях существуют и образы раскаявшихся грешниц. Интересен в этом отношении образ женщины из Деяний Фомы, созданных в III в. Юноша, обращенный Фомой, умоляет свою возлюбленную отказаться от плотских наслаждений; женщина отказывается. Тогда юноша, давший обет целомудрия, в отчаянии убивает ее. Апостол Фома, узнав о преступлении, воскрешает женщину, и она, очнувшись, рассказывает окружившим ее людям о путешествии своей души по аду, пока тело было бездыханным. Страшный черный человек, ее провожатый, показывал ей мучения грешников в ямах и пещерах: среди них были и прелюбодеи. Но по повелению Христа она вернулась к жизни. Грешница припадает к ногам апостола, умоляя о прощении; она дает обет во всем следовать учению апостола и вести непорочную жизнь¹³. В образе этой блудницы отразилось языческое представление о темной женской природе, которая даже христианина может толкнуть на преступление (мотивация убийства заключалась в том, что юноша не мог видеть, как она будет принадлежать другому). В то же время христиане провозглашали возможность победы над этой демонической сущностью, ее преобразования

¹¹ Лебедева Е.А. Гонения на христиан в Римской империи. СПб., 1904. С. 75.

¹²Такова была судьба Потамиэны, казненной при Септимии Севере; о ней рассказывает Евсевий (HE. VI.5).

¹³ Acta Thom. 51–52 (нумерация по изд.: Acta Philippi et Acta Thomae / Ed. M. Bonnet. Lipsae, 1903).

раскаянием и страхом перед наказанием: блудница может стать святой. Тем самым снималось противоречие в восприятии женского начала и создавался образец, к достижению которого должны были стремиться христианки.

Мы остановились только на некоторых аспектах проблемы, связанной с участием женщин в христианском движении первых веков его существования. Роль женщин в распространении нового учения бесспорна, но она менялась во времени и, как мы старались показать, ставила перед проповедниками и богословами сложные этические проблемы.

МАРИЯ МАГДАЛИНА КОПТСКИХ ГНОСТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ*

О Марии Магдалине христианские предания, сохранившиеся во всех четырех евангелиях Нового завета, рассказывают как о верной последовательнице Иисуса Христа. Но на образ Марии Магдалины в литературе гностицизма из новозаветных текстов, возможно, наибольшее влияние оказало предание, содержащееся в 20-й главе Евангелия от Иоанна (14–18), о том, что именно Марии, увидевшей своего воскресшего учителя, который с ней говорил, было поручено им возвестить апостолам о воскресении.

В литературе гностицизма образ Марии Магдалины как получательницы откровения занял видное место. В настоящей статье рассматриваются некоторые тексты, в которых встречается этот образ, поднятые в связи с ним темы, прослеживается, как он укоренен в представлениях гностицизма.

О Марии Магдалине¹ говорится во многих гностических произведениях, сохранившихся на коптском языке: помимо "Евангелия от Марии" и "Пистис Софии" ее упоминают "Евангелие от Фомы", "Евангелие от Филиппа", "Диалог Спасителя", "Мудрость Иисуса Христа" и др.

Начнем с "Евангелия от Марии", дошедшего до нас, хотя и не полностью, в Берлинском папирусе 8502². Как и в других случаях, этот коптский текст представляет собой перевод с греческого³. Первая редакция евангелия датируется вторым веком. Подобно другим привлекаемым в данной работе текстам оно написано в духе литературы

* © М.К. Трофимова, 1995.

¹ По мнению известного немецкого коптолога К. Шмидта, в гностических текстах первых веков н.э. вместо полного имени Мария Магдалина (*Μαρία ἡ Μαγδαληνή*) писали коротко – Мария. Если же речь шла о Марии, матери Иисуса, это оговаривалось.

² Till W.C. Die gnostischen Schriften des koptischen Papyrus Berolinensis 8502. 2^e ed. / Bearb. von H.-M. Schenke. В., 1972. S. 62–77; Tardieu M. Codex de Berlin. P., 1984. P. 75–82. Рус. пер. см.: Трофимова М.К. К истолкованию коптского гностического текста о восхождении души // Механизмы культуры. М., 1990. С. 63–67.

³ Ryl. 463.

гностицизма – с опорой на некое "тайное предание", полученное через особых посредников об эсотерическом учении Иисуса⁴.

К гностическим текстам, хотя и обозначаемым в рукописях как евангелия, откровения и пр., принятое для новозаветной литературы жанровое деление мало пригодно. Исходя из специфики текстов, часто построенных в форме диалогов (между подателем откровения и получателем его, между участниками экзегезы и т.д.), ряд исследователей вслед за К. Рудольфом⁵ счел возможным гностическому диалогу придать статус литературного жанра.

"Евангелие от Марии" также принадлежит к числу диалогов. Оно подчинено общей для гностицизма теме спасительного знания, ведения. Описанное в "Евангелии от Марии" с помощью изречений из новозаветных текстов, это ведение тем не менее чуждо христианскому вероучению, поскольку новый контекст существенно меняет смысл этих изречений. Слова Иисуса, отнесенные в Новом завете к событиям его земной жизни, приобретают иное значение в гностическом сочинении, где говорится об откровении после воскресения Иисуса⁶.

Тема спасительного знания прямо связана с образом Марии Магдалины, который в этом евангелии можно считать одним из главных. В развертываемом в этом тексте диалоге принимают участие помимо Марии из учеников Петр, Андрей, Левий. Мария представлена в тексте как та, которая способна поддержать и направить пришедших в смятение учеников: «Сказав это, он (Спаситель) удалился. Они же (ученики) были в печали, пролили обильные слезы и сказали: "Как пойдем мы к язычникам и проповедаем евангелие царствия Сына человека? Если они не сберегли его, как они сберегут нас?" Тогда Мария встала, приветствовала всех их и сказала своим братьям: "Не плачьте и не сомневайтесь, ибо его благодать будет со всеми вами и послужит защитой вам. Лучше же восхвалим его величие, ибо он приготовил нас и сделал нас человеками". Сказав это, Мария обратила их сердца ко благу, и они начали рассуждать о словах Спасителя» (9. 5–23).

Марии открыто то, что сокрыто для других учеников, ей доступно видение. И выражения, в которых говорится об этом в тексте, похвала, которую она стяжает ("Блаженна ты, ибо не дрогнула (ΝΤΕΚΙΜ ΑΝ)⁷ при виде меня") подчеркивают высокую степень приобщенности Марии к гносису: «Петр сказал Марии: "Сестра, ты знаешь, что Спаситель любил тебя больше, чем прочих женщин. Скажи нам слова Спасителя,

⁴ Болотов В. В. Лекции по истории древней Церкви. СПб., 1910. Т. 2. С. 171–183.

⁵ Rudolph K. Der gnostische Dialog als literarisches Genus // Probleme der koptischen Literatur. Halle; Wittenberg, 1968. S. 85–107.

⁶ Pasquier A. L'Évangile selon Marie. Québec, 1983. P. 62.

⁷ Понятие, чрезвычайно важное в гностицизме. Оно в одном смысловом ряду с такими понятиями, как "вечность", "жизнь", "совершенство".

которые ты вспоминаешь, которые знаешь ты – не мы, и которых мы и не слышали". Мария ответила и сказала: "То, что скрыто от вас, я возвещу вам это". И она начала говорить им такие слова: "Я, – сказала она, – я созерцала Господа в видении, и я сказала ему: "Господи, я созерцала тебя сегодня в видении". Он ответил и сказал мне: "Блаженна ты, ибо не дрогнула при виде меня. Ибо где ум (νοῦς), там сокровище". Я сказала ему: "Господи, теперь скажи: тот, кто видит видение (ὄραμα), – он видит его душой (ψυχῆ) или духом (πνεῦμα)?" Спаситель ответил мне и сказал: "Он не видит душой или духом, но ум, тот, который между двумя, он тот, который видит видение..."» (10.1–23).

Как ни высока роль Марии, собеседницы Иисуса, получательницы откровения, именно она вызывает недовольство в среде учеников. Вот как это описано в тексте. Рассказав об открытом ей пути души в вечность, в молчание, «... Мария умолкла, так как Спаситель говорил с ней до этого места. Андрей же ответил и сказал братьям: "Ну, что вы можете сказать по поводу того, что она сказала. Что до меня, я не верю, что Спаситель это сказал. Ведь кажется, эти учения суть иные мысли". Петр ответил об этих самых вещах. Он спросил их о Спасителе: "Разве говорил он с женщиной втайне от нас, не открыто? Что же, соберемся, все будем слушать ее? Он выбрал охотнее ее, чем нас?"⁸ Тогда Мария расплакалась и сказала Петру: "Брат мой Петр, что же ты думаешь? Не думаешь ли ты, что я сама это выдумала в моем сердце или я лгу о Спасителе?" Левий ответил и сказал Петру: "Петр, ты вечно гневаешься, ныне я вижу тебя – ты сражаешься с женщиной как противник. Однако, если Спаситель счет ее достойной, кто же ты сам, чтобы ее отбрасывать? Несомненно, Спаситель знал ее очень хорошо (ἀσφαλῶς)⁹. Из-за этого он любил ее более, чем нас. Лучше устыдимся, облечемся совершенным человеком..."» (17.7–18.16).

В этой сцене против Марии – Андрей и Петр. Обозначены причины расхождения. Андрей, после сказанного Марией, сомневается, что Спаситель мог наставлять в подобных учениях: "Ведь, кажется, эти учения суть иные мысли". Эта реплика в духе обличительных речей тех христиан второго века, которые упрекали гностиков за то, что те допускали великое разнообразие всякого рода учений¹⁰. Петр же не верит, что Спаситель мог передать свое учение женщине, втайне, не открыто. Он не скрывает раздражения, что именно женщина претендует на роль получательницы откровения и как бы наставницы: "Что же, соберемся, все будем слушать ее? Он выбрал охотнее ее, чем нас?" – иронически

⁸ В греческом фрагменте эти слова принадлежат Андрею (Ryl. 463).

⁹ Досл. "надежно", "тщательно". Слово из того же смыслового ряда, о котором см. прим.

¹⁰ *Iren. Adv. Haer.* III. 2.1.

вопрошает Петр. Левий, который на стороне Марии, корит Петра: "Петр, ты вечно гневаешься, ныне я вижу тебя – ты сражаешься с женщиной как противник".

К этому сюжету – соперничеству Петра (и некоторых других учеников Иисуса) и Марии Магдалины – постоянно возвращались авторы гностических сочинений. Сознывая, что в гностических писаниях заявляет о себе одна из форм вымысла, трудно все же не вспомнить, что составляли их и читали в то время, когда такой ревнитель христианства, как Тертуллиан, клеймил: "А у жен еретических какова отвага! Они ведь осмеливаются учить, спорить, заклинать, излечивать, даже крестить"¹¹.

Тема враждебного отношения Петра к Марии, посягающей на то, что ей, как женщине, не может быть доступным, поднята и в "Евангелии от Фомы"¹², также дошедшем на коптском языке (на греческом сохранилось лишь несколько его фрагментов)¹³. Этот памятник в отличие от "Евангелия от Марии", происхождение которого связывают с Египтом, считают сложившимся на почве сирийской культуры и относятся к промежутку от второй половины I в. до времени около конца II в. н.э. Содержащиеся в нем изречения Иисуса (logia), близкие каноническим текстам, претерпели гностическую редакцию, что позволяет рассматривать евангелие в контексте гностической литературы.

В этом сочинении привлекают внимание два изречения, которые можно поставить в связь между собой. Первое – 114 (118): «Симон Петр сказал им (ученикам): "Пусть Мария уйдет от нас, ибо женщины недостойны жизни". Иисус сказал: "Я направлю ее, дабы сделать ее мужчиной, чтобы она также стала духом живым (ΝΟΥΠΝΑ ΕΦΟΝΣ), подобным вам, мужчинам. Ибо всякая женщина, которая сделается мужчиной, войдет в Царствие небесное"». Звучит та же тема напряженного отношения Симона Петра к Марии. Его требование, чтобы Мария ушла из среды учеников, обосновано общим соображением: "женщины недостойны жизни". И следует ответ Иисуса, допускающий для всякой женщины "войти в Царствие", но при определенном условии.

Текст понуждает к его истолкованию. Для начала, вероятно, стоит вспомнить слова Левия после раздраженной реплики Петра – его призыв ко всем – "облечься совершенным человеком" (Ев. от Марии. 18.16). Перекликается изречение 114(118) и с другим – 22(27), где тема

¹¹ De Praescriptione Haereticorum. 42. Ср.: 1 Кор. 14.34; Кол. 3.18; Эфес. 5.24; 1 Тим. 2.11–12.

¹² L'Évangile selon Thomas / Texte copte ét. et trad. par A. Guillaumont, H.-Ch. Puech, G. Quispel, W. Till et 'Abd al Masih. Leiden, 1959. Рус. пер. см.: Трофимова М.К. Историко-философские вопросы гностицизма. М., 1979. С. 160–170.

¹³ Ryl. I. 654–655.

женщины также затронута: «Иисус увидел младенцев, которые сосали молоко. Он сказал ученикам своим: "Эти младенцы, которые сосут молоко, подобны тем, которые входят в Царствие". Они сказали ему: "Что же, став младенцами, мы войдем в Царствие?" Иисус сказал им: "Когда вы сделаете двоих одним (ΟΥΔ), и когда вы сделаете внутреннюю сторону как внешнюю сторону, и внешнюю сторону как внутреннюю сторону, и верхнюю сторону как нижнюю сторону, и когда вы сделаете мужчину и женщину одним единственным (ΜΠΙΟΥΔΟΥΩΤ), чтобы мужчина не был мужчиной и женщина не была женщиной, когда вы сделаете глаза́ вместо гла́за, и руку вместо руки, и ногу вместо ноги, образ вместо образа, – тогда вы войдете [в Царствие]"».

Здесь обращают на себя внимание дважды повторенные слова об "одном". Через эту установку на "одного", на пресечение разорванности единого, на снятие двойственности (мужчина и женщина), можно подойти к пониманию ответа Иисуса в изречении 22(27), его слов о преодолении женщиной ограниченности своей природы и возможности подобно мужчинам стать "духом живым" и войти в "Царствие".

Комментаторы¹⁴ связывают этот текст с темой андрогина, которая, действительно, представлена в гностицизме. Например, в "Апокрифе Иоанна", сохранившемся в разных редакциях на коптском языке и, очевидно, существовавшем на греческом ранее 185 г., – незаменимом источнике наших знаний о гностической космологии, антропологии и сотериологии, – следы этой темы заметны во многих местах. В качестве примера приведу одно, где говорится об зонах мира горнего: "Это пятерица Эонов Отца, который есть первый Человек, образ незримого Духа; это Проноя, то есть Барбело: мысль и предвидение и нерушимость и вечная жизнь и истина. Это пятерица Эонов андрогинных, то есть десятирица Эонов, то есть Отец"¹⁵. В так называемом "Трактате о начале мира"¹⁶, коптской рукописи из Наг Хаммади, тема андрогина всплывает неоднократно, так же как в "Мудрости Иисуса Христа"¹⁷. Примеров можно было бы привести множество, но в этом нет нужды, поскольку в данной работе нас интересует тема андрогина не сама по себе, но лишь в связи с возможным пониманием текстов, связанных с образом Марии Магдалины.

Есть еще одно упоминание имени Марии в "Евангелии от Фомы", а именно, в изречении 21(24): «Мария сказала Иисусу: "На кого похожи

¹⁴ См., например: Pagels E. The Gnostic Gospels. s.l. 1982. P. 71–88.

¹⁵ NH. II.1.9, 2–9. Рус. пер. "Апокрифа Иоанна" см.: Трофимова М.К. Из истории ключевой темы гностических текстов // Палеобалканистика и античность. М., 1989. С. 189–203.

¹⁶ NH. II.5; XIII.2.

¹⁷ NH. III.4 и Берл. пап. 8502, 3. В другой редакции этот текст назван "Евгност блаженный" (NH. III.3 и V.1).

твои ученики?" Он сказал: "Они похожи на детей малых, которые расположились на поле, им не принадлежащем. Когда придут хозяева поля, они скажут: оставьте нам наше поле. Они обнажаются перед ними, чтобы оставить это им и дать им их поле"». Между изречениями 22(27) и 21(24) заметна близость. В иносказательной форме в обоих случаях говорится, по сути, об одном. И там и тут образ детей ("младенцев, которые сосут молоко", "детей малых") относится к ученикам. В одном изречении – 21(24) – речь идет об обнажении (свечения в себя одежд, плоти, вещества) и обретении изначального единства, в другом – 22(27) – о выходе из состояния разделенности полов (сфера плоти) и достижении того же единства духа.

В этих аллегориях дает знать о себе мировоззренческая позиция гностицизма: резко отрицательное отношение к веществу, плоти, отвержение мира, как "смеси" духа и вещества, что, в свою очередь, связано с разрывом спасения и творения¹⁸.

В связи с рассмотренными изречениями из "Евангелия от Фомы" стоит привести фрагмент из "Диалога Спасителя", сочинения, в котором занимающиеся им исследователи видят сплетение текстов разного происхождения, как христианского, так и гностического¹⁹. Не имея издания коптского текста, мы вынуждены руководствоваться английским переводом. В беседе принимает участие Мария, о которой сказано, что "она говорит как женщина, которая знает Все" (139). Несколько ниже в заинтересовавшем нас фрагменте читаем: «Иуда сказал: "... Когда мы молимся, как следует нам молиться?" Господь сказал: "Молитесь в месте, где нет женщин". Матфей сказал: "Молитесь в месте, где [нет женщин]" – он говорит нам, сказав: 'Разружьте труды женской природы', – не потому что есть какой-то другой (способ рождения), но потому что они кончат [давать рождение]"». Почти следующие друг за другом эти два места красноречивее любых рассуждений говорят о том, в каких плоскостях ставится в гностицизме вопрос о женщине и как он решается (в отношении знания – положительно, в отношении рождения, плоти, мира – отрицательно).

Мария Магдалина упоминается в "Евангелии от Филиппа"²⁰. Оно было составлено, возможно, во второй половине III в. Не исключено, что родиной его была Сирия. В изречении 55 – тема избранности Марии Иисусом и ревности со стороны учеников: «София, которая называется бесплодной, – мать ангелов. И общница (κοινωνός²¹) [Сына – это Мария] Магдалина. [Господь любил Марию] более всех учеников, он

¹⁸ *Постноу М.Э.* История Христианской церкви. Брюссель, 1964. Переизд.: Киев, 1991. С. 178–179.

¹⁹ *The Nag Hammadi Library in English.* 2nd ed. Leiden, 1984. P. 230–238.

²⁰ Рус. пер. см.: *Трофимова М.К.* Историко-философские вопросы... С. 170–188.

²¹ О переводе этого слова см.: *Rasser R.* L'Évangile selon Philippe: Introduction // *Révue de théologie et de philosophie.* 1970. CIII, 1. С. 19.

приветствовал ее [целованием] в ее [уста много] раз. Остальные ученики, видя его [любящим] Марию, сказали ему: "Почему ты любишь ее более всех нас?" Спаситель ответил им и сказал: "Почему не люблю я вас, как ее?"» В изречении 32 также говорится о Марии Магдалине: "Трое шли с Господом все время. Мария, его мать, и ее сестра, и Магдалина, та, которую называли его общницей (κοινωνός). Ибо Мария – его сестра, и его мать, и его общница (ΤΕΥΣΩΤΡΕ)". К пониманию этих изречений в "Евангелии от Филиппа" следует подходить с учетом метафоричности его языка и общей направленности сочинения. Вопросы богословия рассматриваются в нем в духе гностических спекуляций о браке духовном и других таинствах, о символических и т.д.

Рассмотренные выше тексты, хотя и дают возможность составить некоторое представление о месте образа Марии Магдалины в литературе гностицизма, но по объему своему, по частоте упоминаний этого образа, по степени его раскрытия не идут в сравнение с тем, что дает такой памятник, как "Пистис София".

Текст, содержащийся в коптском пергаменном кодексе, датированном временем между 340 и 360 гг.²², принято обозначать либо по сохранившемуся названию одной из его четырех частей – "Пистис София", либо – по наименованию самого кодекса (Лондонский, Аскевианский). Он представляет собой перевод с греческого. Время, к которому приурочивают составление оригинала, зависит от того, с кем связывают памятник. Поэтому пять гипотезам о возможном авторе сочинения – валентинианец, последователь Марка, офит, архонтик, гностик в узком смысле слова²³ – отвечают даты – от II в. по 20-е годы IV в.²⁴

"Пистис София" (именно так будем в дальнейшем называть эту рукопись), хотя и известна с конца XVIII в., исследована сравнительно мало. В рукописи 356 страниц, по форме это диалог: возвратившийся к ученикам после своего вознесения Иисус, беседует с ними на горе Элеонской. Из собеседников Иисуса названы Иоанн, Петр, Андрей, Филипп, Фома, Матфей, Мария-мать, а также другие ученики и женщины. Однако главная роль среди них принадлежит Марии Магдалине. Ее имя повторяется в тексте десятки раз, из 46 вопросов, заданных Иисусу, 39 поставлены ею. Но, разумеется, дело не в числе упоминаний. Здесь невозможно так же полно, как это было сделано по другим текстам, ознакомить читателей с материалом, содержащимся в "Пистис Софии" и имеющим отношение к образу Марии Магдалины – его слишком много. Поэтому остановимся только на некоторых, принципиально важных особенностях его, цитируя лишь наиболее показательные места.

²² Tardieu M., Dubois J.-D. Introduction à la littérature gnostique. P., 1986. Vol. 1. P. 66.

²³ См.: Epiph. Panarion. XXVI.

²⁴ Tardieu M., Dubois J.-D. Introduction... С. 80–82.

Именно этот памятник дает возможность судить о роли образа Марии в композиции всего текста. ("Евангелие от Марии" не позволяет этого сделать, так как оно дошло с большими изъянами.) Диалог разворачивается вокруг тайн мироздания, которые Иисус обещает открыть своим слушателям. В тексте об этом говорится многократно в таких словах: «Тогда сказал им Иисус милостивый: "... Так, с этого часа я буду говорить с вами открыто от начала истины до ее совершенства, и я буду говорить с вами лицом к лицу без притчи; я не скрою от вас с этого часа ничего из тех, которые принадлежат Вышине, и тех, которые принадлежат месту истины. Ведь мне дана власть Неизреченным и первой Тайной всех тайн говорить с вами – от начала до Полноты (πληρωμα) и от внутреннего до внешнего и от внешнего до внутреннего. Так, слушайте, я скажу вам обо всем"» (С. 8–9, гл. 6)²⁵.

В первый раз имя Марии упомянуто на странице 26 коптской рукописи в главе 17. Она откликается на призыв Иисуса дать толкование сказанному им: «Когда это, вот, он сказал своим ученикам, он сказал им: "Кто имеет уши слышать, да слышит!" И было, когда Мария услышала эти слова, которые сказал Спаситель, она устремила свой взор в воздух на час и сказала: "Господи, вели мне говорить открыто!" Ответил Иисус милостивый, он сказал Марии: "Мария, блаженна, то, что я совершу во всех тайнах тех, которые принадлежат Вышине, скажи открыто, ты, которой сердце более, чем всех твоих братьев, направлено в Царствие Небес"». За этим идет речь Марии с ее объяснением услышанного. По окончании же ее слов следует реплика Иисуса с похвалой Марии: «И было, когда Мария кончила говорить эти слова, он сказал: "Хорошо, Мария, ибо блаженна ты перед всеми женами, которые на земле, ибо будешь ты – Полнота всяческой Полноты и совершенство всех совершенств"» (С. 28, гл. 19). Далее вопрос Марии, обращенный к Иисусу, позволяет ему развить сказанное им. Вопросы и ответы сменяют друг друга, причем значимость произносимого Марией оттеняется одобряющими словами Иисуса. В беседу вступают остальные ее участники, но ведущая роль Марии сохраняется, ее вопросы, ее реплики часто задают направление движению диалога.

Эта первенствующая роль Марии подчеркнута ревностью Петра. Тема уже знакомая по другим текстам, – она трижды возникает и в "Пистис Софии". В главе 36 (С. 58) вспыхивает Петр: «И было, когда Иисус сказал эти слова своим ученикам, он сказал: "Понимаете ли вы, как говорю я с вами?" Вскочил Петр, он сказал Иисусу: "Господи мой,

²⁵ Ср. С. 15, гл. 8; С. 15–16, гл. 9, и мн. др. Этот и следующие переводы с коптского выполнены автором по изд. текста: Pistis Sophia / Neu Hrsg. von C. Schmidt // Coptica. 2. Copenhagen, 1925. При цитировании "Пистис Софии" "С." означает страницу по этому изд., а "гл." – главу, согласно делению Х. Шмидта в немецком пер. См.: Schmidt C. Koptisch-gnostische Schriften. 2. Aufl. B., 1954.

не можем мы терпеть эту женщину²⁶, отнимающую у нас место и никому из нас не дающую говорить, но говорящую много раз"». Вторично о враждебности Петра говорит Мария в главе 72 (С. 162): «И было, когда первая Тайна²⁷ кончила говорить эти слова ученикам, Мария вышла вперед, она сказала: "Господи мой, мой ум (νοῦς) разумен (νοερός) во всякое время, чтобы заставить меня выйти вперед всякий раз и возвестить разрешение слов, которые она²⁸ сказала; но я боюсь Петра, потому что он угрожает мне и ненавидит наш род." Когда же она сказала это, первая Тайна сказала ей: "Каждому, кто будет исполнен в Духе света, никто не сможет помешать выйти вперед и возвестить разрешение того, что я говорю. Теперь, вот, ты, Мария, возвести разрешение слов, которые сказала Пистис София"». Здесь отношение Петра к Марии переведено в план более общего вопроса об отношении к женскому роду в целом. С другой стороны, причина раздора оказывается несостоятельной перед равным для всех условием "быть исполненными в Духе света". Наконец, в главе 146, С. 377 после вопросов Марии и Саломеи Петр ропщет снова: «Петр сказал: "Господи мой, довольно женщинам спрашивать, (надо) чтобы мы тоже спросили". Сказал Иисус Марии и женщинам: "Дайте место вашим братьям – мужчинам, чтобы они тоже спросили"».

В "Пистис Софии" различимы два плана изложения. Один, – которому отвечают указания на то, когда и где происходит беседа, что как бы вписывает ее в историческую реальность. Тому же плану принадлежат весьма искусно намеченные средствами диалога характеристики отдельных персонажей: Петра с его суровым неприятием женщин в гносисе, Марии Магдалины, живо отзывающейся на всякое слово откровения, Филиппа, кладущего книгу наземь в негодовании от того, что ему не дают возможности высказать свои мысли (С. 71, гл. 42), терпеливого Фомы (С. 81, гл. 46) и других. Иной же план представляет собой речь Иисуса о "тайнах от внешней части внешних частей до внутренней части внутренних частей". Но граница между этими планами достаточно зыбкая.

Уже из первых страниц "Пистис Софии" следует, что участники диалога о тайнах мира горнего – сами от него по своему происхождению ("Ваши же души принадлежат Вышине" – С. 11, гл. 7). Да и содержание того, о чем говорит Иисус, предполагает живой отклик учеников, их предрасположенность к пониманию выслушиваемого. В главе 94, С. 218 Иисус призывает каждого из учеников "вести перед собой силу понимания (ἀίσθησις) света", чтобы слушать собранно; в главе 46, С. 84, похвалив учеников за то, что они "разумные и духовные", он

²⁶ Из предыдущего ясно, что речь идет о Марии Магдалине.

²⁷ Так назван Иисус.

²⁸ Пистис София.

говорит: "И после этого я наполню вас всем светом и всей силой духа, чтобы вы поняли отныне все, что я скажу вам"; в главе 83, С. 184–185 Мария обращается к Иисусу со словами: "... нет никого в мире людей, ни в Вышине эонов, кто мог бы сказать нам ответ о словах, о которых мы спрашиваем, если не ты один..., ибо мы не спрашиваем так, как спрашивают люди мира, мы вопрошаем о знании Вышины, которое ты дал нам, и мы вопрошаем о виде превосходного вопрошания..." На это отвечает Иисус: "Радуйтесь великой радостью и ликуйте весьма, весьма; если вы спрашиваете меня обо всем надежно, я возликую весьма, весьма, ибо вы спрашиваете меня обо всем надежно и вы спрашиваете так, как должно спрашивать".

В ходе этого диалога-наставления персонажи сами становятся участниками откровения, получателями его. Постепенно роли подателя откровения и получателя сближаются. Кульминация в этом описании пути гносиса приходится на формулы отождествления, хорошо известные в мистической литературе разного рода²⁹. Эти формулы произносит Иисус, говоря о тайне Неизреченного. Приведем в выдержках это место, позволяющее ясно увидеть тот новый план, в котором предстают получающие откровение персонажи: "Ныне же, воистину, говорю вам это: каждый человек, который примет сию тайну Неизреченного, тот, который исполнится во всех ее видах и во всех ее расположениях, это человек, который в мире, но он превосходит всех ангелов и он превзойдет их всех еще более; это человек, который в мире, но он превосходит всех архангелов и превзойдет их всех еще более; это человек, который в мире, но он превосходит всех тиранов и он превзойдет их всех; это человек, который в мире, но он превосходит всех господ и он превзойдет их всех; это человек, который в мире, но он превосходит все звезды и он превзойдет их всех..." Следуют все новые определения, построенные по одному образцу. И далее: «... Это человек, который в мире, но восцарствует он со мной в моем Царствии; это человек, который в мире, но он царь в свете; это человек, который в мире, но не от мира он. И, воистину, я говорю вам это: сей человек – это я, и я – это сей человек; и с разрешением³⁰ мира (κόσμος), то есть когда Все³¹ вознесется и когда число всех душ совершенных вознесется и когда я буду царем среди последнего Предстоятеля, будучи царем надо всеми исхождениями света... и над всем числом совершенных душ, тех, которые примут тайну в свете, тогда все люди, которые тайну Неизреченного примут, будут соцарствовать со мной, воссядут они

²⁹ См. Puech H.-Ch. *Gnostic Gospels and Related Documents* / Ed. Hennecke // NT Apocrypha / Ed. Hennecke. L., 1963. Vol. 1. P. 242.

³⁰ εἰς τὴν παύσησιν. Имеется в виду расторжение разных начал.

³¹ πᾶν τὸ ὄν. В других случаях употребляется греч. πᾶν ὄντα.

одесную и ошую меня в моем Царствии. И, воистину, говорю вам это: сии люди суть я, и я, я есмь они... Вот, почему я не побоялся и не постыдился назвать вас "братья мои и други мои", ибо будете соцарствовать вы в моем Царствии. Это, вот, я говорю вам, зная, что дам вам тайну Неизреченного, сиречь сия тайна есть я, и я есмь сия тайна» (С. 230–232, гл. 96).

В задачи статьи не входит исследование мироощущения, которое стало почвой для спекуляций о конце мира, преодолении плоти, очищении света. Равным образом мы не намерены рассматривать здесь путь гносиса, при котором приобщение к тайнам мироздания оказывается совпадающим с самопознанием приобщаемого. Это особые темы, однако в приведенных фрагментах материал для размышлений об этом есть. Мы же вернемся к образу Марии Магдалины, однако полностью вычленив его из мировоззренческих сюжетов откровения нельзя, поскольку с ними он связан очень тесно.

Партнерство Марии в диалоге-откровении дает знать о себе в наиболее ответственных местах его. Так, именно Мария вопрошает, превзойдут ли люди мира сего, те, которые обрели тайны света, исхождения Сокровищницы (света) в Царствии света (С. 190, гл. 85). Иисус отвечает на это, воздав хвалу Марии за ее вопрос: "Когда я поведу вас в Место наследования тех, которые получают тайны света, Сокровищница света, Место исхождений, будет для вас как пылинка или только как свет солнца днем" (С. 191, гл. 86). Далее Мария, истолковав сказанное Иисусом в духе евангельского изречения о последних, которые станут первыми, говорит: "Последние суть весь род человеческий, который будет первым в Царствии света..." (С. 199, гл. 87). За этим несколько ниже следует от автора: «И было, когда она сказала эти слова, Спаситель удивился весьма ответам (ἀλοφάστεις) слов, которые она сказала, ибо стала она Духом совсем чистым. Иисус снова ответил, он сказал: "Хорошо, духовная и чистая Мария. Это есть разрешение слов"» (С. 199–200, гл. 87).

Вновь обратившись к Иисусу, Мария объясняет, чем вызвана настойчивость ее вопрошаний обо всех вещах: "... ибо братья мои проповедуют это в роде человеческом, с тем чтобы они³² услышали, покаялись, спаслись от суровых судилищ лукавых архонтов, пошли к Вышине и унаследовали Царствие света. Так как, Господи мой, мы милосердны не только к себе самим, но мы милосердны ко всему роду человеческому, чтобы они спаслись ото всех судилищ суровых" (С. 201, гл. 88).

Показательно и другое место в произведении, где Мария вторично выступает в роли посредницы между Иисусом и учениками. Выслушав наставления Иисуса и его обещание говорить отныне об истинном

³² Имеются в виду люди.

месте Неизреченного и о роде его, ученики «... склонились и совсем ослабели. Тогда Мария вышла вперед, пала к ногам Иисуса, поклонилась им, вскричала, плача, и сказала: "Смилуйся надо мной, мой Господи! Разве братья мои не услышали и не ослабели от слов, которые ты сказал им? Ныне, вот, Господи мой, о знании всех этих слов, которые ты сказал, что они пребывают в тайне Неизреченного, – но я слышала, ты сказал мне: 'Отныне я начну говорить с вами обо всем знании тайны Неизреченного', – это, вот, слово, которое ты сказал, ты не приблизился к исполнению слова! Поэтому, вот, братья мои услышали, ослабели, кончили понимать (ἀίσθόνεσθαι), как ты говоришь с ними. По поводу слова, которое ты говоришь им, – ныне, вот, Господи мой, когда знание всего этого в сей тайне, каков человек, который в мире, кто сможет помыслить (νοεῖν) сию тайну, и все ее знания и вид всех этих слов, которые ты сказал о ней?" (С. 218, гл. 94).

Этот фрагмент не слишком легкий для понимания, видимо, искаленный коптским переводчиком, мы привели, чтобы дать возможность ощутить тон, в котором Мария Магдалина говорит с Иисусом. Она недоумеает, упрекает. Несмотря на обычную рамку, в которую включено обращение, сама манера вопрошания не униженная, Мария говорит с Иисусом как равная.

Если принять во внимание, что вопрос, вложенный автором "Пистис Софии" в уста Марии, позволяет ему в ответе Иисуса обнаружить самую суть умонастроения, в котором написано произведение, становится очевидным, сколь высоко тем самым поднята роль Марии, поучительницы этого откровения: «И было, когда Иисус услышал эти слова, которые сказала Мария, что ученики начали ослабевать, он ободрил их и сказал им: "Не скорбите, ученики мои, из-за тайны Неизреченного, думая, что вы не помыслите ее. Воистину, говорю вам это: ваша есть сия тайна. И каждый, кто услышит нас, он отречется от этого мира всего и вещества (ὄλη) всего, которое в нем, и отречется от всех мыслей лукавых, которые в нем, и отречется от всех забот эона сего. И ныне, вот, я говорю вам это: всякий, кто отречется от всего мира и всего, что в нем, и подчинится божеству (ΝΤΜΝΤΝΟΥΤΕ), тайна сия будет легче, чем все тайны Царствия света..."» (С. 219, гл. 95).

И, наконец, в той эсхатологической перспективе, которая намечена в словах Иисуса, место Марии Магдалины рядом с Иисусом: "Место, где буду я, там будут со мной двенадцать слуг³³. Но Мария Магдалина и Иоанн-девственник превьсят всех учеников и всех людей, которые примут тайну в Неизреченном, они будут одесную меня и ошую меня, и я есмь они, и они суть я..." (С. 232–233, гл. 96).

³³ Ср.: Матф. 12, 26.

Таковы некоторые из коптских текстов, где встречается образ Марии Магдалины. Мы старались привлечь внимание к его связи с темой гностицизма, окрашенного чувством отворачивания к земной реальности, желанием уйти от нее в нематериальное, погрузиться в тайны ведения, освободить заточенный в человеке свет и растворить его в Едином.

Что же отличает этот образ в литературе гностицизма от известных по Новому Завету христианских преданий о Марии, женщине из Галилеи, уроженке Магдалы, ревностной последовательнице Иисуса Христа?

Прежде всего – та роль получательницы откровения, которой удостоена Мария. Эта роль, весьма важная в литературе, ориентированной на откровение, сопутствующее тайной посвященности. Историзирующая манера, которая присуща евангельскому рассказу в Новом Завете о жизни Иисуса Христа в мире людей, об уверовавших в него, среди коих была и Мария Магдалина, уступает в коптских текстах манере совсем иной, отвечающей гностической апокалиптике и экзегезе, которая разворачивается в беседах воскресшего Иисуса с избранными учениками. Тут в образе Марии проступают новые черты. Она – не только получательница и истолковательница откровения, но и сама оказывается принадлежащей той сакральной реальности, которая ей открывается.

Образ как бы двоится. Нечто привязывает его к вполне конкретным обстоятельствам (место, время беседы, имена участников), имеющим, видимо, целью придать достоверность всему повествованию. Средства диалога достигается также известная прорисовка характера Марии. А вместе с тем, образ метафизичен и, как таковой, может быть сближен уже не с новозаветной Марией Магдалиной, а с Софией гностических мифов, с женскими ипостасями божества, встречаемыми в коптских текстах под именами Пронийи ("Апокриф Иоанна"), Протеной, ("Протенойа Триморфос") и т.д. В этом смысле спектр параллелей очень велик, что еще раз говорит о несводимости этого образа литературы гностицизма к христианской традиции Нового Завета.

**ЖЕНЩИНЫ-ПРАВИТЕЛЬНИЦЫ ПОНТИЙСКОГО
И БОСПОРСКОГО ЦАРСТВ
(ДИНАМИЯ, ПИФОДОРИДА, АНТОНИЯ ТРИФЕНА)***

В истории Понтийского и Боспорского царств женщины-правительницы сыграли очень заметную роль. Время их правления пришлось на период распада прежних эллинистических монархий и выдвигания новой мировой державы – Римской империи. Укрепляя владения на Востоке, римские императоры стремились обезопасить границы империи от многочисленных варварских и полуварварских соседей, которые постоянно беспокоили римские восточные провинции своими вторжениями. Создание системы небольших, но многочисленных буферных царств на месте прежних эллинистических государств, потерпевших поражение в противоборстве с Римом, было призвано защитить интересы Империи. С этой целью римляне не форсировали их романизацию, напротив, они способствовали сохранению там эллинистических устоев и нравственных ценностей, в основе которых лежала древняя эллинская культура, переплетенная с местными традициями. Однако, римляне допускали сохранение местных традиций в этих царствах лишь до известного предела. Как только они чувствовали, что создается непосредственная угроза их интересам и влиянию, они тотчас же делали все для превращения царств в провинции.

В этой системе отношений Понт и Боспор занимали далеко не последнее место, сумев, по крайней мере, на рубеже нашей эры и на протяжении I в. н.э. не только противостоять экспансии варваров, но и допустить минимальную романизацию, т.е. активно воспротивиться тем процессам, которые неизбежно возникали с распадом и гибелью эллинистических мировых монархий. Сохранению эллинизма в Причерноморье (Боспор, Фракия, Иберия, Колхида), Малой Азии (Понт, Каппадокия, Коммагена, Киликия), Передней Азии (Иудея, Мидия, Атропатена, Кавказская Албания, Армения Великая и Малая) способствовало длительное противоборство Парфии и Рима. Опасаясь, что парфянам

* © С.Ю. Сапрыкин, 1995.

удастся привлечь так называемые "малые" государства на свою сторону, римляне активно влияли на династийную политику этих государств, стремясь расставить в этих царствах монархов и династов по своему усмотрению для того, чтобы обеспечить проведение ими римской политики. Поэтому внутренние процессы развития, социально-экономические отношения, культура, местные традиции как бы остались вне поля зрения римлян, помогая консервации эллинистических порядков и установлений.

В конце I в. до н.э. – первой половине I в. н.э. в "малых" монархиях Переднего Востока и Причерноморья развивались те же процессы, которые в большинстве государств региона происходили в предшествующее время, по общепринятой традиции называемое эллинистическим периодом. Благодаря длительному сохранению полисных структур, обширной "хоры", населенной варварскими племенами, отсутствию римского завоевания, в "малых" государствах наблюдалось сильное влияние эллинизма во всех сферах внутривосточной жизни и государственной власти. Применительно к Боспорскому царству это стало результатом вхождения его в состав державы Митридата VI Евпатора, крупнейшего оплота эллинизма на Востоке. Помноженные на питательную почву сарматского проникновения многие элементы эллинистической цивилизации возникли здесь плоть от плоти греко-иранского симбиоза. В настоящее время теоретически оправданно расширить хронологические рамки понятия "эллинизм", которому стало уже тесно в его традиционно зауженном виде – 323–30 гг. до н.э. Мы имеем полное право отнести к эллинистическим ряд государств, существовавших в первые века н.э. в качестве независимых, в том числе Понтийское и Боспорское царства при Полемонидах и последних Митридатах.

Осознавая историческую ответственность за судьбу их государств, уловив своим женским чутьем все нюансы политических интриг и коллизий тогдашней эпохи, женщины-царицы Динамия и Гипепирия на Боспоре, Антония Трифена во Фракии и в Понте, ее дочь Пифодорида Младшая во Фракии и особенно ее мать Пифодорида Старшая на Боспоре, в Понте, Колхиде и Каппадокии немало сделали для превращения своих государств во влиятельные эллинистические царства. Они, как никто другой, сумели использовать в своих интересах противоречия между Римом и варварской периферией, между романизацией и эллинизмом и тем сохранить эллинистические традиции как основу своей власти и государственности. Огромной их заслугой можно считать не только отстаивание независимости от Рима, но и закладывание фундамента для дальнейшего развития их государств по эллинистическому образцу. Как истинные представительницы эллинистического мира, женщины-правительницы ради достижения государственных, а значит и своих собственных интересов, не гнушались никакими средствами, поступая в то же время расчетливо и умно.

Несмотря на довольно пристальный интерес ученых к истории Понта и Боспора рубежа н.э., не обделивших своим вниманием и означенных цариц¹, специального исследования о роли женщин-правительниц на Боспоре и в Понте до сих пор нет. Большая часть исследований по этой эпохе посвящена римской восточной политике² или непосредственно истории этих царств³, а женщинам-царицам отводится в них лишь второстепенное место. Чуть больше внимания к царственным женщинам уделяется в нумизматических работах (Т. Рейнак, У. Каршted, А.В. Орешников, Х. Бальдус, Н.А. Фролова), однако они, в основном, касаются времени их правления и монетного дела⁴. В эпиграфических исследованиях (Т. Моммзен, Э. Курциус, Х. Дессау, А.И. Болтунова) разбираются преимущественно династические и родственные связи правительниц, а анализ сущности их власти существенно им уступает⁵. Что касается личных качеств, характера и поступков цариц, наложивших отпечаток на их правление, то можно упомянуть только работу Г. Макардди о женщинах-властительницах в период ранней Империи⁶. Однако она уже значительно устарела и имеет справочный характер. Вот почему в данной статье мы попытаемся уделить основное внимание личностным качествам правительниц Понта и Боспора, наложивших отпечаток на их гибкую политику как по отношению к Риму, так и во внутренней жизни их государств. Разумеется, невозможно обойти и некоторые вопросы хронологии, династийной политики, родственных связей и социально-политического положения в означенных царствах.

В хронологическом ряду первой стоит царица Боспора Динамия. Она родилась приблизительно в конце 60-х годов до н.э., поскольку в 47 г. до н.э. ее предлагал в жены Гаю Юлию Цезарю отец, Фарнак II, сын Митридата VI Евпатора, дабы продемонстрировать свою показную

¹ Орешников А.В. Пифодорида и ее род в Понтийском царстве // ИТУАК. 1902. № 4. С. 1–16; Ростовцев М.И. Бронзовый бюст боспорской царицы и история Боспора в эпоху Августа // Древности. 1914. Т. XXV. С. 12 и след.; Яйленко В.П. Династическая история Боспора от Митридата Евпатора до Котиса I // Эпиграфические памятники и языки древней Анатолии, Кипра и античного Северного Причерноморья. М., 1990. С. 135 и след.

² Sherwin-White A. Roman Foreign Policy in the East. Oklahoma, 1984. P. 307 et suiv.; Buchheim H. Die Orientpolitik des Triumvirn M. Antonius. Heidelberg, 1960. S. 53 et suiv.

³ Magie D. Roman Rule in Asia Minor. Princeton, 1950. Vol. I–II. P. 433–561; Sullivan R.D. Dynasts in Pontus // ANRW. 1980. Bd. II. 7, 2, S. 913–930.

⁴ Фролова Н.А. О времени правления Динамии // СА. 1978. № 2. С. 53. и цит. там лит.

⁵ Ср., например: Болтунова А.И. Надпись Пифодориды из раскопок Гермонассы // ВДИ. 1989. № 1. С. 86–91; Mommsen Th. Reges Thraciae inde a Caesare dictatore // Ephemeris Epigraphica. 1875. Vol. II. P. 256; Dessau H. Ephemeris Epigraphica. 1903–1913. Vol. IX. F. 4. P. 691–704.

⁶ Macurdy G. Vassal-Queens and Some Contemporary Women in the Roman Empire. Baltimore, 1937. P. 30–47.

Рис. 1. Сифо. Геркуланум. Около 350 г. до н.э.

верность римлянам в отвлечь их от его планов восстановить родовое отцовское царство (*App. BC. II. 91*). Как внучка Митридата Великого, Динамия с детства впитала обычаи восточных эллинистических деспотов, у которых корысть и политика, деспотизм и интриги тесно взаимодействовали друг с другом. Уже в молодом возрасте будущая царица знала, что для достижения цели можно не брезговать никакими средствами, даже полностью безнравственными. Оказавшись довольно рано без поддержки отца, который, не сумев возродить единое

Понтийское царство, пал жертвой заговора своего приближенного Асандра, Динамия столкнулась с прямой угрозой потерять наследственную власть, а также и жизнь. Недовольные продолжавшейся в традициях Митридата VI политикой ограничения полисных свобод боспорские греки и разочарованные военными неудачами Фарнака II местные племена поддержали притязания на боспорский престол Асандра, по происхождению грека, которого отец молодой царевны оставил вместо себя наместником Боспора (*Ps.-Luc. Macr. 17*). Когда столица Боспора, Пантикапей, оказалась окончательно в руках сторонников Асандра, тотчас возник вопрос о новом царе и смене Ахеминидо-Митридатовой династии. В этой сложной ситуации Динамия проявила большую тактическую мудрость зрелого политика.

Асандр, не имея никаких прав на власть над Боспором, был вынужден поначалу ограничиться лишь титулом архонта, а не царя. Во-первых, это произошло потому, что его предшественник, Фарнак II, был официально утвержден на царствование Римом, в то время как Асандр, насильно свергнувший Фарнака, выглядел в его глазах простым узурпатором. С официальной точки зрения, у законной наследницы Динамии было больше оснований на власть, нежели у него. Во-вторых, в первые годы правления Асандр во многом зависел от поддержки городов, в то время как варварская периферия Боспора, получившая от Митридата Евпатора и Фарнака немало привилегий, в том числе и земельных, колебалась в безоговорочной его поддержке. За Митридатидами стояли мощные силы сторонников в лице военно-хозяй-

ственных поселенцев в царских крепостях и усадьбах на хоре, привлеченных преимущественно из местных племен, которым эти цари давали землю для поселения и обработки⁷. Эта сила представляла собой большую угрозу, и Асандру следовало как-то привлечь ее на свою сторону. Ведь в противном случае любой призыв против него грозил ему немалыми бедами.

Динамия, осознавая те возможности, которые имели сторонники ее династии в случае открытой конфронтации с Асандром, тем не менее ими не воспользовалась, так как опасалась, что в случае выступления против узурпатора греческие города царства откажут ей в поддержке. Ведь за годы правления ее отца и деда они понесли немалый экономический и политический урон, и в решающий момент могли нанести царице удар в спину. Конфронтация с эллинами могла вылиться в кровавую междоусобную войну на Боспоре, а это не отвечало интересам царицы, ибо неизбежно вызвало бы вмешательство римлян и свержение ее династии. Оставался единственный выход – брак с узурпатором и убийцей отца, который, как она рассчитала, должен был быть выгоден обоим партнерам. Ведь он позволял Асандру закрепить легитимные права на престол, заручиться поддержкой местного населения и добиться признания Рима, недовольного свержением и убийством Фарнака даже несмотря на вражду его к Республике. Для Динамии этот брак открывал возможность сохранить за собою трон, а все царство за династией Митридатидов, продолжить политику отца и деда, которая возвысила их на ведущие роли в эллинистическом мире.

Римляне в лице Марка Антония, который после победы над республиканцами при Филиппах в 42 г. до н.э. расставлял в зависимых царствах верных людей, охотно санкционировали этот супружеский, а точнее политический союз, скрепленный интригами и корыстью. В глазах Рима Асандр, проводивший филэллинскую и проримскую политику вследствие своей ориентации на полисы, и Динамия, за которой стояли митридатовские сторонники из числа военных колонистов-клерухов, как бы уравнивали друг друга, создавали баланс внутриполитической стабильности на Боспоре. А это было выгодно Риму, так как в третьей четверти I в. до н.э. после разгрома легионов Марка Красса Парфянское царство вновь окрепло и создавало угрозу римским владениям на Востоке. Для их безопасности требовалась целая сеть достаточно сильных и стабильных вассальных царств, в число которых попало и Боспорское государство.

Мы, к сожалению, не знаем, в какой мере царица Динамия влияла на характер внешнеполитического курса Асандра, поскольку сведений об

⁷ Сапрыкин С.Ю. Митридатовские традиции в политике Боспора на рубеже нашей эры (время Фарнака и Асандра) // Античность и варварский мир. Орджоникидзе, 1985. С. 63–86.

этом не сохранилось. Известно одно: в конце 40-х—конце 20-х годов до н.э. Боспор значительно усилился, приобрел ряд новых территорий. Основу могущества Асандра, теперь, после брака с Динамией, царя, стали составлять в основном военно-хозяйственные поселенцы на хоре, прежде бывшие опорой его супруги⁸. В результате промитридатовской политики и возрождения военно-административной системы управления землями государства, введенной еще Митридатом Евпатором, а в Понте и того раньше, Асандр превращался во все более и более независимого от римлян царя. Этим вызвал подозрение у нового императора Августа, усмотревшего в его могуществе потенциальную угрозу римским интересам на Востоке. В результате по совету своего ближайшего сподвижника Марка Випсания Агриппы Август принял решение изменить соотношение сил на Боспоре в пользу Динамии и добиться отстранения ее мужа от власти. Сказалось, вероятно, и то, что своим возвышением Асандр был во многом обязан Антонию, имя которого, особенно после недавней битвы при Акции, вызывало у Августа приступы ярости.

Признанием со стороны нового императора завершился первый период пребывания Динамии у власти. Он характерен тем, что внучке Митридата Великого удалось закрепиться на престоле, сохранить за династией своих предков власть пусть даже путем возведения в царский сан Асандра и ухода на время на вторые роли законной наследницы. Однако присутствие рядом с мужем во всех его начинаниях, соучастие в его филэллинской и филороманской политике укрепили престиж царицы в глазах римлян. А это изменило к ней отношение и греческих городов Боспора, которые за годы совместного правления Динамией и Асандра получили значительно больше автономии и политических привилегий, нежели при Митридате VI и Фарнаке. Если сопоставить политические дивиденды за эти годы, то становится очевидно, что козыри в негласном соперничестве Асандра и Динамии окажутся на стороне последней.

Это обстоятельство и учел Август, когда в 22–20 годах до н.э. вместе с Агриппой отправился на Восток и приступил к реорганизации вассальных и зависимых царств. На Боспоре он отказал в поддержке Асандру, не санкционировав выпуск им золотых монет от 22 и 20 годов до н.э. Динамии же, напротив, разрешил выпустить золотой статер в 20 г. до н.э. по эре, которой пользовались при отсчете годов правления ее дед и отец⁹. Этим Рим давал понять, что желает откататься от услуг своего прежнего "друга" Асандра и намерен поддер-

⁸ Сапрыкин С.Ю. Аспургиане // СА. 1985. № 2. С. 65–78.

⁹ Карышковский П.О., Фролова Н.А. Правление Асандра на Боспоре по нумизматическим данным // Древнее Причерноморье. Одесса, 1960. С. 91; Сапрыкин С.Ю. Уникальный статер боспорской царицы Динамии // СА. 1990. № 3. С. 204 и след.

Рис. 2. Монеты Боспора и Понта (прориси): 1. Статер царицы Динамии. Боспор. Золото. 16 г. до н.э.; 2, 3. Монеты понтийских царей Полемона II и Антонию Трифены; 4. Монета царицы Понта Пифодориды

жать промитридатовские круги во главе с Динамией. Надпись-посвящение Посейдону Сосинею и Афродите Навархиде, поставленная боспорским навархом Панталеоном в царствование царя Асандра и царицы Динамии, показывает, что оба супруга-правителя пользовались на Боспоре равными правами в управлении государством. Поскольку в надписи Динамия выступает на равных с царем Асандром, можно предполагать, что в 30–20-е годы до н.э. влияние царицы существенно повысилось. Не исключено, что надпись появилась уже в то время, когда в результате деятельности Августа и Агриппы в 22–20 годах до н.э. по подрыву власти неугодного им Асандра роль его жены Динамии как правительницы Боспора значительно возросла (КБН. 30). Опираясь на эту надпись, некоторые исследователи, например М.И. Ростовцев и Г. Макардя, склонны были даже допустить возможность раздела царства между обоими супругами или их соправительства¹⁰.

До нашего времени дошла серия эпитафических памятников, поставленных самой Динамией или кем-либо в ее честь в крупнейших городах Боспора Пантикапее, Фанагории, Гермонассе и на периферии, а также почетный декрет в честь ее посла в Херсонесе Таврическом Аминия (КБН. 978; 979; 31; 38; 1046; РЕ.Г².354). Имеются также два уникальнейших золотых статера 20 и 16 гг. до н.э., датированных по вифино-понтийской (боспорской) эре и выпущенных одной Динамией без какого-либо намека, как и вышеуказанные надписи, на ее мужа царя

¹⁰ Ростовцев М.И. Указ. соч. С. 13; Macurdy G. Op. cit. P. 30–33; Rostovtzeff M.I. Queen Dynamis of Bosphorus // JHS. 1919. Vol. 39. P. 39.

Асандра. Статер 16 г. до н.э. (рис. 2.1) совпал по времени с годом выпуска последнего золотого царя Асандра, датированного по эре его собственного правления. Использование Асандром своей эры не согласуется с одинаковыми правами царя и царицы в вышеупомянутой надписи Панталеона, что дает право предположить появление этой надписи в те годы, когда Динамия получила от римлян право на выпуск своего золотого статера и отсчета годов правления по эре отца и деда (см. примеч. 9).

Однако, если ее первый статер еще дает право думать о совместном правлении, но с разделением власти между мужем и женой, то второй золотой от 16 г. до н.э. не оставляет никаких сомнений в том, что в означенном году престарелый Асандр умер, не выдержав борьбы с неким Скрибонием, начавшим против 90-летнего царя вооруженную борьбу (*Ps.-Luc. Масг.* 17). Из относящегося к этому заключительному этапу царствования Асандра свидетельства Диона Кассия следует, что под давлением римлян Асандр был вынужден передать престол Динамией (*Dio Cass. LIV.24*). В ознаменование этого события, как полагают, и был выпущен золотой статер царицы Динамии 16 г. до н.э.¹¹ Эти разноречивые и отрывочные свидетельства, лишь отдаленно связанные между собой по смыслу, породили в научной литературе множество взаимоисключающих друг друга гипотез о последних годах правления внучки Митридата Евпатора. В настоящее время, когда отдельные эпизоды из жизни царицы Динамии поставлены в результате новых находок в логическую цепь последовательных событий, картина заключительного этапа ее царствования более или менее ясна и вкратце сводится к следующему.

В начале последней четверти I в. до н.э., когда Рим упорно пытался дискредитировать Асандра, открыто противопоставляя ему свою поддержку Динамии, на Боспоре появился некто Скрибоний, который выдавал себя за внука Митридата Евпатора и утверждал, что лично Август сделал его царем (*Ibid. LIV. 24.4*). Этот Скрибоний, вероятно, действительно был человеком Августа, поскольку происходил из императорских вольноотпущенников, будучи, скорее всего, отпущенником первой жены Октавиана Скрибонии¹². В настоящее время в нашем распоряжении имеется латинская надпись из Регия, в которой упоминается Луций Скрибоний, отпущенник (*libertus*) жены Цезаря Скрибонии. Ее датируют 40/39 г. до н.э., когда Скрибония действительно

¹¹ Латышев В.В. ПОНТИКА. СПб., 1909. С. 100; Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. М.; Л., 1949. С. 315; Hennig R. Die Regierungszeit des Asander // Berliner Münzblätter. NF. 29 Jahrg. 1908. N 78/79. S. 86; Macurdy G. Op. cit. P. 30.

¹² О совпадении имен жены Октавиана и боспорского "самозванца", которого в этой связи считали римским ставленником в предположительном варианте, высказывались уже Х. Дессау, В.Д. Блаватский, В.П. Яйленко (см.: Яйленко В.П. Указ. соч. С. 135) и автор этих строк (см.: Сапрыкин С.Ю. Уникальный статер... С. 210).

была женой Октавиана. Высказывались предположения, что эта строительная надпись может относиться к Л. Скрибонию Либону, брату Скрибонии, супруги будущего императора. Однако, Шантрен и Я. Линдерски выдвинули убедительные доказательства, что речь в надписи должна идти о вольноотпущеннике Скрибонии, носившем имя его бывшей госпожи¹³. Поэтому не исключено, что после развода Октавиана со Скрибонией, Луций Скрибоний мог сохранить верность своему бывшему патрону, а когда тот стал императором, перейти к нему на службу. Если это так, то он вступил в открытую военную конфронтацию с Асандром по распоряжению самого императора или его сподвижника Агриппы, главного творца восточной политики Августа.

Перед ним была поставлена задача добиться ослабления Боспора путем ликвидации ненавистой Риму военно-административной системы управления царскими землями – основы власти Митридатидов в Понте и на Боспоре. Однако, римляне учли, что широкие слои населения, особенно выходцы из варварской среды и эллинизованная верхушка местной знати, получившая землю за службу династам и искавшая новые источники обогащения за счет военных действий, поддерживала Динамию, видя в ней сторонницу исконно эллинистических традиций и продолжателя дела отца и деда. Поэтому Август не мог открыто ставить вопрос о свержении законной царицы, в то время как низложение Асандра, пришедшего к власти незаконно, представлялось более реальным делом.

И хотя Август и его окружение втайне рассчитывали в конечном итоге покончить и с Динамией, дабы окончательно похоронить память о Митридате Евпаторе, им все-таки пришлось признать царицу своим другом, как о том свидетельствуют ее надписи. Вот почему Август не посмел тотчас же провозгласить Скрибония царем Боспора, хотя очень этого желал, оставив за ним право добиваться царского титула самому путем демагогического использования популярных еще митридатовских лозунгов и имени понтийского монарха. Вполне вероятно, что римляне опять наметили объединить Понтийское и Боспорское царства в одно целое под своим сюзеренитетом.

К чести Динамии она сразу раскусила хитроумные планы Августа и Агриппы. В своих надписях, которые, как мы старались показать в специальном исследовании, относятся к 22–14 годам до н.э., когда она практически единолично правила на Боспоре¹⁴, царица выражает глубокую признательность Августу и Ливии и делает в их честь посвящения. Придерживаясь общеримской политики переименования в честь Августа городов в разных частях Империи и в зависимых царствах,

¹³ *Linderski J. Julia in Regium // ZPE. 1988. Bd. 72. S. 181–200.*

¹⁴ *Сапрыкин С.Ю. Уникальный статур... С. 212; Он же. Понтийское царство. Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 1992. С. 42.*

Динамия изменила названия и крупнейших городов Боспора – Пантикапея или Гермонассы в Кесарию в честь Августа, а Фанагории – в Агриппию в честь М. Випсания Агриппы. Она расширила их политические права и свободы, предоставив право чекана собственных монет¹⁵. В своем титуле, наряду с указанием, что она дочь Фарнака и внука Митридата Евпатора, упоминалось, что она "друг римлян". Тем самым Риму внушалось, что царица не замышляет что-либо против своих благодетелей Августа и Агриппы.

Такая политика Динамии, которую, если оперировать современными понятиями, можно охарактеризовать как "политику двойного стандарта", имела свой глубокий подтекст. С одной стороны, она искренне благодарила императора за то, что получила, наконец, единоличную власть, которой была лишена узурпатором Асандром. С другой стороны, она заручилась поддержкой проримски настроенных городов Боспора, не желавших возврата к агрессивной политике Митридата VI и Фарнака, направленной против Рима. Делая реверансы в сторону римлянина, царица как бы заверяла подданных, что не желает возрождать объединенную Понтийско-Боспорскую монархию, а готова править лишь на Боспоре, пользуясь правами наследственной власти. Понимая, что Август и Агриппа стремятся создать единое государство на обоих берегах Эвксинского Понта, сделав, по примеру Митридата Евпатора, его ядром Боспорское и Понтийское царства, но уже под римским контролем, Динамия демонстрировала боспорцам, что это Рим, приславший самозванца Скрибония, стремится покончить с независимостью Боспора. Тем самым она укрепляла собственный престиж, а население царства – горожан, племена и поселенцев на хоре (катоиков и клерухов) – восстанавливала против Скрибония и стоявшего за его спиной Рима. Как нам представляется, это типичная политика ее деда Митридата Евпатора, который путем двурушничества и видимой покорности римлянам в других исторических условиях пытался отстоять независимость своего государства и возвысить собственную власть.

В сложившейся непростой ситуации царица действовала смело и расчетливо. Видя, что ее поддерживают промитридатовски настроенные круги и особенно жители обширной сельской территории Боспора, она решила выбить инициативу из рук Скрибония и римлян, которые пытались склонить эти слои населения на свою сторону, демагогически заявляя, что Скрибоний сын Митридата Евпатора. В то же время Динамии нельзя было уронить реноме "друга римлян" и утратить поддержку Августа и проримски настроенных кругов. Как отмечалось, Август не мог не учитывать силу Динамии и не отважился открыто требовать ее смещения, когда она рьяно демонстрировала ему свою

¹⁵ Фролова Н.А. Указ. соч. С. 53, 54; Она же. Монетное дело Боспора первых веков н.э. Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 1985. С. 9.

лояльность. И император пошел на санкционирование брака своего ставленника Скрибония и царицы Динамии, чтобы этим удержать Боспор в орбите римской политики, не допустив его сползания на рельсы вражды к Риму. Видимо, инициатива этого брака исходила от Динамии, которая хотела задобрить Рим и продолжать политику возвышения Боспора путем возрождения "митридатизма". И вот здесь могущественный повелитель Рима просчитался, а Динамия, хранительница эллинистических традиций, сумела его перехитрить.

Опасаясь создания единой державы под римской гегемонией, знаменем чего выступал Скрибоний, городское население Боспора и жители сельской периферии не поддержали притязания нового супруга их царицы на власть, на что, видимо, и рассчитывала Динамия. Вот почему во всех боспорских надписях, поставленных за годы ее правления, после смерти ее первого мужа Асандра, имя Скрибония не фигурирует вообще. Сама же царица выступает в этих надписях в блеске славы и величия. Видя тщетность усилий утвердить Скрибония на Боспоре и оттеснить Динамию от власти, Август отказался в дальнейшем поддерживать Скрибония, чем спровоцировал восстание боспорцев, воспользовавшихся этим для того, чтобы окончательно избавиться от неугодного претендента на царский трон. В результате этого выступления Скрибоний был убит (*Dio Cass. LIV.24.4*). Перемену в отношении Рима к своему протеже можно объяснить и тем, что Скрибоний переусердствовал в своей промитридатовской демагогии, убедив Августа и Агриппу, что с его помощью им вряд ли удастся уничтожить военно-административную систему и многочисленные укрепления, созданные на Боспоре Митридатом Евпатором, Фарнаком, Асандром и Динамией.

Таким образом и этот раунд в борьбе Рима с эллинистическими устоями в союзных ему государствах остался за Динамией: она сумела сохранить власть и укрепить социальную базу "митридатизма", отстоять свое право быть собственником царских земельных владений и властительницей многочисленного слоя военно-хозяйственных поселенцев, осевших на этих землях. Как и четверть века назад, когда она использовала политику Марка Антония по возрождению некоторых эллинистических традиций на Востоке, добившись сохранения престола за династией Митридатидов, так и теперь при Августе царица отстояла позиции этой династии и усилила государство как всецело эллинистическое образование.

Август и Агриппа не желали мириться с моральным фиаско своей политики в отношении Боспорского царства. Отказавшись от попытки подорвать могущество правящей династии изнутри, они решили прибегнуть к внешней силе, дабы покончить с остатками "митридатизма". Для этого они приняли решение окончательно завершить образование единого Понтийско-Боспорского государства, но во главе его поставить

совершенно постороннего для Митридатидов человека – понтийского царя Полемона I (рис. 3,1). Верный союзник Рима, он немало потрудился в Понте для ликвидации остатков восточного деспотизма Митридата VI, полностью отказавшись от политики укрепления царских земель и переориентировавшись на поддержку полисного землевладения, но разумеется, под царским контролем. Та же задача стояла перед ним и на Боспоре. Практически он должен был продолжить дело Скрибония, но не под знаменем сохранения митридатовских традиций, а наоборот, под лозунгом полного их искоренения. Боспорцы, по-прежнему не имевшие никакого желания входить в единое Панпонтийское государство под римским протекторатом, грозившее им потерей привилегий, а местной знати – земельных владений, подняли в 14 г. до н.э. восстание против нового римского ставленника. Они хотели видеть на престоле своего независимого царства столь любезную их сердцу Динамию, законную наследницу власти Великого Митридата. Восстание не на шутку встревожило Рим и лишь угроза прямого римского вторжения заставила боспорцев сложить оружие и покориться Полемену I (Ibid.).

Динамия вновь оказалась в двусмысленной ситуации, когда надо было отстаивать собственные интересы, не нарушая верности Риму. И уже в который раз Динамия прибегла к испытанному средству, согласившись на брак уже с третьим мужем – на этот раз с понтийским царем. Возможно, что этим она оставляла для себя надежду не только сохранить трон, но и при случае стать во главе единой Понтийско-боспорской монархии, чего не мог добиться силой ее отец. Однако на этот раз Август переиграл боспорскую царицу. Он рассчитал верно: если супруг Динамии ставит цель ликвидировать политическую и социальную опору власти его жены, то конфликт между ними возникнет в самое ближайшее время. С этими мыслями он, по сообщению Диона Кассия, и благословил очередной брак царицы. Действительно, получилось все так, как предполагал римский император.

Все, что мы знаем о Полемене I во время его пребывания на Боспоре, это то, что он вел непрерывные войны на его периферии, приводя к покорности местное население и особенно военно-хозяйственных колонистов, посаженных на землю Митридатидами¹⁶. Динамия, естественно не могла смириться с таким оборотом дела. Мы, к сожалению, не знаем, как сложилась судьба Динамии после того, как в 14 г. до н.э. она стала супругой Полемона I. Многие ученые полагали, что после скорого развода с понтийским царем, наступившем вследствие ее несогласия с его политикой или смертью мужа в 8/7 г. до н.э., царица удалилась на Азиатский Боспор, где имела наиболее мощную поддержку местных

¹⁶ Жибелев С.А. Северное Причерноморье. М., Л. 1953. С. 195 и след.; Сокольский Н.И. Таманский толос и резиденция Хрисалиска. М., 1976. С. 89–113.

племен, подняв там знамя борьбы с бывшим мужем или, в случае его смерти, против поддерживавших его римлян¹⁷. Однако ряд нумизматических и эпиграфических данных говорит о том, что этого скорее всего не было, так как Динамия скончалась около 12 г. до н.э. после примерно двух лет сожительства с Полемоном¹⁸. Как это произошло, источники умалчивают. Нельзя исключить и насильственное устранение царицы по приказу самого Полемона I, исполнившего задание римлян.

Это могло стать одной из причин обострения его отношений с боспорским населением, особенно с жителями сельских районов, до конца стоявшими за внучку Митридата Евпатора. Но факт остается фактом – римлянам в конце концов удалось избавиться от умной правительницы, и они приступили к ликвидации социальной базы "митридатизма" – военно-административного управления царскими землями и военно-хозяйственными поселениями, т.е. повторили то, что было сделано в Понте.

Для подрыва основ эллинистической боспорской государственности Август предпринял новый шаг: он соединил узлами брака царя Полемона и Пифодориду, полугречанку полуримлянку, внучку Марка Антония и Антонии, его первой жены, дочь Антонии Еввергетиды и знатного грека из Тралл Пифодора¹⁹. Этот брак состоялся уже после смерти царицы Динамии, очевидно, в 12 г. до н.э. или в следующем. Дата вычисляется по косвенным признакам: поскольку в 8/7 г. до н.э. Полемон погиб на Азиатском Боспоре, а Пифодорида родила ему троих детей – сыновей Полемона и Зенона и дочь Антонию Трифену, то в браке с новой царицей Полемон состоял не более четырех–пяти лет, а в браке с Динамией не более двух лет. И все же цель, которую преследовал император Август, была достигнута: с политической арены была наконец устранена династия Митридатидов, которая принесла столько хлопот Риму на протяжении целого столетия. Теперь у власти в Понте и на Боспоре встали люди, не связанные с Ахеменидо-Митридатовскими традициями, что позволяло им беспрепятственно претворять в жизнь римский план как можно скорее превратить Боспор в протекторат Империи.

Однако уже в который раз в эти далеко идущие проекты вмешались непредвиденные обстоятельства, в значительной мере связанные с судьбой двух женщин – Динамии и Пифодориды. Оказалось, что от почти 25-летнего сожительства Динамии с Асандром у нее остался сын

¹⁷ *Ростовцев М.И.* Эллинизм и иранство на юге России. Пт., 1918. С. 146–148.

¹⁸ *Фролова Н.А.* О времени правления Динамии. С. 51–60; *Она же.* Медные монеты Боспора конца I в. до. н.э. – начала I в. н.э. // НЭ. 1989. Т. XV. С. 3; *Болтунова А.И.* Указ. соч. С. 86–91.

¹⁹ *Орешников А.В.* Об эре на монетах Пифодориды, царицы Понта. М., 1885. С. 8–11.

Аспург (КБН, 40), который обладал законным правом как со стороны матери, так и со стороны отца занять престол в Боспорском царстве. И он не преминул этим воспользоваться. О том, что, произошло с Пифодоридой после смерти Полемона, мы хорошо осведомлены благодаря ее современнику Страбону: после совместного царствования вместе с мужем на Боспоре и в Понте, Пифодорида наследовала царскую власть (*Strab.* XII.3.29). Если учесть, что в момент гибели отца дети Пифодориды были еще совсем маленькими (самому старшему сыну было всего три года от роду), то совершенно естественно, что власть перешла к матери, внучке Марка Антония. Династия Полемонидов, к которой теперь принадлежала и Пифодорида, пользовалась особым покровительством покойного триумвира, что дало право Полемену I присвоить себе его римские личное и родовое имена. Уже одно только родство с триумвиром давало право Пифодориде на единоличную власть, даже не вступая официально в опекунство малолетнего наследника Полемона I. Получив неожиданно власть на Боспоре, Пифодорида решила поначалу засвидетельствовать признательность императорской чете за утверждение ее в качестве наследницы династии Полемонидов. Как в свое время Динамия, она сделала благодарственное посвящение за Ливию в боспорском Кайсарионе, о чем говорит ее надпись из Гермонассы. Это должно быть решающим аргументом против тезиса о вторичном правлении Динамии после смерти Полемона I.

Однако Август не сумел закрепить за Пифодоридой боспорский домен ее мужа, поскольку право на власть там предъявил Аспург, ставший продолжателем традиций матери Динамии, а значит и всей династии Митридатидов. Боспорская нумизматика рубежа нашей эры показывает, что в год гибели Полемона I на Боспоре приступили к чеканке золотых монет с монограммами и датировкой по вифинопонтийской (боспорской) эре, а также медных монет с митридатовскими монограммами и типологией. Это обстоятельство исключает какое-либо отношение к означенным монетам Пифодориды, которая в отличие от Аспурга не имела права ставить годы правления по эре Митридатидов, а тем более их символику. Означенные монетные серии должны относиться к одному лицу – Аспургу, претендовавшему на власть, но не получившему царский титул. Подобно отцу он начал правление как архонт²⁰. Римский император не мог не считаться с притязаниями Аспурга, так как за ним стояли силы, ранее поддерживавшие Динамию и способствовавшие неудаче Полемона I. В этой связи интересно, что на золотых статерах Боспора, чеканенных с 289 г.п.э. = 9/8 г. до н.э. по 310 г.п.э. = 13/14 г.н.э., встречаются различные монограммы, которые никак не могут принадлежать Аспургу-архонту, поскольку его мо-

²⁰ Блаватский В.Д. О Рескупориде Первом // СА. 1976. № 4. С. 56–59; Фролова Н.А. К вопросу о начале правления Аспурга на Боспоре // ВДИ. 1979. № 1. С. 139–144.

Рис. 3. Монеты Понта и Боспора конца I в. до н.э. – первой половины I в. н.э.: 1. Полемон I; 2–4. Царица Пифодорида Филометора; 5–10. Полемон II и Антония Трифена; 11. Золотой статер времени так называемого второго правления Динамии (Аспург?); 12. Медная монета времени правления Аспурга

нограмма как архонта ПАР засвидетельствована только с 10/11 г.н.э., а царская монограмма ВАР – с 14 г.н.э., когда он официально получил царский титул в Риме²¹. Что же тогда представляют собой монограммы на боспорских золотых монетах, выпущенных с 8 г. до н.э. по 13 г.н.э.?

Речь в основном идет о двух монограммах Δ , ΦNE . В них усматривали имена монетных магистратов либо неизвестных правителей, даже царей²², что, впрочем, следует признать ошибочным. Ведь согласно одновременным выпускам медных монет, на боспорском престоле в эти годы должен был находиться Аспург, не признанный Римом в качестве царя. Для расшифровки значения этих монограмм важны наблюдения М.И. Ростовцева за эволюцией специфически боспорской государственной должности $\acute{\omicron}\epsilon\lambda\iota\ \tau\eta\varsigma\ \beta\alpha\sigma\iota\lambda\epsilon\iota\alpha\varsigma$, т.е. наместника царской страны, засвидетельствованной рядом надписей первых веков н.э. По мнению Ростовцева, эта должность была навязана Боспору римской администрацией и ее носитель был непосредственным агентом – куратором, квестором или корректором римского императора при боспорском дворе²³. Если эта точка зрения верна, то можно предполагать в носителях монограмм на золоте Боспора рубежа нашей эры, т.е. до объявления Аспурга царем, этих квесторов римского императора, которые осуществляли правление или надзор типа опеки за молодым правителем-архонтом, быть может носившем даже титул династа. Косвенно это подтверждается тем, что именно при Аспурге впервые засвидетельствована система территориальных наместников-правителей из числа придворных или боспорской знати, к которым принадлежал обычно и носитель упомянутой должности (ср. КБН. 40).

Возможно, что после официального утверждения в Риме Аспурга царем Боспора, а также при его преемниках, которые все были царями, должность квестора–наместника римского императора при боспорском дворе была упразднена, а ее носитель превратился в наместника–правителя царских земель, т.е. во второе лицо в государстве после царя, верховного собственника земли²⁴. Поэтому можно допустить, что тотчас после гибели Полемона I в войне с аспургианами, военно-хозяйственными поселенцами-катоиками, поддерживавшими Аспурга в его попытках захватить власть, Август назначил на Боспор своих представителей, которые, как подметил Ростовцев, менялись довольно быстро. Такая политика была обычной для римлян в вассальных или зависимых

²¹ *Бертье-Делагард А.Л.* О монетах властителей Боспора Киммерийского, определяемых монограммами // ЗООИД. 1911. Т. 29. С. 156; *Анохин В.А.* Монетное дело Боспора. Киев, 1986. С. 148–150.

²² Об этом подробнее см.: *Бертье-Делагард А.Л.* Указ. соч. С. 117 и след.; *Фролова Н.А.* К вопросу. С. 144; *Яйленко В.П.* Указ. соч. С. 152–154.

²³ *Ростовцев М.И.* Глава VI. Государство и культура Боспорского царства // ВДИ. 1990. № 1. С. 176–178.

²⁴ *Болтунова А.И.* Надпись под статуей из Горгияппии // СА. 1958. № XXVIII. С. 116.

царствах. Они ее проводили и во Фракии, где после убийства Котиса III в 19 г. н.э. к власти пришли его малолетние дети, которые правили под руководством римского квестора Требеллена Руфа и его помощников-опекунов Гая Юлия Прокла и Луция Антония Зенона²⁵.

Таким образом Август не отважился покончить с Аспургом и его сторонниками, разрушившими план объединить Боспор и Понт в единое государство. Император понимал, что митридатовские традиции и уста-новления, которые так рьяно отстаивала мать молодого царя, уже пу-тили на Боспоре глубокие корни. Поэтому он решил признать Аспурга архонтом, но дав ему возможность править только под наблюдением римских наместников. В связи с этим для Пифодориды не нашлось места на Боспоре и она была вынуждена ограничиться доменом своего супруга в Северной Анатолии и Колхиде. Мы не исключаем, что Пифо-дорида могла сама отказаться от власти в Боспорском царстве, увидев полную бесперспективность борьбы со сторонниками Аспурга, сокру-шившими даже могущественного Полемона I, отстаивая дело сохра-нения "митридатизма". Может быть именно потому Август и ввел опе-кунское правление своих ставленников, узнав, что Пифодорида, кото-рая, по словам Страбона, была "женщиной разумной и умеющей пра-вить делами", сконцентрировала внимание на малоазийских владениях (*Strab.* XI.2.18; XII.3.29).

Пифодориде следует добавить и другую характеристику, не отме-ченную Страбоном, которая рисует ее как властную и честолюбивую правительницу, жаждавшую неограниченной власти. В отличие от Ди-намии, вторая супруга Полемона I стремилась добиться ее не опорой на внутренние силы ради укрепления своего государства, а исключительно на римское благоволение и интересы Империи. Лишившись власти над Боспором, Пифодорида решила компенсировать потерю приобретения-ми новых владений в Малой Азии, делая это исключительно по воле Рима.

В 3/2 г. до н.э. она согласилась на брак с царем Каппадокии Ар-хелаем, после чего Август утвердил за ней титул царицы Понта. В ре-зультате Римская империя получила на своих восточных рубежах новое могучее территориальное образование, во всем от нее зависимое, – Каппадоко-Понтийское царство во главе с верными вассалами Архела-ем и Пифодоридой (*Strab.* XII. 3.29). Из всех троих участников этого действия в выигрыше оказались два – Рим, который укрепил позиции в противоборстве с парфянами, и Архелай, существенно увеличивший свои владения. Что до Пифодориды, то царица особенных преимуществ не получила за исключением, пожалуй, столь вожделенного ею титула

²⁵ Сапрыкин С.Ю. Пифодорида – царица Фракии // ВДИ. 1984. № 2. С. 141–152; Он же. Из истории Понтийского царства Полемонидов (по данным эпиграфики) // ВДИ. 1993. № 2.

царицы Понта. Во-первых, от Понта отошли плодородные области вокруг Амасии и Себастей, вошедшие в состав римских провинций; во-вторых, сама царица была вынуждена перебраться в Каппадокию, а в родовых понтийских владениях оставить своего старшего сына, который должен был править от ее имени.

Поскольку Пифодорида оставалась царицей Понта, то ее сын-наместник был, по выражению Страбона, "частным человеком" в государстве и не оказывал, видимо, никакого влияния на его политику. Такая ситуация отвечала интересам римлян, опасавшихся возврата Понта на антиримские позиции. Однако, ни Пифодорида, ни ее сын не давали им повода для тревоги, как, впрочем, и боспорский правитель Аспург, по-прежнему не имевший царского титула. Подобная политика Пифодориды резко отличается от правления Динамии, которая под прикрытием дружбы к Риму сумела усилить свое государство и не допустить сокращения подвластной ему территории. В отличие от нее Пифодорида хотела добиться лишь царского положения для себя самой, а какой ценой – это ее не заботило, поскольку поддержка римлян была ей обеспечена. Причина различий в политике двух цариц заключается в разных социально-экономических основах власти.

Динамия, следуя отцу и деду – наследникам Ахеменидов и Отанидов, преемникам эллинистических греко-македонских царей – стремилась упрочить эллинистические традиции на Боспоре, видя в этом основу своего могущества. При этом как истинная представительница династии Митридатидов она делала многое для упрочения царского землевладения и позиций обеспечивавшего эту задачу слоя эллинизованных варваров-поселенцев, стремясь в то же время не допустить чрезмерного усиления царской хоры за счет городской²⁶. Пифодорида же, считавшаяся как бы продолжателем дела Полемона I и римлян, делала в Понте ставку на эллинические города, усилившиеся в результате резкого сокращения царского землевладения и разрушения укрепленных поселений, возведенных при Митридатиде. И хотя на Боспоре и в Понте эллинистическая система управления и социально-экономические отношения сохранялись, развитие обоих царств пошло различными путями. В Понтийском царстве уничтожение системы военно-хозяйственных поселений и сокращение царского земельного фонда способствовали более быстрому проникновению в Понт римских институтов и форм организации управления и собственности, что предопределило скорое превращение этого государства в римскую провинцию. На

²⁶ На это указывает надгробие с Таманского п-ва, поставленное царицей Динамией некоему Матиану, сыну Зайдара (*Яйленко В.П. Материалы по боспорской эпиграфике // Надписи и языки древней Малой Азии, Кипра и античного Северного Причерноморья. М., 1987. С. 19. № 18; Сапрыкин С.Ю. Уникальный стелер... С. 211*), выходящу из сарматской среды, который был, очевидно, стратегом наемников или предводителем военных поселенцев.

Боспоре эллинистическая система сохранялась дольше, будучи значительно приумножена Аспургом и его преемниками, что оставляло Боспорское царство в ряду типично эллинистических государств еще на несколько столетий. Так что обе царицы невольно стали вершителями судеб своих государств, которые пошли по одинаковому пути развития, но с изначально разной базой социально-экономических отношений.

До самой своей смерти в 22/23 г. н.э. Пифодорида верно следовала филороманской и филэллинской политике, которую от нее ждали в Риме. Об этом говорят многочисленные надписи, поставленные в ее честь во многих греческих городах Восточного Средиземноморья (IG. II/III². 3483-OGIS.376; Arch. Jahrb. XVIII. S.193; IGR. IV. 1407). В 17/18 г. н.э. после смерти ее второго мужа Архелая и превращения Каппадокийского царства в римскую провинцию, Пифодорида вернулась в Понт и продолжала править до 22/23 г. н.э. В результате ее старший сын-соправитель или наместник так и не удостоился царского титула, так как сразу после смерти его матери на царский трон в Понте взошла Антония Трифена, его младшая сестра. О дате смерти Пифодориды и начального года правления Трифены мы уже выдвигали аргументы против точки зрения тех, кто считает, что это произошло в 33/34 г.²⁷. Мы по-прежнему придерживаемся традиционной даты, предложенной Т. Рейнаком²⁸ и согласующейся с данными нумизматики.

По всем нормам престолонаследия Антония Трифена не должна была наследовать матери, поскольку законным преемником считался старший сын Пифодориды, помогавший ей в управлении. Однако, интересы римской восточной политики, как и в случае с самой Пифодоридой, сыграли решающую роль и в судьбе Антонии Трифены. В 13 г. н.э., когда ей исполнилось 23 года, она была отдана замуж за фракийского династа Котиса III (VIII), римского союзника, известного своим филэллинством и покровительством искусствам. За шесть лет супружества (а в 19 г. Котис пал жертвой вероломного убийства) у Антонии Трифены родилось четверо детей – сыновья Реметалк, будущий царь Фракии, Полемон (будущий царь Понта и Киликии Полемон II) и Котис, будущий правитель Малой Армении, а также дочь – Пифодорида Младшая, названная в честь бабушки. Браком понтийской княжны с фракийским династом Тиберий хотел создать цепь вассальных государств на границах Империи, правители которых были бы связаны тесными родственными узами. После смерти мужа Трифена отправилась в Рим, где выступила в Сенате обличителем его убийц и добилась, чтобы ее дети Реметалк и Пифодорида Младшая остались править в домене отца под присмотром римских опекунов по причине малолетства. Два других сына пребывали в Понте при матери (*Tac. Ann.* II. 67;

²⁷ Сапрыкин С.Ю. Понтийское царство. С. 43; *Он же*. Из истории...;

²⁸ Reinach T. Quelques éres pontiques // *Histoire par les monnaies*. P. 1902. P. 149 et suiv.

III.38). Такое решение римлян сыграло поворотную роль в ее назначении на царство.

Во-первых, царица показала себя верным другом Рима еще во Фракии, а затем своей пламенной речью в Сенате. Во-вторых, в 13/14 г. н.э. Тиберий утвердил, наконец, Аспурга царем Боспора, укрепив для верности его власть браком с представительницей фракийского правящего дома Гипепирией²⁹. Поэтому, когда после смерти Пифодориды встал вопрос о новом царе Понта, то первым кандидатом мог быть только Полемон, старший из детей Пифодориды и царя Полемона I. Но этот Полемон как сын Полемона I сохранял права на престол Боспорского царства, поскольку его отец был убит там противозаконно и власть после его смерти по праву должна была перейти к его старшему сыну, если бы не вмешался Аспург, сам добывавшийся царского титула. Римляне, которые поначалу вели себя осторожно в отношении сына Динамии и Асандра, в конце концов признали его царем, опасаясь за потерю доверия к себе боспорцев, поддерживавших Аспурга.

Поэтому в создавшейся со смертью Пифодориды ситуации Тиберию было выгоднее не допустить к престолу в Понте сына царя Полемона I из опасения, что он предъявит претензии на боспорский домен своего отца и тем самым нарушит баланс власти в вассальных государствах Фракии, Боспоре и Понте. Вот почему наилучшей из кандидатур на власть в Понте становилась Антония Трифена, не имевшая права претендовать на боспорский трон, но имевшая детей, правивших во Фракии, а также родственницу Гипепирию, царицу Боспора, сохранявшую связи при фракийском дворе. Это предопределило назначение Трифены на царство в Понте. А ее старшему брату в утешение дали управлять храмовым доменом Ольба в Киликии, родовой вотчине династии Полемонидов, где он и правил под именем Марка Антония Полемона вплоть до 36 г. н.э.

Таким образом судьба Антонии Трифены во многом напоминает судьбу ее матери – та же жажда власти, то же стремление любой ценой добиться престола для себя и детей, такое же рвение заручиться поддержкой Рима. Поэтому политика новой царицы с самого начала строилась не на желании приумножить могущество государства, как это делала Динамия, а удовлетворить собственные амбиции и честолюбие. Правда, надо отдать должное Антонии Трифене – она с блеском использовала все нюансы римской политики для достижения своей цели. В этом сказалось различие в воспитании цариц: если Динамия по духу и воспитанию была более гречанкой, нежели римлянкой,

²⁹ *Блаватская Т.В.* Рескрипты царя Аспурга // СА. 1965. № 2. С. 205; о происхождении Гипепирии см.: *Sullivan R.D.* Thrace in the Eastern Dynastic Network // ANRW. 1979. Bd. II. 7, 1. S. 206.

сохранив в себе многое от отца и деда, истинных носителей эллинистического восточного духа, то Пифодорида и Антония Трифена, наоборот, являлись в этом отношении больше римлянкам, нежели гречками. Верхом мечтания для них было признание Рима и покорное выполнение воли его правителей. Естественно, что правящая императорская династия учитывала это и умело использовала.

По взгляду и характеру Антония Трифена была даже большей римлянкой, чем ее мать. В Кизике, признанном центре эллинской культуры и римского влияния в Малой Азии, часто туда приезжавшая Антония Трифена делала многочисленные посвящения своим римским благодетелям. В 18–29 гг. она посвятила статую матери Тиберия Ливии Августы Афине Полиаде, так как исполняла обязанности жрицы культа этой обожествленной правительницы, участвовала в организации Панафиней как жрица богини Афины Полиады и обожествленной Августы Победоносной. Она из своих средств оплатила все обряды и церемонии, а также пребывание на этих празднествах многочисленных римских и прочих гостей (IGR. IV. 144). В 37/38 г. она учредила там же празднества в честь Афродиты Друзиллы, обожествленной сестры Калигулы, жрицей которой являлась. Эти празднества она справляла вместе с сыновьями, прибывшими туда по пути в царства, куда их назначил царями их благодетель Калигула, придя к власти в 37 г. Трифена вообще благоволила к кизикцам: она оплачивала работы по очистке и восстановлению каналов, соединявших обе гавани города, обеспечивала продовольствием всех, кто трудился на этом строительстве, следила за развитием рыночной торговли в городе, которая находилась исключительно в руках римлян, и вообще регулярно выполняла возложенные на нее священные литургии (Syll.³, 789-IGR. IV. 145; Syll.³, 799-IGR. IV. 146; 147; 148).

Эти благодеяния царицы объясняются не только тем, что она часто приезжала туда и проживала в городе, сколько ее характером. В отличие от матери, которая подобно Динамии, легко забывала своих умерших мужей и быстро выходила замуж за других, если это диктовалось политическими расчетами, Трифена сохранила до конца верность своему мужу Котису даже после его смерти. Кизикцы, издревле имевшие тесные связи с фракийскими царями (*App.* BC. IV. 75), искренне скорбели о вероломно убитом Котисе, о чем не преминули упомянуть в одной из своих надписей (Syll.³, 799-IGR. IV. 146, 1.14). За эту верность и память о муже Антония Трифена и полюбила горожан, способствовала их благополучию и процветанию. Проримская ориентация Трифены проявлялась также в направлении ее детей на воспитание ко двору Тиберия.

Как уже говорилось, ее дети Реметалк и Пифодорида с 19 по 26 гг. правили во Фракии под присмотром римлян, а два других сына – Полемон и Котис – оставались с матерью в Понте. Мы не знаем, как

*Рис. 4. Медная монета царицы
Боспора Гипеирии. 37/38 г. н.э.*

делила с ними власть их мать, но то, что их не было во Фракии, где над их братом и сестрой довлело опекунство римских чиновников, предполагает, что аналогичная ситуация могла существовать и в Понте. С той лишь разницей, что опекуном или регентом малолетних царевичей выступала их мать Антония Трифена. После того, как в 37 г. Реметалк III, Полемон II и Котис IV получили царские титулы и права на власть из рук Калигулы, Антония Трифена по-прежнему оставалась в Понте царицей. Поэтому ее сын правил поначалу вместе с нею, уступив ей право быть первой в ранге правительницы государства, а сам довольствуясь, быть может, даже более

низшим титулом династа (рис. 3,5). В 41 г. император Клавдий сделал его царем в родовой вотчине Киликии, после чего он стал официально титуловаться царем и в Понте, хотя его мать опять сохранила там власть, осуществляя вместе с ним правление государством. И только в 49 г., когда Антония Трифена умерла, Полемон II стал единоличным правителем государства – царем Киликии, Понта и Ольбы. Благодаря этому он получил право прибавить к своему греческому имени также римские имена своих предков "Марк Антоний", что он не мог сделать в бытность его матери полноправной царицей Понта, которая как первая правительница из рода Полемонидов выступала своего рода препятствием для сына в присвоении себе титула и родового имени покровителя династии.

С чем конкретно связано такое парадоксальное положение? В 37 г., когда Полемона II назначили править Боспором и Понтом, умер Аспург. Калигула посчитал, что теперь все препятствия для восстановления на боспорском престоле представителя династии свергнутых более сорока лет назад Полемонидов наконец-то устранены. Однако вдова Аспурга Гипеирия, а затем их сын Митридат III, без санкции Рима и используя недовольство Калигулой среди римской знати, самовольно стали править на Боспоре. Поскольку Полемон II должен был вступить во власть и на Боспоре, и в Понте при том, что в Понте царицей оставалась его мать, то Трифена получала возможность сохра-

нить титул царицы Понта. Когда боспорский домен из-за самовольных действий Гипепирии и Митридата III остался вне сферы власти царей Понта, Трифена так и сохранила титул царицы Понта, а ее сын остался царем лишь номинально, будучи провозглашен таковым лишь в Риме, а в своем родовом царстве он официально этот титул не получал и в царствование не вступал. И только после смерти Калигулы, став в 41 г. царем Киликии, он получил и титул царя Понта, так как стал полноправным владыкой домена своих предков (*Dio Cass.* 8). К этому времени, вероятно, относится самый поздний из кизикских декретов в честь Антонии Трифены – декрет с упоминанием о завершении работ по очистке каналов, в котором Полемон II прямо назван царем Понта (*IGR.* IV. 147).

Таким образом перед нами прошли судьбы трех женщин-правительниц государств, образовавшихся на развалинах державы Митридата VI. При всем сходстве их поступков и верности Риму их различало многое. Прежде всего подход к методам управления государством. Если Динамия стремилась достичь могущества путем опоры на местные эллинистические традиции, а ориентация на Рим нужна была лишь для достижения независимости Боспора и превращения его в оплот "митридатизма", то Пифодорида и Антония Трифена использовали римскую политику исключительно для достижения собственных выгод. Благодаря римскому воспитанию и взглядам его правительниц и покорному исполнению повелений императоров, Понтийское царство быстро стало отходить от эллинистических принципов государственного развития, превращаясь ускоренными темпами в римскую провинцию, что и произошло в 64 г. Деятельность Пифодориды и Антонии Трифены в Понте немало этому способствовала.

ЖЕНЩИНЫ, АФРОДИТА И ЖРИЦА СПАРТОКИДОВ В НОВЫХ БОСПОРСКИХ НАДПИСЯХ*

Без женщин, без содействия их нежного чувства,
нет успеха в изящных искусствах.

Н.И. Греч

Как и во всем античном мире, на Боспоре были распространены надгробные надписи, многие из которых были поставлены женщинами. Нижеследующий эпиграфический материал распределен по 4 разделам: I. Метрические эпитафии. II. Эпитафии женщинам и женщинам с мужчинами. III Надгробия, поставленные женщинами. IV. Надписи из святилищ Афродиты в Кехах и Нимфее. Основная часть надписей публикуется впервые, некоторые изданы, но нуждаются в новой интерпретации. Надписи из Керченского и Темрюкского музеев были обработаны мной в 1973–1975 гг. (приношу благодарность их директорам того времени С.В. Башарину и М.И. Лют за разрешение опубликовать неизданный материал).

I. МЕТРИЧЕСКИЕ ЭПИТАФИИ

№ 1. Известняковая стела, суживающаяся кверху, где расколота на 2 соединяющихся фрагмента (рис. 1а, 2, 3)¹. Найдена в Керчи в 1972 г. на Второй нагорной улице, 27. Хранится в Керченском музее. Стела обломана снизу и по углам, выс. 63, толщ. 10,5, шир. вверху 37,5, внизу 39,5 см. Обратная сторона заглажена. На рельефе изображена стоящая в рост женщина в хитоне, с головой закутанная в покрывало. Левая рука, придерживающая край покрывала, опущена, правая прижата к груди. Рядом фигурка служанки в хитоне с непокрытой головой и сложенными на груди руками. Под рельефом надпись, сохранилось 6

* © В.П. Яйленко, 1995.

¹ Предварительную публикацию текста см.: Яйленко В.П. Материалы по эпиграфике Боспора // Надписи и языки древней малой Азии, Кипра и античного Северного Причерноморья. М., 1987. С. 159. (Далее: МБЭ).

ΖΙΤΤΕΤΙΝΟΣΤ ΑΤΡΙ ΣΕΛ
ΣΑΤΟΙ ΑΖΑΚΑΧΩΡΟΣ

Μ ΜΟΙ ΝΕΙΒΛΕΥC α

ΥΙΔΑ ΔΕΙΟΣΩ

ΤΜΣΔΕΚΑΔΙ

-ΜΟΡC

ι

ΤΑΝΔΕΠΟΛΥΔΑ
ΚΡΥΤΟΝCΜΤΥΡΙ
ΠΑΡΑΚΟΙΤΗΜΑ

δ

ΚΛΕΟΤΡΑΤΑΓΥΝΙΤ
ΤΑΙΟΥΤΟΙΞΓΥ Α
ΤΟΣΙΝ ΧΑΙΡΕ

β

ΥΛΙΟΥCΥΝ
ΤΡΙΑΜΝΗ
ΙΟΝΙΔΙΩ
ΔΑΚΑΙΟΥ
-ΑΤΥΧΗ

ε

Ι ΑΛΟΥCΔΑ
ΙΟΦΙΛΟΥΧΡΥ
ΙΟΚΑΛΟΥ
ΧΑΙΡΕΤΕ

ε.

ΤΗΛΜΕ
ΚΧΙΡΟΝ
ΚΩΝΕΙ
ΑΒΟΣ
ΣΕΝΤ
Β'Α-Τ.

θ

ΣΑΣΓΑΡ
ΣΑΔΟΥΣ
ΑΦΡΟΔ

ΖΗC

Рис. 1

Рис. 2

строк текста, выс. букв 2 см. Надпись обломана справа и, начиная с стк. 4, слева. Текст местами утрачен. Это стихотворная эпитафия, состоявшая из 2–3 элегических дистихов:

5	εἶπε, τίνοσ πάτρης ἐλ[άσ]-
σατο; Μάζακα χάρος [δνο?] –	“скажи, из какого отечества
приехала? – Мадзака край.
3	μ[ά]μοι [..]ν’εἰ βλέψ[ει]ας
π]αῖδα, [ε]ἰδεῖ(η)ς ὥ[ς] μοῦ
νον[?] τὰς δεκάδα[ς] δύο ἔσ
χεν ἤδη δύο] σμоро [ς – –]	Имя мне (– –)н. Если бы ты
узрел девушку, то узнал бы, что
только вот два десятка лет (жиз-
ни) получила несчастная в
удел...”
5	- - - - -	

Эпитафия построена на диалоге прохожего с покойной – распространенный вид древнегреческих надгробных эпитаграмм, представлен-

ный и на Боспоре (КБН. 131)². В начале таких надписей ставится один или несколько вопросов о месте рождения покойного, его имени, родителей, возрасте и пр. Вопросу εἰπέ, τίνοσ πάτρης публикуемой надписи соответствует, например, τί, τίνοσ πάτρης или πάτρον καὶ γένετήν νῦνετε других эпитафий³. В лакуне конца стк 1 утрачено не более двух букв, чему соответствует дополнение ἐλ[άσ]σατο “приехала”⁴.

В стк. 2 буква М названия Мадзака частично утрачена; кроме левой ее гасты сохранилась часть правой с характерным для этой буквы в данной надписи алексом, обращенным влево, что позволяет уверенно читать здесь указанный топоним⁵. В числе народов, обитавших между Меотидой и Керавнскими горами (Северный Кавказ) Плиний (N H. VI. 6 Mayhoff) упоминает мадзаков (mazacae)⁶. Этот этноним является производным от Μάζακα нашей надписи. Данное название области оказалось долговечным: мы можем с уверенностью отождествить его с исторически бытовавшим в Предкавказье еще в XVIII в. названием урочища Маздогу (черкесско-кабардинское “дремучий лес”). Теперь это Моздокская равнина в Северо-Осетинской республике.

Приведенные данные позволяют заключить следующее. Во-первых, Μάζακα χῶροσ нашей надписи свидетельствует, что в указанном пассаже Плиния (VI. 6) предпочтительна форма mazacae. Во-вторых, этот народ локализуется в районе нынешней Моздокской равнины. Отсюда, из этой Μάζακα χῶροσ и происходила покойная женщина.

² Peek W. Griechische Grabgedichte. В., 1960. N 424–440.

³ Ibid. № 428. Парос, № 429, район Леонтополя в Египте, обе I в. до н.э. Ср. также эпитафию: *Anth. Pal.* VII. 44 и КБН. 131: φράζετέην πάτρην “назови свое отечество”

⁴ Здесь можно было бы читать без дополнения ἐάσατο “оставила”, но оно не согласуется с родительным падежом выражения τίνοσ πάτρης. Кроме того остальные строки показывают, что текст достигал правой грани стелы.

⁵ Желаящий мог бы усмотреть здесь слово γάζα — обращение к покойной, фигурирующее в одной из боспорских эпитафий (Болтунова А.И. Надгробная эпиграмма жены Дия // История и культура античного мира. М., 1977. С. 25), но в таком случае последующее ΚΑΧΩΡΟ пришлось бы исправлять на κα(ι) χῶρο[υ] “и края” или κάχ(ο)ρο[ς] “и безрадостная”. Эти варианты, естественно, уступают чтению Μάζακα как не требующему исправлений. Вряд ли стоит вычитывать также Γάζακα — название двух городов Центральной Азии едва ли связанных как-либо с Боспором. Чтение Μάζακα позволяет думать о двух Мадзаках — области в Предкавказье (см. ниже) и каппадокийском городе, позднее называвшемся Цезареей. Решение этого альтернативного вопроса определяется имеющимися данными о связях Боспора с Предкавказьем, тогда как о каких-либо связях с Каппадокией сведений у нас нет (известны уроженки других малоазийских центров, проживавшие на Боспоре). Связи Боспора с Предкавказьем прослеживаются с V в. до н.э. и до римского периода (КБН. 1236; ВДИ. 1983. № 1. С. 227 — фассосские амфоры из Уляна; тут, же, С. 225 — материалы V–II вв. до н.э. из Западного и Среднего Прикубанья; все они не могли поступить сюда минуя Боспор). Отмеченное обстоятельство дает основание видеть в Мадзаке публикуемой надписи область Предкавказья.

⁶ Разночтения рукописей по изданию Майхофа: mazamacas, mazacacas, mazacasos, mazacas.

Адыгский (черкесский) характер этого этнонима показывает, что покойная происходила из среды древних адыгов, обитавших далеко на восток от Горгии по Предкавказью. В связи с этим можно напомнить, что боспорские греки уже с V в. до н.э. проникали в глубь Северного Кавказа на восток, судя по находке греческих надписей в районе Майкопа и реки Большой Зеленчук (КБН. 1234–1236).

Причина появления адыгской женщины на Боспоре вряд ли станет предметом спора, если принять во внимание, что черкешенки славилась своей красотой и украшали собой не один гарем в восточночерноморских странах. (См. в этом отношении портрет Бэлы в одноименной повести М.Ю. Лермонтова: “И точно, она была хороша: высокая, тоненькая, глаза черные, как у горной серны, так и заглядывали к вам в душу”.)

В конце стк. 2 утрачено 2–3 буквы, в конце стк. 3 сохранилась М, следующая буква утрачена, далее видно МО и вертикальная гаста, после двух утраченных букв следует Ν. Этот разрушенный текст нельзя восстановить с полной уверенностью. Предположительно читаем тут [δvo]μ[α]μοι[e.g. Μίo]ν “имя мне (к примеру) Мион” (скорее всего покойная имела адыгское имя). В эпитафиях – диалогах после вопроса нередко следует это выражение δvoμα μοι⁷.

Далее в стк. 3 читаем εἰ βλεψ[ειας]: лицо, число, время и наклонение глагола восстановлены по соответствующему глаголу [ε]ἶδεῖ(η)ς стк. 4 из той же фразы⁸. В начале стк. 4 хорошо читается слово [π]αδα. В конце этой строки почти целиком сохранилась омега; для связи с τὰς δεκάδας следующей строки и в соответствии с метрикой предположительно восстанавливаем тут ὥ[ς μοῦνον], ср. близкое выражение μοῦνα δέ με δάδεκα ἔτη βίωσαντα “меня, прожившую только 12 лет” в одной из эпитафий⁹. К τὰς δεκάδας[ς δυο] нашей надписи ср. ἐξ δεκάδας и τρις δεκάδας ἐτέων в эпитафиях КБН. 131, 1057. Поскольку покойная находилась в девическом возрасте (тем не менее, покрытая голова на рельефе говорит, что она была замужем), на что указывает слово παῖς стк. 4, в лакуне определенно восстанавливается числительное δυο: “две декады” – 20 лет.

Далее в стк. 5 предположительно восстанавливаем для связи с [δύ]σμορο[ς] следующей строки и в соответствии с требованиями метра ἔσχεν ἡδη.

В надписи представлены два элегических дистиха. Второй пентаметр

⁷ Peek W. Op. cit. N 431, 432, 435 etc.; Болтунова А.И. Надгробная эпитаграмма Диндиана // Studii clasice. 1973. Т. 15. Р. 125 (Керчь).

⁸ Не исключено, что в стк. 3 следует читать [-]νεῖ как окончание глагола и императив βλεψ[ov], соответствующий εἶπε стк. 1.

⁹ Peek W. Op. cit. № 464. стк. 12–13.

Рис. 3

сохранился частично и не исключено, что стк. 7, от которой сохранилась только одна гаста, была последней (число строк надписи и стихов эпитафии не совпадает). Эпитафия составлена правильным стихом, с соблюдением требуемых норм.

По характеру письма надпись датируется первой половиной I в. до н.э. (ср. письмо декрета в честь Митридата Евпатора из Нимфея и метрическую эпитафию КБН. 122).

№ 2. Известняковая стела, суживающаяся кверху, где обломана. Внизу шип для вставки в основание памятника. Высота с шипом 58, ширина внизу 42, толщ. 15 см (рис. 16, 4). Хранится в Темрюкском музее (инвентарный номер отсутствует). Время и место находки в музейной документации не зафиксированы, поэтому можно констатировать лишь, что памятник найден на территории Темрюкского района Краснодарского края. В верхней половине стелы выемчатое поле с рельефом, ограниченное бордюром, под рельефом трехстрочная надпись. На сохранившемся целиком рельефе представлена стоящая в рост женщина в хитоне, закутанная с головой в покрывало, один край которого она придерживает левой рукой у левого плеча, другой край придерживает правой рукой на левом бедре. Рядом фигурка служанки, стоящей в такой же позе. Сразу под рельефом следует надпись (высота букв 2,5 см):

τᾶν δὲ πολυδά
 κρυτὸν Σατυρί[ων]
 παράκοιτι[ν] Μα[ῖαν?]

“так вот поставил Сатирион много-
 оплаканную супругу Майю”
 ее изображение).

Рис. 4

Старт каждой строки расположен левее предыдущей на одну букву. Буквы в стк. 1 расположены менее убористо по сравнению с стк. 2–3. Текст надписи местами утрачен.

Письмо эпитафии находит параллели в лапидарных памятниках последней трети III–первой половины II в. до н.э. (КБН. 26, 247) с тем отличием, что в нашем случае присутствуют лунарные формы эпсилона и сигмы¹⁰. Последние заимствованы большой эпиграфикой из курсивно-

¹⁰ Посвящение КБН. 26 сделано при Спартоке V или VI, первый из которых правил в третьей четверти III в., второй около 200–190 гг. до н.э. Здесь и далее мы приводим разработанную нами хронологию и последовательность правлений и нумерацию соименных царей–Спартокидов. См.: Яйленко В.П. Ольвия и Боспор в эллинистическую эпоху // Эллинизм: Экономика, политика, культура. М., 1990. С. 307 (далее: Ольвия и Боспор.) Условное воспроизведение письма надписей КБН. 26 и 247 в ИРЕ. II № 184 и 308 довольно близко их реальному виду. Со Спартоком V или VI связаны черепичные клейма с именем “Спарток” и письмом того же характера, что КБН. 26, 247. См.: *Гайдукевич В.Ф.* Строительные керамические материалы Боспора // Из истории Боспора. ИГАИМК. Вып. 104. М.; Л., 1935. С. 313–314; Ольвия и Боспор. С. 304 (к упомянутому там Спартоку V теперь мы добавляем и Спартока VI, правившего около 200–190 гг., которого, конечно, нельзя только по шрифту клейм отделить от Спартока VI).

го письма, теперь неплохо представленного на Боспоре нимфейскими граффити на штукатурке, относящимися к последней четверти III в. до н.э. (см. ниже, раздел IV). Аналогичное письмо с использованием минускулярных форм имеют некоторые синопские керамические клейма IV и V хронологических групп, датировка которых разными исследователями приходится на 260–150 гг. до н.э. (если брать крайние цифры) или 240–165 гг. (если брать усредненные даты)¹¹. Добавим, что в кружочке омикрона проставлены точки – черта, свойственная письму разных эпох.

Язык надписи – поэтический: слова *πολυδάκρυτος*, *παράκοιτις* принадлежат к поэтическому лексикону и указывают, что данная эпитафия имеет метрический характер. Это обстоятельство облегчает понимание начальных слов эпитафии, не вполне ясных. В предварительной публикации мы читали тут женское малоазийское имя *Τα*, стоящее в аккумулятиве, а в конце для иллюстрации восстанавливали глагол *αἵθει*] “призывает”, отметив полную его гипотетичность¹².

Теперь мы предлагаем оптимальное объяснение начальных слов эпитафии *TANDE*. Указанные элементы поэтической речи *πολυδάκρυτος*, *παράκοιτις* заимствованы из гомеровских поэм, на которые ориентировался автор исследуемой эпитафии, как и прочие его соотаврицы по кладбищенскому стихотворному ремеслу позднеэллинистического и римского времени. В гомеровском языке присутствует идиома *ἄν δὲ* + личное имя, первый элемент которой – анастрофически употребленное апокопированное наречие *ἄνα* – “наверху, сверху, вверх” при глаголе *ὄρνυτο*, *ῶρτο* – “встает”, “встал”¹³. Например, II. XIII. 810–811: *ῶρτο δ'ἔπειτα μέγας Τελαμώνιος Αἴας, ἄν δ'ἄρα Τυδείδης ῶρτο*. “Поднялся великий Аякс Теламонид, встал и Тидид”. При этой идиоме употреблялся и глагол *ἀνίστημι*, например: *ἄν δ'Ὀδυσσεὺς ἀνίστατο* – “Одиссей поднялся”. Во избежание повторения глагол мог опускаться, так что его функцию полностью брало на себя наречие, например, II. XXIII. 836–839: *ῶρτο δ'ἔπειτα μενεπτόλεμος Πολυποίτης, ἄν δὲ Λεοντήος κρατερὸν μένος ἀντιθέοιο, ἄν δ' Ἄϊας Τελαμωνιάδης καὶ δῖος Ἐπειός, ἔξειης δ' ἴσαντο* “И встал Полипет, бранодышащий воин; встала и грозная мощь Леонтея, подобного богу; встал и Аякс Теламонид и сильный Эпеос огромный; стали порядком”

¹¹ Граков Б.Н. Древнегреческие керамические клейма с именами астиномов. М., 1928. Табл. XII, 2, 8. Сводку предлагавшихся датировок IV и V хронологических групп см.: Шелов Д.Б. Керамические крейма из Танаиса III–I вв. до н.э. М., 1975. С. 136–137.

¹² МБЭ. С. 19: *Τάν δὲ πολυδάκρυτον Σατυρί[ων] παράκοιτι[υ] μ'αἵθει*. “Меня, Та, многооплаканную супругу, Сатирион призывает (?)”.

¹³ LSJ. S.v. *ἀνά G*.

(пер. Н.И. Гнедича). Такая функция наречия ἄνα даже побудила наших лексикографов отмечать в словарях: эпическое ἄν=ἀνέστη¹⁴.

В эпитафиях глагол ἀνίστημι имел значение “ставить (памятник)”, причем в кратких надгробных надписях он мог отсутствовать, так как естественным образом подразумевался (см. примеч. 35).

Приведенные данные позволяют заключить следующее: автор исследуемой эпитафии, ориентировавшийся на гомеровский язык, заимствовал из него не только лексику, но и конструкцию ἄν δὲ + личное имя с подразумеваемым ἀνίστημι (но не в значении “встать”, как в поэмах Гомера, а в значении, свойственном языку эпитафий – “поставить памятник”): ἄν δὲ... Σατυρίων “поставил (памятник) Сатирион”. Предваряет эту конструкцию частица τοι, “склеенная” с наречием ἄν (как с частицей ἄν=τᾶν) и потому ставшая контрактивной в красисе: τᾶν “так вот поставил”¹⁵.

Прилагательное πολυδάκρυτος имеет два значения: “многослезный (-ная)”, “многооплаканный (-ная)”, из которых следует предпочесть второе, так как эпитафия поставлена женщине от имени скорбящего мужа. Винительный падеж этого прилагательного показывает, что слова стк. 3, к которым оно относится и окончания которых не сохранились, также стояли в аккумулятиве. В стк. 3 παρακοιτ может быть восстановлено как παρακοιτ[ην] “супруга” (винит. падеж муж. рода) и παρακοιτ[iv] “супругу” (тот же падеж жен. рода); второе предпочтительней, так как сопряжение прилагательного πολυδάκρυτος напрямую с именем покойной, без связующего существительного, стилистически неудачно.

В метрическом отношении эпитафия, по-видимому, представляет собой триметр со следующей схемой:

τᾶν	δὲ	πο	λυδάκρυ	τον	Σατυ	ρίων	παρά	κοιτ[iv]		Μα[ῖαν]
- - -			- - -	-	- - -	-	- -	-	-	-

В первой, третьей и четвертой стопах дактили, во второй трибрахий, в пятой спондей. В целом нормы стихосложения соблюдены: в третьей стопе сделана цезура, спондей употреблен в нечетной пятой

¹⁴ Коссович И. Греческо-русский словарь. М., 1848. С. 85 (s. vv. ἄν, ἀνα); Вейсман А.Д. Греческо-русский словарь. СПб., 1899. С. 80; Дворецкий И.Х. Древнегреческо-русский словарь. М., 1958. С. 109.

¹⁵ Вообще τοι – энклитика, не занимающая первой позиции, однако у поздних авторов в “склеенном” состоянии она употреблялась и в начале предложения, например: τοίνυν, σοὶ δέομαι, ῥάφε πλείονα – ... “поэтому больше пиши, умоляю тебя” (Поллиан, Anth. Pal. XI. 127); еще пример из боспорской метрической эпитафии конца I в. до н.э. – начала I в. н.э.: τοίγαρ δ'τὲς φ θιμένους “и вот когда к мертвецам”. См.: Болтунова А.И. Метрическая эпитафия из пангикапейского некрополя // ВДИ. 1968. № 2. С. 131=МБЭ. С. 119–120. Пользуюсь случаем отметить, что в моем переводе эпитафии на С. 120 выпало как раз это выражение и там следует читать: “когда демоны повели одоленное старостью (тело) к мертвецам, я оставил внуков жене”.

стопе, дактиль в первой и третьей. Отклонения от нормы: употребление дактиля в четвертой стопе; для образования трибрахия в слове (πο)λυδάκρυ(τον) альфа перед группой немая + плавная принята за краткий звук, также и ипсилон, в данном прилагательном долгий, но в исходном слове δάκρυον, “слеза” краткий, как и в ряде производных (например, δακρυστάκτος).

За последними буквами стк. 3 МА следует лагуна, в которой утрачено не более 3 букв. Предположительно восстанавливаем здесь метрически подходящее имя покойной Μα[ταυ], известное на Боспоре (КБН. 201, Пантикапей, IV в. до н.э.).

Имя Сатирион дважды зафиксировано в боспорских надписях V–IV вв. до н.э.¹⁶ Данная эпитафия обогатила наши представления о языке боспорских версификаторов двумя не засвидетельствованными здесь ранее элементами поэтического лексикона – παράκωτις, πολυδάκρυτος, а также гомеровской идиомой ἄν δὲ + личное имя.

Всего на Боспоре известно сейчас 48 метрических эпитафий, из которых 42 найдены в Пантикапее и только 6 в остальных центрах Боспора¹⁷. Все эти эпиграммы относятся в основном к двум столетиям от рубежа II–I вв. до н.э. по I в. н.э., тогда как более ранних, от V – середины II вв. до н.э., только семь, из которых 6 пантикапейских (КБН. 113–188) и 1 из Патрея (КБН. 1057). Надгробие Майи – вторая после патрейской ранняя эпитафия, найденная вне Пантикапея, иначе говоря, второй по времени известный нам образец кладбищенского творчества нестоличного версификатора. Может быть именно нестоличным происхождением и объясняется некоторая странность метрической схемы данной эпитафии, не содержащей ни одного ямба (впрочем возможно, что мы неправильно понимаем ее метрику).

II. ЭПИТАФИИ ЖЕНЩИНАМ, А ТАКЖЕ ЖЕНЩИНАМ С МУЖЧИНАМИ

№ 3. Известняковая стела, обломана сверху и снизу, высота 106, ширина 73, толщина 21 см (рис. 1в, 5). Найдена на Ильичевской “Батарейке”. Поступила в Темрюкский музей в 1969 г., где и хранится. Вверху и внизу рельефы, между ними надпись. На верхнем рельефе представлена сидящая в кресле женщина в хитоне, с головой закутан-

¹⁶ КБН. 10; Толстой И.И. Греческие граффити древних городов Северного Причерноморья. М.; Л., 1953. № 239.

¹⁷ КБН. 113–151. (Пантикапей), 913 (Нимфей), 991–992 (Фанагория), 1017 (Патрей), 1057 (Гермонасса), 1192 (Горгиппия). К пантикапейским эпитафиям следует добавить нашу надпись № 1 и еще три, изданные А.И. Болтуновой: Метрическая эпитафия из Пантикапейского некрополя. С. 130–132 (с поправками: МБЭ. С. 119–120); надгробная эпиграмма Диндиана. С. 127–130; надгробная эпиграмма жены Дия (с нашими поправками: МБЭ. С. 120).

Рис. 5

ная в покрывало (голова частично сколота). По обеим сторонам кресла – уменьшенных размеров фигурки служанок, одна из которых держит в руках ларец, другая полотенец. Подлокотники кресла сделаны в виде сфинксов. От нижнего рельефа сохранились два сильно фрагментированных изображения, одно из которых определено мужское. Обратная сторона стелы заглажена. Трехстрочная надпись вырезана по линейкам, высота букв 5,5 см. Текст:

Κλεοπράτῃ, γυνῆ	”Клеопрата, жена
Γαίου, τοῖς πα[ρ]ά-	Гая, прохожим
γο(υ)σιν χαιρε[iv]	[шлет] привет” ¹⁸ .

Женское имя Κλεοπράτῃ не засвидетельствовано в греческих ономастических справочниках, но вряд ли стоит исправлять его на имя Клеопатра, известное и на Боспоре. Видимо, это местное новообразование, которое хорошо объясняется из слов κλέος и πράττω как “достигшая славы”. По характеру письма эпитафия находит близкие параллели в боспорских надписях времени Савромата I (93–123) и

¹⁸ Предварительная публикация текста: МБЭ. С. 19.

Fig. 6

Fig. 7

Рис. 8

Котиса II (123–132)¹⁹. Аналогичное обращение к прохожим от имени покойного содержится в ряде других боспорских надписей (КБН. 691, 1035, 1091, 1095). Как видно, это прием, свойственный составителям эпитафий с азиатского Боспора (лишь одна из них пантикапейская).

¹⁹ КБН. 33; *Блаватская Т.В.* Фанагорийская надпись Савромата I // КСИА. 1976. Вып. 145. С. 93. В этих надписях находим даже одну и ту же сигму с шевроном у пересечения наклонных глас.

Рис. 9

№ 4. Верхняя часть надгробной стелы, увенчанной акротерием в виде листа аканфа и побегов. Высота 78, ширина 45 (без карниза, отделяющего акротерий от поля стелы), толщина 13 см (рис. 6, 7). Хранится в Керченском музее, инв. № Кл-30. Стела обломана примерно по середине высоты. Под карнизом двухстрочная надпись (высота букв 3,3 см):

Νίκαινα "Никена, [дочь]
 Νευμηνίῳ Невмения".

По передаче дифтонга ου через ῶ надпись датируется IV в. до н.э. Буквы вырезаны тщательно, с ровными промежутками. Кончики мачт апицированы, наклонные гасы слегка прогнуты. Это раннеэллинистическое письмо, т.е. эпитафия Никены относится к последней трети IV в.

Имя Никена засвидетельствовано в греческом антропонимиконе впервые. Значение его, однако, вполне ясное: "победоносная" (прилагательное от νίκη "победа" с суффиксом – αινα: *νίκαινα, аналогично именам Λύκαινα, Λάκαινα). Имя Нумений известно на Боспоре, как и в греческой эпиграфике, в целом, в двух формах: Νεομήνιος (КБН. 163, 210, 211, 1056, 1064), характерной для IV в. до н.э., и Νουμήνιος (КБН. 912 и др.), известной с III в. до н.э. Наша форма Νευμηνίος встречается в надписях позднего IV–III вв. до н.э., она промежуточная между формами на νεο- и νοу- (последняя представляет собой слитную

аттическую форму прилагательного νέος “новый” в композитах)²⁰. Таким образом, и с этой точки зрения данная эпитафия не древнее последней трети IV в. до н.э.

№ 5. Стела известняковая, сверху фронтоном с акротериями по бокам, в середине фронтона и над акротериями розетки (рис. 1г, 8–9) Хранится в Керченском музее. Под фронтоном рельеф: стоящие в рост мужчина и женщина протягивают друг другу руки. Мужчина в штанах и плаще, женщина одета в хитон и с головой закутана в покрывало. У ног мужчины маленькая фигурка слуги, у ног женщины – маленькая фигурка служанки с пиксидой. Под рельефом надпись, вырезанная по линейкам:

7 Καλοῦς Δαμφοίλου, “Калус, [сын] Дамфила,
Χρυ[σ]το(ν) Καλοῦ, χαίρε[τε] Хрюсион, [дочь] Калуса, прощайте”.

По характеру письма надпись датируется I в. н.э.

№ 6. Левый нижний угол мраморной плиты, обломанной справа и сверху, выс. 16,5, шир. 9, толщ. 6 см (рис. 1д, 10). Обратная сторона заглажена. Хранится в Керченском музее. Сохранились остатки 6 последних строк надписи, скорее всего надгробной. Высота букв 1,7 см в стк. 1 – 4, в стк. 5 – 6 1,4 см. Текст:

τῆς με - - - -	” - - надлежащее время (?) - -
καίροϋ - - -	жены - - поставил эту стелу
3 κων *Ε[μμεi (?) γυν] –	в 332 году”.
αικός [ἀνέστη] –	
5 σεν τ[ὴν στήλην (?) ἐν τῶι]	
βλτ' [ἔτει]	

Самое важное в сохранившемся тексте – точная датировка по боспорской эре: 332 г.=35 г. н.э. Точную датировку имеют строительные надписи, манумиссии, отдельные эпитафии, почетные надписи, рескрипты Аспурга. Более или менее определенное восстановление слова [γυν]αικός сужает вероятную типологию надписи: это либо манумиссия, (ср. КБН. 1124, 1125, содержащие это слово), либо эпитафия. Если думать о манумиссии, то в сохранившемся тексте нет сколько-нибудь подходящих соответствий лексике, типичной для документов этого рода. Следовательно, наиболее вероятно принадлежность фрагмента к числу надгробных надписей.

Датированные прозаические эпитафии дошли до нас главным образом от II–III вв. н.э.²¹ Наиболее ранний образец датированных надгρο-

²⁰ Thumb A. Handbuch der griechischen Dialekte. Heidelberg, 1932. Bd. 1. S. 97, 137, 197, 230; 1959. Bd. 2. S. 258.

²¹ КБН. 656 (130 г.), 675 (133 г.), 697 (106 г.), 703а (124 г.), 705 (129 г.), 710 (143 г.), 711 (140 г.), 733а (214 г.), 734 (285 г.), 744 (между 343–353 гг.). Все – из Пантыкаея.

Рис. 10

бий относится к 14 г. н.э. (КБН. 335); вместе с нашим фрагментом только он принадлежит I в. н.э. Обе надписи относятся ко времени правления Аспурга (14–38 гг. н.э.), который ввел в употребление на Боспоре вифинскую эру, в чем следует усматривать ориентацию царя на времена Митридата Евпатора: летосчисление по вифинской эре было принято в Понтийском царстве, откуда, возможно еще при Евпаторе, появилось на Боспоре²².

Надгробие КБН. 335 от 14 г. н.э. сохранилось полностью и может указывать на примерное содержание нашего фрагмента:

* Αλκιμος' Ασκλη
καὶ [ἡ] αὐτοῦ γυνὴ Φιλοπάτρα
θυγάτηρ' Αλκίου οἱ –
κοδόμησαν [τ]ὸ μ[νη] –
μα ἐν τῷ αὐτ' [ἔτ]ει

Алким, [сын] Аскласа,
и его жена Филопатра,
дочь Алкия, выстроили
этот памятник
в 311 году”.

²² Об ориентации Аспурга на Евпатора см.: (Яйленко В.П. Династическая история Боспора от Митридата Евпатора до Котиса I // Эпиграфические памятники и языки древней Анатолии, Кипра и античного Северного Причерноморья. М., 1990. С. 168.

В нашем фрагменте слово $\gamma\upsilon\nu\etá$ стоит в родительном падеже, а глагол [- -] $\sigma\epsilon\upsilon$ в единственном числе и это означает, что памятник был воздвигнут мужем жене. В датированных эпитафиях наряду с глаголом $\omicron\iota\kappa\omicron\delta\omicron\mu\eta\sigma\epsilon\upsilon$ (КБН. 711: $\tau\omicron\ \mu\upsilon\eta\mu\alpha$) употреблялся глагол $\acute{\alpha}\nu\epsilon\sigma\tau\eta\sigma\epsilon\upsilon$ (КБН. 710, 744: $\tau\eta\nu\ \sigma\tau\acute{\eta}\lambda\eta\nu$, 733а: $\acute{\alpha}\nu\epsilon\sigma\tau\eta\sigma\alpha$). В нашем фрагменте от обозначения объекта постановки сохранилась только буква Т. Следовательно, если восстанавливать глагол [$\omicron\iota\kappa\omicron\delta\omicron\mu\eta$] $\sigma\epsilon\upsilon$, то объектом будет $\tau[\omicron\ \mu\upsilon\eta\mu\alpha]$, если [$\acute{\alpha}\nu\epsilon\sigma\tau\eta$] $\sigma\epsilon\upsilon$, то объектом будет $\tau[\eta\nu\ \sigma\tau\acute{\eta}\lambda\eta\nu]$.

Таким образом, стк. 5 дает нам примерное число букв в строке: 9–11, с чем согласуется текст стк. 4: [$\gamma\upsilon\nu$] $\alpha\iota\kappa\omicron\varsigma$ [$\acute{\alpha}\nu\epsilon\sigma\tau\eta$] $\sigma\epsilon\upsilon$ (11 букв. В лакуне перед словом [$\gamma\upsilon\nu$] $\alpha\iota\kappa\omicron\varsigma$, видимо, стояло имя покойной, начинавшееся на Е (следующая его буква имела прямую мачту). Если ориентироваться на ономастикон женских эпитафий Боспора, можно (разумеется, в иллюстративных целях) восстанавливать имя $\epsilon\mu\mu\epsilon\iota\varsigma$ (КБН. 122, I в. до н.э.) в родительном падеже: $\epsilon[\mu\mu\epsilon\iota]$. Не исключено, что предшествующие буквы $\kappa\omega\nu$ принадлежат окончанию имени мужа, например, часто встречающегося на Боспоре имени $\Gamma\omicron\kappa\omega\nu$. Но, скорее, имя мужа стояло в предшествующем тексте.

Сохранившееся в стк. 2 слово $\kappa\alpha\tau\omicron\upsilon$ имеет значения “подходящая пора”, “время”, “надлежащая мера”, нередко фигурирующие в эпитафиях, например, в метрическом надгробии КБН. 128: смертоносная Мойра исхитила покойную из жизни “в надлежащее время”²³. Не исключено, что начало исследуемой надписи могло быть стихотворным, а в последних строках шел прозаический текст фактологического содержания (как в КБН. 122, 145 и др.).

III. НАДГРОБИЯ, ПОСТАВЛЕННЫЕ ЖЕНЩИНАМИ

№ 7. Известняковая стела выс. 61, шир. 52, толщ. 15,5 см с рельефом и трехстрочной надписью (рис. 11–12). На верхней грани стелы имеются два квадратных в сечении отверстия для штырей, вставившихся в стелу. Обратная сторона слегка заровнена. Рельеф хорошей тонкой резьбы ограничен филеками. На нем изображен всадник на низкорослом шагающем коне с подстриженной холкой, взнузданном для верховой езды. Между ногами коня – пес. У всадника справа приторочены длинное копьё, лук и колчан со стрелами. На нем сапоги и панцирь, доходящий до середины бедра, где он расшит сбоку. Голова всадника повреждена сколами, по-видимому, она покрыта шлемом круглых очертаний. Хранится в Темрюкском музее, время и место находки неизвестны. Надпись под рельефом сде-

²³ После О сохранилась мачта с частью наклонной гаспы, т.е. N или M. Вряд ли стоит вычитывать тут $\kappa\alpha\tau\ \rho\omicron\mu[\beta\ -]$ - единственно возможное, но не подходящее по смыслу.

Рис. 11

лана по тонко прочерченным линейкам, письмо ровное, аккуратное (высота букв 2,5 см):

Βασίλισσα Δύναμις	”Царица Динамия [поставила изображение]
Μαθιανην Ζαιδαρου	Μαθιανη, [сына] Ζαιδαρου,
[μνή]μης χάριν	памяти ради” ²⁴ .

Имя и патронимик покойного, впервые засвидетельствованные на Боспоре, по происхождению иранские²⁵. По своей основе имя Μα-

²⁴ Предварительная публикация текста: МБЭ. С. 19.

²⁵ Первая буква имени повреждена, но читается бесспорно: сохранилась вся правая половина М с прямой мачтой и наклонной гасгой.

θιανης входит в группу скифских северопричерноморских имен Μαθανος (IRE. I², 82, 100, 152, Ольвия, II в. н.э.), Μαδακος, Μαδως (КБН. 1279, 1282, Танаис, III в. н.э.), плюс персепольское имя – Matēna²⁶. Их основу сравнивали с др.-перс. māda – “мидянин” (с сомнением М. Фасмер), авест. mada-, мада-, маду- “спиртной напиток”, “опьянение хаомой” (В.И. Абаев, Л. Згуста)²⁷. Мы бы добавили сюда и авест. ma(i)du- “средний” (т.е. средний по счету сын). По грамматической форме имени Μαθανος, Μαθιανης, Matēna (слоговое Ma-ti-e-na) – прилагательные или существительные, образованные от одной из указанных основ²⁸.

Имя Ζαιδαρος (Ζαιδαρης), видимо, отражает основу типа авест. zaotar- “жрец” (в “Яште” V – это обозначение верховного жреца). Возможно, это слово входит в состав персепольского имени Vaka-dauda²⁹. Передача исходной иранской основы с дифтонгом au (в авест. Zaotar-) через греч. αι может указывать на узкое произношение второго компонента этого дифтонга в местном скифском языке³⁰.

Смысл и значение эпитафии Матиана становится понятным на общем фоне надписей, сделанных от имени правительницы Динамии или в ее правление. Всего таких надписей, вместе с нашей, 8, причем от 30 лет ее брака с царем Асандром дошла лишь одна надпись (КБН. 30), остальные 7 поставлены от имени самой Динамии или в ее честь. Три из них поставлены Динамией в честь Августа и Ливии (КБН. 38, 978, 1046), что скорее всего связано с утверждением ее римским принцепсом на боспорском престоле (В.В. Латышев). Не случайно эти 3 надписи поставлены Динамией в Пантикапее, Фанагории и Гермонассе: царица воздала благодарность властям преержавшим в основных центрах Боспора.

Еще две надписи чествуют саму Динамию: это посвящение неких Мирона и его жены за нее из Пантикапея (КБН. 31) и почетная надпись агриппейцев – фанагоритов (КБН. 979). Упоминается Динамия также в почетном декрете херсонеситов в честь некоего Аминия, который, возглавил успешное посольство к боспорской царице (IRE. I². 354).

²⁶ *Mayrhofer M.* Onomastica Persepolitana. Wien, 1973. S. 195.

²⁷ *Vasmer M.* Die Iranier in Südrussland. Leipzig, 1923. S. 43. *Zgusta.* S. 111–112, 195;

Петров В.П. Скифы. Киев, 1968. С. 132.

²⁸ По И. Гершевичу, Matēna- к *Madyāyana-. См.: *Mayrhofer M.* Op. cit. S. 195.

²⁹ *Ibid.* S. 135: βαγα-zaotar-, “жрец бога”.

³⁰ В некоторых восточноиранских языках этот дифтонг развивался в сторону узкого произношения и монофтонгизировался в i, e (*Эдельман Д.И.* Сравнительная грамматика восточно-иранских языков: Фонетика. М., 1986. С. 73–74). В скифских именах Северного Причерноморья этот дифтонг монофтонгизировался и передавался через ω, ου, ο (*Zgusta.* S. 246). Возможна этимология имени Ζαιδαρης из иран. *zāy- (авест. zaūa-, ср. перс. zāy- “рождаться”) и *atar- (авест. atərə-, atar-, др. перс. atar- “огонь”): “рожденный огнем”, естественное для иранцев как огнепоклонников имя. Храмы Афродиты Апатуры на Тамани были храмами огня (см. с. 318).

Рис. 12

Мы уже имели возможность исследовать хронологию упомянутых надписей в контексте перипетий правления Динамии и потому ограничимся здесь основными выводами³¹.

В 50/49–22/21 гг. до н.э. Боспорским царством правил Асандр, женатый на дочери Фарнака Динамии. В последний период своего правления престарелый царь возвел жену в ранг “великой царицы” и своей соправительницы. По смерти мужа Динамия унаследовала царство (детей у них не было) и правила сначала единолично (от 21/20 и 17/16 гг. до н.э. дошли выпущенные от её имени золотые статеры), а затем вместе с неким Скрибонием, который был убит в 15 г. до н.э. (или начале 14 г.). Весной 14 г. на Боспор явился назначенный Августом новый царь Боспора Полемон, замуж за которого вышла во второй раз овдовевшая Динамия. Однако вскоре, примерно уже с 13 г. до н.э., Полемон женился на Пифодориде, а Динамия, по давней догадке М.И. Ростовцева, удалилась на азиатскую сторону Боспора, где подняла знамя войны против Полемона. В 9 г. до н.э. Полемон явился сюда якобы для заключения мира, но был убит аспургианами – племенем иранского происхождения, обитавшим на пространстве от Тамани до Горгииппии. С 9/8 г. до н.э. Динамия во второй раз единолично правила Боспором в ранге царицы до своей смерти в 7/8 г. н.э. Решающий аргумент в пользу гипотезы о втором единоличном правлении Динамии – почетная надпись агриппейцев в честь царицы КБН. 979, постав-

³¹ Яйленко В.П. Династическая история Боспора. С. 134 и след.; МБЭ. С. 77–82, 97–98.

ленная не ранее 12–11 гг. до н.э., когда Фанагория была переименована в Агриппию по смерти вице-цезаря Агриппы в 12 г. и когда Полемона уже не было в живых, поскольку декрет чествует одну Динамию.

В эту реконструкцию времени и обстоятельств правления Динамии превосходно вписывается эпитафия Матиана. Вообще сам факт постановки надгробия от имени боспорского владыки уникален и потому, бесспорно, указывает на чрезвычайные, экстраординарные условия его появления. Хотя точное место находки эпитафии неизвестно, найдено оно на территории Темрюкского района – ареала обитания аспургиан³². С иранским характером наименования аспургиан вполне согласуется иранский же характер имени – патронимика Матиана. Оба отмеченных обстоятельства определенно указывают на принадлежность Матиана к аспургианам, а сам факт увековечивания его памяти боспорской царицей свидетельствует о его высоком ранге – скорее всего Матиан был предводителем аспургианской дружины. Напомним, что на рельефе он представлен в полном всадническом вооружении. Изображение покойного в воинском доспехе указывает на гибель его в условиях войны. Высокий ранг Матиана как вождя аспургиан и гибель его на военной службе у Динамии органично вписываются в гипотезу М.И. Ростовцева об удалении Динамии на Азиатский Боспор после разрыва с Полемоном и войне ее против него, ведшейся силами аспургиан, завершившейся гибелью царя. Дата этих событий: 13–9 гг. до н.э. – это дата постановки надгробия Матиана.

№ 8. Фрагмент мраморной плиты, расколотый на два куска (в контакте), обломан сверху и слева, выс. 22, шир. 17, толщ. 5 см (рис. 1е, 13). Сохранилась правая часть надгробной надписи, над нею – остаток рельефа: слева голень конской ноги с копытом, справа, вероятно, жертвенный столик. Следовательно, это надгробие всадника. Надпись пятистрочная, высота букв 2 – 2,8 см. Хранится в Керченском музее, на одном куске плиты инв. № Л 148, на другом № 3607. Место и время нахождения неизвестны. Текст:

74 [τῶι δεῖνι] Ἡλίου σύν–	”Такому-то, сыну Элия, своему
[βίος Δημη]τρία μνή–	супругу, жена Деметрия [поста-
3 [μης χάριν βω?]μὸν ἰδίῳ	вила] памяти ради жертвенник
[συνβίῳ τε στηλί?] δα΄ καὶ οὐ	и стелу. И пусть не чтущий [их]
[e.g. σεβόντα εἶνα] ἀτυχή	будет несчастлив”.

Число утраченных слева букв определяется лакуной стк. 2. Так как

³² Подробней об аспургианах см.: *Яйленко В.П.* Династическая история Боспора. С. 159 и след.; МБЭ. С. 35 и след. Иначе решает вопрос об аспургианах С.Ю. Сапрыкин (*Сапрыкин С.Ю.* Аспургиане // *СА.* 1985. № 2. С. 65 и след.).

это мужское надгробие (на рельефе изображен всадник), имя в стк. 2 [Δημη]τρία восстанавливается в номинативе. При имени женщины, поставившей надгробие мужчине, предлог σὺν предшествующей стк. 1 резонно дополняется в слове σὺν[βίος] “супруга”. (Формально возможное дополнение σὺν-τρόφη “вскормленница” маловероятно ввиду отсутствия таковых в эпиграфической лексике Боспора, которой известно лишь одно упоминание слова σὺντροφος – КБН. 727.) Слово σὺν[βίος] “супруг” можно было бы восстанавливать в дательном падеже, в пандан к дательному падежу несохранившегося имени покойного, но ἰδίφ стк. 3 показывает, что σὺνβίφ стояло в стк. 4³³. В начале стк. 3–4 стоят буквы ΜΟΝ и ΔΑ, в которых могут быть опознаны составные части намогильного памятника – жертвенник и стела: [βω]μὸν, [σπηλῖ]δα.

Рис. 13

В малоазийских надгробиях нередко фигурирует постановка наряду со стелой жертвенника – βωμὸς, в том числе при идиоме ἰδίφ σὺνβίφ, как в нашем случае³⁴.

В реконструированном тексте стк. 1–4 отсутствует глагол. Это обычное явление в эпитафиях, где подразумевается глагол ἀνέστησε “поставил” при формуле μνήμης χάριν³⁵. Опять-таки в малоазийских эпитафиях обычна заключительная формула с проклятием в адрес того, кто вознамерится причинить вред надгробию, в том числе такому, при котором стоит жертвенник³⁶. Предположительно восстанавливаем в заключении эпитафии подобную формулу, хотя возможны и иные варианты понимая слов οὐ и αὐτῆ стк. 4–5.

Если восстановление охранительной формулы в нашей надписи правильно, следует заключить, что она связана с малоазийскими

³³ Ср.: КБН. 697 – τῆι συμβίωι τὸ μνήμα (106 г. н.э.); 1192.

³⁴ См., например: Robert L. Bulletin épigraphique // REG. 1957. T. 30, N 368.

³⁵ Помимо многочисленных примеров из КБН см. также, к примеру: Studia Pontica. Bruxelles, 1910. T. III. F. 1. N 40, 47, 62, 71 etc.

³⁶ См.: например: МАМА. 1939. Vol. 6, N. 19: θέμα καὶ βωμὸν... οὐδενὶ δὲ ἔξεσται.

выходцами, обретавшимися на Боспоре. По характеру письма данное надгробие относится к III в. н.э. Это обстоятельство согласуется с тем, что переселение малоазийских контингентов на Боспор отмечается во II–III вв. н.э.³⁷

IV. НАДПИСИ ИЗ СВАТИЛИЩ АФРОДИТЫ В КЕПАХ И НИМФЕЕ

а) *Посвятительная надпись из Кеп*

В 1963 г. на городище Кепы найден фрагмент мраморной базы, обколотый слева и справа, со средней частью трехстрочной посвятельной надписи (рис. 1ж). После предварительной публикации Н.И. Сокольского и Н.П. Сорокиной сохранившегося текста³⁸ его интерпретацию предприняла Н.С. Белова, предложившая следующее ее чтение:

5–7
..... υσα Σπαρ[τόκου
ὕπερ Πατρι]σάδου[ς [τοῦ
ἀδελφοῦ] Ἀφροδί[τη].

По ее предположению, в начале стк. 1 стояло имя дочери Спартока, заканчивавшееся буквами υσα; она сделала посвящение Афродите за брата Перисада. Если Н.И. Сокольский видел в упоминаемых надписью боспорских династах Перисада II (284–около 245) и его сына Спартока IV (около 245–240), то Н.С. Белова, справедливо отнеся надпись по характеру письма к концу IV–началу III в. до н.э., усматривала в них Спартока, сына Евмела, и его сына, будущего царя Перисада III³⁹.

Интерпретация Беловой вызывает сомнение прежде всего с точки зрения формульной структуры посвящений времени Спартокидов. Как правило, они имеют эпонимную датировку по правящему царю (КБН. 6–11, 18, 23–26, 971–972, 974, 1014–1015, 1036–1040, 1042–1044, 1111)⁴⁰. Имеются и простые посвящения типа “Аристигон Аристофонтос Афродите” (КБН. 13), но, во-первых, их меньшинство, во-вторых, в их именнике нет никакой связи с именами членов спартокидского дома. Если брать посвящения, сделанные членами этого дома, то они обяза-

³⁷ См.: Яйленко В.П. Новые эпиграфические данные о римском Боспоре: Надписи малоазийцев с Керченского полуострова // *Eigene*. 1985. Т. 22. С. 71–75; МБЭ. С. 7–10.

³⁸ Ежегодник Гос. ист. музея. 1963–1964. М., 1966. С. 36; Сокольский Н.И. Святилище Афродиты в Кепях // *СА*. 1964. № 4. С. 116–117.

³⁹ Белова Н.С. Посвятительная надпись из Кеп // *ВДИ*. 1970. № 2. С. 65 и след. Эти датировки и нумерация соименных царей даны по КБН (С. 832), далее мы даем время правления и нумерацию соименных царей в соответствии с разработанной нами хронологией и последовательностью правлений (Ольвия и Боспор. С. 307).

⁴⁰ Также посвящение времени Левкона I: Белова Н.С. Новая надпись из Гермонассы // *ВДИ*. 1967. № 1. С. 64.

тельно датированы по правящему монарху (КБН. 7, 25, 1015, 1037)⁴¹. Само их положение делало казалось бы частные акты официальными и потому присутствие эпонимной датировки обязательно. Наконец, посвящения, найденные на Азиатском Боспоре, обязательно имеют эпонимную датировку.

Сказанное означает, что [Παιρι]σάδουc стк. 2 этой трехстрочной надписи принадлежит эпонимной датировке [ἀρχοντος Παιρι]σάδουc[τοῦ δεῖνος]⁴². Какой же Перисад имеется в виду – первый или второй? В поисках ответа обратимся к письму данного посвящения. Это раннеэллинистическое письмо со всеми его характерными признаками. Близкие параллели находим не только в справедливо указанном Н.С. Беловой посвящении КБН. 18 времени Спартока Евмелова (около 300–280), но и в ряде других надписей последней трети IV – начала III в. до н.э.⁴³ Это проксенический декрет из Горгииппии времени соправления Селевка Евмелова и того же Спартока (304–около 300) и посвящения времени Перисада I (347–310) – КБН. 9, 1015⁴⁴.

Приведенные параллели указывают, что в Перисаде посвящения из Кеп скорее надо видеть Перисада I (347–310), нежели Перисада II (около 280–после 250). В таком случае Спарток стк. 1 может быть только его внуком Спартоком IV (около 300–280). Как видно, время их правления разделяет небольшой промежуток примерно в десятилетие. Перисад правил долго, так что его старшие сыновья, будущие цари Сатир II (310–309) и Евмел (309–304), уже сами имели детей, в частности Евмел – сына Спартока, который около 300 г. сел на престол отца. Внуки Перисада I в период междоусобной войны 310 г. были юными, в частности сын Сатира Перисад (*Diod. XX. 24: νέος ὦν*

⁴¹ Посвящение КБН. 1041: [Ἀ]κτις Παιρι[σάδεος ἀνέθηκεν ἰά]φρ[οδίτηι=] в связи со сказанным должно быть дополнено формулой ἀρχοντος Παιρισάδεος. Об Акии в этой надписи и КБН. 1037 см.: Ольвия и Боспор. С. 295.

⁴² Эпонимную датировку такого типа содержит посвящение КБН. 1036 времени Перисада II или III: [ἀρχοντος Παιρι]σάδου τοῦ Σλα[ρ]τόκου (ср. эпонимную датировку βασιλευόντος Παιρισάδου τοῦ Σπαρτόκου посвящений: КБН. 21, 23). Посвящения времени Перисада I обычно включают в эпонимной датировке полную титулатуру царя. Краткая формула Παιρισάδουc ἀρχοντος представлена в метрическом посвящении КБН. 113 (ради метра члены формулы переставлены местами). Она происходит из краткой эпонимной формулы отца его Левкона I (390–351): ἀρχοντος Λεύκωνος Βοσπόρου καὶ Θευδοσίης (КБН. 1111).

⁴³ Другая надпись – КБН. 17, также приведенная Беловой в качестве параллели к посвящению из Кеп, весьма отличается письмом (см. ее фото и КБН. 18 на С. 69 работы Беловой) и принадлежит, на наш взгляд, второй половине III в. Ср.: КБН. 21 (фото: ВДИ. 1984. № 2. С. 80) – посвящение времени Перисада III (около 280–250) или Перисада III (последняя четверть III в.), 26 (фото там же) – посвящение времени Спартока V (третья четверть III в.) или даже Спартока VI (около 200–190).

⁴⁴ См.: ВДИ. 1949. № 2. С. 88 (прорись КБН. 1015); 1964. № 3. С. 144 (фото проксении); СА. 1968. № 3 С. 44 (фото КБН. 9). Подробней о датировке этих надписей см.: Ольвия и Боспор. С. 300.

παντελῶς τὴν ἡλικίαν – “совершенно юного возраста”). Это указывает, во-первых, на то, что рассматриваемое посвящение относится к последнему десятилетию правления Перисада I, т.е. к 310-м годам, во-вторых предполагает, что лицо, связанное узами родства или брака со Спартоком (- ὕσα Σπαρ[τόκου], стк. 1), не принадлежит к числу его детей, поскольку он сам еще был молод.

Рассмотрим теперь вопрос об авторе посвящения, иначе говоря, о дополнении лакуны стк. 1. Сохранившиеся буквы [- ο]ῦσα показывают, что это была женщина, и сказанное о возрасте Спартока предполагает, что это его жена, и соответственный термин родства дополняется в лакуне стк. 2 перед эпонимной датировкой: [γυνὴ ἀρχοντος Πατρι]σάδου⁴⁵. Длина стк. 2 показывает, что помимо имени посвятельница в стк. 1 содержалось еще какое-то указание, наиболее вероятно, упоминание жреческого сана типа ἱερή или ἱερῶμένη, как свидетельствуют посвящения времени Спартокидов⁴⁶. Однако в таком случае жреческий термин ставился после имени – патронимика автора посвящения (например, КБН. 10: “Сатирион Патайков ἱερῆσάμενος”), и окончание [=ο]ῦσα стк. 1 показывает, что соответствующее причастие стояло не в медиальном залоге, как это свойственно обычно греческим надписям, а в более редкой активной форме: [ῆδεῖνα ἱερο]ῦσα “такая-то, исполнившая обязанности жрицы”. На Боспоре активная форма такого причастия зафиксирована в III в. н.э. (КБН. 36 А. 11: ἱερατεύων) и, что для нас существенней, в одном посвящении IV в. до н.э. (КБН. 1042), в котором буквы =ων перед эпонимной датировкой по правящему монарху вряд ли дополняются иначе, нежели указанием на жреческую должность: [ἱερατεύ?]ων, как полагал В.В. Латышев, или [ἱερ]ῶν, как предлагаем мы⁴⁷.

⁴⁵ Обозначение родства автора посвящения обычно ставится после его патронимика, например: “Гестия, Менодора дочь” (КБН. 21), “(-)сфена жена” (КБН. 18) и др. Особенно показательны в этом отношении посвящение КБН. 1015: “Комосария, Горгиппа дочь, Перисада жена”.

⁴⁶ КБН. 6, 10, 25, 974, 1044: ἱερῆσάμενος; 26: ἱερῶμενος, 14: ἱερή; 8, 21, 1040: ἱερῶμένη. Перечислим посвящения эпохи Спартокидов, сделанные женщинами. КБН. 8: Креуса, дочь Медонта, жрица Деметры; 14: Аристоняка, дочь Ксенокрита, жрица Деметры; 18: жена [-] сфена посвятила Деметре; 21: Гестия, дочь Менодора, жрица Фригийской матери; 27: Плюсия посвятила Ангиссе; 972: Кассалия, дочь Посия, посвятила Афродите Урании; 1015: Комосария, дочь Горгиппа, жена Перисада I, посвятила Санергу и Астаре; 1040: безымянная жрица, посвятила Артемиде; 1041: Акция, дочь Перисада I, посвятила Афродите; 1043: безымянная дочь Федима, жена Стратия, посвятила Афродите.

⁴⁷ Глагол ἱερατεύω “исполнять жреческую должность” вошел в широкое употребление со II в. до н.э., хотя есть отдельные образцы и более раннего его употребления, например, в посвящениях IV–III в. до н.э. с Крита (*Cauer P., Schwyzer E. Dialectorum Graecarum exempla epigraphica potiora*. Hildesheim, 1960. № 202 C). В боспорских посвящениях времени Спартокидов употреблялся только глагол ἱεραόμαι (см. примеч. 46), поэтому мы и предлагаем в надписи КБН. 1042, как относящейся к IV в. до н.э.,

Сказанное позволяет дать следующее чтение надписи из Кеп:

[ῆ δεινα τοῦ δεινός ἱεροῦ]σα, Σπαρ[τόκου
γυνῆ, ἀρχοντος Παρι]σάδου[ς τοῦ
Λεύκωνος ἀνέθηκεν τῆ]ι Ἀφροδ[ίτη]ι]

“такая-то, [дочь] такого-то, исполнившая обязанности жрицы, жена Спартока, посвятила при архонте Перисаде, сыне Левкона, Афродите”⁴⁸.

Попытаемся выяснить, почему жена Спартока избрала для своего посвящения именно святилище Афродиты в Келах. Ранее мы предположили, что Спарток в недолгий период соправления с братом Селевком (304 – около 300), по давнему спартокидскому обычаю, правил в качестве сопровителя на азиатском Боспоре⁴⁹. Согласно этому обычаю, старший сын правящего царя сидел в Пантикапее, помогая отцу в управлении, а следующий по старшинству сын сидел на азиатском Боспоре, управляя этой частью царства⁵⁰. Разумеется, при Перисаде I внук его Селевк не мог управлять азиатским Боспором, но как раз отец его Евмел должен был обитать там в качестве управителя. Это, собственно, следует из того факта, что во время войны Евмела с Сатиром театром военных действий был азиатский Боспор: именно там Евмел поднял мятеж против законно севшего на престол старшего брата Сатира⁵¹. Следовательно, сын Евмела Спарток обрелся при дворе своего отца, управлявшего при Перисаде I азиатским Боспором. Дворец принца-сопровителя, возможно, располагался в Фанагории, крупнейшем городе азиатского Боспора. Из ее дальней округи происходит посвящение Комосарии, дочери Горгиппа и жены Перисада I, сделанное “по обету” (КБН. 1015, найдена близ станицы Ахтанизовской), из ближайших к Фанагории городов Гермонассы и Кеп происходят посвященные надписи Акии, дочери Перисада I (КБН. 1041) и жены внука его

дополнение [ῆρ]ων “исполняя обязанности жреца”. Примеры употребления активной формы причастия от глаголов ἱεράομαι, ἱερόω, ἱερατεύω, хоть и менее многочисленны сравнительно с медиальной формой, но тоже довольно распространены в греческих надписях. См., например: Ibid. N 553: ἱεροῦντος (Фессалия, около II в. до н.э.); 202 C: ἱερατεύων (Крит, IV–III в. до н.э.); 236 (Кирена, I в. до н.э. – I в. н.э.), 448 (Танагра, III в. до н.э.) и др.

⁴⁸ В качестве варианта в стк. 1 может быть дополнено [ῆρατεύω]σα, но см. предшествующее примеч. о времени узуса глагола ἱεράομαι. В лакуне справа дополняется не более 5 букв (с тыльной стороны базы сохранилась ее правая грань). Длина лакуны слева в 17–18 букв в стк. 2–3 показывает, что в стк. 1 имя посвященницы лучше дополнять с патронимиком, как это обычно в боспорских посвящениях (КБН. 8: “Креуса, дочь Медонта”, 14: “Аристоника, дочь Ксенокрита”, 974: “Кассалия, дочь Посия” и др.). Обозначение жреческого сана может стоять сразу после имени посвятителя, предшествуя указанию на родственные отношения (КБН. 14: “Аристоника, жрица Деметры, дочь Ксенокрита”).

⁴⁹ Ольвия и Боспор. С. 307.

⁵⁰ Там же. С. 291.

⁵¹ Там же. С. 297.

Спартока исследуемой надписи⁵². Любопытно, что все упомянутые представительницы спартокидского дома сделали свои посвящения Афродите: жена Спартока ее святилищу в Кепах, Акия – в Гермонассе, Комосария – Астаре, ипостаси Афродиты, в храм на горе Бориса и Глеба. Ниже мы покажем, что в IV в. был введен культ правящего боспорского монарха, отправлявшийся под эгидой Афродиты. Следовательно, посвящение жены Спартока было сделано в рамках культа Перисада I.

Святилище Афродиты в Кепах дало не только лапидарный памятник, но и ряд посвячительных граффити. Сам город получил название Кепы (употреблялось и единственное число Кеп) "Сады" по святилищу Афродиты, покровительницы плодородия⁵³.

б) Граффити из святилища Афродиты в Нимфее (рис. 14–17)

Раскопками Эрмитажной экспедиции под руководством Н.Л. Грач в Нимфее с 1977 г. вскрывалось святилище эллинистического времени. Ценнейшей находкой стала настенная штукатурка площадью 12–15 м² одного из помещений святилища, сплошь испещренная на высоте человеческого роста "всевозможными графическими рисунками, знаками и письменными текстами. Среди изображений – различные животные, кони, человеческие фигуры, сцены охоты, но преобладают парусные корабли, которых более 30. Надписи же самого разного жанра: это обращения к богам, сообщения о выходе кораблей в открытое море с указанием числа и месяца, памятные записи о приношениях в святилище, об отдаче долгов, пожелания здравствовать, стихотворный текст местного творчества, отдельные имена и списки их, упоминания о нимфейцах, о боспорском царе Перисаде и т.д. Особое значение в них имеют имена богов Афродиты и Аполлона. Они-то и дают, очевидно, ключ к выяснению функционального назначения и существа самого святилища. Эти боги на фоне корабельной тематики в изображениях и содержании многих надписей, связанных с морем, выступают здесь, несомненно, в роли покровителей мореплавателей"⁵⁴.

Емкая характеристика эпиграфического материала документирована в этой и другой статье Н.Л. Грач⁵⁵ превосходными прописями и

⁵² По-видимому, эта традиция сохранялась и при Митридате Евпаторе, дети которого сидели в Фанагории, а правивший ранее сын его Махар бежал, страшась отца, с азиатской части царства на европейскую (*App. Mithr.* 102, 108). См.: *Яйленко В.П.* Династическая история Боспора. С. 131.

⁵³ *Яйленко В.П.* Заметки по греческой лексике и ономастике // *История и культура античного мира.* М., 1977. С. 220–222.

⁵⁴ *Грач Н.Л.* Открытие нового исторического источника в Нимфее // *ВДИ.* 1984. № 1. С. 82.

⁵⁵ *Grač N.* Ein neu entdecktes Fresko aus hellenistischer Zeit in Nymphaion bei Kertsch // *Skythika.* München, 1987. S. 87 f. (*Bayerische Akademie d. Wiss. Phil. hist. Kl. Abhandlungen.* N.F. Hft. 98).

фотографиями, которые позволяют исследователям составить о нем и собственное суждение, поскольку от публикации текстов автор воздержалась. Конечно, до полной публикации археологического материала из помещения с фреской и надписями некоторые наши суждения будут иметь предварительный характер.

Сначала рассмотрим надписи, упоминающие членов Спартокидского дома, в том числе двух женщин.

а) В прямоугольной рамке, подбитой снизу меандром:

Ἀφροδείτη χαῖρε

Ἄδασ χαῖρειν Σάτυρον,
καὶ Παίρισάτου καὶ τοῦ ἕριν,

б) Под меандром:

καὶ τοὺς εὐνο[υς υἱοὺς?]

Ἀπολλωνίῳ [υἱὸν καὶ τῇ αὐτοῦ?]

γυν(α)ικί (sc. χαῖρε)

"Афродите привет! (Адас желает здравствовать Сатиру, а также Перисада и его (Сатира) жрице, и благосклонным сыновьям (?) Аполлония; и его (?) жене привет!"

Обе записи сделаны под рисуночным граффито – изображением корабля (частично фрагментированном), и это означает, что поводом для начертания Адасом благожелательной надписи было возвращение Сатира и прочих упомянутых лиц из поездки по морю, так как смысл глагола χαῖρειν – встречное благопожелание (сей глагол употребляется и при проводах, но обычно – на тот свет). Данный глагол сочетается с винительным и дательным падежами, что представлено в нашей надписи: в первой и последней строках употреблен датив, в основном тексте аккузатив – Σάτυρον, ἕριν, τοὺς εὐνο[υς] (при последнем мы предположительно дополнили слово υἱοὺς для связи с родительным падежом имени Аполлония, в котором уместно видеть в данной синтаксической ситуации патронимик, тем более при последующем упоминании жены).

В надписи *a* обращает на себя внимание отсутствие текста между обломом и последней буквой стк. 3, такое же незаписанное пространство имеется и в конце стк. 2, а стк. 1 вообще наполовину свободна. Это означает, что текст надписи сохранился целиком и нет оснований для его дополнения⁵⁶. Требуя пояснения лишь два элемента стк. 3: τοῦ

⁵⁶ Ранее мы не учли это обстоятельство и предположительно дополняли в стк. 2 для связи с родительным падежом Παίρισάτου имя жены последнего: Σάτυρον [τὸν τῆς δέϊνος] καὶ Παίρισάτου καὶ τὸ (sc. χαῖρειν) υἱείῳν "Сатира, (сына такой-то?) и Перисата; также привет обоим сыновьям (Сатира)" (Ольвия и Боспор. С. 304). Понимание имени Перисада в качестве патронимика вынудило нас читать в конце стк. 3 υἱείῳν, предполагая, что третья от конца буква не Ρ, а Ο с прочерком соскользнувшей иглы. В стк. 1 приписки мы не учли сигму, как бы "наехавшую" на следующий эпсилон. Теперь мы элиминируем эти ошибочные элементы нашего прежнего чтения.

Рис. 14

является заменителем только что упомянутого имени Сатира, а ἔριϛ – р е д ч а й ш е е с л о в о, существование которого окончательно подтверждается нашей надписью⁵⁷.

Адас упомянул себя и того же Аполлония еще в двух записях:

в) слева от рисунка – корабля с огромным парусом: Ἄδαϛ, [Ἄ]-πολλῶνιος (в две строки),

г) справа от превосходно прочерченного изображения шагающего коня: у хвоста Ἄδαϛ, у копыта Ἄπολλῶνιος, на туловище коня ἱπ(π)ικῆ "искусство верховой езды"⁵⁸. Особое выделение Адасом имени Аполлония, изображение при его записях корабля, коня и упоминание верховой езды указывают на близость Адаса и Аполлония, проявляющуюся, видимо, в совместных поездках по морю и уж точно в таком аристократическом деле, как искусная верховая выездка.

д) Под именем Аполлоний записи г располагаются два неумело прочерченных изображения всадников, перед первым из которых в прямоугольной рамке написано:

θεωρεῖ ἵπλοϛ
Σατυροῦ κα[ι]

Πατριῶτου
χαίρειν

"Отправляется в качестве
послов всадничество Сатира и
Перисата. В добрый час!"⁵⁹

Разница в исполнении фигур коней – великолепно прорисованного при граффито г и очень неумелых при граффито д – сама по себе предполагает принадлежность обоих граффити разным авторам, что прослеживается и в характере письма. Автор записи д употребляет своеобразные формы некоторых букв, иные, нежели в предшествующих граффити а–г, написанных Адасом. Это Π в форме современного печатного Т (стк. 1, 3), ου окончания имени Сатира в лигатуре, состоящей из полукружия первой буквы и и – образной формы второй буквы, омега слова θεωρεῖ в своеобразной скорописной форме тильды, примакающей к следующей букве Ρ.

Содержание надписи д поясняется рисунком всадников: слово ἵπτοῦ употреблено не в значении "конь", а в собирательном смысле "конница", "всадничество". Глагол θεωρεῖω имеет значения "отправляться в качестве посла" или "отправлять" в том же качестве, "отправляться в

⁵⁷ Рукопись О "Моралий" Плутарха (435 В) содержит форму ἐριδων, на основе которой предположительно восстанавливалась номинативная форма ἐριϛ, – ἶδος (LSJ. S.v. ἐριϛ). Аккузатив ἐριϛ в нимфейском граффито показывает, что в отношении ударения это слово βαρυτονοϛ, и мы ставим ударение на первый слог: ἔριϛ.

⁵⁸ Прочерк за последней буквой может быть принят за сигму и тогда читается родительный падеж: ἱπτικῆς.

⁵⁹ На светлой фресковой полосе под всадниками прочерчено имя Διονύσιος, не относящееся к записи д.

качестве зрителей" на игры, "видеть, наблюдать". При изображении скачущих всадников смысл этого глагола, конечно, ограничивается первым значением: это всадники, отправленные куда-то Сатиром и Перисадом в качестве послов (понятно, что отправление монархами людей в качестве зрителей многим менее вероятно). Отправка послов правящими монархами привлекла внимание автора записи, видимо, самим значением миссии, и он пожелал ей удачи. То обстоятельство, что миссия ехала верхом, позволяет предполагать, что она направлялась не очень далеко, в пределах Тавриды. Впрочем, далее мы увидим запись об отправлении морем на Немейские игры (с. 261), так что не исключено, что отправка феоров – всадников связана с соревнованиями конников, проводившимися на этих играх.

Обратимся к кругу лиц, упоминаемых "династическими" граффити. По 3 раза встречаются имена Адас и Аполлоний (*a, v, z*), по 2 Сатир и Перисад (*a, d*), по одному разу упоминаются безымянные женщины – жрица и жена Аполлония. Все имена, исключая первое, характерны для Спартокидов. Имя Адас распространено на Боспоре в римское время и появляется здесь с I в. до н.э.–I в.н.э.⁶⁰ Адас близок не только с Аполлонием, но и с другими лицами, упоминаемыми в его записях *a – b*: Сатиром, жрицей, женой Аполлония. Именник этой записи соответствует именнику членов семьи Перисада I (347–310), у которого был брат Аполлоний и сын Сатир, вследствие чего Аполлония записей Адаса вполне можно считать членом спартокидского дома, несмотря на распространенность этого имени среди боспорского населения в целом. Имя Адас не характерно для именника Спартокидов, но стоит вспомнить, что имена мужей спартокидских женщин были неспартокидскими: так, мужа дочери Перисада I Акии звали Демофонтом, мужа царицы Камасарии Арготом (КБН. 75, 1037). Скорее всего близость Адаса к спартокидам имела матримониальный характер, либо же он был их φίλος.

Обе упомянутые Адасом женщины остались для нас безымянными. Имя жены Аполлония, возможно, упоминалось в лакуне предпоследней строки. Жрица определенно не поименована, что объяснимо в том случае, если она была жрицей того святилища, в котором Адас сделал

⁶⁰ КБН. 373, 688, 744 (I–IV вв. н.э.). Эпитафию КБН. 650: "Αδα Νλοδῶρου, χαῖρε, содержащую то ли мужское имя Адас в звательном падеже, то ли женское имя Ада, В.В. Латышев и К. Ватцингер отнесли к III в. до н.э., издатель КБН (А.И. Доватур, Д.П. Каллистов) ко времени не ранее II в.н.э. Мы видели в Керченском музее данную стелу и считаем, что это надпись I в. до н.э.– I в.н.э., на которой сказались воздействие минускулярных форм указанного времени: дельта стк. 2 имеет прогнутую наклонную гасу, лямбда, наоборот, выгнутых очертаний, ипсилон на небольшой ножке с изящным прогибом внутри средней части усиков, омикрон эллиптических очертаний. Этой надписи близки по письму эпитафии КБН. 300, 301, 313, 322, 353 и др., относящиеся к I в. до н.э. – I в.н.э. По происхождению имя Адас детское (ср. осет. *ada* "отец") и встречается в греческом, малоазиатском, северопричерноморском ареалах (*Zgusta*. S. 294).

свои записи: видимо, ее имя было, что называется, на устах и не понадобилось в упоминании. Не исключено, что и она принадлежала к Спартокидам. Среди посвящений, сделанных женщинами спартокидского дома (ср. примеч. 46), одно – посвящение из Кеп – было поставлено, по нашей интерпретации, женщиной, вышедшей замуж за Спартока Евмелова и бывшей жрицей. Жрецом был и Левкон, сын Перисада II, будущий царь Левкон II (КБН. 25). Поскольку отдельные Спартокиды обоего пола иногда исполняли жреческие обязанности, можно предположить, что и жрица нимфейского граффито принадлежала к Спартокидам, тем более, что она была жрицей Сатиры и Перисада. Еще раз эти цари упоминаются в записи δ, в качестве лиц, отправивших посольство, что условно указывает на их статус царей–соправителей Боспора. Следовательно, жрица нимфейского святилища Афродиты была жрицей культа правящих царей Боспора. Этот вывод чрезвычайно важен для истории Боспора в целом – он по-новому освещает такие значительные проблемы, как происхождение Спартокидов; характер культа Афродиты Урании Апатуры и его харизматическую связь с местной царской династией и т.д.

До сих пор нам было известно, что на Боспоре официально отправлялся посмертный культ Перисада I, введенный, по нашему предположению, его сыном Евмелом и доживший до III в. н.э.⁶¹ Однако нимфейский титул жрицы Παρισάτου καὶ Σατύρου ἱερίς определенно указывает на культ правящих, а не покойных монархов (ср. граффито δ: они отправляют посольство). Собственно, выражение Страбона (VII. 4.4): Παρισάδης δὲ καὶ θεὸς νενομίσται, "Перисад даже почитается богом", не содержит указания на посмертное обожествление Перисада – это мог быть и прижизненный культ. (Хотя Страбон упоминает в указанном пассаже двух Перисадов, первого и последнего, свидетельство об обожествлении явно относится к Перисаду I, одному из самых значительных царей страны).

Если и другие боспорские цари были объектом прижизненного культа, почему Страбон упоминает именно Перисада I? Ведь он говорит о его обожествлении в развитие только что высказанного утверждения, что, хотя боспорские цари назывались тиранами, большинство из них было достойными людьми, начиная с Перисада и Левкона⁶². Если

⁶¹ Ольвия и Боспор. С. 298–299; МБЭ. С. 34; КБН. 36. Стк. 36: δ ἐπὶ τ(οῦ) Παρισάτου (275–278 г.н.э.)

⁶² Выражение Страбона ἀρξάμενοι ἀπὸ Παρισάδου καὶ Λεύκωνος "начиная с Перисада и Левкона", безусловно, подразумевает Перисада I. Упомянутый вторым Левкон вряд ли царь Левкон II, краткое время правивший примерно в конце третьей четверти III в. См. о нем: Ольвия и Боспор. С. 304. Это, конечно, отец Перисада I Левкон I (390–351). Скорее всего Страбон потому назвал его вторым, что слава Перисада I, активно торговавшего с метрополией, затмевала у греков славу его отца, впрочем тоже настолько известного грекам метрополии, что некоторые авторы называли Спартокидов Левконидами.

Страбон не говорит об обожествлении отца Перисада I Левкона, а только о Перисаде I, то это означает, что именно при нем был введен на Боспоре культ правящего монарха, либо же стал известен в Греции. Такой вывод соответствует историческим обстоятельствам именно начала эллинистической эпохи, на которое приходится правление Перисада I: культ правящего монарха впервые был учрежден Александром Македонским в 332–331 гг. в Египте (*Curt. IV. 7. 28–31*). В 307 г. божеские почести были оказаны Деметрию Полиоркету в Афинах, где был назначен специальный жрец, учрежден алтарь, жертвоприношения, процессии и прочее в честь Деметрия и отца его Антигона, почитавшихся в качестве спасителей и благодетелей. Около того же времени складывался культ Селевка I, к земному отцу которого Антиоху причислили в качестве небесного родителя Аполлона, храм которого эти селевкидские владыки воздвигли в окрестностях основанной в 300 г. Антиохии на Оронте⁶³. На Боспоре культ правящего царя был введен до 310 г. (последний год правления Перисада I), и кажется, Перисад был едва ли не первым последователем великого македонянина в идеологическом обожествлении своей власти, а может быть и его предшественником (см. ниже). Лидерство Боспора в этом отношении соответствует приоритетной его роли во введении ряда других новшеств, характерных для раннеэллинистической эпохи⁶⁴.

Подтверждение вводу культа правящего монарха при Перисаде I (или его родителе Левконе I) находим в неожиданном эпиграфическом "взрыве" – сразу несколько членов его дома поставили при нем посвящения Афродите. Однако для того, чтобы пояснить читателю это явление, обратимся сначала к известному посвящению КБН. 75. В свете открытия прижизненного культа правящих боспорских монархов теперь иначе выявляется суть этого посвящения, сделанного фиасом Афродиты Урании Апатуры за царя Перисада V (около 170–140), мать его царицу Камасарию (регентша при нем около 180–170) и мужа ее Аргота. Теперь ясно, что это не просто фиас почитателей Афродиты, как полагали ранее⁶⁵, а специальный фиас, отправлявший культ правящего монарха под эгидой пантикапейского храма Афродиты Урании Апатуры⁶⁶. Лишний раз этот вывод подтверждается тем обстоятельством

⁶³ *Iustini. XV. 4, 2–9; Бенгстон Г.* Правители эпохи эллинизма. М., 1982. С. 63–64, 114–115.

⁶⁴ См. о них: Ольвия и Боспор. С. 308–309.

⁶⁵ См., к примеру: *Гайдукевич В.Ф.* Боспорское царство. М.; Л., 1949. С. 212.

⁶⁶ Текст надписи: "Венки Перисада, Камасарии, Аргота. За архонта и царя Перисада, сына царя Перисада, матерелюбивого, и царицу Камасарию, дочь Спартока, чадолубивую, а также Аргота, сына Исанта, мужа царицы Камасарии, синагог Феокрит Деметриев и фиаситы посвятили стелу Афродите Урании, владычице Апатура" (далее следуют имена 7 членов фиаса, ниже стела обломана). Под стк. I изображены три венка, что указывает на повод постановки стелы – увенчание правителей. Хотя объектом

вом, что жрица Сатира и Перисада упоминается в надписи из нимфейского святилища Афродиты (см. ниже, с. 259).

В свете показаний посвящения КБН. 75 об отправлении культа правящего монарха под эгидой Афродиты Урании Апатуры можно заключить, что этот культ осуществлялся не только в столичном храме этого божества, но и в его филиалах – в Нимфее, Келах, Фанагории, Гермонассе, Апатуре. Этим объясняется одно непонятное до сих пор обстоятельство – почему посвящения Афродите, так сказать, безадресны, тогда как посвящения Артемиде, Деметре, Матери и прочим богам обычно имеют "адрес" – сделаны за брата, дочь и других родственников (КБН. 9, 14, 23 и др.)⁶⁷. Теперь можно сказать, что это посвящения, сделанные за правящих монархов: как правило, они имеют эпонимную датировку по правящему царю, чем и указывалось, за кого именно сделано данное приношение Афродите. Это посвящения КБН. 7, 75 (Пантикапей), 971, 972 (Фанагория), 1015 (Ахтанизовская), 1041, 1043 (Гермонасса), 1111 (Цукурский лиман – Апатур)⁶⁸, посвящение жены Спартока IV из Кеп. Семь из этих 9 посвящений сделаны при Перисаде I, причем 4 сделаны его родными – братом Аполлоном (? КБН. 7)⁶⁹, женой Комосарией (КБН. 1015), дочерью Акией (КБН. 1041, см. выше, примеч. 41), женой его внука Спартока IV (Кепы, см. выше); еще два посвящения сделаны при Перисаде лицами, о

культа был не только царь Перисад V, но также царица-мать и ее второй муж, т.е. посвящение сделано за основных фигурантов спартокидского дома, можно думать, что это продиктовано специфическими обстоятельствами – посвящение сделано в период регентства царицы-матери Камасарии при малолетнем еще Перисаде (т.е. надпись относится ко времени около 180–170 гг.).

⁶⁷ Исключение, подтверждающее правило: посвящение Афродите КБН. 17 за брата сделано иностранцем из Византии.

⁶⁸ О связи этой надписи с Апатуром см.: *Гайдукевич В.Ф.* Боспорское царство. С. 214.

⁶⁹ По поводу нашей интерпретации посвящения КБН. 7 отметим следующее. От патронимика посвяителя сохранились буквы [- -] υκωνος, что лучше всего дополняется как [Λε] υκωνος, у других вариантов шансов намного меньше. У Левкона I было 3 сына, названных афинским декретом 347 г. – Спарток III (351–347), Перисад I, Аполлоний. Поскольку Спарток умер до правления Перисада, то, если восстанавливать его имя, эпонимная датировка должна содержать имя Левкона. Соответственно, если восстанавливать имя Аполлония, эпонимная датировка может содержать имя и Левкона и Перисада: на рельефе при афинском постановлении 347 г. Аполлоний, младший из братьев, изображен бородастым, т.е. он был совершеннолетним еще при жизни Левкона. Как видно, за восстановление имени Аполлония шансов больше, но возможно и дополнение имени Спартока. В.В. Латышев в комментарии к этой надписи (ИРЕ. II. 12) справедливо отметил, что по письму она может равно относиться ко времени Левкона и Перисада, имена которых он и восстанавливал в эпонимной датировке. С учетом сказанного восстанавливаем текст

[Ἀπολλώνιος? Λε] υκωνος Ἀφροδίτῃ Οὐρανίῃ Ἀπατοῦρου [μεθεούσῃ ἄν] ἐθήκε ἄρχ[οντος Λευκωνος (Παιρισάδου) βοσπορου καὶ] [Θευδοσίας καὶ] Βασι [λευκωντος κτλ.] "Аполлоний (?), сын Левкона, посвятил Афродите Урании, владычице Апатуре, при Левконе (вар.: Перисаде), архонте Боспора и Феодосии, царствующем над..."

которых нет данных, указывающих на принадлежность их напрямую к спартокидскому дому (КБН. 971, 972), хотя побочная принадлежность их к нему не исключена.

"Взрывной" характер появления этих посвящений, на наш взгляд, служит доказательством ввода прижизненного культа Перисада I. Вместе с тем первая по времени из этих надписей сделана при отце его Левконе I (КБН. 1111 и, может быть, 7), что может указывать на ввод прижизненного культа монарха еще при нем. Эта дилемма прояснится, если мы зададимся естественно встающим вопросом – почему культ боспорских царей осуществлялся именно под эгидой Афродиты? Для ответа необходимо обратиться к вопросу о происхождении культа Афродиты на Боспоре и характере монархической власти здесь.

Култ Афродиты – древнейший из засвидетельствованных на Боспоре письменными памятниками: святилище Афродиты Апатуры в Фанагории упоминает Гекатей, еще древней посвящение второй половины VI в., упоминающее "богиню Апатуру"⁷⁰. Со времен Левкона I (390–351) у Афродиты Апатуры засвидетельствован эпитет Урания (КБН. 1111), далее по времени следует выделенная выше группа посвящений, сделанных при Перисаде I.

Считается, что почитавшаяся на Боспоре, и только здесь, Афродита Урания Апатура – синкретическое греко-туземное божество: прозвище Апатура связано с ионийским фратриальным праздником Апатурии, олицетворявшем единение всех ионян (боспорские греки происходили из нескольких ионийских центров); как Урания она – скифская Артимпаса, богиня плодородных сил земли, воды, покровительница зверей⁷¹. На наш взгляд, определение характера этого божества требует некоторой коррекции.

Согласно Геродоту (I. 105; IV. 59, 67), Артимпаса (рукописные варианты: Аргимпаса, Ариппаса) соответствует греческой Афродите Урании. Култ Артимпасы восходит к аскалонской Небесной Афродите (Астарте), жрецы ее у скифов именуются энареями. Свидетельство "отца истории" о связи скифской Артимпасы с западносемитской Астартой подтверждается посвящением жены Перисада I Комосарии (КБН. 1015, происходит из окрестностей станицы Ахтанизовской) "крепкому богу Санергу и Астаре". Эта Астара – западносемитская Астарта, богиня любви и плодородия, богиня-воительница, олицетворение утренней планеты Венеры. Греческий култ Афродиты как Урании сформировался под влиянием культа Астарты. На востоке Передней Азии

⁷⁰ КБН. 1234, с поправками по прориси Де ла Мотрэ в IPE. II. 469: θε[αῖ] Ἀπατῶρω [ι-] μαχ[ο]ς Κ ἀρ[υ]ε[ι]ά θε[ω]ν? "богине Апатуре [посвятил] - - мах, [сын] Карнеада (?)".

⁷¹ Харко Л.П. Култ Афродиты на Боспоре Киммерийском // КСИИМК. 1946. Вып. 13. С. 137–141; Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. С. 211–213; Народы нашей страны в "Истории" Геродота. М., 1982. С. 297 (лит.).

Астарте соответствует Иштар с теми же функциями, а также, что примечательно в интересующем нас аспекте, покровительницы царей (ее эпитет "царица царей"), – функция, возникшая под влиянием иранской Анахиты. У Астарты был мужской парэдр Астар. В остальных надписях, выделенных выше в связи с прижизненным культом боспорских царей, Астаре посвящения Комосарии соответствует в посвящениях других родственников Перисада и прочих лиц Афродита Урания Апатура – это посвящения (по нашей интерпретации) за Левкона I (КБН. 1111), Перисада I (КБН. 7, 971, 972), Спартока IV (КБН. 1043), Перисада V (КБН. 75).

Появление в боспорской надписи времени Перисада I имени западносемитской Астарты не может быть мотивировано связями Боспора с западносемитским миром ввиду отсутствия каких-либо известий о таковых. Следовательно, боспорская Афродита как Урания – действительно скифская Артимпаса, в соответствии с указанием Геродота, восходящая к западносемитской Астарте⁷². Однако эта специфическая скифская богиня могла стать покровительницей боспорских царей только в том случае, если Спартокиды сами были скифами по происхождению и принадлежали именно к царским скифам – иранцам по языку и этносу.

Вопрос об этнической принадлежности Спартокидов многократно обсуждался в литературе и высказывались мнения, что они были фракийцами⁷³, либо греками⁷⁴, либо принадлежали к туземной среде Боспора, скорее всего к синдам⁷⁵. Странники первой точки зрения ссылались в основном на фракийский характер имени основателя династии Спартока. Согласно адептам второго мнения, Боспор был прежде всего объединением местных греческих городов, тогда как сторонники третьего взгляда апеллировали к туземной основе населения Бос-

⁷² *Ростовцев М.И.* Представление о монархической власти в Скифии и на Боспоре // ИАК. 1913. Вып. 49. С. 16–17; *Бессонова С.С.* Религиозные представления скифов. Киев, 1983. С. 38. Упоминание Астарты в посвящении Комосарии, связанном с кругом других надписей, сделанных в честь боспорских царей и упоминающих Афродиту Уранию, делает безосновательным скепсис некоторых исследователей, например, *Ж. Дюмезиля* (см.: *Дюмезиль Ж.* Осетинский эпос и мифология. М., 1976. С. 136) в отношении заимствования скифами культа аскалонской Астарты. Вопрос об Афродите как Апатуре мы рассмотрим ниже.

⁷³ *Гайдукевич В.Ф.* Боспорское царство. С. 56; *Жебелев С.А.* Северное Причерноморье. М.; Л., 1953. С. 167; *Влаватский В.Д.* Пантикапей. М., 1964. С. 56; *Шелов-Коведяев Ф.В.* История Боспора в VI–IV вв. до н.э. // Древнейшие государства на территории СССР. 1984. М., 1985. С. 83–84 (с остальной лит.: *Васильев А.Н.* К вопросу о фракийском происхождении Спартока // Вопросы политической истории СССР. М.; Л., 1977).

⁷⁴ *Влаватская Т.В.* Очерки политической истории Боспора. М., 1959. С. 26 и след.

⁷⁵ *Артамонов М.И.* К вопросу о происхождении боспорских Спартокидов // ВДИ. 1949. № 1. С. 34; *Каллистов Д.П.* Северное Причерноморье в античную эпоху. М., 1952. С. 114–115.

пора. В целом можно констатировать, что эта проблема еще ждет своего полного изучения. Здесь не место для ее всестороннего исследования, поэтому мы приведем лишь некоторые соображения в пользу скифо-иранского происхождения Спартокидов. Предварительно отметим правильную в целом посылку большинства исследователей, начиная еще с Дюбуа де Монпере, которые указывали на важнейшую роль туземного компонента населения Боспора. Местный элемент был настолько силен здесь, что попытка части греческого населения осуществлять свое господство над страной посредством тиранического режима Археанактидов была недолговечна: после 42-летнего их господства к власти пришла в 438 г. местная по происхождению династия сильно эллинизированных Спартокидов, внутренняя политика которых зиждилась на основополагающем принципе равновесия греческого и туземного компонентов царства: как правители греческого, городского по преимуществу населения они были магистратами–архонтами, как владыки туземного населения, сгруппированного по племенному признаку и имевшего своих царьков, они были верховными царями (βασιλεῦντες)⁷⁶. Иначе говоря, для обоих компонентов царства была выбрана привычная им форма правления – для греков магистратная, для туземцев царская⁷⁷.

Мы уже отмечали в другой работе, что практическая реализация царской власти Спартокидами как выходцами из туземной боспорской среды осуществлялась в соответствии с обычаями, принятыми на сей счет у царских скифов – в виде улусного соправления, а также верховенства над племенными царями – титул βασιλεύων выше титула βασιλεύς⁷⁸. Само положение боспорских владык как царей над царями подвластных им племен приближало их титул βασιλεύων +

⁷⁶ Официальная титулатура первых Спартокидов известна нам со времени Левкона I (390–351), который был “архонтом Боспора и Феодосии и верховным царем” синдвов и прочих народов азиатского Боспора (КБН. 6, 8, 1037, 1038; ср. 1111). Попутно отметим невозможность восстановления его титулатуры в надписи КБН. 6а, некритически воспринятой издателями этого корпуса у В.В. Шкорпала (стк. 3–6): [- - ἀρχ] οντος Λευκωνος| [Βοσπόρου καὶ Θεο] δοσιης| [καὶ Σύνδων κ] αὶ βασιλευοντος|[Τορετέων, Δανδ] αρίων, Ψησῶν. Над синдами архонтов не могло быть, это магистратная городская должность. Недоказуемо и предположение С.А. Жебелева о том, что резчик по небрежности поставил синдвов перед βασιλευοντος. На наш взгляд, титулатура читается следующим образом: [- - ἀρχ] οντος Λευκωνος | [του Σατύρου Θεο] δοσιης| [καὶ Βοσπόρου κ] αὶ βασιλευοντος| [Σύνδων, Δανδ] αρίων, ψησῶν. Конечно, в титулатуре Спартокидов Боспор упоминается прежде Феодосии, но проще переставить их местами, нежели ставить архонта над синдами.

⁷⁷ Предположение о том, что ἀρχων не субстантивированное причастие, а простое причастие, соответствующее простому же причастию βασιλεύων (*Шелов-Коведяев Ф.В.* Указ. соч. С. 89), само по себе интересное, противоречит титулатуре Перисада V (КБН. 75): ἀρχοντος καὶ βασιλεως Παρισάδου, где при βασιλεύς причастие ἀρχων не может не быть субстантивированным.

⁷⁸ Оливия и Боспор. С. 286 и след.

+ этноним к титулу "царь царей", существовавшему в то же самое время у Ахеменидов и, может быть, у верховных владык царских скифов.

Естественно в таких условиях, что и политическая идеология скифского царства воспроизводилась на Боспоре, в частности скифские представления о природе царской власти. Их кратко сформулировал Д.С. Раевский: "Происхождение от богов, принадлежность к сословию, божественным указанием поставленному во главе общества, и бракосочетание с верховной богиней – вот три опоры, на которых покоится представление о скифских царях как о богоизбранных, высшей волею вознесенных над остальным обществом личностях"⁷⁹.

Первая "опора", однако, требует уточнения: у царских скифов как иранцев по происхождению имелось исконное представление о божественности царской власти (фарн), а не царей – обожествление личности царя, попросту говоря, возведение его или родословия к предку–богу, не было свойственно исконной иранской мифологии и политической идеологии, его проявления наблюдаются в тех областях персидской державы, где такие представления имелись у туземных народов – в Египте, отдельных странах Передней Азии⁸⁰.

Изделия торевтики из скифских курганов боспорского круга с изображениями скифских божеств и царей дают ту же картину: проанализированные М.И. Ростовцевым сцены инвеституры (пластинка от головного убора из кургана Карагодеуаш и др.) свидетельствуют об исконно иранских представлениях туземного населения Боспора о божественной природе царской власти (фарне), а не личности царя⁸¹. Греческому населению Боспора посылка о божественности царя вообще чужда. Поэтому для введения прижизненного культа боспорского

⁷⁹ Раевский Д.С. Очерки идеологии скифо-сакских племен. М., 1977. С. 162.

⁸⁰ Дария I обожествляли египетские жрецы, а не персы. См.: Дандамаев М.А., Луконин В.Г. Культура и экономика древнего Ирана. М., 1980. С. 338–339. Отсюда и происходят известия Эсхила (*Persae*. 145, 156–157) и перипатетика Фания (аруд: *Plut. Theb.* 27) об обожествлении персами своих царей – Дария I, Ксеркса. Персидские источники не знают обожествления личности царя. Например, сам Дарий говорит в начале Бехистунской надписи о 8 своих предках – царях, происходящих от царя (не бога!) Ахемена, тогда как "царь он милостью Ахурамазды, Ахурамазда дал мне царство", т.е. божественной была царская власть, а не личность царя. См. также: Фрай Р. Наследие Ирана. М., 1972. С. 136–137; Дандамаев М.А., Луконин В.Г. Указ. соч. С. 330. Д.С. Раевский не привел данных об исконно иранских корнях обожествления личности царя, так что скифская легенда о происхождении их первопредка от Зевса-Папая и речной нимфы (*Herod.* IV. 5 – скифская версия) – это легендарное представление о божественном происхождении первопредка иранцев вообще, соответствующее иранской мифологии о происхождении Йммы от солнечной инкарнации Вивахванта, а не только царского рода скифов. Сама скифы указывали, по словам Геродота, что со времени появления их первопредка Таргитая прошла тысяча лет, а это время существования не династии, но народа в целом.

⁸¹ Ростовцев М.И. Представление о царской власти. С. 1 и след.

царя требовалось создание определенных общественных условий, которые стали формироваться в греческом мире с начала эллинистической эпохи под воздействием египетских прежде всего представлений о божественности личности фараона, удачно приспособленных Александром Македонским для обожествления своей персоны и подхваченных правителями эллинистических царств. Поэтому, хотя надпись КБН. 1111 (и может быть 7) указывает на введение прижизненного культа боспорского монарха уже при Левконе I (390–351), в полном своем объеме как всеобщий официальный культ он стал отправляться лишь со времени Перисада I. Собственно, численное соотношение связанных с этим культом посвящений – одна или две при Левконе и 5–6 при Перисаде I (КБН. 971, 972, 1015, 1041, надпись из Кеп и, может быть, 7) – предполагает именно такой вывод.

Рассмотрим теперь вторую базисную опору скифских представлений о царской власти – принадлежность монарха к определенной общности людей – роду, клану, племени, сословию, из среды которой избирался царь. На наш взгляд, в сведениях о Перисаде I имеются данные, указывающие на принадлежность его к высшей скифской знати – энареям.

Согласно Геродоту, у скифов жрецами культа Афродиты Небесной были энареи, сведения о которых предоставляют также Гиппократ и Аристотель. По Геродоту (I. 105), на обратном пути от Египта часть скифов разорила в Аскалоне храм Афродиты Урании (Астарты), за что богиня поразила их самих и потомков во всех поколениях некоей "женской болезнью" (θήλειον νόσον); так говорят и сами скифы о своей болезни, поясняет Галикарнасец, да и всякий прибывший в скифскую землю может видеть, как обстоит дело с теми, кого скифы называют Ἐνώρηες. Далее Геродот возвращается к теме энареев в связи с рассказом об искусстве гадания у скифов (IV. 67сл.): в Скифии много предсказателей, которые прорицают при помощи связок ивовых прутьиков⁸². Это искусство гадания наследственное, и энареи, женомужчины (ἀνδρόγυνοι), говорят, что его дала им Афродита. В случае болезни царя призываются три прорицателя, если нужно, еще больше. Прорицавших ложно сжигают в телеге с хворостом (если они не смогут выбраться из нее).

Как обычно у Геродота, рассказ полон неясностей, недомолвок, противоречий. В частности, ему осталось неизвестным, что же это за "женская болезнь" – суть всей истории с энареями.

Более обстоятелен, но так же неточен Гиппократ, использовавший

⁸² Возможно, это неточно понятое Геродотом или его информантом действие: авест. *naska-*, ср. перс. *nask-* в буквальном значении "связка, пучок" обозначает еще книгу, часть "Авесты", т.е. возможно, предсказания делались стихами священной книги иранцев. Согласно Геродоту (I. 132), при жертвоприношениях персидские жрецы (маги) распевали гаты "Авесты" (Геродот называет ее "теогонией").

наряду с данными Геродота какой-то ближе неизвестный нам источник второй половины V или начала IV в. до н.э. (De aeg. 29–30 = SC. I. P. 63–64)⁸³. Он отмечает любопытный для него как медика факт – среди скифов встречается множество евнухов, называемых анареями (ἀναρείς)⁸⁴, которые занимаются женскими делами, одеваются и говорят по-женски. Местные жители, приписывая причину этого божеству, почитают таких людей и падают перед ними ниц (προσκυνέουσι), опасаясь за себя. Ничего божественного в этой болезни скифов Гиппократ не видит, по его мнению, это импотенция, происходящая от постоянной езды верхом и неудачного оперативного вмешательства для ее лечения. По Гиппократу, убедившись в своей импотенции, больной надевает женское платье, чем выказывает свое немужское состояние (ἄανδρείην), облачается и занимается вместе с женщинами свойственными им работами. Этой болезнью страдают богатые скифы, продолжает косский врач, не самого низкого происхождения, но самого благородного (εὐγενέστατοι) и снискавшие наибольшее могущество.

Наиболее осторожен в вопросе о анареях Аристотель: не обладая ясной информацией о них, он просто констатирует (Eth. Nic. VII. 7, 6 = SC, I. P. 382): "этот недуг у скифских царей отличается признаками пола – как нечто женское у мужского пола"⁸⁵.

Сведения Гиппократа ценны тем, что в отличие от Геродота раскрывают высокий социальный статус анареев – это высшая скифская знать, благороднейшие по происхождению и состоятельнейшие скифы. Его сообщение о том, что скифы падают ниц (προσκυνέουσι) перед анареями соответствует обряду падения ниц (προσκύνησις) перед персидскими ахеменидами⁸⁶, – аналогия, указывающая на царский ранг анареев и подтверждаемая прямым указанием Аристотеля на то, что анареи – скифские цари. Можно приветствовать стремление Гиппократа рационалистически объяснить загадочную "болезнь" скифской знати, но объяснение его вряд ли состоятельно: сам он анареев не видел и поставил свой диагноз, так сказать, заочно, в результате чего

⁸³ О возможном соотношении этих источников см.: Жебелев С.А. Указ. соч. С. 34.

⁸⁴ По С.А. Жебелеву, рукописи трактата дают формы ἀνδρείς, ἀναρδβεῖς, ἀνανδρείς, в литературе принято исправление Гомперца ἀναρείς, передающее значение исходного иранского слова *a-na(i)-rua-(авест. a-, an-, – "не" и paīrua- – мужской, мужественный, сильный)" "немужской" (Zgusta S. 260).

⁸⁵ ἐν τοῖς Σκυθῶν βασιλευσιν ἡ μαλακία διὰ τὸ γένος καὶ ὡς τὸ θῆλυ πρὸς τὸ ἄρρεν διέσθηκεν (иначе текст передан в SC: "скифские цари от природы изнежены и отличаются от других людей, как женщины от мужчин").

⁸⁶ Об этом писал перипатетик Фаний (арх. Plut. Them. 27). По Геродоту (I. 134), у персов человек более низкого ранга падает ниц при встрече с лицом более высокого ранга. См. также: Фрай Р. Указ., соч. С. 136; Дандамаев М.А., Луконин В.Г. Указ. соч. С. 330.

его объяснение болезни как импотенции вряд ли соответствует тому факту, что у энареев было много поколений потомства (ἀεὶ ἔκγονοι – *Herod. I. 105*)⁸⁷.

Итак, энареи – высшая скифская аристократия, цари, в одежде, облике и обычаях которых просматривается нечто немужское (иран. *apa(i)ra-). Предложенные в литературе объяснения феномена энареев сводятся к двум точкам зрения. Одни (В. Холлидей, К. Мейли и др.) видят в них шаманов, в практике которых (у чукчей, палеоазиатов, индейцев) известно передевание в женское платье, прорицание женским голосом, переход во время камлания в женское состояние, словом все то, что могло быть принято Геродотом или его греком-информатором (Тимном?) за какую-то "женскую болезнь"⁸⁸. Второе объяснение принадлежит Ж. Вандриесу и развито Ж. Дюмезилем и Ж. Грисваром: это обряд кувады, имитация мужчиной женских родов⁸⁹. У скифов переход в женское состояние, как показывают параллели из нартовского эпоса осетин и ирландского сказания о недуге уладов, мог быть связан с ожидаемым рождением сына-богатыря.

Можно предложить еще одно объяснение. Поскольку у скифов само возникновение энареев и их функционирование (прорицание) связано с культом западносемитской Астарты, у которой был мужской парэдр Астар с теми же функциями, можно предположить, что отправление скифами амбивалентного в половом отношении культа Астарты–Астара сопровождалось переменой пола мистов: жрецы переходили во временное женское состояние – передевались в женское платье, изменяли голос, переходили на женский язык и прочее⁹⁰.

В известиях о Перисаде I прослеживаются черты, сближающие его с энареями. Полиен (VII. 37=SC. I. P. 566) рассказывает о его пристрастии к передеванию: в одной одежде он строил войско, в другой вступал в битву, в третьей обращался в бегство в случае надобности. Свидетельство о перемене Перисадом своего пола находим в "Драматиконе" писателя II в. н.э. Ямвлиха (SC. I. P. 583), сообщающем о связи мистерий Афродиты у жителей области Танаиса с Фарнухом, неким Танаидом и Фарсиридой: Танаис тут скорее Кубань, нежели Дон, Фар-

⁸⁷ На это обратили внимание, в частности, наши комментаторы Геродота: См.: Народы нашей страны. С. 306. Согласно Арриану (Anab. IV. 11.9) обычай падения ниц перед царем ввел Кир, сын Камбиза (559–530).

⁸⁸ *Halliday W.H.* A Note on the ἀῖλια νόσος of the Scythians // *BSA.* 1912. Vol. 17. P. 95 f.; *Meuli K.* Scythica // *Hermes.* 1935. Bd. 70. S. 130 f.; Народы нашей страны. С. 305 (здесь приведены и другие точки зрения, неприемлемые ввиду слабой аргументация).

⁸⁹ *Vendryes J.* La couvade chez les Scythes // *CRAI.* 1934. P. 329 sq.; *Дюмезиль Ж.* Осетинский эпос. С. 132 и след.; *Он же.* Скифы и нарты. М., 1990. С. 168 и след. Нет оснований, однако, для утверждения Ж. Дюмезиля, что оба мнения исключают друг друга – шаманские действия могли быть элементом кувады.

⁹⁰ Ср.: *Грантовский Э.А.* Ранняя история иранских племен Передней Азии. М., 1970. С. 303–304.

нух – иранское божество фарна, Фарсирида – персидская форма иранского имени Парисатида (Φαρσιρίς=Παρίσατις, ср. *Strab.* XVI. 4, 27: греки передают персидское имя Парисатида также в форме Φαρζι-ρίς)⁹¹. Связь культа Афродиты с культом Перисада I, причем в контексте с ее ипостасью Фарном (см. ниже) – божеством царской власти, указывает, что под Парисатидой данного рассказа подразумевается Перисад I в облике противоположного пола. Приведенные обстоятельства позволяют думать о принадлежности Перисада I, а тем самым и Спартокидов в целом, к знареям – высшей аристократии царских скифов.

Вообще у Спартокидов иранская принадлежность просматривается в самых разных отношениях – в коренном именнике династии (Перисад, Камасария, Аргот, Спарток), обычае соправления царей с детьми и братьев друг с другом, религии и прочем⁹². Особенно показателен

⁹¹ Перевод фрагмента по SC: "Итак, Ямвлих говорит как бы в виде эпизода о святилище Афродиты и об установлении, чтобы посещавшие его женщины публично взирали виденные им в храме сны. Здесь же он подробно рассказывает о Фарнухе, Фарсириде и Танаиде, от которого получила название и река Танаид, и говорит, что мистерии Афродиты у жителей этой местности и области Танаида суть мистерии Танаида и Фарсирида" (ввиду свидетельства Страбона последнее имя следует переводить женским родом: Фарсирида). О Танаисе как реке Кубань см.: *Куклина И.В.* Этногеография Скифии. Л., 1985. С. 145. В городе Танаисе близ устья Дона было святилище Зевса, Ареса и Афродиты (КБН. 1237. 193 г. н.э.), но поскольку Ямвлих говорит о святилище Афродиты, предполагают, что речь идет о таманском святилище Апатуры (см. коммент. Л.А. Ельницкого к данному фрагменту: ВДИ. 1948. № 1. С. 315). Согласно Ямвлиху, Танаис – персонификация местной реки. Фарнух – название иранского бога фарна (авест. *xvar ahah-*, др. перс. *farnah-* плюс *vohu-* "хороший, добрый, благой" – "Благой фарн"). См. о фарне, например: *Литвинский Б.А.* Кангуйско-сарматский фарн. Душанбе, 1968. В Малой Азии Фарнухом назывался бог Мен – лунное божество иранского происхождения. Культ Мена засвидетельствован и на Боспоре монетами и терракотами I–III вв. н.э., преимущественно в образе Мена-Аттиса (*Кобылина М.М.* Изображения восточных божеств в Северном Причерноморье в первые века н.э. М., 1978. С. 17. Рис. 25–32). Ниже мы покажем, что эпитет Афродиты–Апатура – подразумевает почитание ее тут в синкретическом облике богини воды и огня, т.е. Танаиса и Фарнуха рассказа Ямвлиха.

⁹² Кратко коснемся коренных имен Спартокидов. Имя Πα(ι) ρισάδης вопреки ряду авторов (например: *Zgusta.* S. 284), не фракийское, поскольку не имеет фракийской этимологии; вообще иранские имена появились у фракийских династов в результате брачных связей с царскими скифами (ср.: *Бешевлиев В.* Проучвания върху личните имена у траките. София, 1965. С. 14–15). Имя Перисад (среднеперсидское Пероз) представлено в персепольских документах ахеменидского времени (в форме женского рода) и имеет хорошую иранскую этимологию: *Pairisati* из **pari-auijah* – "полнота силы, превосходство в силе", "победа", "победоносный". См.: *Грантовский Э.А.* Указ. соч. С. 201–203; *Расторгуева В.С., Молчанова Е.К.* Среднеперсидский язык // Основы иранского языкознания. М., 1981. С. 40. Кстати, имя скифского царя Φαρζιός, фигурирующее на ольвийских монетах I в. н.э., отражает среднеперсидскую форму имени Перисад – *Peroz*. Для имени Камасария предлагались разные иранские этимологии. В первой его основе видели иран. *kama-* "желание" (см.: *Justi F.* *Iranisches Namenbuch.* Marburg, 1895. S. 154, 165). Во второй – иран. *saraha-* – "голова" (*Vasmer M.* *Op. cit.* S. 41). В.И. Абаев понимал это имя как иран. **kama-sar* – "с непокрытой головой". См.: *Абаев В.И.* Скифо-сарматские наречия // Основы иранского языкознания: Древнеиранские языки. М., 1979. С. 350. Имя второго мужа

принятый у них обычай кровосмешения. Перисад I был женат на своей двоюродной сестре Комосарии, Перисад IV (около 190–180) на сестре, тоже, кажется, двоюродной и тоже Камасарии. Это находит аналогию в кровосмесительных браках Ахеменидов, нередко женившихся на своих сестрах (например, Камбис–*Herod.* III. 91), а также в обычае кровосмесительства у скифов (*Philo Iud. De prov. I. 85 = SC. I. P. 481*): "племена скифов...допустили постыдное кровосмешение с матерью и скифы передали это своим детям и потомкам, так что с течением времени этот обычай принял силу закона". Существование такого обычая у скифских царей предполагается на основе рассказа Аристотеля о случае скифским царем своего лучшего жеребца с матерью последнего⁹³. В конечном счете этот обычай кровосмешения у скифов восходит к иранской мифологеме о браке богини земли Спендармат, матери рожденного ею от Ахурамазды первочеловека Гайомарда, со своим сыном; подобное представление имелось у скифов о сыне Папая и змееногой богини Таргитае⁹⁴.

Корни Спартокидов как скифско-иранского царского, еще до утверждения на боспорском престоле, рода, безусловно, находились на азиатской стороне Боспора⁹⁵. Давно замечено, что во всех списках подчиненных или союзных народов, фигурирующих в титулатуре Спартокидов, обязательно представлены, притом на первом месте, синды, и это, наряду с другими данными, давало повод усматривать в синдомеотах их коренную почву⁹⁶. На наш взгляд, малая родина Спартокидов – Синдика и точнее Тамань. Отсюда происходит основная часть связанных с ними эпиграфических памятников. Здесь погребен привезенный из-под Феодосии Сатир I и над его могилой насыпан столь примечательный курган, что четыре столетия спустя Страбон отметил его как одну из достопримечательностей страны. Иранские корни

царицы Камасарии Αρῦοτας восходит к иран. ārguta. См.: Там же. С. 331. Имя Спарток обычно объясняют в качестве фракийского: из *spara – "копье" и *takos – "славный" (*Zgusta. S. 287; Георгиев В.И.* Траките и техният език. София, 1977. С. 95), но во фракийском антропонимиконе эти основы более не представлены, поэтому предпочтительнее сближение имени с иран. spara- – "щит" (*Vasmer M. Op. cit. S. 53*), представленном в ряде персепольских имен (*Mayrhofer M. Op. cit. S. 294*) и боспорских: Σπάρο-φοτος (КБН. 247, III в. до н.э.), Σπάρο-βαίς (КБН. 965, II в. н.э.). См.: *Zgusta. S. 148; Петров В.П.* Указ. соч. С. 142. Вторая основа имени Σπάρτοκος на наш взгляд, сопоставима с иран. tāv(a)ka (ср. перс. tāvag – "сильный, крепкий"); иран. au передавалось через греч. ο (*Zgusta. S. 215*).

⁹³ Раевский Д.С. Указ. соч. С. 51.

⁹⁴ Там же. С. 50.

⁹⁵ В.Д. Блаватский в связи с этим отметил, что Сатир I (403–390) погиб при осаде Феодосии, а его могильный курган находился на Фанталовском полуострове (*Strab. XI. 2, 7*). См.: *Блаватский В.Д.* Архаический Боспор // МИА. 1954. Т. 33. С. 42.

⁹⁶ *Ростовцев М.И.* Скифия и Боспор. С. 293; Блаватский В.Д. Архаический Боспор. С. 42 и след.; *Артамонов М.И.* Указ. соч. С. 31 и след.

Спартокидов как таманского царского рода находят соответствие в имени IV в. до н.э., до сих пор не привлекавшего к себе внимания – Καβαδάξης. Оно засвидетельствовано дважды. В списке имен IV в. до н.э. из Гермонассы (КБН. 1056. Кол. I, 20) среди 38 греческих имен только одно это принадлежит туземцу, причем греческие имена носят ярко выраженный ионийский облик, это список потомственных граждан города, наследников его основателей VI в. до н.э. Еще раз мы встречаемся с этим человеком по печальному поводу: на той же Тамани у побережья Кизилташского лимана на кургане над гробницей найдена стихотворная эпитафия его внука Клеефира⁹⁷. Это экзотическое имя, бесспорно местного происхождения, на наш взгляд, этимологизируется из иран. Kavāta xšāya – "Кавата царь".⁹⁸ Понятно, что греческая передача личного имени Каваты со словом "царь" совместила личное имя Кавата с его титулом, т.е. этот Кавата был царем. Именно это обстоятельство послужило причиной включения его, единственного из туземцев, в гражданский список Гермонассы, а местонахождение эпитафии его внука указывает, что владения Каваты располагались (по меньшей мере) у Кизилташского лимана. "Царское" значение имени Каваты подтверждается этимологией имени его внука Κλεφειρος, которое, на наш взгляд, отражает иран. *hupatar-, *hupitar- (авест. hupatar-) "имеющий хорошего (в смысле происхождения) отца, родителей", "имеющий хорошее происхождение"⁹⁹.

⁹⁷ КБН. 1113, IV в. до н.э. Упоминание имени Καβαδάξης в двух надписях, близких территориально и хронологически, при том, что более оно не встречается, свидетельствует о принадлежности его одному и тому же лицу. Расположенная рядом "Батарейка", по-видимому, та, что раскапывалась В.С. Долгоруковым неподалеку от станции Вышестеблиевской: верхние слои ее дали материал II–IV вв. н.э. и еще одну эпитафию (см.: МБЭ. С. 20–21), но подъемный материал, как мы помним по собственным находкам, включал обломки тары классического времени.

⁹⁸ Иран. v обычно передавалось через греч. β (*Zgusta*. S. 229), особенно ввиду того, что в ряде диалектов греческого языка, в том числе ионийском, с IV в. до н.э. стало проявляться спирантное произношение β как v (υ) (*Bechtel B. Die griechischen Dialekte*. В., 1924. Bd. 3. S. 40; Buck C.D. *The Greek dialects*. Chicago, 1968. P. 47). Иран. t регулярно соответствовало греч. τ, θ (*Zgusta*. S. 221), авест. xšāya- "царь" (др. перс. xšāyaviya, ср. перс. šāh) передавалось через ξαί, ξη, ξι (*Zgusta*. S. 121–122). Отпадение конечной безударной группы -viya в этом слове, характерное для языков среднеиранского периода (см., например: *Расторгуева В.С., Молчанова Е.К.* Указ. соч. С. 51), в скифоиранском языке Тамани проходило, стало быть, с самого начала этого периода, т.е. с IV в. до н.э. Попутно отметим, что О.Н. Трубачев предположительно этимологизировал имя Καβαδάξης, которое считал синдским индоиранским, из др. инд. *kumbha-takṣa "отесывающий сосуды" (*Трубачев О.Н.* О синдах в их языке // Вопросы языкознания. 1976. № 4. С. 56); столь экзотический смысл антропонима не позволяет принять данную этимологию.

⁹⁹ Сильное иран. h передавалось греч. κ, χ, ср. боспорские имена Κοφαρνος, Хофарνος при авест. hu- и др. перс. farnah "благой фанр". Первый слог имени Κλεφειρος как безударный синкопирован. Иран. i передавалось греческой *iōtoy*, но также через *ēty* (Φηδ-ανακος из pitar-, *Zgusta*. S. 216) и дифтонг ei (*Ibid.*), что отражает и греческий *ηε* в имени Κλεφειρος. Проблематично лишь отражение иран. a через греческий *ισιππ*, что

Имя этого таманского царька весьма примечательно. Это имя легендарного иранского царя Кави Кавата, упоминаемого XIII "Яштом" (kavi Kavāta, пехлевийская форма Kavād). Он основатель кайанидской династии, хороший царь и благочестивый человек, несший свет и добро людям и тварям¹⁰⁰. Имя его употреблялось в качестве антропонима историческими династиями¹⁰¹.

Упоминание имени Каваты в таманских надписях IV в. до н.э. примечательно в ряде отношений. Во-первых, оно показывает распространённость легендарно-исторической авестийской традиции от Средней Азии и Ирана до Северного Причерноморья и, что особенно важно для нас, присутствие авестийской традиции в северопричерноморском регионе. Во-вторых, удостоверяет раннюю датировку упоминающего Кавату XIII "Яшта" (конец доахеменидского периода или время Ахеменидов). В-третьих, что существенно для нашего специального вопроса, показывает, что при наличии на Тамани, "малой" родине Спартокидов, туземного царского рода с антропонимикой, заимствованной из ранней авестийской традиции, сам род Спартокидов скорее всего тождествен роду Каваты, ибо трудно представить себе сосуществование двух царских родов в пределах небольшого Таманского полуострова. По-видимому, Кавата и его потомки – ответвление царского спартокидского рода, оставшееся на своей родовой территории. Подобно Спартокидам они в высшей степени эллинизованы (ср. составление стихотворной эпитафии Клеефиру), но иранский именьник их чист.

Мы полагаем, что приведенная аргументация в целом подтверждает наш тезис об иранском происхождении Спартокидов. Их глубоко иранская природа и принадлежность к высшей аристократии царских скифов хорошо объясняют связь культа Перисада I именно с Афродитой – греческим эквивалентом иранской Ардвисуры Анахиты, входившей в основную триаду иранских божеств вместе с Ахурамаздой и Митрой. Если Ахурамазда был абстрактным верховным богом зороастрийской религии, воспринятой Ахеменидами ("Ахурамазда дал мне царство", –

может указывать на слоговое *g* в иранском источнике имени, т.е. **pitṛ*, причем в восточноиранских языках, к которым принадлежат скифские языки Северного Причерноморья, в числе рефлексов слогового *g* отмечен *ig* (Эдельман Д.И. Сравнительная грамматика восточноиранских языков: Фонология. М., 1986. С. 75). См. примеч. 113.

¹⁰⁰ Christensen A. Les Kayanides. København, 1931. P. 70–71. В иранских и арабских источниках династия Кайанидов локализуется по-разному: в пределах юга Средней Азии, Афганистана, Ирака, также Новоавилонского царства VII–VI вв. до н.э., с которым синхронизируется ("Денкарт", "Шахнаме", Масуди, Беруни). Одни исследователи считают династию исторической (А. Кристенсен, В.Б. Хеннинг и др.), другие вымышленной зороастрийским жречеством (Р. Фрай, М. Моле и др.).

¹⁰¹ Например, так звали одного из парфянских царей (Justi F. Op. cit. S. 159).

утверждал Дарий в Бехистунской надписи), то Митра и Анахита почитались в широкой иранской среде¹⁰². Функции Анахиты очерчены в посвященном ей "Абан-Яште" "Авесты": она вызывает страсть, помогает рожать детей, покровительствует дому, имуществу, стадам, стране¹⁰³. По происхождению она божество водной стихии, "бескрайняя, заменитая, равная всем водам, текущим по земле". Как подательница богатства она – подательница власти, фарна. От нее получил власть над миром людей и полубогов первочеловек Йима: "Даруй мне такую удачу, чтобы я наивысшим властителем над всеми кишшарами стал, над дэвами и людьми, над волшебниками и пери, над кавийскими и карапанскими властителями... и даровала ему эту удачу Ардвисура Анахита" (V. 7). Анахита дает верховную власть Хушенгу, третьему мифическому царю Ирана, царям из рода Кайанидов и другим эпическим богатырям Ирана. Разумеется, на конечном оформлении "Ардвисур-Яшта" сказалось определенное воздействие сасанидской эпохи, но в целом он считается достаточно ранним и входит в древнейшую часть "Авесты", относясь к ахеменидскому или доахеменидскому времени¹⁰⁴. Это означает, что Анахита как подательница фарна почиталась в различных частях иранского мира по меньшей мере с середины I тысячелетия до н.э., хотя мы располагаем сведениями о выполнении ею этой функции преимущественно при первых Сасанидах – она представлена вручающей фарн в сценах инвеституры царей II–III вв. н.э.¹⁰⁵ Изображение ее на различных изделиях из скифских курганов, в том числе боспорских, в сцене инвеституры скифского царя (см., к примеру, цитированную работу М.И. Ростовцева) показывает, что в интересующем нас ареале Скифии – на Боспоре – Анахита воспринималась местным населением в той же функции, которая засвидетельствована в сасанидском Иране – покровительница царского рода, подательница царской власти (наряду с прочими ее функциями).

Артимпаса царских скифов, которую Геродот (IV. 59) называет Афродитой Уранией – одна из ипостасей авестийской Ардвисуры Анахиты, на что указывает один и тот же первый композит их имен, при этом обогащенный западносемитским культом Астарты¹⁰⁶. Функции ее как подательницы царской власти и объясняют, почему культ

¹⁰² Дандамаев М.А., Луконин В.Г. Указ. соч. С. 314.

¹⁰³ См. пер.: Брагинский И.С. Из истории таджикской и персидской литературы. М., 1972. С. 57 и след.

¹⁰⁴ См.: Брагинский И.С. Иранское литературное наследие. М., 1984. С. 53. Существует даже мнение, впрочем вряд ли справедливое, что Анахита изначально была богиней-воительницей и покровительницей династии, и лишь после неоднократных маздакистских редакций религиозных текстов "Авесты" ее модифицировали в богиню любви и плодородия. См.: Луконин В.Г. Культура сасанидского Ирана. М., 1969. С. 97.

¹⁰⁵ Там же. С. 83–84, 97.

¹⁰⁶ Абаев В.И. Избранные труды. Владикавказ, 1990. Т. 1. С. 94.

Перисада I и других боспорских царей осуществлялся под эгидой скифской Афродиты Урании Апатуры – от нее боспорские Спартокиды как скифский, герр. иранский по происхождению род, получали инсигнии царской власти и она же по этой причине была покровительницей династии¹⁰⁷.

На такое представление боспорских скифов о природе царской власти указывает сцена инвеституры на известной золотой пластинке IV в. до н.э. от головного убора из кургана Карагодеуашх (около г. Крымска на азиатском Боспоре), в верхнем регистре которой изображен Фарн, в среднем Митра и нижнем Анахита, вручающая атрибуты власти скифскому царю.

Эта триада божеств мыслилась в иранском мире и порознь и в синкретически слитом виде. Первоначальное синкретическое состояние явствует из отождествлении Митры и Анахиты у персов (*Herod.* I. 131), в чем усматривается андрогинный (обоеполоый) характер исконного иранского божества (Митры–Анахиты), выступавшего то в мужском, то в женском облике¹⁰⁸. Это означает, что Анахита имела также солнечную, огненную природу, откуда и проистекает ее связь с фарном¹⁰⁹. Собственно, на пластинке из Карагодеуашха представлены все три ипостаси некогда единого божества: Митра–Анахита–Фарн. Расщепление этого единого образа хорошо просматривается на памятниках кушанского царства первых столетий новой эры. Тут образ Ардвисуры Анахиты расщепился на женскую и мужскую ипостаси божеств водной стихии Ардохшо, т.е. Ардви Окса (Аму Дарьи) и Вахша (тоже речное название); с другой стороны, культ фарна персонифицировался в мужском образе Фарро, часто изображавшегося вместе с Ардохшо¹¹⁰.

¹⁰⁷ К этой мысли вплотную подошел М.И. Ростовцев: "Не знаю, однако, позволено ли было бы утверждать, что религиозное влияние это (культ Афродиты–Артимпасы–Астарты. – В.Я.) шло так далеко, что повлияло и на представление Боспора о царской власти" (*Ростовцев М.И.* Представление о царской власти. С. 18). С.С. Бессонова со ссылкой на эту работу вкладывает в нее мысль о том, что с IV в. до н.э. Афродита стала покровительницей царской династии (*Бессонова С.С.*. Указ. соч. С. 40).

¹⁰⁸ *Струве В.В.* Этюды по истории Северного Причерноморья, Кавказа и Средней Азии. Л., 1968. С. 116, 124; *Грантовский З.А.* Указ. соч. С. 304; *Бессонова С.С.* Указ. соч. С. 38. Под воздействием восточных культов андрогинных божеств Астарты–Атара, Анахиты–Митры в эллинистическом греческом искусстве сложился образ обоеполого Гермафродита, синкретической ипостаси Афродиты и Гермеса.

¹⁰⁹ Иран. *hvarənah-: авест. xvarə nah- "слава, величие, сияние, царская харисма", др. перс. farnah-, ср. перс. хварнаһ "величие, слава, божественная сущность, царская слава, царское величество". См. о солнечной природе фарна: *Топоров В.Н.* О происхождении нескольких русских слов // *Этимология.* 1970. М., 1972. С. 29–30, 32–33. Б.А. Литвинский вслед за Г. Бейли отмечает в качестве исходного значение "хорошая вещь", но приводит и указания на солнечную природу фарна (*Литвинский Б.А.* Указ. соч. С. 55).

¹¹⁰ *Тревер К.В.* Золотая статуэтка из селения Хаит (Таджикистан) // *Труды Гос. Эрмитажа.* Л., М., 1958. Т. 2. С. 138 и след.

Карагодеуашская пластинка показывает, что на Боспоре скифская Артимпаса-Астарты прошла такой же путь развития уже к IV в. до н.э.¹¹¹.

Напомним в связи с этим, что в "Драматиконе" Ямвлиха в качестве паредров мистерий Афродиты упомянуты наряду с Перисадом I (Фарсирида) Фарн и Танаис как олицетворение реки Кубань (см. примеч. 91), т.е. те же ипостаси некогда единой Анахиты, что и в кушанском пантеоне. Иначе говоря, на азиатском Боспоре, как и в кушанском царстве, Анахита почиталась в качестве речной богини и подательницы фарна одновременно. На азиатском Боспоре эта богиня по меньшей мере с VI в. до н.э. именовалась Апатурой (см. выше, с. 238), и в свете сказанного сущность этого эпитета должна быть пересмотрена. Собственно, связь его с ионийским праздником Апатурий обусловлена лишь случайным созвучием и надумана хотя бы потому, что в самой Ионии он не был связан с Афродитой (в Аттике он связан с Афиной). По одной этой причине больше оснований у тех исследователей, которые предполагали местное происхождение эпитета Апатура. В частности, Д.С. Раевский усматривал в нем имя скифской богини земли Апи, сложенное с иран. *tura – "быстрый", но в имени богини земли почему-то усматривал иран. *ar- "вода": Aritura, Apatura "быстрая вода"¹¹².

Сказанное выше о почитании Анахиты на азиатском Боспоре как персонализации реки Кубани и фарна одновременно позволяет усматривать в эпиклезе Апатура иран. *ar̄(a)- "вода, река" и *āt̄r (авест.

¹¹¹ Упомянутый в посвящении жены Перисада I Комосарии наряду с Астар(т)ой "крепкий бог" Санерг является, на наш взгляд, ипостасью Митры. В литературе кочует предположение Хефера (высказанное в словаре греко-римской мифологии Рошера) о тождественности этого Сангера, более нигде не упоминаемого, с малоазийским божеством Сандоном. Однако сходства одного лишь начала этих имен недостаточно для их отождествления. Обратим внимание на обозначение этого бога в надписи Комосарии: ἰσχυροῦ θεοῦ Σανερῦετ "крепкому (мощному, сильному) богу Санергу". Эпитет ἰσχυροῦς "могучий, твердый, крепкий" имеет соответствие в ср. перс. sana "резкий, крепкий, твердый" (авест. sāna- "острый"). Греческому θεός соответствует иран. ahura- "господь, бог" (авест. ahura-, др. перс. aura-, ср. перс. ahur). В греческой передаче группа консонант + + r подвергалась метатезе (иран. θr > ρθ, gr > ργ, hr > ρχ, см.: Zgusta S. 252), поэтому иран. *saēna-ahura- в близком среднеиранском состоянии может быть передано через греч. Σανερῦης, и в таком случае эпитет ἰσχυροῦς θεός передает значение исходной иранской эпиклезы божества. Вот почему теоним Санерг более не встречается: это не имя божества, а эпиклеза, переданная по-гречески как Σανερῦης и снабженная тут же переводом ее значения: ἰσχυροῦς θεός "крепкий бог". Поскольку Анахита выступала в паре с Митрой, в том числе у скифов азиатского Боспора, можно полагать, что Санерг в паре с Астар(т)ой надписи Комосарии – это Митра и Анахита Астар(т)а.

¹¹² Раевский Д.С. Указ. соч. С. 57.

ἀτρ- "огонь")=Ἀλατοῦρα¹¹³. В боспорских надписях этот эпитет сопровождается причастием μεδέουσα (к μέδω "заботиться, покровительствовать, охранять"), так что обозначение богини Ἀφροδίτη Οὐρανία Ἀλατοῦρου μεδέουσα (КБН. 31, 35, 75, 971, 1111) имеет значение "Афродита Небесная, хранящая воду – огонь".

Исходя из содержания эпиклезы Апатура можно заключить, что храмы Афродиты на Боспоре были близки иранским храмам огня. Параллель им в Иране – храмы огня, посвященные Анахите. В частности, на родовой территории Сасанидов был храм Анахиты, называвшийся в начале III в. н.э. "Стахрским огнем (т.е. храмом огня) Анахиты", Атуранакит, т.е. "(Храм) огня Анахиты", причем это был древний храм еще ахеменидского времени и Сасаниды присвоили себе титул "владык" этого храма¹¹⁴ (-pt, -pati, иран. *-patau, к *rā- "хранить, охранять, защищать"). Иранскому *rā- в точности соответствует значение греч. μέδω, следовательно, причастная формула Ἀλατοῦρου μεδέουσα является переводом иранской эпиклезы *ar-ātur-rāuati "хранительница воды-огня".

В иранском мире древнейшие храмы огня известны с середины VIII–VII вв. до н.э. (Нуш-и Джан-тепе и др.). Наличие храмов огня на Боспоре, предполагаемое упоминанием Апатуры источниками VI в. до н.э., показывает принадлежность местного населения в религиозном отношении к огнепоклонничеству – религии иранцев в целом. В таком плане следует понимать указание Геродота (IV. 59): "более всего скифы умилоствивляют Гестию" – эта Гестия, судя по причастности ее к фарну (*Herod. IV. 127* – царь Иданфирс говорит: "своими владыками я считаю моего предка Зевса и царицу скифов Гестию") – ипостась иранской Анахиты.

В древнеиранской мифологии огонь мыслился не самостоятельной силой, а свойством различных божеств (лишь в младоавестийской мифологической системе он персонифицируется в самостоятельное божество Атар, в частности сопричастное фарну). Огонь как свойство боспорской Апатуры-Анахиты соответствует древнеавестийским гатическим представлениям об огне как сущности мироздания, которым наделены земля, небо, вода, растения, животные, люди. В "Ардвисур-Яште" Анахита мыслился восходящим светилом и утренней зарей, жертвы ей приносят от утренней зари до вечерней (V. 16), вся она покрыта золотыми вещами и сияет, – мотивы, указывающие на

¹¹³ Иран. *āṭr- передавалось через греч. ἀτρα-, ἀτρο-, ἀтар- в именах собственных (*Mayrhofer M. Op. cit. S. 158*), но см. выше примеч. 99 о восточноиранском рефлексе *u* слогового *ṭ* в имени Κτηθεῦρις. В основе формы āṭr может быть также иран. *āṭr- с нулевой огласовкой и развитием в среднеперс. ātur. См.: *Расторгуева В.С., Молчанова Е.К. Указ. соч. С. 56.*

¹¹⁴ *Луконин В.Г. Указ. соч. С. 31, 60, 83.* Жрец храма принадлежал к высшим должностным лицам Ирана и назывался āturpat "хранитель огня". См.: Там же. С. 97, 100.

синкретическую ее сущность Митры и Ардвисуры одновременно: небесного огня – солнца и небесной воды – дождя (образ Анахиты как небесной воды – центральный в этом яште). Сообщение Полиена (VII. 12) о том, что Дарий I поклонялся "бессмертному огню и священной воде" подразумевает культ, тождественный культу боспорской Апатуры и вполне вероятно, что этот культ Ахемениды осуществляли в храмах Анахиты, подобных боспорским ее храмам воды и огня. Культ Ардвисуры Анахиты возник на иранской почве с завершением индо-иранской эпохи. Она заместила Апам-Напата индо-иранского пантеона, который совмещал в себе водную стихию и огненную природу (по происхождению дождь и грозовая молния) и был хранителем фарна, который укрыл в воде. Апам-Напат – это индоарийский прообраз раннеиранского божества Анахиты–Митры (Фарна), подательницы небесного дождя и света, хранительницы огненного фарна – династического символа древних иранцев.

Кратко суммируем полученные результаты. Спартокиды – иранская по происхождению династия, принадлежавшая к высшей знати царских скифов и происходившая из Синдики, точнее с Тамани. В IV в. до н.э. на Боспоре был введен прижизненный культ царя, осуществившийся под эгидой Афродиты Урании Апатуры – иранской Анахиты, подательницы царской власти (фарна) и тем самым покровительницы царской династии.

Вернемся к нимфейским "династическим" граффити. Мы уже отметили, что упоминание в надписи δ "всадников Сатира и Перисада" само по себе означает, что в то время, когда делались записи на стене нимфейского святилища, на Боспоре правили Сатир и Перисад. Обращает на себя внимание, что в этих записях α, δ Сатир упомянут первым (хотя в записи α Παιρσιδου καὶ τοῦ Перисад назван первым, отсутствует формульность, т.е. упоминание обоих царских имен: вместо имени Сатира употреблен его эквивалент, указательное местоимение τοῦ ввиду того, что имя Сатира упоминалось в предыдущей строке). Упоминание обеими записями на первом месте Сатира свидетельствует, что он был царем, а его соправителем и, следовательно, сыном или младшим братом Перисад.

До сих пор нам были известны Сатир I (403–390) и Сатир II (310–309), третий правитель с этим именем появляется впервые. Когда же правил этот Сатир и тождествен ли данный Перисад кому-либо из нескольких известных нам царей с этим именем? К сожалению, набор средств, с помощью которых может быть найден ответ, скуден – это датировка археологического контекста, палеография надписей и характер упоминаемых ими имен.

Напомним, что Н.Л. Грач датировала комплекс по сопутствующему археологическому материалу и имени Перисад второй четвертью III в. до н.э., временем правления Перисада II. Мы уже имели возможность

скорректировать эту дату: ни эпиграфический, ни археологический материал не в состоянии дать такую узкую датировку¹¹⁵. Что же до палеографии надписей, то это маюскулярное курсивное письмо III–II вв. до н.э., лучше сказать, судя по имеющимся параллелям, письмо второй половины III–первой половины II в. до н.э.¹¹⁶

Важно отмеченное Н.Л. Грач обстоятельство: штукатурка с фреской и надписями упала на обвалившуюся ранее крышу с черепицей, имеющую клеймение βασιλική. Эта черепица выпускалась на протяжении III и первых десятилетий II в. до н.э.¹¹⁷ Среди них имеются явно ранние образцы¹¹⁸, явно поздние¹¹⁹ и промежуточные¹²⁰. К сожалению, Н.Л. Грач не уточнила характер письма этих клейм и остается констатировать, что первые десятилетия II в. до н.э. – terminus ante quem для граффити святилища. В их числе есть образцы, тяготеющие к промежуточной группе клейм βασιλική, основная особенность письма которых состоит в правильности начертания вертикальных и горизонтальных линий букв, равных промежутках между ними и сигме с горизонтальными усиками. Это граффито ε'Ιους при центральной фреске с изображением корабля, его название. Письмо его – строгое и вместе с тем декоративное письмо II–I вв. до н.э., представленное на Боспоре в эпитафиях КБН. 262–264¹²¹. В этой

¹¹⁵ Оливия и Боспор. С. 304–305. Сама Н.Л. Грач (Указ. соч. С. 81, примеч. 1) оговаривалась, что предложенная ею интерпретация носит предварительный характер ввиду сложности памятника: эллинистический слой тут мощен, святилище к тому же расположено на склоне и его стены использовались в позднейшем строительстве вплоть до митридатовского времени.

¹¹⁶ Письмо нимфейских граффити находит параллели в ряде датированных папирусов: Seider R. Palaeographie der griechischen Papyri. Stuttgart, 1967. Bd. I. T. 1. Taf. N 3 (260–246 гг.), 6 (241 г.), 8 (215–213 гг.), 16 (126 г.); Boswinkel E., Sijpestaijn P.J. Tabula palaeographica. Amsterdam, 1968. Fasc. 1. Tab. 1 (176–165) 4b (162 г.), 6 (160 г.). К общей характеристике письма нимфейских граффити ср. также недатированные памятники: Seider R. Op. cit. 1970. Bd. 2. T. 2. Taf. 8 (начало III в. до н.э.), 10 (II в. до н.э.); Boswinkel E., Sijpestaijn P.J. Op. cit. Fasc. 1. Tab. 10b (остракон III–II вв. до н.э.).

¹¹⁷ Гайдукевич В.Ф. Строительные керамические материалы Боспора // Из истории Боспора. ИГАИМК. М.; Л., 1935. Вып. 104. С. 291–292; Граков Б.Н. Эпиграфические документы царского черепичного завода в Пантикапее // Там же. С. 207–208.

¹¹⁸ Гайдукевич В.Ф. Строительные керамические материалы. С. 258, 279; Веселов В.В. Новые формы и варианты клейм боспорских кровельных черепиц // Археология и история Боспора. Симферополь, 1962. Т. 2. С. 357. Рис. 33, 35–37.

¹¹⁹ Гайдукевич В.Ф. Строительные керамические материалы. С. 278, Рис. 76 г.; Веселов В.В. Указ. соч. С. 357. Рис. 39.

¹²⁰ Гайдукевич В.Ф. Строительные керамические материалы. С. 277. Рис. 76б. С. 278. Рис. 76в.; Веселов В.В. Указ. соч. С. 357. Рис. 34.

¹²¹ Воспроизведение этих надписей: Kieseritzky G., Watzinger C. Griechische Grabreliefs aus Südrussland. В., 1909. S. 5, N 34, Taf. 2; S. 79, N 446, Taf. 32; S. 95, N 539, Taf. 37. В аттической эпиграфике сигма с параллельными верхней и нижней горизонталями, завершающимися слева и справа апексами, к которым примыкают наклонные гасы, появляется во второй половине II в. до н.э. (Larfeld W. Die attische Inschriften. Leipzig, 1902. S. 479).

разновидности письма позднеэллинистического времени соединились особенности двух течений в палеографии боспорских надписей раннеэллинистического времени – строгого и претенциозного¹²². От первого течения в нашем граффито *ε* – четкий ритм в последовательности букв, строго выдерживаемые вертикали и горизонталы, монументальные пропорции букв, от другого течения – культ апекса, декоративного оформления концов вертикалей и горизонталей всех букв, вынос далеко вперед перекрещивающихся срединных линий сигмы. Ближайшие к такому письму памятники – декрет в честь Митридата Евпатора из Нимфея и КБН. 822. В первом из них тот же культ апексации при общей монументальности письма, вторая надпись [Σ]πάρτο[κος[Π]αρισά[του] имеет те же пропорции букв и промежуток между ними, но более сдержанна в апицировании; левые концы горизонталей сигмы лишены апексов и потому наклонные линии средокрестья примыкают к самым концам горизонталей, а не к основанию апекса, как в нимфейском граффито "Ισις¹²³. В Спартоке этой надписи КБН. 822 видели Спартока IV¹²⁴, мы – Спартока VI (около 200–190)¹²⁵. Как бы ни решать этот вопрос, очевидно, что письмо надписи КБН. 822 при всей близости письму нимфейского граффито непосредственно предшествует его письму¹²⁶. Это предполагает, что надпись "Ισις датирует комплекс второй половиной III–первой половиной II в. до н.э. (при учете, что клеймение черепиц βασιλική завершилось в первые десятилетия II в. до н.э.).

Еще одно обстоятельство, склоняющее датировку комплекса граффити к позднейшей из возможных дат – время узуса некоторых упоминаемых ими имен. Мы уже отмечали, что имя Адас встречается на Боспоре с I в. до н.э. – I в. н.э. Еще одно имя – Καλοῦ (граффито *ж* под днищем фрескового корабля, посередине), родительный падеж имени Καλοῦς, известного на Боспоре только с I в. н.э. (КБН. 123, 296) и распространенного здесь в I–II вв. до н.э. Как видно, имена Адас и Калус, одинаковые по времени употребления, примерно в одно время появляются на Боспоре, и если помещать их в III в. до н.э., то скорее в поздний, нежели ранний.

Сказанное о характере письма нимфейских граффити и узусе упомянутых имен предполагает, что комплекс надписей и изображений на

¹²² См. о них: Белова Н.С. Новая надпись из Гермонассы. С. 82–85.

¹²³ См. фото: ВДИ. 1984. № 2. С. 81 (Н.С. Белова).

¹²⁴ По нумерации и хронологии КБН – около 245–240 гг.: Болтунова А.И., Кишиович Т.Н. Очерк истории греческого лапидарного письма на Боспоре // Нумизматика и эпиграфика. 1962. Т. 3. С. 15; Белова Н.С. Новая надпись из Гермонассы. С. 85.

¹²⁵ Ольвия и Боспор. С. 306–307.

¹²⁶ Помимо близости письма отметим и одинаковую форму имени Перисада: издатели КБН. 822 читали патронимик в форме [Π]αρισά[δου], однако на фото видна левая часть горизонталей *τ*, т.е. [Π]αρισά[του] – та форма, что и в нимфейских граффити.

штукатурке с фреской относится ко второй половине III–первой половине II в. до н.э. Следовательно, упоминаемый в них Перисад, вопреки предположению Н.Л. Грач, не может быть Перисадом II, правившим около 280–250 гг. Из полученных для нимфейских граффити дат первую половину II в. до н.э. следует исключить: на этот период приходится правления Спартока VI (около 200–190), Перисада IV (около 190–180), регентство Камасарии (около 180–170), правление Перисада V Филометора (около 170–?) (см. примеч. 130)¹²⁷. Для Сатира места тут нет.

Исследуя хронологию правлений боспорских царей эллинистического времени, мы обратили внимание на лауну в списке монархов, относящуюся на последнюю четверть III в. до н.э. – между Левконом II, который ненадолго воцарился примерно в конце третьей четверти столетия, и царем раннего II в. Спартоком VI (около 200–190). Эту лауну мы заполнили Перисадом нимфейских граффити¹²⁸. Новое прочтение надписи *a*, согласно которому Перисад не был отцом Сатира, как мы ошибочно полагали ранее, и показания надписи *d* свидетельствуют, что Сатир был отцом или старшим братом Перисада и вносят небольшой корректив: между Левконом II и Спартоком VI следует поместить Сатира III и Перисада III нимфейских граффити. История Спартокидов показывает, что соправление братьев не было у них долгим, тогда как соправление сына и отца бывало длительным¹²⁹. Не зная наверняка, были ли Сатир и Перисад братьями или отцом и сыном, мы можем условно лишь разделить пополам период в четверть столетия, приходящийся на их правление, не упуская из виду и такого варианта, что Перисад мог и не править самостоятельно.

Итак, после Левкона II, правившего около конца третьей четверти III в., следует Сатир III (около 325 – 315 или 300), вероятно, сын этого Левкона или убитого им брата Спартока V, правившего в третьей четверти столетия. Видимо, после Сатира III правил сын его или младший брат Перисад III (около 315–200), если он действительно правил самостоятельно после Сатира¹³⁰.

¹²⁷ Ольвия и Боспор. С. 307, ср.: КБН. С. 832.

¹²⁸ Там же. С. 304.

¹²⁹ Соправление братьев Спартока III (351–347) и Перисада I продолжалось 4–5 лет, Селева II (304 – около 300) и Спартока IV (около 300–280) примерно столько же, соправление сыновей Перисада I вообще вылилось в междоусобицу. С другой стороны, соправление Левкона I с детьми было долгим: на чествующем их афинском декрете они изображены бородастыми мужами.

¹³⁰ Напомним, что после Перисада III (или Сатира III) правил Спарток IV (около 200–190), отец Камасарии, жены следующего царя Перисада IV (около 190–180), а около 180–170 гг. Камасария была регентшей при несовершеннолетнем своем сыне от Перисада IV Перисаде V Филометоре (около 170–?), см.: Ольвия и Боспор. С. 306–307. Уместно задать вопросом: нельзя ли совместить Перисада IV или V с Перисадом нимфейских граффити? Что до Перисада V, то для Сатира перед ним явно места нет. Отож-

Рассмотрим теперь следующий комплекс нимфейских граффити – благожелательные и памятные записи (рис. 15).

э) на парусе прочерченного корабля (справа от кормы корабля "Исида"): ὦ, χαῖρε "привет!"

и) правее композиция с геральдическими козлами, еще правее – изображение какого-то животного, над ним надпись: χαῖρε Α [- -] "привет - -". Следующие надписи расположены под цветочным фресковым фризом ниже корабля "Исида". Перечислим их по ходу слева направо.

κ) ἐκτῶ (ἔ)τει "на шестой год"¹³¹.

λ) μνησέ ἄ μίμνει μ' "Ἐρώς "помни то, о чем напоминает мне Эрот". Естественная для святилища Афродиты запись любящего или любящей по адресу друга сердца.

μ) μέμνησται 'Αριστοκλής ἐπ' ἀγαθῶ "Аристокл будет помнить на счастье". Запись сделана самим Аристоклом или его подругой. В глаголе μέμνησεται опущена соединительная гласная, что свойственно языку частных актов эллинистического времени. Выражение ἐπ' ἀγαθῶ еще раз встречается в надписи π.

ν) καλῶ(ν) βίῳ μετὰ νύμφαισι ΕΓΔ "прекрасно живя среди нимф - -". Запись не окончена. По-видимому, упоминание нимф – аллюзия на святилище или город Нимфей в целом, название которого связано с ними.

ο) 'Απόλλων "Аполлон".

п) На фрагменте штукатурки (положение его на стене неясно) – пятистрочная запись, обведенная прямоугольником:

ἐρᾶ - -

μνηστῆ σ' ἀντία τῆ 'Αφροδίτῃ

3 θ' Ἦρα σ' ἐρᾶ ναὶ Μητροφάνῃ

ὕ [μ?]νέει τῶ σωθέντες

5]α]'Αφροδείτ' ἤ]ν ἐπ' ἀγαθῶ

дествлению с Перисадом IV препятствует то обстоятельство, что в дельфийской проксии (см.: Ольвия и Боспор. С. 306, примеч. 166) Перисад IV упомянут с женой Камасарией, которая названа дочерью царя Спартока (т.е. Спартока VI). Следовательно, Спарток VI правил до Перисада IV – и тут нет места Сатиру III. Это обстоятельство также не позволяет отождествить нимфейского Перисада с Перисадом, мужем Камасарии.

¹³¹ Во втором слове вместо эпсилона написана эта, конечная иота не прочерчена, – обычное для эллинистического времени написание.

"любит (- - ?). Вступившая с тобой в брак пред Афродитой и Герой тебя любит и Метрофана восхваляет – оба спасены! Фиалки Афродите были на счастье".

Хотя облом штукатурки слева и справа прошел рядом с буквами, судя по тексту, надпись сохранилась целиком. Лишь в конце стк. 1, начатой посередине, кажется, текст утрачен. Сохранность записи плохая, особенно в стк. 4 и начале стк. 5, что делает прочтение их предположительным. Запись сделана замужней женщиной по поводу спасения своего мужа, к которому она обращается со словами любви (это σ' и σ' ἐρᾶ стк. 2–3)¹³². Если мы правильно поняли стк. 4, на

Метрофана любовь этой женщины не распространяется – она лишь восхваляет его в связи со спасением мужа и самого Метрофана. Имея в виду многочисленные рисунки кораблей на стене, можно предположить, что оба спаслись на море, причем виновником спасения был Метрофан, которого и восхвалила автор записи. Согласно стк. 8, если мы правильно ее поняли, эта женщина принесла в дар Афродите фиалки, и дар, по ее мнению, был не напрасен. В эмблематику Афродиты входили цветы, в частности у нее, как и у Геры, был эпитет Ἄνθεια "Цветочная". То, что жена обратилась по поводу своего мужа именно к Афродите, подтверждает догадку о спасении мужа и Метрофана на море: эта богиня как божество водной стихии была покровительницей моряков и имела употребительный на Боспоре эпитет Ναυαρχίς "Судоводительница" (КБН. 1115, Горгиппия, 110 г. н.э.).

Содержание этой группы записей показывает, что данное святилище было посвящено Афродите и только ей. Упоминание имени Аполлона, судя по доступному материалу, имеет изолированный характер и не свидетельствует о его прямой связи со святилищем, так же, как и Геры. Напротив, упоминание имени Афродиты несколько раз, обращение к ней, упоминание Эрота и слова "любить" – все это Афродитин контекст. Расположение ее святилища у берега моря само по себе указывает на связь "пеннорожденной" богини с морем и мореплаванием. Сюда приходили моряки, уходившие в плавание или вернувшиеся из него, сюда обращались их жены и подруги со своими проблемами. Поэтому органично в весь комплекс граффити входят записи об отправлении в плавание. Расположены эти 4 записи у форштевня корабля "Исида".

ρ) ἡνοῖξαμεν Καλαμαῖωνος ἐβδομῆ στήσαντος "Мы отправились в седьмой (день) начала (месяца) Каламеона".

¹³² Это σ' стк. 3 сначала было написано маюскулом, затем переправлено на курсивную сигму соответственно общему стилю записи. Еще раз такое смешение представлено в имени Ἀπολλώνιος записи 2, конечная сигма которого маюскулярная при курсиве записи в целом.

с) ἡνοίξαμεν Θαργελιῶνος εἰκάδι "мы отправились 20 числа (месяца) Таргелиона"¹³³.

т) ἐνάτη[Τ]αυρεῶνος, ἐνδεκάτη "девятый (день месяца) Тавреона, одиннадцатый".

у) [? ἡνοίξαμεν μετὰ ποθεν Μολο]ρχίτου ἐν [ὀ]κτῶ [Καλα]μαιῶνος "[? Мы отправились с таким-то моло]рхитом, в восьмой (день месяца) Каламеона".

Отметим прежде всего употребление авторами записей ионийского календаря (до сих пор нам были известны месяцы македонского календаря, употреблявшегося на Боспоре в римское время). Упоминаются три первых месяца – Тавреон, Таргелион, Каламеон. Предполагается, что в ионийском календаре год начинался с весеннего равноденствия, т.е. Тавреон приходился в основном на апрель, Таргелион на май, Каламеон на июнь¹³⁴. Об отплытии кораблей речь идет применительно к Таргелиону и Каламеону. Запись, упоминающая Тавреон ("девятый день Тавреона, одиннадцатый"), похоже, выжидательная: велся счет дней в связи с каким-то событием, может быть, началом навигации. Указанные дни отплытия – 7, 8, 20. В них можно бы усмотреть какие-нибудь сакральные даты (например, на 7 и 20 приходились, в разной традиции, дни рождения Аполлона), но смысла в этом не видим. Седьмой день месяца Каламеона снабжен пометой στήσαντος – по-видимому, это эквивалент обычной медиапассивной формы причастия того же глагола ἵστημι-ἵσταμένου, которым обозначались числа первой декады месяца¹³⁵.

Записи *p*, *c*, в которых указаны дни отплытия, сделаны одной рукой, они расположены одна под другой, причем, судя по датам, нижняя сделана раньше верхней. Это говорит о том, что обе записи сделаны по поводу отплытия одного и того же корабля. Понятно, что дата отплытия 8 Каламеона (запись *y*) относится к другому кораблю. Между 20 числом Таргелиона и 7 числом Каламеона пошло 16–17 дней, в течение которых корабль должен достичь пункта назначения и вернуться в Нимфей. Положив на пребывание в пункте назначения и подготовку в Нимфее к новому плаванию 3–4 дня, получим, что до пункта назначения было 5–7 дней плавания. По-видимому, конечный пункт плавания находился в пределах Черноморья, хотя, при пользовании кратким путем от Бараньего лба в Тавриде до Карамбиса на Пафлагонском выступе можно достичь и Эгейского мо-

¹³³ Текст этой и предыдущей надписей дала Н.Л. Грач (Указ. соч. С. 87).

¹³⁴ Samuel A.E. Greek and Roman Chronology. München, 1972. P. 115–116.

¹³⁵ Месяц делился у греков на 3 декады, причем дни последней считались по убывающей (девятый, восьмой и т.д.), поэтому для различения дней декады маркировались: первая, ἱσταμένου "начальная, новая" и пр.

ря¹³⁶. Расположение надписей об отплытии около носовой части фрески с кораблем "Исида" наводит на предположение о возможной связи их с этим кораблем¹³⁷.

Пункт назначения (или один из них) поясняется записью у: [?мы отплыли вместе с таким-то, моло]рхитом, в 8 (день месяца) Каламеона". Смысл этой записи и дополнение ее начала нуждаются в пояснении. Сохранившиеся после утраченной слева штукатурки буквы ΡΧΙΤΟΥ, без всякого сомнения, принадлежат имени собственному, причем для его дополнения, если основываться на дошедшем до нас ономастиконе, есть только один вариант – [Μολο]ρχίτου. Молорχίτης – это этникон жителя Молорхии, местности, иначе называвшейся Немеей¹³⁸. Следующий за этниконом текст того же свойства, что и предшествующие записи об отплытии: указаны день и месяц. Это дает основание считать, что и запись у сделана в связи с отплытием. В записи ρ сообщается об отплытии в 7 день Каламеона, в записи у, стало быть об отплытии в 8 день того же месяца. Следовательно в этих записях сообщается об отплытии разных кораблей (обратим внимание и на то, что если записи ρ, с сделаны одной рукой, то запись у другой). Но одно и то же место размещения всех трех записей свидетельствует, что отправились эти корабли в какой-то связи друг с другом, один 7 числа и другой на следующий день.

В контексте текстуального подобия записей ρ, с, у последняя может быть дополнена в утраченном начале тем же глаголом ἤνοξαμεν "отправились", точнее "отплыли". Родительный падеж этникона [Μολο]ρχίτου в таком контексте естественно дополняется личным именем и предлогом μετὰ : [? ἤνοξαμεν μετὰ ποτεν Μολο]ρχίτου ἐν [ὁ]κτῶ [Καλα]μαιῶνος [? мы отплыли вместе с таким-то, моло]рхитом, в восьмой (день месяца) Каламеона" (разумеется, слово ἤνοξαμεν могло и просто подразумеваться в контексте записи у со всей группой записей об отплытии кораблей).

Отплытие корабля с молорхитом (т.е. жителем Немей) на борту, что

¹³⁶ Агатархид в сочинении "Об Эритрейском море" (V. 454. 2 = SC. I. P. 926; то же: *Diod.* III. 34. 7-SC. I. P. 928), написанном во второй четверти или середине II в. до н.э., сообщает о многих перевозчиках товаров, которые на грузовых кораблях из Меотийского моря достигают на 10-й день гавани родосцев (см. текст фрагмента ниже, с. 271). По словам Псевдо-Скилака (Peg. 953-955 = SC. I. P. 91), плавание от Бараньего лба до мыса Карамбиса занимает сутки, что соответствует судоходной практике парусных судов XIX в.

¹³⁷ Грач Н.Л. Указ. соч. С. 87.

¹³⁸ Что [Μολο]ρχίτης – единственно возможный вариант восстановления имени собственного, см. по обратному словарю имен и названий (*Hansen B. Rückläufiges Wörterbuch der griechischen Eigennamen.* В., 1958. S. 175). Этот этникон упоминает Стефан Византийский под словом Молорχία. Молорхия получила название от некоего Молорха, который приветил Геракла, явившегося в Немею для охоты на обитавшего тут льва (*Apollod.* Myth. bibl. II. 5. 1.).

особо оговорено в надписи, вряд ли означает что-либо иное, нежели отправление боспорцев на Немейские игры. Это не первое известие об их участии в общегреческих состязаниях – между 268–266 гг. до н.э. в ежегодном музыкальном агоне в Дельфах участвовал "учитель Псилл, сын Хрисолая, боспорит"¹³⁹.

Мы уже отмечали, что расположение записей об отплытии около изображения корабля "Исида" указывает на их связь с данным кораблем. На этом основании можно предполагать, что 20 числа месяца Таргелиона "Исида" совершила плавание в какой-то пункт, затем возвратилась в Нимфей и 8 числа следующего месяца Каламеона отправилась в Немею на общегреческие игры. За день до нее 7 числа того же месяца из Нимфея отправился другой корабль (запись *p*); поскольку обе записи сделаны одной рукой, размещены рядом и содержат два смежных дня одного месяца как дни отплытия кораблей вряд ли будет смелым предположение, что пунктом назначения и этого корабля была та же Немея. Конечно, связь дат отправления с одним или другим кораблем могла быть иной – 7 числа отправилась "Исида", на следующий день другой корабль. Но это второстепенные детали. Суть же события вряд ли подлежит сомнению: египетский корабль "Исида" и еще один корабль, видимо, боспорский, отправились 7 и 8 числа Каламеона на Немейские игры. Что же связывало египтян и боспорцев общей поездкой туда? Мы видим ответ в общей легендарной истории, связывавшей Боспор и его царскую династию с Египтом и Арголидой – истории Ио и ее потомков Египта, Персея, Геракла, первопродков многих царских династий, в том числе Египта и Боспора.

Согласно греческой мифологии, Ио происходила из Арголиды, где сошлась с Зевсом (*Aesch. Prometh. vinc. 649 ff.; Apollod. II. 1, 3*). Преследуемая Герой, она переправилась через Геллеспонт и Кимерийский пролив, названные по ее имени Боспором¹⁴⁰. В конце концов она попадает в Египет, где рождает сына Эпафа, от которого происходят египетские герои и цари, в том числе Персей, родоначальник персов, и Геракл, родоначальник скифов и устроитель Немейских игр¹⁴¹. Акцен-

¹³⁹ Syll.³, 424, стк. 51 = *Граков Б.Н.* Материалы по истории Скифии в греческих надписях Балканского полуострова и Малой Азии // ВДИ. 1939. № 3. С. 246, ср. с. 285.

¹⁴⁰ Впервые в развернутом виде легенда о наименовании Киммерийского пролива по переправе через него Ио Боспором представлена в "Прикованном Прометее" Эсхила (стт. 755–761) и повторена рядом позднейших авторов (например: *Dion. Per. 140–142 etc.*). Геродоту (I. 1–2. 5) известны три версии сказания об Ио – персидская, греческая и финикийская. По персидской версии, Ио похитили в Аргосе финикийцы и доставили в Египет, т.е. мотив переправы через проливы отсутствовал.

¹⁴¹ В основных чертах эту мифологему излагает Эсхил (*Prometh. vinc. 846–876*) и подробней – позднейшие авторы, сведения которых синтезированы в псевдо-аполлодоровой "Мифологической библиотеке" (II. 1–4). Отдельные эпизоды излагают Геродот, Еврипид и другие авторы.

тируем внимание на египетских и персидских мотивах этого сказания.

От внука Эпафа родился Бел, царь Египта, родивший близнецов Египта и Даная, а также Кефея и Финея. Данай с 50 дочерьми вернулся в Арголиду и стал родоначальником царской династии Аргоса. Его правнучка Даная родила от Зевса Персея. По Геродоту (II. 91), Персей родился в Египте, женился на дочери местного царя Кефея Андромеде и от их сына Перса, оставленного в Египте, произошли персы (VII. 61). По рассказам греков, продолжает Геродот (VII. 150, ср. 151–152), Ксеркс прислал в Аргос глашатая с предложением союза ввиду того, что персы считают себя потомками Персея и Андромеды и таким образом, говорил царь, вторгнувшийся в Грецию, мы можем быть и вашими потомками. С Немеей Перс связан тем, что приносил там жертву Зевсу (*Paus.* II. 15. 3–4). Правнук Персея Геракл, по греческой версии скифской этногонической легенды, был родоначальником скифских царей (*Herod.* IV. 8 sq.; родители его Амфитрион и Алкмена происходили из Египта – II. 43).

Спартокиды как иранцы ("персы" в греческой терминологии) также должны были почитать Персея и Геракла. С самого начала своего правления они как выходцы из Синдики прокламировали связь с Гераклом эмблематикой синдских монет, содержавших изображение героя¹⁴². Через Геракла легендарная генеалогия Спартокидов восходила к аргосско-египетскому Персею, родоначальнику иранцев. Культ Геракла на Боспоре спартокидского времени засвидетельствован посвящениями IV–III вв. до н.э. (КБН. 16. 973, 1036). Следующая династия Боспора, аспургинская, прямо возводила себя к Гераклу (КБН. 53. 980, 1048).

Такова система мифологических связей, объединявшая Арголиду, Египет и Боспор. Третий век до н.э., был веком утверждения эллинистических династий, нуждавшихся во включении в легендарную историю и генеалогию Греции и сопредельных стран. В Египте большие усилия предпринимал в этом плане Птолемей II (285–246). Его придворный поэт Феокрит сочинил ему хвалебный "Энкомий", в котором ввел двух первых Птолемеев и в легендарную историю Греции, и в сонм небожителей: их божественным предком объявлен Геракл (XVII. 27). Интересовала Птолемея II и его окружение, соответственно, и Арголида вплоть до того, что любовница его Белистиха, занявшая место умершей жены Арсиной, утверждала, что происходит из рода аргосских Атридов, чем явно претендовала на родственную связь с царем через Амфитриона и Атрея, двух потомков Пелопса, первый из которых был внуком Персея и отцом Геракла, прародителя Птолемеев (ср.: *Apollod.* II. 4, 5–7). Небезынтересно для нашей темы и то, что

¹⁴² См. каталог: *Анохин В.А.* Монетное дело Боспора. Киев, 1986. С. 138–139.

Abbildung einer in der Grotte von Tucuman gefundenen Steinboje
aus dem Altertum Perubos (1878)

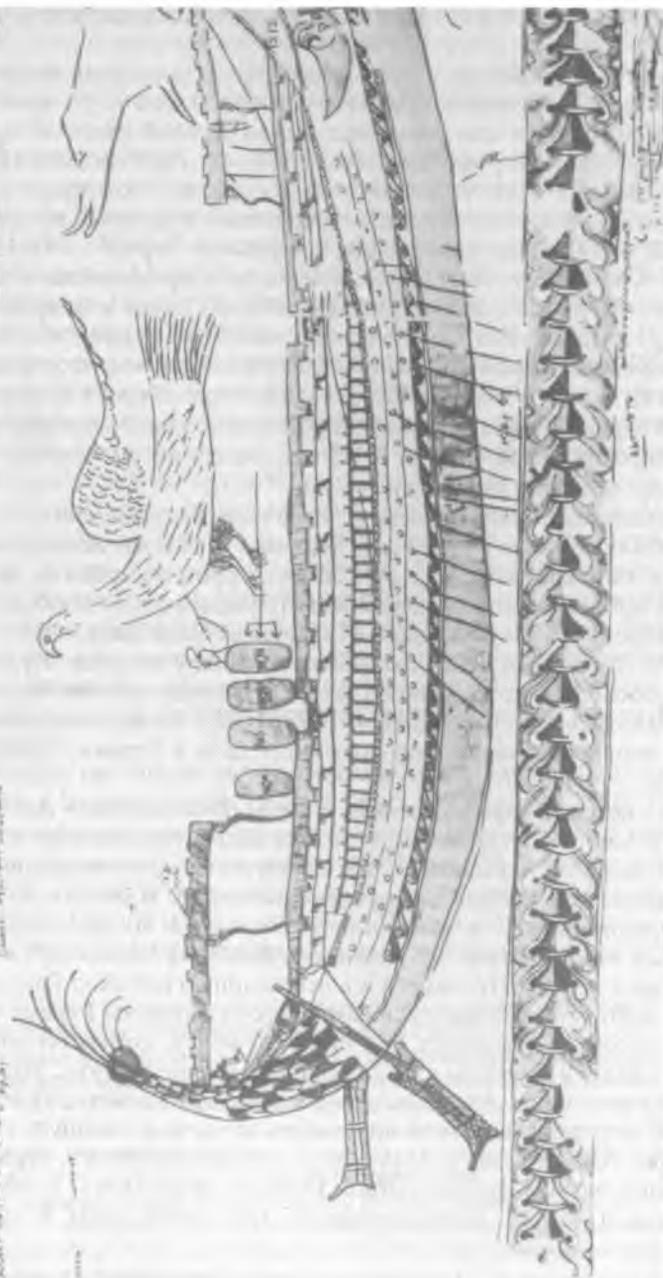

Fig. 100

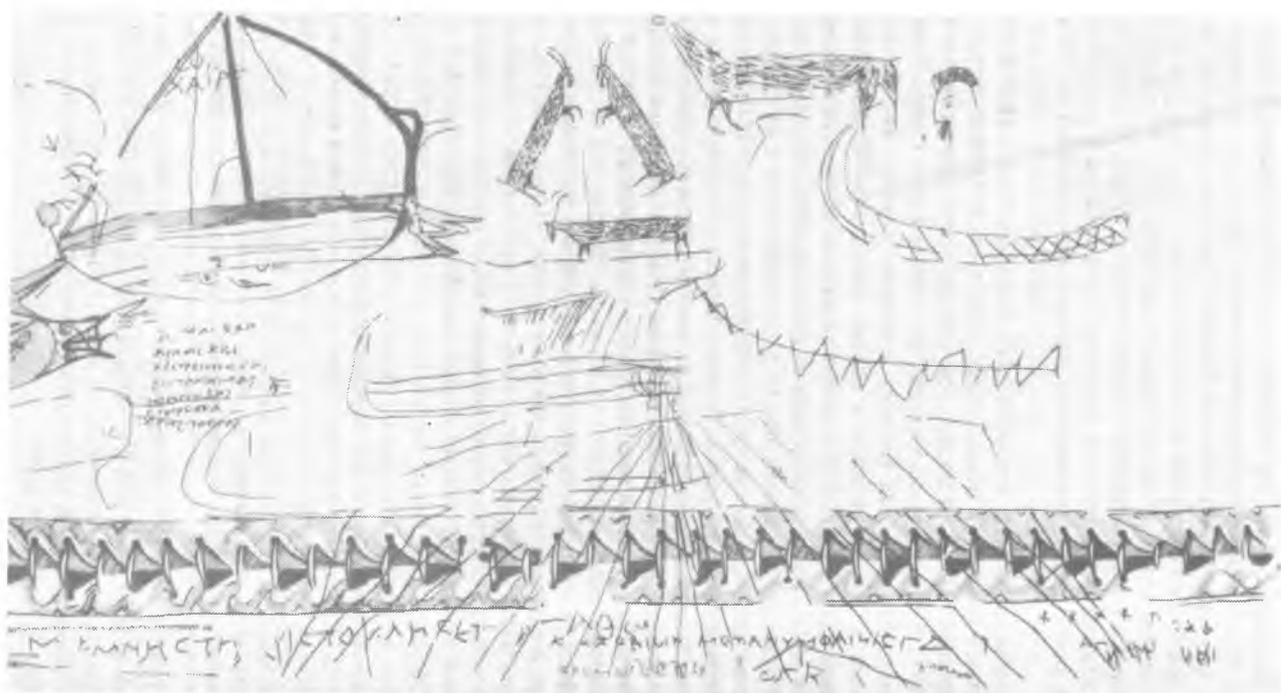

Рис. 16. Нимфей. Изображение граффити и корабля "Исида"

Белистиха принимала участие в общегреческих состязаниях, учрежденных первопрядками ее псевдогенеалогии: в частности ее парная упряжка победила на олимпийских играх 268 г. Этот пример показывает, что приобщение новых эллинистических династий к легендарной греческой истории и генеалогии само по себе предполагало участие династов в общегреческих состязаниях, учрежденных их мифическими первопрядками. Аналогичным образом боспорские Спартокиды как скифская царская династия, восходившая к родоначальнику Гераклу, были заинтересованы в участии в учрежденных им Немейских играх.

В отличие от своих венценосных современников Птолемей II не ограничился введением посмертного культа своего отца: то ли в начале своего правления, то ли позднее он учредил свой прижизненный культ как бога¹⁴³. Единственное царство, где такой культ существовал (уже не менее полувека) был Боспор, и можно думать, что желание его заимствовать "опыт" лежало в основе дипломатических сношений с Перисадам II, из которых нам известен один эпизод – посольство Перисада II в 154 г. посетило Египет и было принято на самом высоком уровне¹⁴⁴. До сих пор не обращала на себя внимание в известии об этом посольстве деталь: посольство Перисада ехало на праздник в Арсиноит вместе с феорами из Аргоса. Таким образом, мы встречаемся здесь со всеми участниками той же самой акции, которая явствует из нимфейского граффито, упоминающего отплытие корабля с немейцем (молорхитом) на борту – отплытие боспорцев и египетского корабля "Исида" на Немейские игры.

В контекст государственно-династических сношений Лагидов и Спартокидов хорошо укладывается и визит "Исиды" на Боспор, причем само наименование корабля было чрезвычайно символичным в плане общей легендарной истории обеих стран и династий: прибывшую в Египет Ио египтяне называли Исидой (*Apollod.* II. 1. 3). Плавание "Исиды" из Египта на Боспор и оттуда в Арголид было повторением, только в обратном порядке, легендарного перехода Ио по маршруту Аргос–Боспор Киммерийский–Египет. Таким образом, визит "Исиды" на Боспор не был случайным торговым или каким-либо другим частным предприятием – это официальный визит в рамках династическо-государственной программы Боспора и Египта по идеологическому обоснованию их законного места в легендарной истории и генеалогии стран западноредиземноморско-понтийского региона.

Нам известны и некоторые имена лиц, прибывших на "Исиде". На фреске у кормы корабля имеется запись, содержащая список имен с

¹⁴³ См.: Бенгтсон Г. Указ. соч. С. 147–148.

¹⁴⁴ Граков Б.Н. Указ. соч. С. 261.

указанием количества пожертвованного ими святилищу вина:

- φ) Ἀγαθᾶς χόα(ς) η'
Ἀγαθᾶς χόα(ς) θ'
3 Χεσοχαιεφεῦς χόα(ς) ζ'
Βοστακίων χόα(ς) ζ'
5 Ναπορὸς χόα(ς) ζ'
Εὐφρόνι(ο)ς χόα
7 Χρηστᾶς χοα(ς) ς'

"Агатас (пожертвовал) 8 хоев,
Агатас 9 хоев,
Хесохейфеус 6 хоев,
Бостакион 7 хоев,
Напор 7 хоев,
Евфроний хой,
Хрестас 7 хоев"¹⁴⁵.

В переводе на современную меру (хой-3, 283 литра) поименованные лица пожертвовали святилищу следующее количество вина: Агатас 26, 264 л, Агатас 29, 547 л, Хесохейфеус 19, 698 л, Бостакион, Напор, Хрестас по 22, 981 л, Евфроний 3, 283 л. Так как запись о приношении сделана одной рукой и в один прием, это однократное приношение группы лиц (следовательно, носители одного имени Агатас тезки, а не одно лицо, поименованное дважды). В целом ими пожертвовано святилищу 147, 735 л. Приношения основной группы лиц составляют 6–9 хоев, выделяется Евфроний – 1 хой. В коллективном, приношении вряд ли кто позволит себе столь незавидный вклад, как у Евфрония, поэтому следует думать, что он в отличие от сотоварищей пожертвовал не вино, а масло. В сакральных установлениях Греции в числе средств, необходимых для жертвоприношений, фигурировало (наряду с разными частями туш животных, мукой, вином и прочим) масло для сзетильников¹⁴⁶.

¹⁴⁵ Цифра θ' в стк. 2 написана так же, как в имени Ἀγαθᾶς – несомкнутым овалом. В имени стк. 3 после χι сначала был написан эpsilon, затем переправленный на йоту или просто зачеркнутый, так что возможны варианты прочтения Χεσοχαιεφεῦς и Χεσοχαιεφεῦς. Хой – мера жидкости, обычно употребляемая для исчисления вина. Мы понимаем эту запись как указание на жертвование вина потому, что запись сделана на стене святилища и содержит перечень имен, с которыми могли ознакомиться посетители святилища; дар был не слишком велик, чтобы сообщать о нем на специальной каменной стеле. Конечно, не исключено также, что это памятная запись торгового характера.

¹⁴⁶ См., к примеру, аттическое установление II в. до н.э. об отправлении культа бога Мена: эранисты предоставляют богу все необходимое, в том числе котилу масла и хой вина (*Sokolowski F. Lois sacrées des cités grecques. P., 1969. № 55*). См. также фанатгорийское сакральное установление II в. н.э., предусматривающее в числе расходов на обеденное жертвоприношение 3 ксеста виномедовой смеси и 4 котилы масла (КБН. 1005. Стк. 12–14).

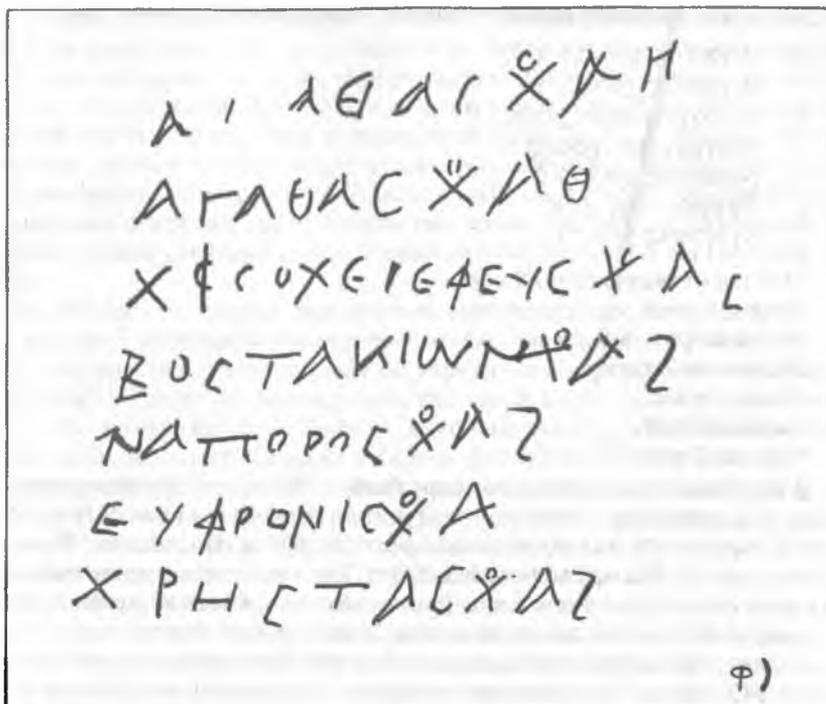

Рис. 17

Вино играло существенную роль в жертвоприношениях. Его смешивали с водой и медом, причем сам акт смешения был частью церемонии жертвоприношения и сопровождался молитвой Дионису, Гефесту, другим богам (*Plato. Phileb. 61 b*). Вино пили жрецы и прочие участники жертвоприношения. Количество необходимого для этого вина регулировалось религиозными установлениями и исчислялось в хоях и полухоях¹⁴⁷. Вино для официальных священнодействий предоставлял город, на нужды групповых и частных культовых церемоний оно доставлялось их участниками – членами фратрий, эранистами, фиасотами, частными

¹⁴⁷ Syll.³ 57.Стк. 16–17, 42 и след. (Милет, V в. до н.э.): питье вина участниками жертвоприношений. Согласно милетскому культовому календарю, жрице Геры выдается для священнодействий 1 хой вина; по другому милетскому установлению II в. до н.э., на празднование Седьмиц город выдает жрецам-мольпам "старый" хой вина (*Sokolowski F. Lois sacrées de l'Asie Mineure. P., 1955. № 41, 50*). На Коце в середине IV в. до н.э. жрец получал в числе прочего 3 полухоя вина (*Sokolowski F. Lois sacrées des cités grecques. № 151 C, стк. 14–15*).

лицами¹⁴⁸. Нимфейское граффито уникально тем, что фиксирует конкретный взнос вина группой лиц святилищу. Согласно греческой культовой практике, на одно будничное жертвоприношение в среднем расходовался 1 хой вина (напомним, оно смешивалось с водой, обычно в равных частях), так что донаторы нимфейского святилища обеспечили вином полсотни жертвоприношений Афродите. При одном жертвоприношении в день это обеспечение почти 2 месяцев "работы" святилища.

Небезынтересную информацию предоставляют имена донаторов. Ни одно из них не засвидетельствовано на Боспоре, так что это группа приезжих людей (на Боспоре представлены лишь однокоренные варианты 4 имен: к имени Ἀγαθαῖς – Ἀγαθοῦς, к имени Χρηστάς – Χρηστοῦς, Χρήστας, Χρηστίων, к имени Εὐφρόνιος – Εὐφρών, к имени Βοστακίων – Βοστάκων, Βόστακος, Βαστάκας). Два экзотических для Боспора имени Χεσοχαιεφεῦς и Νατορός указывают нам адрес по меньшей мере двух из них – это египетские имена¹⁴⁹. В Египте представлены также имя Евфроний и близкие параллели к остальным именам нимфейских донаторов¹⁵⁰. По происхождению их имена греческие (Ἀγαθαῖς, Εὐφρόνιος, Χρηστάς), египетские (Χεσοχαιεφεῦς, Νατορός), одно иранское (Βοστακίων)¹⁵¹. По своему узусу греческие имена, как и иранское, вышли за пределы своей этнической среды и приобрели в эллинистическую эпоху надэтнический международный характер, войдя в именник различных народов, втянутых в орбиту эллинистического мира. Коротко говоря, это имена интерна-

¹⁴⁸ Согласно милетскому установлению II в. до н.э., на городские праздники вино предоставляет город (*Sokolowski F. Lois sacrées de l'Asie Mineure. № 50, стк. 21*). Постановление того же столетия из Магнесии, относящееся к культуре Сераписа, предусматривает приношение вина частными лицами и устанавливает использование на дневную и вечернюю службу кратера объемом в 1 хой и более (*Ibid. № 34, стк. 25 сл.*). На фратриальные жертвоприношения в Афинах вино предоставляют фратрии, на обеды в складчину – эристы (*Sokolowski F. Lois sacrées des cités grecques. № 19, около 396–350 гг. до н.э., № 55, стк. 21 и след., II в. до н.э.*). На Фере в III в. до н.э. некий Эпиктет установил жертвоприношения, на которых участники празднества по случаю начала месяца предоставляют в качестве дара вино для чужеземцев – οἶνον ξενικόν (*Ibid. № 135, стк. 31 и след.*).

¹⁴⁹ Точных соответствий в египетском антропонимиконе им нет, но есть достаточно близкие параллели. Имена Χεσοχαιεφεῦς соответствует египетское имя Χαιεφεῦς, параллель первой его части находим в именах на Χεσ-, в том числе Χεσοω (*Preisigke F. Namenbuch. Heidelberg, 1922. Sp. 474, 476*). Имя Νατορός находит соответствие в первой части египетского же имени Νετορ-φρής (Нефер-прής), то же имя, но с е-огласовкой Неферос (*Ibid. Sp. 229–230*); эти имена отражают египет. nfr – "красота, красивый".

¹⁵⁰ Имя Εὐφρόνιος; Ἀγαθαῖς – имя Ἀγάθης, к Βοστακίων – Βάστας, Βάστα – κίλας, к Χρηστάς – Χρήστος, Χρήστη (*Preisigke F. Op. cit. Sp. 5, 72, 115, 478*).

¹⁵¹ Лукиан упоминает хвосца по имени Βάστας (*Pseudolog. 3*), Евполис (у Гесихия) – как прозвище некоего Демокрита. Имена Βάστος, Βαστάς, Βαστοκέϊλας, Βαστακίλας представлены во Фракии. Но в основном сфера имен с основой Βαστ-, Βοστ-иранская (*Zgusta. S. 84*).

ционального антропонимического койне эпохи эллинизма. Ярче всего оно представлено в Египте птолемеевской эпохи, и присутствие среди нимфейских донаторов двух носителей египетских имен позволяет видеть во всей группе дарителей выходцев из Египта. Такой вывод тем более естествен, что надпись сделана около кормы корабля с красноречивым в этом отношении названием "Исида". Несомненная связь надписи, перечисляющей имена донаторов из Египта, с фреской, изображающей прибывший оттуда же корабль, конкретизирует имена лиц, прибывших из Египта в Нимфей на "Исиде".

Пожертвование приезжими египтянами вина в нимфейское святилище может подразумевать, что их визит в числе прочих целей имел также торговый характер, т.е. они привезли на продажу вино. На Боспоре имелось свое виноделие, но во второй половине III в. до н.э. сложились неблагоприятные для него, как и сельскохозяйственного производства в целом, условия: в середине столетия почти все его сельские поселения погибли¹⁵². Некоторые города обстраиваются оборонительными сооружениями, что указывает на военные обстоятельства экономического упадка Боспора – это было время гибели Рах Scythica, резко отрицательно сказавшейся на греческих полисах всего Северного Причерноморья¹⁵³. Упадок экономики Боспора, базировавшейся на экспорте зерновых, повлек за собой резкое сокращение внешних торговых связей. В частности, в эпиграфике страны второй половины столетия зафиксирован лишь один памятник, связанный с иностранцем (КБН. 252 – эпитафия каллатийца).

В таких условиях ведшаяся в литературе еще недавнего времени дискуссия о конкуренции в хлебной торговле между Боспором и Египтом применительно к середине–второй половине III в. теряет смысл: на Боспоре просто не было в это время хлеба на вывоз¹⁵⁴. Прибытие "Исиды" в последней четверти столетия, если на ней была доставлена товарная партия вина, в конкретных условиях того времени могло быть не просто дипломатическим визитом, но одновременно выгодным торговым предприятием: Боспор с его разрушенным аграрным сектором представлял собой выгодный рынок сбыта продукции процветавшего тогда Египта. Отсюда следует вывод о дружественном характере

¹⁵² Этот вывод И.Т. Кругликовой, сделанный на материале европейского Боспора, подтвержден исследованиями А.А. Масленникова (*Кругликова И.Т. Сельское хозяйство Боспора. М., 1975. С. 95–96; Масленников А.А. Сельская территория европейского Боспора в античную эпоху. М., 1993. С. 15 (АДД)*). По устному сообщению Я.М. Паромова, аналогичная картина наблюдается и на азиатской стороне Боспора.

¹⁵³ Подробней см.: Ольвия и Боспор. С. 274, 301.

¹⁵⁴ См. подробней: Ольвия и Боспор. С. 301–304. О дискуссиях по поводу хлебной конкуренции Египта и Боспора см.: *Шелов Д.Б. Танаис и Нижний Дон в III–I вв. до н.э. М., 1970. С. 31 и след.; Шургая И.Г. Вопросы боспоро-египетской конкуренции в хлебной торговле Восточного Средиземноморья раннеэллинистической эпохи // КСИА. 1974. Вып. 138. С. 51 и след.*

связей обеих стран, с выгодой для себя обменивавшихся идеями и, можно полагать, товарами. Не только египтяне посещали Боспор, но и боспорцы наезжали в Египет¹⁵⁵. Упомянутое выше (см. примеч. 136) сообщение Агатархида о том, что "многие перевозчики товаров на грузовых судах из Меотийского моря достигают гавани родосцев, откуда в ту же самую пору прибывают на четвертый день в Александрию, а из нее, плывя вверх по реке против течения, без особого труда могут прибыть в Эфиопию, так что от крайнего холода до предельной жары выходит не более 25 дней непрерывного пути", в сущности констатирует наличие налаженного и активно действующего торгового пути Боспор–Родос–Александрия, функционировавшего во второй четверти–середине II в. до н.э. (время создания трактата Агатархида). Известия о послых Перисада II в Египте в 254 г. и об "Исиде" в Нимфее в последней четверти того же столетия показывают, что налаживание этого торгового пути началось по меньшей мере с середины III в. до н.э. и последовательно развивалось через последние десятилетия века вплоть до середины II в. до н.э. Налаживание этого пути осуществлялось, как мы пытались показать выше, в рамках государственно-династических связей обеих стран.

Нимфейские граффити лишний раз доказывают, что малая эпиграфика – немалый исторический источник. Конечно, мы не исчерпали всей их проблематики. В частности, не видим ответа на вопрос о том, почему "Исида" в рамках государственного визита прибыла именно в Нимфей. Конечно, корабль мог зайти и в столицу царства Пантикапей, но следов там этот визит нам не оставил. Вряд ли ответ на данный вопрос заключен в том обстоятельстве, что Нимфей располагал прекрасной гаванью (*Strab.* VII. 4, 4). По-видимому, во второй половине III в. до н.э. Нимфей играл какую-то особую роль в боспорско-египетских сношениях. Выяснение его роли – предмет будущих изысканий.

В заключение отметим, что в исследовании нимфейских граффити мы не сосредоточивались исключительно на "женской" тематике, что диктовалось самим характером источника. Если первые разделы статьи основаны на лапидарных памятниках, связанных с конкретными женщинами, то нимфейские граффити представляют собой комплекс надписей из святилища Афродиты, исследование которых ставит разнообразные вопросы и поясняет одновременно роль и значение этого святилища в жизни боспорцев. Конечно, "женская" тематика присутствует в них и в чистом виде – характер культа Афродиты на Боспоре, роль Ио и ее потомков в легендарной генеалогии и истории Боспора и Египта, даже такой курьезный случай, как "женомужчины" у скифов. Есть записи,

¹⁵⁵ См. их имена по индексу в кн.: *Foraboschi D. Onomasticon alterum papyrologicum.* Milano, 1971. Index.

сделанные женщинами, трактующие о любви, браке и прочем. Но самое интересное в нимфейских граффити – упоминание "жрицы Перисада и Сатира", поставившее ряд существенных вопросов династической истории Спартокидов и Боспора в целом, и показывающее, что "женская" тема интересна не столько сама по себе, сколько как часть живой ткани истории общества¹⁵⁶

¹⁵⁶ Мы не рассмотрели рисуночные граффити, также представляющие большой интересный материал (рис. 16). Упоминанию в надписях членов боспорского царского дома соответствует композиция с зеркально отображенными козлами – это геральдическая композиция, свойственная символике царских родов у скифов, к которой принадлежат и сами изображения козлов (ср. геральдическую композицию с оленями и козлом у мирового дерева на царской диадеме из Новочеркасского клада, изображение козлиных рогов на золотом головном уборе из Ак Буруна и пр.). Композицию с козлами, подобную нимфейской, находим на рельефной глиняной плакетке из Херсонесского музея (*Пятышева Н.В.* Глиняная таблетка с изображением козлов. // *Сообщения Херсонесского музея.* Симферополь. 1963. Вып. 3. С. 26) и в числе рисуночных граффити на краснолаковом сосуде II–III в. до н.э. с Гераклейского полуострова (*Пятышева Н.В.* Скифы и Херсонес. // *История и археология древнего Крыма.* Киев. 1957. С. 261). Помимо геральдических козлов на этом сосуде процарапаны также изображения оседланного коня, собаки, дерущихся петухов, рыб, преследуемого собакой зайца, а также двух человеческих фигур с копьем в левой руке и щитом в правой. В числе нимфейских рисунков представлены изображения коней и петуха – крайняя справа головка с хохолком и сережкой. Семантическая подоснова обоих рисуночных циклов, нимфейского и гераклейского, очевидно скифская. Негреческое по содержанию и наиболее загадочное изображение хищной птицы с трезубцем в лапах, направленным в щит человеческой фигурки, стоящей на палубе "Исиды" и пронзающей птицу дротиком.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВДИ	–	Вестник древней истории
ЗООИД	–	Записки Одесского общества истории и древностей
ИАК	–	Известия Императорской археологической комиссии
ИГАИМК	–	Известия Государственной Академии истории материальной культуры
КБН	–	Корпус боспорских надписей
КСИА	–	Краткие сообщения Института археологии РАН
МИА	–	Материалы и исследования по археологии СССР
НЭ	–	Нумизматика и эпиграфика
СА	–	Советская археология
АЕО	–	<i>Gardiner A. Ancient Egyptian Onomastica. Vol. I–II. ol., 1947.</i>
АНRW	–	<i>Aufstieg und Niedergang der Römischen Welt / Ed. A.D. Temporini. N.Y.</i>
АРР	–	<i>The Archaeology of Roman Pannonia. Budapest, 1980</i>
ASH	–	<i>Academiae Scientiarum Hungaricae. Budapest</i>
ВА	–	<i>Bibliotheca Aegyptica</i>
ВАР	–	<i>Breasted J. Ancient Records of Egypt. Chicago, 1906. Vol. I–V</i>
ВИФАО	–	<i>Bulletin de l'Institut Française d'archeologie Orientale de Caire</i>
BiOr	–	<i>Bibliotheca Orientalis. Leiden</i>
BSA	–	<i>Annual of the British School at Athens</i>
САН	–	<i>Cambridge Ancient History</i>
СдЕ	–	<i>Chronique d'Égypte. Bruxelles</i>
СIL	–	<i>Corpus Inscriptionum Latinarum</i>
СRAI	–	<i>Comptes rendus de l'Académie des inscriptions et belles-lettres</i>
СQ	–	<i>Classical Quarterly</i>
ДНА	–	<i>Dialogues d'histoire ancienne</i>
DLЕ	–	<i>Dictionary of Late Egyptian / Ed. L. Lesko et al. 1982–1990. Vol. I–V.</i>
IPЕ	–	<i>Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini / Ed. B. Latyshev. Petropoli, 1916. T. 1²; 1890. T. II; 1901. T. IV.</i>
IGR	–	<i>Inscriptiones Graecae ad Res Romanas Pertinentes / Ed. R. Cagnat. P., 1911</i>
JEA	–	<i>Journal of Egyptian Archaeology</i>
JESHO	–	<i>Journal of the Economic and Social History of the Orient. Leiden</i>
JHS	–	<i>The Journal of Hellenic Studies</i>
JNES	–	<i>The Journal of the Near East Studies. Chicago</i>
KRI	–	<i>Kitchen K.A. Ramesside Inscriptions: Historical and Bibliographical. Oxford, 1969–1978. Vol. I–VII.</i>
LD	–	<i>Lepsius C. Denkmäler aus Aegypten und Aethiopien. B., 1849–1858. Bd. I–VI</i>
LSJ	–	<i>Liddell H.G., Scott R., Jones H. A Greek-English Lexicon. Oxford, 1968</i>
MAMA	–	<i>Monumenta Asiae Minoris Antiqua</i>
MÄS	–	<i>Münchener Ägyptische Studien</i>

- PM – *Porter B., Moss R.* Topographical Bibliography of Ancient Egyptian Hieroglyphic Textes, Reliefs and Paintings. Oxford, 1960–1978. Vol. I–VII.
- SC – *Scythica et Caucasia*
- SEG – *Supplementum Epigraphicum Graecum*
- Syll.³ – *Syloge inscriptionum Graecarum / Ed. G. Dittenberger.* Leipzig, 1915–1924. Vol. I–IV
- Wb – *Erman A., Grapow H.* Wörterbuch der Aegyptischen Sprache. Leipzig, 1926–1963. Bd. I–VII.
- ZÄS – *Zeitschrift für Aegyptische Sprache und Altertumskunde.* Leipzig; B.
- Zgusta – *Zgusta L.* Die Personennamen griechischer Städte des Nördlichen Schwarzmeerküste. Pr., 1955
- ZPE – *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
<i>В.А. Головина</i> "Жена царева великая Нефертаря Меритенмут"	8
<i>Ю.В. Андреев</i> 4 Спартанская гинекократия	44
<i>Н.А. Кривошита</i> Демографические и психологические аспекты некоторых женских образов в греческой лирике и драматургии VII–V вв. до н.э.	63
<i>И.Л. Маяк</i> Женщина в раннем Риме (V–IV вв. до н.э.)	75
<i>Н.А. Чаплыгина</i> Римская женщина в правление Августа	104
<i>В.Н. Илюшечкин</i> Сага mea Photis	131
<i>Ю.К. Колосовская</i> Образ римской женщины в Паннонии.....	142
<i>И.С. Свенцицкая</i> Женщина в раннем христианстве.....	156
<i>М.К. Трофимова</i> Мария Магдалина коптских гностических текстов.....	168
<i>С.Ю. Сапрыкин</i> Женщины-правительницы Понтийского и Боспорского царств (Динамия, Пифо- дорида, Антония Трифена)	181
<i>В.П. Яйленко</i> Женщины, Афродита и жрица Спартокидов в новых боспорских надписях.....	204
Список сокращений.....	273

Научное издание

**ЖЕНЩИНА
В АНТИЧНОМ
МИРЕ**

*Утверждено к печати
Институтом всеобщей истории РАН*

Заведующая редакцией "Наука-история"
Н.Л. Петрова

Редактор издательства *В.Н. Токмаков*

Художник *В.Ю. Яковлев*

Художественный редактор

Н.Н. Михайлова

Технический редактор

Т.А. Резникова

Корректор

Н.П. Гаврикова

Набор выполнен в издательстве
на компьютерной технике

ИБ № 1628

Л.Р. № 020297 от 27.11.91

Подписано к печати 29.12.94. Формат 60 × 88 1/16

Гарнитура Таймс. Печать офсетная

Усл.печ.л. 17,2. Усл.кр.-отт. 17,5

Уч.-изд.л. 19,2

Тираж 2070 экз. Тип зак. *5/6*

Издательство "Наука"

117864 ГСП-7, Москва В-485, Профсоюзная ул., 90

Санкт-Петербургская типография № 1 РАН

199034, Санкт-Петербург В-34, 9-я линия, 12